

Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит шесть раз в год

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1 (53)

Серия «ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ»

2022

Главный редактор – акад. А.М. Асхабов
Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев
Зам. главного редактора – д.э.н. А.Г. Шеломенцев
Ответственный секретарь – к.х.н. А.Я. Полле

Редакционный совет:

акад. В.В. Алексеев, чл.-корр. РАН А.А. Барях, акад. В.И. Бердышев, д.м.н. Е.Р. Бойко,
чл.-корр. РАН И.Н. Болотов, акад. В.Н. Большаков, проф. Т.М. Бречко, к.г.-м.н. И.Н. Бурцев,
акад. А.Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н.А. Громов, д.б.н. С.В. Дёгтева, д.и.н. И.Л. Жеребцов,
д.б.н. В.Г. Зайнуллин, д.э.н. В.А. Ильин, чл.-корр. РАН С.В. Кривовичев,
чл.-корр. РАН А.В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю.Б. Марин, акад. В.П. Матвеев, акад. Г.А. Месяц,
д.э.н. Л.А. Попова, чл.-корр. РАН В.Н. Пучков, чл.-корр. РАН И.М. Рощевская,
акад. М.П. Рощевский, д.х.н. С.А. Рубцова, д.и.н. Э.А. Савельева, чл.-корр. РАН А.Ф. Титов,
д.б.н. С.Н. Харин, акад. В.Н. Чарушин, д.т.н. Ю.Я. Чукреев, д.б.н. Е.В. Шамрикова,
акад. В.С. Шацкий, к.э.н. А.А. Юдин

Редакционная коллегия серии «История и филология»:

д.и.н. И.Л. Жеребцов (ответственный редактор), к.и.н. И.О. Васкул (зам. ответственного редактора),
д.филол.н. Е.А. Цыпанов (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д.В. Милохин (ответственный секретарь),
д.и.н. Е.Т. Артемов, д.и.н. А.М. Белавин, д.и.н. А.А. Бровина, д.филол.н. Т.Г. Владыкина,
чл.-корр. РАН А.В. Головнев, д-р наук И. Жепниковска (Польша), д.и.н. А.Е. Загребин,
д.филол.н. Т.И. Зайцева, к.и.н. Н.М. Игнатова, д.и.н. В.А. Исупов, д.филол.н. Л.Л. Карпова,
д-р наук Г. Клумпп (Эстония), к.и.н. П.П. Котов, к.филол.н. Ю.А. Крашенинникова,
д.и.н. Е.Ф. Кринко, д.филол.н. Р.А. Кудрявцева, к.филол.н. Т.Л. Кузнецова,
д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р философии А. Лезте (Эстония),
д-р философии Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. М.А. Мацук, д.и.н. В.И. Меньковский (Беларусь),
к.филол.н. А.Г. Мусанов, д-р философии Э. Надь (Венгрия), д.филол.н. О.И. Налдеева,
д.и.н. П.Ю. Павлов, д.и.н. И.В. Побережников, д.филол.н. В.А. Поздеев, д.и.н. С.А. Прокопенко,
д.и.н. А.В. Репневский, д.и.н. Т.С. Садыков (Казахстан), д.геогр.н. В.И. Силин, д.и.н. А.В. Сперанский,
к.и.н. М.В. Таскаев, д.и.н. Ю.П. Шабаев, д.философии М. Шмигель (Словакия), к.и.н. С.Ю. Шокарев

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79, факс (8212)24-22-64
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77- 26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН», 2022

Science Journal

Founded in 2010
Published 6 times a year

Established by
Federal State Budgetary
Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch, RAS»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 1 (53)

«HISTORY AND PHILOLOGY» series

2022

Editor-in-chief – academician A.M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V.N. Lazhentsev

Deputy editor-in-chief – Dr. Sci. (Econ.) A.G. Shelomentsev

Executive Secretary – Cand. Sci. (Chem.) A.Ya. Polle

Editorial Council:

acad. V.V. Alekseev, RAS corresp. member A.A. Baryakh, Dr. Sci. (Med.) E.R. Bojko, acad. V.I. Berdyshev, RAS corresp. member I.N. Bolotov, acad. V.N. Bolshakov, Cand. Sci. (Geol.&Mineral.) I.N. Burtsev, Prof. T.M. Brechko, acad. A.D. Gvishiani, Dr. Sci. (Phys.&Math.) N.A. Gromov, Dr. Sci. (Biol.) S.V. Degteva, Dr. Sci. (Hist.) I.L. Zhrebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V.G. Zainullin, Dr. Sci. (Econ.) V.A. Ilyin, RAS corresp. member S.V. Krivovichev, RAS corresp. member A.V. Kuchin, RAS corresp. member Yu.B. Marin, acad. V.P. Matveenko, acad. G.A. Mesyats, Dr. Sci. (Econ.) A.A. Popova, RAS corresp. member V.N. Puchkov, RAS corresp. member I.M. Roshchevskaya, acad. M.P. Roshchevsky, Dr. Sci. (Chem.) S.A. Rubtsova, Dr. Sci. (Hist.) E.A. Savelyeva, RAS corresp. member A.F. Titov, Dr. Sci. (Biol.) S.N. Kharin, acad. V.N. Charushin, Dr. Sci. (Tech.) Yu.Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E.V. Shamrikova, acad. V.S. Shatsky, Cand. Sci. (Econ.) A.A. Yudin

Editorial Board of the series «History and Philology»:

Dr.Sci. (Hist.) I.L. Zhrebtsov (Responsible editor), Cand.Sci. (Hist.) I.O. Vaskul (Deputy Responsible editor), Dr.Sci. (Philol.) E.A. Tsypanov (Deputy Responsible editor), Cand.Sci. (Hist.) D.V. Milokhin (Executive Secretary), Dr.Sci. (Hist.) E.T. Artemov, Dr.Sci. (Hist.) A.M. Belavin, Dr.Sci. (Hist.) A.A. Brovina, Dr.Sci. (Philol.) T.G. Vladykina, RAS corresp. member A.V. Golovnev, Dr.Sci. I. Zhepnikovska (Poland), Dr.Sci. (Hist.) A.E. Zagrebin, Dr.Sci. (Philol.) T.I. Zaitseva, Cand.Sci. (Hist.) N.M. Ignatova, Dr.Sci. (Hist.) V.A. Isupov, Dr.Sci. (Philol.) L.L. Karpova, Dr.Sci. G. Klumpp (Estonia), Cand.Sci. (Hist.) P.P. Kotov, Cand.Sci. (Philol.) Yu.A. Krasheninnikova, Dr.Sci. (Hist.) E.F. Krinko, Dr.Sci. (Philol.) R.A. Kudryavtseva, Cand.Sci. (Philol.) T.L. Kuznetsova, Dr.Sci. S. Lallukka (Finland), PhD A. Leete (Estonia), PhD D. Lozovanu (Moldova), Dr.Sci. (Hist.) M.A. Matsuk, Dr.Sci. (Hist.) V.I. Men'kovsky (Belarus), Cand.Sci. (Philol.) A.G. Musanov, PhD Z. Nad' (Hungary), Dr.Sci. (Philol.) O.I. Naldeeva, Dr.Sci. (Hist.) P.Yu. Pavlov, Dr.Sci. (Hist.) I.V. Poberezhnikov, Dr.Sci. (Philol.) V.A. Pozdeev, Dr.Sci. (Hist.) S.A. Prokopenko, Dr.Sci. (Hist.) A.V. Repnevsky, Dr.Sci. (Hist.) T.S. Sadykov (Kazakhstan), Dr.Sci. (Geogr.) V.I. Silin, Dr.Sci. (Hist.) A.V. Speransky, Cand.Sci. (Hist.) M.V. Taskaev, Dr.Sci. (Hist.) Yu.P. Shabaev, PhD M. Shmitel (Slovakia), Cand.Sci. (Hist.) S.Yu. Shokarev

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779 Fax +7 8212 242264
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service for Compliance with the Law in Mass Communications and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration - ПИ № ФС 77-26969 dated 11 January, 2007

© Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Centre "Komi Science Centre, Ural Branch, RAS", 2022

СОДЕРЖАНИЕ

А.М. Мурыгин, А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина, П.Ю. Павлов Особенности заселения средней и нижней Печоры в древности и средневековье (на примере археологических микрорайонов).....	7
О.Ф. Хайруллина Женские шейно-нагрудные украшения финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья как источник реконструкции археологического костюма	18
В.Н. Карманов, Е.В. Попов Серебряные и медные рудники на реке Цильме: миф или реальность?.....	29
С.Ю. Шокарев Смерть царицы старицы Александры (1614 год) и русский погребальный обряд XVI – XVII веков.....	40
М.А. Мацук Первое русское географическое описание восточной части Арктической зоны Европейского северо-востока России.....	48
Б.Р. Колегов Экономические примечания к Генеральному межеванию по Устьсысольскому уезду как источник по социально-экономической истории Коми края в первой половине XVIII века. История проведения, описание и вопросы датировки.....	52
С.П. Колесников К пушкинскому пониманию причин побед русского оружия над Наполеоном: культурно-антропологический комментарий.....	59
А.В. Сперанский, П.А. Сперанский Реформы С.Ю. Витте в свете современных дискуссий в истории России.....	64
И.И. Лейман Вологодское купечество и Крымская война: к вопросу о специфике благотворительной деятельности в 1853 – 1856 годах	70
А.В. Всеволодов Документы окружных съездов приходского духовенства 1860 – 1870-х годов по Вологодской епархии: опыт источниковедческого анализа.....	76
Е.В. Кринко Исторические воззрения Е.П. Савельева в оценках современных исследователей.....	86
А.М. Мацук Национальный состав учащихся средних специальных учебных заведений Коми АССР в 1950-х годах.....	93
Г.С. Ильясова, Т.С. Садыков Об изменениях в возрастной структуре северного региона Республики Казахстан	98
М.П. Рощевский, Л.П. Рощевская Академик В.Н. Образцов – директор первой базы АН СССР, созданной в автономных республиках Российской Федерации	105
М.Н. Шакиев Наследие Кемеля Токаева и воспоминания современников	116
А.С. Темирханова, Т.С. Садыков Труды Манаша Козыбаева в контексте современной исторической науки	120
А.В. Самарин Комплексные научные исследования Арктики в контексте геополитических интересов России	124
С.А. Симакова Становление химических исследований в Коми филиале Академии наук СССР в 1940 – 1960-е годы в контексте промышленного развития региона	132
И.Л. Жеребцов Владимир Иванович Чупров: путь историка	141
А.Г. Беляев, А.Г. Мусанов Ономастикон Национального парка «Югыд ва»: лингвокультурологический потенциал	150
С.М. Елемесов, Т.С. Садыков Некоторые топонимы монголо-ойратского происхождения	157

РЕЦЕНЗИИ

О.В. Золотарев

Историко-культурное достояние Республики Коми (научно-популярные очерки) 161

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

В.В. Понарядов

Сведения о Коми крае в книге «*Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Commentario topographico atque politico illustratÆ*», напечатанной в городе Лейдене в 1630 году 163

В.И. Силин

Письмо из 1959 года (материал к жизни А.В. Журавского) 169

ЮБИЛЕИ

Элеонора Николаевна Попова 174

Евгения Авенировна Айбабина 176

Э.А. Савельева

Вячеслав Ильич Канивец (к 95-летию со дня рождения) 178

Г.К. Лисовская

Анна Николаевна Федорова (к 110-летию со дня рождения) 180

CONTENTS

A.M. Murygin, A.V. Volokitin, N.A. Volokitina, P.Yu. Pavlov Features of settling of the middle and lower Pechora in antiquity and the middle ages (using the example of archaeological microregions)	7
O. F. Khairullina Women`s neck and breast adornments of the Finno-Ugric and Turkic peoples of the Ural-Volga region as a source for reconstruction of the archaeological costume	18
V.N. Karmanov, E.V. Popov Silver and copper mines on the Tsilma river: myth or reality?	29
S.Yu. Shokarev The death of the old Tsarina Alexandra (1614) and the Russian funeral rite of the XVI-XVII centuries	40
M.A. Matsuk The first Russian geographical description of the eastern part of the Arctic zone of the European north-east of Russia	48
B.R.Kolegov Economic notes to the General Land Survey of Ustsysolsk uyezd as a source on the socio-economic history of the Komi region of the second half of the XVIII century. The history of the event, description and dating issues	52
S.P. Kolesnikov To Pushkin's understanding of the reasons for victory of the Russian weapons over Napoleon: cultural and anthropological commentary	59
A.V.Speransky, P.A.Speransky Reforms of S.Yu.Witte in the light of modern discussions in the history of Russia	64
I.I. Leyman Vologda merchants and the Crimean War: on the specifics of Charitable Activities in 1853 – 1856	70
A.V. Vsevolodov Documents of the district congresses of the parish clergy of the 1860s–1870s for the Vologda diocese: a case of source analysis	76
E.V. Krinko Historical views of E.P. Savelyev in the appraisals of contemporary researchers	86
A.M. Matsuk The national composition of students in specialized secondary-education institutions of the Komi ASSR in the 1950s	93
G.S. Ilyasova, T.S. Sadykov Changes in the age structure of the northern region of the Republic of Kazakhstan	98
M.P. Roshchevsky, L.P. Roshchevskaya Academician V.N. Obratsov – Director of the first Base of the USSR Academy of Sciences, established in the autonomous republics of the Russian Federation	105
M.N. Shakiev The legacy of Kemel Tokaev and the memoirs of contemporaries	116
A.S. Temirkhanova, T.S. Sadykov The works of Manash Kozybaev in the context of modern historical science	120
A.V. Samarin Comprehensive scientific research of the Russian Arctic in the context of the geopolitical interests of Russia	124
S.A. Simakova Formation of chemical research in the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences in the 1940s – 1960s in the context of industrial development of the region	132
I.L. Zherebtsov Vladimir Ivanovich Chuprov: the path of the historian	141
A.G. Belyaev, A.G. Musanov Onomasticon of the National Park «Yugyd Va»: linguoculturological potential	150
S.M. Elemesov, T.S. Sadykov Some toponyms of mongol-oirat origin	157

REVIEWS

O.V. Zolotarev

Historical and cultural heritage of the Komi Republic (popular science essays)..... 161

PUBLICATION OF SOURCES

V.V. Ponaryadov

Information about the Komi region in the book «Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Commentario topographico atque politico illustratÆ» printed in Leiden in 1630 163

V.I.Silin

A letter from 1959 (material on the life of A.V. Zhuravsky).....169

ANNIVERSARIES

To the anniversary of Eleonora N. Popova.....174

To the anniversary of Evgeniya A. Aibabina176

E.A. Savelyeva

Vyacheslav Ilyich Kanivets (to the 95th anniversary)178

G.K. Lisovskaya

Anna Nikolaevna Fedorova (to the 110th anniversary)180

**А.М. МУРЫГИН, А.В. ВОЛОКИТИН,
Н.А. ВОЛОКИТИНА, П.Ю. ПАВЛОВ**

ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ И НИЖНЕЙ ПЕЧОРЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МИКРОРАЙОНОВ)

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

alek-murygin@yandex.ru
volkt54@mail.ru
anjis@rambler.ru
ppavlov120@gmail.com

**A.M. MURYGIN, A.V. VOLOKITIN,
N.A. VOLOKITINA, P.YU. PAVLOV**

FEATURES OF SETTLING OF THE MIDDLE AND LOWER PECHORA IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES (USING THE EXAMPLE OF ARCHAEOLOGICAL MICROREGIONS)

Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

В статье на примере нескольких археологических микрорайонов, расположенных в неоднородных природно-климатических зонах бассейна р. Печоры, рассмотрены закономерности расселения древних коллективов в ландшафтах речных долин рек Печоры и Ижмы на протяжении нескольких тысяч лет. Сделан вывод, что важной частью системы расселения в различные эпохи являлось сосредоточение мест обитания на участках речной долины, в пределах которых системы жизнеобеспечения древнего населения были наиболее эффективны.

Ключевые слова:

северо-восток Европы, бассейн р. Печоры, голоцен, заселение, археологический микрорайон

Abstract

Using the example of several archaeological microregions located in various natural and climatic zones of the Pechora River basin, the patterns of settling of ancient collectives in various land-scapes of the Pechora and Izhma river valleys for several thousand years are considered. The analysis of archaeological sources, data of paleogeographic reconstructions and the spatial distribution of ancient sites is given. It is concluded that the concentration of archaeological sites in the river valley areas within which the life support systems of the ancient population was most effective was an important part of the settlement system in different epochs. A relatively high population density in the archaeological microregions of the Middle Pechora basin was revealed in the Mesolithic, Eneolithic-Bronze and Early Iron Age epochs, which corresponds to the Boreal and Subboreal periods of the Holocene. The archaeological microregions of the Lower Pechora of the Middle Ages were inhabited during the climatic optimum of the sub-Atlantic period. Hunting and fishing formed the basis of the life support systems of the population of the microregions of the Middle Pechora basin. For the Mesolithic sites of the Izhma-Tom microregion, the seasonality of habitats was revealed for the first time. On the Lower Pechora, the formation of medieval archaeological microregions occurred in places with an advantageous military-strategic position. Medieval settlements of archaeological microregions of the Pechora Polar region are characterized by the presence of fortifications, a variety of economic activities of their population, including metallurgy and metalworking; trade and exchange relations with the ancient Russian population have been traced.

Keywords:

Northeastern Europe, Pechora River basin, Holocene, inhabitation, archaeological microregion

• **Введение**

Актуальность комплексных научных исследований арктических и субарктических районов Евразии по всем естественным и гуманитарным направлениям с каждым годом все более возрастает. Важнейшей составной частью этих исследований является изучение истории освоения человеком севера Евразийского материка, в том числе и на примере археологических микрорайонов (далее – АМР). Изучение древностей АМР позволяет понять не только общие закономерности развития древних культур, но и реконструировать историю заселения и хозяйственного освоения конкретных территорий и географических зон в различные эпохи. Археологический микрорайон можно определить как участок местности, в ограниченных пределах которого совокупность факторов оказалась наиболее благоприятна для устойчивого

существования коллективов в данном месте на определенном отрезке времени. В российской археологии изучение АМР – актуальное направление исследований, в настоящее время проводится преимущественно на материалах археологических памятников Западной Сибири и южных областей Урала [1 – 4].

В бассейне средней и нижней Печоры можно выделить несколько археологических микрорайонов, среди которых относительно хорошо изучены на средней Печоре: бызовской (мезолит – позднее средневековье) и ижма-томский (мезолит – ранний железный век); на нижней Печоре – новоборский (ранний железный век – средневековье) и городецкий (ранний металл – средневековье). Они расположены в различных ландшафтно-климатических зонах: АМР средней Печоры – в зоне северной тайги; АМР нижней Печоры – в лесотундре и тундровой зоне (рисунок). В статье на примере археологических ми-

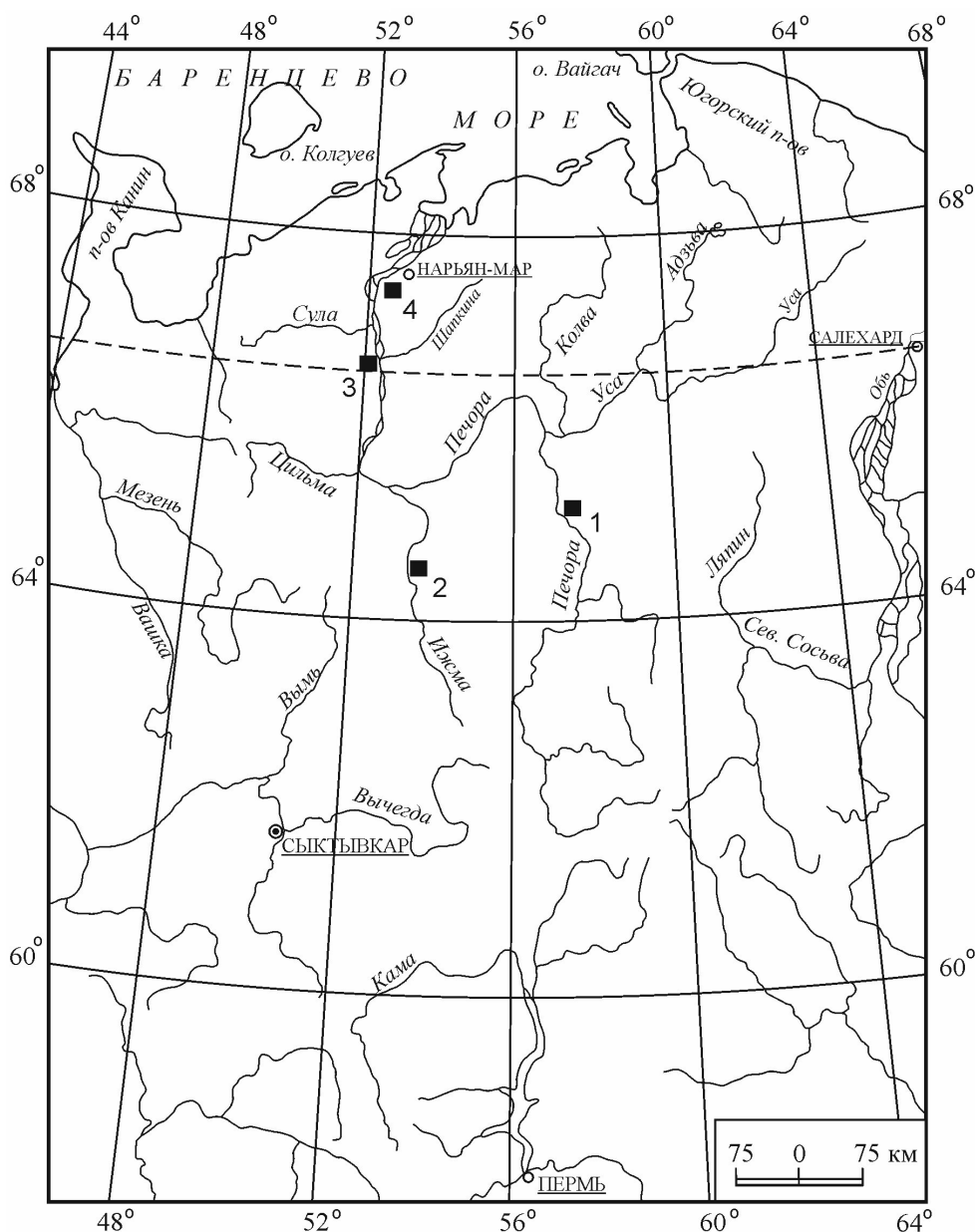

Рисунок. Карта-схема расположения археологических микрорайонов бассейна р. Печоры: 1 – Бызовской; 2 – Ижма-Томский; 3 – Новоборский, Городецкий.
 Fig. Map-layout of archaeological microregions (AMR) of the Pechora basin: 1 – Byzovo AMR; 2 – Izhma-Tom AMR; 3 – Novobor AMR, Gorodetskiy AMR.

крорайонов, расположенных в различных природно-климатических зонах бассейна Печоры, рассмотрены закономерности расселения древних коллективов в различных ландшафтах речных долин Печоры и Ижмы на протяжении нескольких тысяч лет.

- **Современная физико-географическая характеристика и палеогеография голоцена Печорской низменности**

Рассматриваемая в статье территория по административно-территориальному делению занимает Ненецкий автономный округ Архангельской области, восточные и северные районы Республики Коми. Она соответствует Печорской низменности – обширному равнинному пространству на северо-востоке Восточноевропейской равнины, между Уральским хребтом, Тиманским кряжем и хребтом Пай-Хой. На севере Печорская низменность простирается до Баренцева моря. Крупнейшей водной магистралью этой области, пересекающей низменность в общем направлении с юга на север, является р. Печора.

Бассейн Печоры охватывает два неоднородных по ландшафтно-климатическим условиям района Печорской низменности. На севере это Малоземельская и Большеземельская тундры, на юге – таежное Припечорье. Для них характерна выраженная зональность растительного покрова, переkreщивание двух зоогеографических границ: широтной – тундра – тайга, и долготной – Европа – Азия. На севере низменности господствует тундра с реликтивными лесными «оазисами» и преобладанием в рельефе моренных равнин. Южнее она переходит в подзону лесотундры, где, наряду с тундровой растительностью, большие площади занимают болота и появляются елово-березовые редколесья, которые по долинам рек проникают в зону тундры. Таежная зона занимает большую часть низменности, заходя подзоной крайнесеверной тайги в Большеземельскую тундру, вплоть до Полярного круга. Основу растительного покрова лесной зоны составляют хвойные леса с преобладанием сосны и сибирской ели. В целом территория низменности лежит в зоне избыточного увлажнения и характеризуется суровым, континентальным климатом.

Палеогеографические реконструкции показывают, что ландшафтно-климатические условия Печорской низменности существенно изменялись на протяжении последних 10 тыс. лет.

Пребореальный период голоцена (10300 – 9300 л. н.) (финальный палеолит – ранний мезолит) на территории Печорской низменности характеризуется двухфазным развитием растительности. В первой половине периода происходило распространение лесных формаций, но в целом растительность сохраняла черты перигляциального комплекса с преобладанием тундровых элементов и сообществ из злаков, полыней и маревых [5]. К этому времени, вероятно, относятся финальнопалеолитические находки на стоянке Бызовая.

Бореальный период (9300 – 8000 л. н.) (мезолит). В начале периода произрастали таежные еловые леса, появились широколиственные породы (вяз, липа, лещина). Севернее преобла-

дали северотаежные еловые и березовые леса, чему способствовало раннебореальное потепление. Среднегодовые температуры впервые приблизились к современным и даже превышали их примерно на 0,5 °С. Вторая половина периода характеризуется похолоданием и развитием в современной подзоне средней тайги северотаежных и среднетаежных елово-березовых лесов с участием сосны. Среднегодовые температуры понизились по сравнению с ранним бореалом на 1 – 1,5 °С [там же].

Атлантический период (8000 – 4600 л. н.) (поздний мезолит, неолит, энеолит). В начале периода в современной подзоне средней тайги получили широкое развитие темнохвойные леса среднетаежного типа. Это указывает на похолодание климата. Средние температуры понизились по сравнению с ранним атлантическим незначительно, приблизительно на 0,5 °С. В конце периода еловые леса сменились южно-таежными (сосна, ель с участием пихты и березы). В северных районах доминировали березняки и сосновые леса с участием ольхи, пихты и широколиственных пород. На последнюю треть периода приходились наиболее высокие среднегодовые температуры, которые превышали современные на 2 – 3,5 °С [там же].

Суббореальный период (4600 – 2500 л. н.) (энеолит – бронза – р.ж.в.) характеризовался неустойчивым климатом. В раннем суббореале фиксируется похолодание климата, которое отразилось в понижении среднегодовой температуры на 0,5 – 1 °С. Специфической особенностью развития природной среды Европейского северо-востока является значительное потепление в середине суббореального периода. В этот период значения среднегодовых температур превышали современные на 1,5 – 2,5 °С. В конце суббореального периода среднегодовые температуры по сравнению с предыдущим периодом стали ниже на 1,5 – 2 °С [там же].

Субатлантический период (2500 л. н. – по настоящее время) (р.ж.в. – средневековье). В середине периода получили развитие темнохвойные леса. Этому способствовало наступившее потепление – «малый климатический оптимум». Климат приближался к современному. Температурные условия в это время не достигали уровня максимального потепления голоцена, но явились заметным климатическим событием прошлого. Потепление сменилось похолоданием в конце периода. На севере территории получали развитие лесотундровые группировки с сообществами из ольховника, папоротников и тундровых видов плаунов. Это похолодание сопоставляется с «малой ледниковой эпохой» XVI – XIX вв., проявившейся на всей территории Северной Евразии, наиболее значительно – в северных регионах и несколько меньше – в южных [5].

Таким образом, голоцен Печорского Приуралья характеризуется значительными климатическими изменениями и большой зональной изменчивостью на протяжении X тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

- **Археологические микрорайоны бассейна Печоры**

Бызовской микрорайон (65°01'25"с.ш.; 57°25'09" в.д. – 65°00'57"с.ш.; 57°18'18" в.д.), расположен на Средней Печоре, в подзоне северной тайги

и приурочен ко второй террасе правого берега Печоры в окрестностях дер. Бызовая (Печорский район Республики Коми). В микрорайоне на протяжении 6 км вдоль берега р. Печоры выявлено 22 памятника археологии, относящихся к различным археологическим эпохам: от мезолита до XII в. н. э. Основные исследования археологических памятников микрорайона проведены В.И. Канивцом в середине 60-х гг. XX в. [6 – 8]. В последующем раскопки отдельных стоянок осуществлены П.Ю. Павловым [9], А.В. Волокитиным [10] и А.М. Мурыгиным [11].

В пределах микрорайона расположен уникальный для высоких широт Евразии памятник финала среднего – начала верхнего палеолита – стоянка Бызовая [12; 13]. Однако он вряд ли может быть включен в состав АМР ввиду огромного хронологического разрыва (более 20 тыс. лет) между этим памятником, относящимся к позднему плейстоцену (33000 – 31000 л. н.), и голоценовыми археологическими памятниками АМР. Следует все же отметить, что на стоянке, кроме палеолитического слоя, выявлены единичные стратифицированные находки финального палеолита (10000 – 11000 л. н.?) и культурный слой эпохи мезолита (8 500 л. н.), который, вероятно, может быть связан с ранним периодом существования археологического микрорайона.

Самый значительный кластер археологических памятников (21) микрорайона находится в 3 км к западу от дер. Бызовая в урочище Топыд-Нюр, один памятник выявлен в пределах дер. Бызовая (Сирпач-Шор). Стоянки в урочище расположены на протяжении 2 км вдоль бровки 12-метровой террасы Печоры, и большинство содержит культурные остатки различных эпох.

Пять стоянок относятся к эпохе мезолита Топыд-Нюр-II, V, VI, VII и Зыбун-Нюр II; неолита (?) – три (Сирпач-Шор, Топыд-Нюр V и VI); энеолита – четыре (Топыд-Нюр IV, VIII, IX, XII); бронзы – одна (Топыд-Нюр XIII); раннего железного века – три (Топыд-Нюр I, II, IV); средневековья – пять стоянок (Топыд-Нюр III, IV, VII, Зыбун-Нюр I и III). В микрорайоне выявлено относительно большое количество мезолитических стоянок, которые, судя по радиоуглеродным датировкам, относятся к рубежу бореального и атлантического периодов. На стоянках Топыд-Нюр V и VII изучены остатки наземных жилищ [7; 10] с каменными вымостками. Все мезолитические стоянки микрорайона относятся к так называемой «западной» традиции мезолита северо-востока Европы и в культурном плане связаны с мезолитом центральных районов Восточноевропейской равнины [14]. Изученные мезолитические стоянки, вероятно, одновременны и могут являться следами локального перемещения одной общины в течение одного или нескольких сезонов.

Неолитические (?) памятники, выявленные в бызовском микрорайоне – стоянка Сирпач-Шор и ряд местонахождений в урочище Топыд-Нюр (Топыд-Нюр V, VI), не имеют обоснования возраста, их культурная принадлежность неясна, и отнесение указанных памятников к эпохе неолита достаточно условно.

Стоянки медно-бронзового века (Топыд-Нюр IV, XII, IX, VIII) относятся к чойновтинской культуре Европейского северо-востока [15]. Эпоха бронзы представлена поселением атаманюрской культуры (Топыд-Нюр XIII), распространенной в

бассейнах Печоры и Вычегды во второй половине II тыс. до н. э. [16].

Существенным отличием памятников энеолита-бронзы микрорайона является наличие на многих из них жилищ-полуземлянок (Топыд-Нюр XII, VIII, XIII) [6; 8]. Это обстоятельство свидетельствует о существовании в урочище в медно-бронзовом веке ряда относительно долговременных (сезонных) стоянок.

Памятники раннего железного века представлены кратковременными стоянками ананьинской культурной общности.

К раннему средневековью (вторая половина I тыс. н. э.) относятся кратковременные стоянки бичевницкого культурного типа и поселение Топыд-Нюр VII. К рубежу I – II тыс. н. э. – поселение Зыбун-Нюр III с выраженными следами металлургии железа. Памятник, вероятно, принадлежит вымской культуре древних коми и фиксирует начальный этап их проникновения в бассейн Печоры [11].

Приведенный анализ показывает, что большинство выявленных в урочище Топыд-Нюр памятников – это кратковременные стоянки небольших коллективов охотников-рыболовов. Наряду с ними в урочище Топыд Нюр выявлены памятники эпохи энеолита и бронзы, на которых изучены остатки жилищ-полуземлянок. Этот факт может служить косвенным свидетельством полуседлого образа жизни отдельных групп населения Печоры в эпоху энеолита-бронзы. Памятники эпохи раннего металла существовали в регионе в середине суббореального периода, отличавшегося благоприятными, умеренно теплыми климатическими условиями.

Данные, полученные при исследованиях памятников микрорайона, свидетельствуют о его привлекательности для древнего населения на протяжении практически всего голоцена, это, скорее всего, связано с его расположением в благоприятном для рыбного промысла месте, где практикуются ловля сетью и лучение лосося-семги. Кроме того, в среднем течении русло Печоры наиболее близко подходит к хребтам Северного и Приполярного Урала, что могло способствовать вовлечению в хозяйственное освоение древним населением высокопродуктивных биотопов предгорий в дополнение к ресурсам речной долины.

В среднем течении Печоры наибольшее сходство с бызовским АМР имеет конецборский кластер археологических памятников [17]. В районе дер. Конец Бор на ограниченном участке речной долины, в урочище Грубой-Шор, также сосредоточены памятники медно-бронзового, раннего железного веков и эпохи средневековья. Определенные параллели можно проследить в медвежском кластере археологических памятников (выявлены памятники раннего железного века и раннего средневековья) [там же] и группе памятников вуктыльской концентрации (Атаман-Нюр, энеолит-бронза – ранний железный век) [там же]. Памятники в районе деревень Конец Бор и Медвежская также расположены в непосредственной близости от лососевых тоней.

Ижма-Томский микрорайон (64°36'39"с.ш.; 53°20'8"в.д. – 64°25'37"с. ш.; 53°25'24"в.д.) расположен в среднем течении р. Ижмы, самом крупном левом притоке р. Печоры, в северной

подзоне тайги. Границы Ижма-Томского микрорайона – устье р. Лек-Леса на севере и приустьевой участок безымянного ручья, местное название Золотой, вытекающего из обширного болота Лэннюр на юге.

Начало исследований в микрорайоне положено в 1964 – 1965 гг. В.Е. Лузгиным [18], продолжено Т.В. Истоминой и А.В. Волокитиным во второй половине 1980-х гг. [19], возобновлено в 2003 г. А.В. Волокитиным [20; 21]. В результате представилась возможность обозначить новый георхеологический микрорайон.

В микрорайоне на протяжении 20,5 км вдоль русла Ижмы, на ее правом берегу, выявлено более 40 памятников археологии, относящихся к эпохе мезолита (7), неолита (1), энеолита (1), бронзы (14) и раннего железного века (19). Ряд памятников не получил датировки, а на некоторых выявлены остатки двух и более эпох. Чаще всего это материалы эпохи бронзы и раннего железного века. За исключением многослойного памятника Вылыс Том 2, который находится на аллювиальной первой террасе, они расположены на останцах второй так называемой боровой террасы высотой 12 – 15 м.

Раскопные работы проведены на поселении раннего железного века Туруннюр 2 и мезолита Туруннюр 1 в 1964 – 1965 гг. В.Е. Лузгиным [18], Лек-Леса 1 в 1988 – 1989 гг. А.В. Волокитиным [22]. Новейшие исследования выполнены А.В. Волокитиным и Н.А. Волокитиной на многослойном памятнике Вылыс Том 2 и мезолитической стоянке Очью катище.

Ижма-Томский микрорайон насчитывает семь мезолитических памятников, три из которых исследованы раскопками. К неолиту относится второй культурный горизонт памятника Вылыс Том 2, где находки, а особенно керамика, немногочисленны. По косвенным признакам: тепловая обработка кремня, свидетельства изготовления тонких бифасов, крупные резцы – можно предварительно отнести данный горизонт к неолиту с ямочно-гребенчатой керамикой.

Местонахождение Картаель II, по данным В.С. Стоколоса, относится к позднему этапу чужьяельской культуры энеолита [16]. Среди местонахождений эпохи бронзы выделены Туруннюр I и Туруннюр II, участок 1, отнесенные к позднему бронзовому веку [18]. Местонахождения Лэннюр 2, 4 – 6 (эпоха бронзы) имеют от двух до семи жилищных впадин. Возможно, исследование этих объектов принесет свидетельство наличия долговременных поселений этой эпохи. Л.И. Ашихмина и И.О. Васкул [23] среди памятников раннего железного века микрорайона особо отметили Картаель III (ананьино) и Картаель V (первый этап гляденовской культуры, конец III – начало I в. до н. э.). Первый культурный горизонт памятника Вылыс Том 2 датируется поздним периодом существования ананьинской общности раннего железного века (культурный тип Перный, VI – III вв. до н. э.) [там же].

На данный момент Ижма-Томский георхеологический микрорайон – единственный в Северном Приуралье, где раскопано несколько мезолитических памятников. Особенностью микрорайона является то, что выявленные здесь памятники эпохи мезолита относятся к различным традициям. К приуральской – стоянка Лек-Леса, с некоторыми оговорками стоянка Туруннюр I, а

также открытый совсем недавно памятник Улыс Том 4; к западной традиции в данном микрорайоне – мезолитические (третий и четвертый) культурные горизонты многослойного археологического памятника Вылыс Том 2, стоянки Очью катище и Вылыс Том 3.

Исключительное значение в плане мезолитической проблематики микрорайона и в целом Европейского северо-востока имеет исследование мезолитических горизонтов многослойного памятника Вылыс Том 2, который приурочен к отложениям аллювиальной 10-метровой террасы и располагается в приустьевой части р. Вылыс Том. Третий и четвертый мезолитические горизонты памятника залегают в гумусированных слоях. Во время существования данных горизонтов (мезолитических стоянок) они находились невысоко над рекой, на низкой пойме и регулярно затоплялись. Согласно радиоуглеродным датам, это произошло около 8000 – 7000 л. н. [24].

Между этими горизонтами выявлен десяток тонких двучленных пачек (гумусированный суглинок/песок), отвечающих количеству половодий. Скорее всего, время существования третьего и четвертого культурных горизонтов разделено именно таким количеством лет.

Отметим присутствие охры, совпадение расположения кострищ и даже их размеров, наличие шлифовки предметов из эпидозита и сланца в обоих культурных горизонтах. Сходство инвентаря третьего и четвертого горизонтов прослеживается в технике раскалывания и орудийных наборах. Весьма вероятно, что стоянки данных горизонтов оставлены одной и той же группой древнего населения.

Ряд мезолитических стоянок, выявленных неподалеку на более высоких отметках, близок по технико-типологическим показателям инвентаря мезолитическим горизонтам памятника Вылыс Том 2. В связи с этим вырисовывается картина сезонных «перемещений одного коллектива» с низкой поймы (Вылыс Том 2) на высокую 10–12-метровую террасу (Очью катище, Вылыс Том 3).

Наиболее исследована стоянка Очью катище. Это традиционная для европейского северо-востока боровая стоянка, расположенная на 12-метровой террасе в 2 км южнее Вылыс Тома 2. Выявляется безусловное сходство кремневых индустрий данной стоянки и мезолитических горизонтов Вылыс Тома 2. Можно предполагать, что стоянка Очью катище оставлена тем же населением, что и мезолитические горизонты Вылыс Том 2. Однако в период высокой водности, когда низкая пойма была затоплена, население вынуждено перемещалось на более высокие участки долины реки. Предположение о сезонности и хозяйственных циклах, конечно, требует дальнейшего анализа фаунистических остатков. Пока же можно указать на отсутствие в материалах боровой стоянки костей рыб и незначительное количество костей птиц. Следует отметить, что еще одна боровая стоянка Вылыс Том 3, выявленная в непосредственной близости от памятника Вылыс Том 2, скорее всего, также имеет непосредственное отношение к данным перемещениям [21].

Наблюдается сходство описанных выше кремневых индустрий и индустрий стоянок Парч 1 и Парч 2 на Вычегде [25]. Они, согласно радиоуглеродным датам, несколько древнее и

отличаются наличием в орудийном наборе черешковых наконечников стрел на пластинах. Однако сходства в других компонентах орудийного набора, сходной высокой долей предметов со вторичной обработкой, а также в технике раскалывания очевидны. Таким образом, они относятся к одной и той же традиции мезолита европейского северо-востока. В качестве «родственной мезолитической культуры» для данной традиции можно назвать бутовскую культуру Волго-Окского междуречья [26].

Совершенно другая традиция представлена материалами стоянки Лек-Леса 1, самой северной в Ижма-Томском микрорайоне [22]. Возраст стоянки, судя по радиоуглеродным датам, сопоставим с датами Выльс Тома 2 или несколько древнее. Для нее характерен так называемый камский тип распределения пластин по ширине, что указывает на совершенно другую технологию расщепления кремня. Орудийный набор не так разнообразен, как у памятников Выльс Том 2 и Очью катище. Такие индустрии имеют сходство с материалами мезолитических стоянок на р. Каме, тех, что традиционно относят к «камскому мезолиту», («камской мезолитической культуре»).

Недавно открытая стоянка Ульс Том 4 обладает очевидным сходством со стоянкой Лек Леса 1. В коллекции преобладают узкие кремневые пластины и их обломки, в том числе с ретушью, есть микропластинки. Присутствуют косо- и прямоусеченные пластинки с вентральной ретушью по краям.

Стоянка Туруннюр 1 также имеет «камский тип» распределения пластин по ширине. В то же время, некоторые показатели пропорций фрагментов пластин, особенности орудийного набора указывают на то, что здесь присутствуют черты традиции, характерной для стоянок Парч – Выльс Том – Очью катище [14].

Таким образом, в Ижма-Томском микрорайоне выявлены практически одновременные мезолитические памятники двух традиций, возможно, отражающих направления заселения бассейна средней Печоры в мезолите. Расположенные на разных уровнях долины р. Ижмы памятники Выльс Том 2 и Очью катище, возможно, являются свидетельством сезонных перемещений одного и того же коллектива.

Новоборский и Городецкий микрорайоны расположены в заполярном течении нижней Печоры: новоборский – на левом берегу проток р. Печоры (район пос. Новый Бор Республики Коми), Городецкий – на правом берегу р. Печоры (запад Большеземельской тундры, Ненецкий автономный округ).

Новоборский АМР находится в зоне лесотундры (66°40'57.02"с.ш.; 52°18'12.77"в.д. – 66°41'40.90"с.ш.; 52°18'43.36"в.д.). Современный ландшафт местности представляет собой вытянутую вдоль русла р. Печоры заболоченную возвышенность, отделенную от русла реки широкой (до 3 км) поймой, в которой имеется много мелких водоемов, пойменных и русловых проток (мест. – «шары»).

Освоение прилегающей к микрорайону местности демонстрируют недатированные стоянки на берегу оз. Малое Мыльское, могильник раннего железного века (конец III – II вв. до н. э.) Новый Бор I и поселение второй половины

I тыс. н. э. Новый Бор I на протоке (озере) Туйсе-яха [17; 27; 28].

Средневековая группа памятников в большинстве расположена на краю мысовидных участков 7 – 9-метровой левобережной террасы протоки Денисовский Шар (поселение Денисовское, городища Новый Бор I, II, III, датированные XII – XIII вв. н. э.), а более позднее – селище Новый Бор XIII – XIV вв. н. э. – было устроено в глубине террасы. На удалении около 5,3 км к СЗ от городища Новый Бор III на краю 9-метрового левого берега протоки Марицкий Шар выявлено аналогичное по дате (XII – XIII вв. н. э.), керамике и устройству фортификационных сооружений городище Новый Бор IV [17; 29; 30].

Городецкий АМР (67°32'13"с.ш. 52°36'30"в. д.) в эпоху средневековья включал поселение Югорская сопка (радиоуглеродные даты по δ : четвертая четверть IV – третья четверть VII вв. н. э.), городище Кобылиха (вторая половина I – первая половина II тыс. н. э.), городище Гнилка VI – X вв. н. э. и святилище Гнилка VI – XIII вв. н. э. [31 – 33]. Начало формирования средневекового кластера Городецкого АМР приходится на климатическую зону SA-2 (1800 – 1200 л. н.), характеризующуюся потеплением и распространением в регионе хвойных лесов [34].

Памятники АМР расположены на краю береговых террас Городецкого озера различной высоты и примыкающих водотоков, соединяющих его с правобережьем р. Печоры. Озера издревле являлись важнейшей точкой притяжения для населения таежной и тундровой зон Северного Приуралья. Об этом свидетельствует сосредоточие разновременных археологических памятников по всей цепочке озер Северного Приуралья (Синдорское, Ямозеро, Косминское, Урдюжское) и на крупных водоемах Мало- и Большеземельской тундры [17; 35; 36]. Одним из таких водоемов является Городецкое озеро. Многочисленный подъемный материал, собранный в разное время в котловинах выдувания на его берегах, не имеет надежного обоснования возраста и культурной интерпретации. Эти находки могут свидетельствовать об освоении побережья Городецкого озера, вероятно, не позднее эпохи бронзы.

Средневековые памятники Печорского Заполярья неоднородны. Большинство из них в Новоборском и Городецком АМР (конец IV – XIII вв. н. э.) являются составной частью нижнепечорского ареала городищ и неукрепленных долговременных поселений круглогодичного обитания или периодического посещения новоборского культурного типа [37]. Для них характерна однотипная керамика, не имеющая прямых аналогов в культурах эпохи железа континентальной части тундры, наличие явных следов металлообработки и металлургии, в том числе железодельного производства, находки древнерусской керамики в материалах XII – XIII вв. н. э. К этой же группе памятников принадлежит и святилище Гнилка (Городецкий АМР), содержащее разнообразные многочисленные приношения, а в числе сооружений – остатки предположительно традиционного русского срубного жилища с развалом печикаменки. Предполагается, что святилище представляло собой в VI – X вв. н. э. единый культурный комплекс с расположенным рядом городищем Гнилка. Святилище су-

ществовало вплоть до конца XIII в. Прекращение его функционирования связывается со сменой населения в печорских тундрах – исчезновением летописной «печеры» и приходом ненецких племен [33].

В Новоборском АМР выделяется селище Новый Бор (XIII или XIV вв. н. э.). На основанном в глубине террасы неукрепленном поселении найдены остатки различных сооружений с обваловкой, из которых были исследованы два [38; 39]. Они определены как предположительно косторезная мастерская и кузница и, возможно, ювелирная мастерская с соответствующим инвентарем, в том числе – остатками двухкамерного кузнечного горна. Керамика единична, вся изготовлена на гончарном круге. Выявленные вещевой инвентарь и сооружения носят общерусский характер и находят аналогии на древнерусском Северо-Западе [39]. Состав материальных остатков не позволяет однозначно отнести селище Новый Бор к памятникам новоборского культурного типа. С учетом сказанного нельзя исключить его принадлежность к древнерусским первопроходцам Печорского севера.

Основным объектом охоты для коллективов нижнепечорских АМР на протяжении всей эпохи средневековья был северный олень. В культурном слое памятников определены также кости лося, медведя, бобра, зайца, лисицы, соболя, утки, глухаря, налима, нерпы [31 – 33; 39]. Их наличие указывает на разнообразие видов промысловой деятельности, что значительно повышало устойчивость системы жизнеобеспечения населения. В состав жертвенных животных на святилище Гнилка, кроме промысловых видов, входили свинья и домашняя собака [33]. Кости собаки найдены также на городище Кобылиха [31].

• Обсуждение материала

Приведенные данные позволяют охарактеризовать различия условий формирования и размещения АМР эпохи первобытности (мезолит – ранний железный век) и средневековья в бассейне р. Печоры и определить основные черты систем жизнеобеспечения их населения.

Микрорайоны бассейна средней Печоры, относящиеся к первобытной эпохе, расположены, как правило, в урочищах (часть местности, отличная от остальных участков окружающего ландшафта) и характеризуются наличием памятников различных археологических эпох. Они находятся на возвышенных сухих участках песчаных надпойменных террас. В АМР средней Печоры не фиксируются следы долговременного пребывания или постоянного присутствия населения. Скорее можно говорить о спорадическом посещении участков речной долины с богатым природно-ресурсным потенциалом. Абсолютное большинство выявленных в АМР средней Печоры археологических памятников – это кратковременные стоянки, вероятно, следы эпизодических посещений. В Ижма-Томском АМР для эпохи мезолита выявлено существование системы сезонных поселений, которые указывают на относительно постоянное проживание мезолитических групп в АМР по крайней мере на протяжении промыслового сезона, со сменой мест обитания в зависимости от уровня воды в реке.

Существенные изменения происходят в типе памятников АМР средней Печоры в медно-бронзовую эпоху. На памятниках этого времени изучены остатки жилищ-полуземлянок, что является косвенным свидетельством полуоседлого образа жизни или по крайней мере сезонного проживания небольших коллективов охотников-рыболовов.

АМР бассейна средней Печоры имеют несомненное сходство. Наибольшая концентрация памятников в Бызовском и Ижма-Томском АМР характерна для мезолита, энеолита-бронзы и первой половины раннего железного века. Таким образом наибольшая плотность населения в бассейне средней Печоры отмечается в бореальном и суббореальном периодах среднего-позднего голоцена. Они отличались умеренно-теплыми климатическими условиями, что способствовало ведению традиционного хозяйства, связанного со значительными перемещениями в течение года. Можно предположить, что существенное потепление климата, например, в климатическом оптимуме голоцена – атлантическом периоде, не всегда вело к увеличению плотности населения в долине Печоры. Наряду со значительным подъемом среднегодовых температур для атлантикума характерно заметное увеличение влажности, приводившее к заболаченности значительных участков речных долин.

Основу хозяйства обитателей АМР средней Печоры, вероятно, составляла рыбная ловля. Свидетельством рыболовства является большое количество остатков рыб на стоянках Ижма-Томского АМР. С большой долей уверенности можно предполагать, что такой же тип хозяйства был характерен и для населения Бызовского АМР.

Таким образом, основным фактором образования микрорайонов в бассейне средней Печоры являлись природно-ресурсные преимущества определенных участков речной долины.

Археологические источники эпохи средневековья указывают на существование в облесенной части долины заполярной Печоры, начиная от Северного полярного круга и вплоть до ее устья, локальной группы населения. Культурный комплекс этих памятников, наиболее ранним из которых является поселение Югорская сопка, фиксирует появление на нижней Печоре новой традиции. Основным компонентом при ее формировании являлись коллективы из обско-печорского угро-самодийского культурного ареала.

Ряд находок на поселении Югорская сопка (Городецкий АМР) свидетельствует о развитии уже на этом этапе местной металлургии и металлообработке цветных и черных металлов. В производстве использовалось как местное, так и привезенное сырье. В черной металлургии можно предполагать применение местных окисных железных руд, а для медного литья – медистых окисных руд с месторождений Урала и Тимана. Возможна и вторичная переплавка привозных изделий из цветного металла. На площадке поселения выделена производственная зона, где были сосредоточены остатки сооружений для получения железа из болотных руд в его, видимо, архаичном виде – варкой на открытых кострах с глиняными вымостками или в примитивных сыродутных горнах [32].

Использование местных болотных руд не прерывалось на протяжении последующих столетий. На городище Кобылиха выявлен комплекс,

включающий остатки сооружений (домницы), связанных с металлургическим производством, и сопутствующие ему находки. Остатки железодельного (шлаки и фрагменты крицы) и бронзолитейного (обломки керамических тиглей) производства обнаружены на городище Гнилка. Следы железодельного производства выявлены на памятниках Новоборского АМР.

На городище Гнилка обнаружены деревянные конструкции типа тына, остатки прямоугольной башни и воротного проема, предметы быта и украшения. Предполагается, что после X в. в процессе установления даннических отношений и подчинения печорских племен русскому влиянию городище на р. Гнилке, в числе других укрепленных поселений в районе нижней Печоры, прекратило существование. Находки позднего хронологического горизонта на площади городища связываются с ремесленным производством древнерусских городов XI – XIII вв. н. э. и отнесены к культурным остаткам расположенного рядом древнего святилища [33].

• Выводы

Анализ материалов археологических микрорайонов бассейна Печоры показал существенные различия между первобытными и средневековыми АМР.

В целом, характеризуя особенности заселения бассейна средней Печоры в первобытности, его можно определить как «комбинированное». В бассейне Печоры, наряду с дисперсной, наблюдается компактное размещение археологических памятников на участках местности, обладающих природно-ресурсными преимуществами и отличающихся удобством для устройства сезонных стоянок и поселений, образующих АМР.

Основным фактором образования микрорайонов бассейна средней Печоры в первобытную эпоху: мезолит – ранний железный век, являлись природно-ресурсные преимущества конкретных участков речной долины, как правило, урочищ. По материалам Бызовского и Ижма-Томского микрорайонов устанавливается эпизод перехода к полуседлому образу жизни в энеолит-бронзе. В ижма-томском АМР существование системы сезонных поселений предполагается для мезолита, что предполагает проживание в АМР (или его систематическое посещение) по крайней мере на протяжении года. Вероятно, этому способствовали благоприятные природные условия середины суббореального периода голоцена. Во всех АМР средней Печоры отсутствуют долговременные поселения (существовавшие несколько сезонов). Можно констатировать крайне низкую плотность населения в бассейне Печоры на протяжении всей первобытной эпохи. Основу хозяйства населения АМР средней Печоры составляли охота и рыболовство.

Специфической чертой средневековых АМР нижней Печоры является их размещение на удалении от основного русла реки – на русловых протоках и прилегающих озерах, соединенных с главной речной артерией небольшими водотоками. Для памятников новоборского типа характерно расположение на естественно труднодоступных участках берега (Югорская сопка), наличие укреплений в виде валов и рвов

(Гнилка, Кобылиха, Новый Бор I, II, IV) или обозначение жилой площадки канавой и внутренней насыпью (Новый Бор III). Находки фрагментов древнерусской керамики на поселениях новоборского типа XII – XIII вв. н. э. (Кобылиха, Новый Бор III) предполагают присутствие в среде местного населения ее носителей, а позднее – в XIII – XIV вв. н. э., возможно – основание ими постоянных мест обитания (селище Новый Бор).

Вполне вероятно, что появление укрепленных поселений на нижней Печоре следует увязывать с необходимостью защиты территории расселения новоборских коллективов от проникающих на крайний северо-восток Европы групп древнерусского и самодийского происхождения. Можно полагать, что формирование здесь средневековых археологических микрорайонов происходило в местах, имеющих выгодное военно-стратегическое положение. На известных южных границах локальной территории были основаны новоборские городища, на северных – Ортинское городище в приустьевой части долины р. Печоры. Характерно и расположение средневековых археологических памятников Городецкого АМР в приустьевых участках, впадающих в озеро рек, как бы прикрывающих пути продвижения к озеру и далее к р. Печоре.

Как представляется, конечным и закономерным итогом развития нижнепечорских АМР следует считать основание на Городецком озере в конце XV в. города-крепости Пустозерска – важнейшего форпоста на пути освоения новых земель к востоку от Печоры и основы для дальнейшего развития микрорайона в новых исторических реалиях. При выборе места учитывались, очевидно, не только его удачное географическое положение, но и уже имеющиеся связи с нижнепечорским населением, представленным материалами памятников новоборского типа – предположительно летописной «печорой».

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми в рамках научного проекта № 20-49-110002.

• Литература

1. Матющенко, В.И. Экологический фактор функционирования археологического микрорайона (АМР) / В.И. Матющенко // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. – С. 89 – 91.
2. Матющенко, В.И. Возможности исследований археологических микрорайонов для социально-экономических реконструкций / В.И. Матющенко // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003. – С. 16 – 18.
3. Археологические микрорайоны Северной Евразии: материалы науч. конф. / под ред. С.С. Тихонова. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. – 168 с.
4. Русланов, Е.В. Археологические микрорайоны Башкирского Приуралья и Зауралья. История выделения, проблемы и перспективы изучения / Е.В. Русланов // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 4 (126). – С. 134 – 139.
5. Голубева, Ю.В. Палеогеография и палеоклимат позднеледниковья и голоцена в

- северной и средней подзонах тайги Тимано-Печоро-Вычегодского региона (по палинологическим данным): автореф. дис. ... канд. Геол.-минер. наук. / Ю.В. Голубева. – Сыктывкар, 2010. – 26 с.
6. Канивец, В.И. Поселения железного века на Средней Печоре / В.И. Канивец // ИКФВГО. Т. II. Вып. 4 (14). – Сыктывкар, 1972. – С. 79 – 89.
 7. Канивец, В.И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе / В.И. Канивец // Поселения каменного и медно-бронзового веков на Печоре и Усе. – Сыктывкар, 1973. – С. 3 – 23. – (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; вып. IV).
 8. Канивец, В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла / В.И. Канивец. – Москва: Наука, 1974. – 150 с.
 9. Павлов, П.Ю. Раскопки Бызовской палеолитической стоянки в 1983–1985 гг. / П.Ю. Павлов // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар, 1986. – С. 6 – 21. – (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; вып. 10).
 10. Волокитин, А.В. Особенности индустрий мезолитических памятников Топыд-Нюр 5 и 7а на средней Печоре / А.В. Волокитин // Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1987. – С. 6 – 15. – (Тр. ИЯЛИ. Вып.39)
 11. Мурыгин, А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья / А.М. Мурыгин. – Москва: Наука, 1992. – 182 с.
 12. Канивец, В.И. Палеолит крайнего Северо-Востока Европы: бассейн Печоры / В.И. Канивец. – Москва: Наука, 1976. – 98 с.
 13. Павлов, П.Ю. О первоначальном заселении севера Урала / П.Ю. Павлов // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 50 – 60.
 14. Волокитин, А.В. Мезолит / А.В. Волокитин // Археология Республики Коми. – Москва: ДиК, 1997. – Ч. 3, гл. 2. – С. 91 – 145.
 15. Стоколос, В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1988. – 256 с.
 16. Стоколос, В.С. Энеолит и бронзовый век / В.С. Стоколос // Археология Республики Коми. – Москва: ДиК, 1997. – Ч. 4. – С. 213 – 313.
 17. Археологическая карта Республики Коми. – Сыктывкар: ООО «Коми Республиканская типография», 2014. – 416 с.
 18. Лузгин, В.Е. Древние культуры Ижмы / В.Е. Лузгин. – Москва: Наука, 1972. – 128 с.
 19. Истомина, Т.В. Материалы к археологической карте Ижемского района / Т.В. Истомина, А.В. Волокитин // Научные экспедиции и исследования Коми края: тез. докл. V науч. краеведческой конф. Республики Коми. – Сыктывкар, 1993. – С. 50 – 54.
 20. Багин, А.Л. Разведочные работы на Ижме / А.Л. Багин, А.В. Волокитин // Археологические открытия 2003 г. – Москва: Наука, 2004. – С. 12 – 14.
 21. Волокитин, А.В. К вопросу о сезонных миграциях в мезолите р. Ижма // Верхнедонской археологический сборник / А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина; отв. ред. А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. – Вып. 11. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – С. 268 – 278.
 22. Волокитин, А.В. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма / А.В. Волокитин // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – Москва: Изд-во АCADEMIA, 2005. – С. 198 – 205.
 23. Ашихмина, Л.И. Памятники ананьинской культурной общности / Л.И. Ашихмина, И.О. Васкул // Археология Республики Коми. – Москва: ДиК, 1997. – С. 314 – 348.
 24. Волокитин, А.В. Многослойный археологический памятник Вылыс Том 2 и формирование долины р. Ижмы в голоцене / А.В. Волокитин, А.В. Панин, Х.А. Арсланов // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2014. – № 3. – С. 42 – 46.
 25. Волокитин, А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Выегде / А.В. Волокитин. – Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 2006. – 126 с.
 26. Сорокин, А.Н. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснянской экспедиции) / А.Н. Сорокин. – Москва, 1990. – 248 с.
 27. Плюснин, С.М. Предыстория села Новый Бор / С.М. Плюснин // Духовная культура: история и тенденция развития: тез. докл. – Сыктывкар, 1992. – Ч. 2. – С. 27 – 29.
 28. Васкул, И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми / И.О. Васкул. – Москва: ДиК, 1997. – С. 349 – 399.
 29. Плюснин, С.М. Городища Нового Бора / С.М. Плюснин // Тез. Межд. симпозиума «Проблемы историко-культурной среды Арктики». – Сыктывкар, 1991. – С. 115 – 116.
 30. Мурыгин, А.М. Новые археологические исследования комплекса Новый Бор III в Печорском Заполярье / А.М. Мурыгин, М.В. Кленов // Известия Коми НЦ УрО РАН. – 2015. – № 3 (23). – С. 119 – 131.
 31. Барышев, И.Б. Средневековое городище Кобылиха на нижней Печоре: материалы по истории и археологии России. Т.1 / И.Б. Барышев. – Рязань: Александрия, 2010. – С. 216 – 230.
 32. Мурыгин, А.М. Поселение Югорская сопка. Древности Городецкого озера. Вып. I. / А.М. Мурыгин. – Нарьян-Мар – Сыктывкар: ООО «Коми Республиканская типография», 2019. – 96 с.
 33. Ясински, М.Э. Пустозерск. Русский город в Арктике / М.Э. Ясински, О.В. Овсянников. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2003. – 400 с.
 34. Никифорова, Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока Европейской части СССР / Л.Д. Никифорова // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – Москва: Наука, 1982. – С. 154 – 162.
 35. Лузгин, В.Е. Археологические памятники бассейна р. Сула (Малоземельская тундра) / В.Е. Лузгин, А.М. Мурыгин, В.Н. Карманов // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – С. 53 – 79. – (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; вып. 19).
 36. Чернов, Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры / Г.А. Чернов. – Москва: Наука, 1985. – 169 с.

37. Мурыгин, А.М. Керамическое производство населения Циркумпольной области Северного Приуралья эпохи железа – традиции и новации // I Международная конференция «Археология Арктики»: тез. докл. (19 – 22 ноября, Салехард) / А.М. Мурыгин. – Екатеринбург, 2017. – С. 136 – 137.
38. Багин, А.А. Отчет о работах Нижнепечорского археологического отряда в 2000 г. / А.А. Багин. – Сыктывкар: НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. № 554. 99 с.
39. Багин, А.А. Отчет о работах Нижнепечорского археологического отряда в 2001 г. Раскопки поселения Новый Бор 3/1. / А.А. Багин. – Сыктывкар: НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. № 584. 9 с.
- **References**
1. Matyushchenko, V.I. Ekologicheskij faktor funkcionirovaniya arheologicheskogo mikrorajona (AMP) / V.I. Matyushchenko // Ekologija drevnih i sovremennyh obshchestv [Ecological factor of the functioning of the archaeological microregion (AMR) // Ecology of ancient and modern societies]. – Tyumen: Inst. of Problems of Development of the North, Siberian Branch, RAS, 1999. – P. 89 – 91.
 2. Matyushchenko, V.I. Vozmozhnosti issledovaniy arheologicheskikh mikrorajonov dlja social'no-ekonomicheskikh rekonstrukcij / V.I. Matyushchenko // Social'no-demograficheskie processy na territorii Sibiri (drevnost' i srednevekov'e) [Possibilities of research of archaeological microregions for socio-economic reconstructions // Socio-demographic processes on the territory of Siberia (Antiquity and the Middle Ages)]. – Kemerovo, 2003. – P. 16 – 18.
 3. Arheologicheskie mikrorajony Severnoy Evrazii [Archaeological microregions of Northern Eurasia]: materials of sci. conf. / Ed. S.S. Tikhonov. – Omsk: «Apelsin» Publ, 2009. 168 p.
 4. Ruslanov, E.V. Arheologicheskie mikrorajony Bashkirkogo Priural'ja i Zaural'ja. Istorija vydelenija, problemy i perspektivy izucheniia [Archaeological microregions of the Bashkir Urals and Trans-Urals. History of allocation, problems and prospects of study] / E.V. Ruslanov // Bull. of Samara State Univ. – 2015. – № 4 (126). – P. 134 – 139.
 5. Golubeva, Yu.V. Paleogeografija i paleo-klimat pozdnelednikov'ja i golocena v severnoy i sredney podzonah tajgi Timano-Pechoro-Vychegodskogo regiona (po palinologicheskim dannym) [Paleogeography and paleoclimate of the Late Glacial and Holocene in the northern and middle taiga subzones of the Timan-Pechora-Vychegda region (according to palynological data)]: abstract of diss.... Cand. Sci. (Geol.&Mineral.). / Yu.V. Golubeva. – Syktyvkar, 2010. – 26 p.
 6. Kanivets, V.I. Poselenija zheleznogo veka na Sredney Pechore [Iron Age settlements on the Middle Pechora] / V.I. Kanivets // Proc. of the Komi Branch of the All-Union Geographical Society. Vol. II. Issue 4 (14). – Syktyvkar, 1972. – P. 79 – 89.
 7. Kanivets V.I. Mezoliticheskie stojanki na Sredney Pechore i Use // Poselenija ka-mennogo i medno-bronzovogo vekov na Pechore i Use [Mesolithic sites on the Middle Pechora and Usa] / V.I. Kanivets // Settlements of the Stone and Copper-Bronze Ages on the Pechora and Usa]. – Syktyvkar, 1973. – P. 3 – 23. (Materials on archaeology of the European North-East; Issue IV).
 8. Kanivets, V.I. Pechorskoe Priropol'jar'e. Epoha rannego metalla [Pechora Circumpolar region. The Era of Early Metal]. / V.I. Kanivets. – Moscow: Nauka, 1974. – 150 p.
 9. Pavlov, P.Yu. Raskopki Byzovskoy paleoliticheskoy stojanki v 1983-1985 gg. / P.Yu. Pavlov // Pamjatniki material'noy kul'tury na Evropeyskom Severo-Vostoke [Excavations of the Byzovskaya Paleolithic site in 1983-1985 // Sites of material culture in the European Northeast]. – Syktyvkar, 1986. – P. 6 – 21. (Materials on archaeology of the European North-East; Issue 10).
 10. Volokitin, A.V. Osobennosti industriy mezoliticheskikh pamjatnikov Topyd-Njur 5 i 7a na sredney Pechore / A.V. Volokitin // Material'naja i duhovnaja kul'tura naselenija Evropeyskogo Severo-Vostoka [Features of the industries of Mesolithic sites Topyd-Njur 5 and 7a on the Middle Pechora // Material and spiritual culture of the population of the European Northeast]. – Syktyvkar, 1987. – P. 6 – 15. (Proc. of Inst. of Lang., Liter. and History. Issue 39).
 11. Murygin, A.M. Pechorskoe Priural'e: epoha srednevekov'ja [Pechora Pre-Urals: the epoch of the Middle Ages]. / A.M. Murygin / – Moscow: Nauka, 1992. – 182 p.
 12. Kanivets, V.I. Paleolit krajnego Severo-Vostoka Evropy: basseyn Pechory [Paleolithic of the extreme North-East of Europe: the Pechora basin]. / V.I. Kanivets. – Moscow: Nauka, 1976. – 98 p.
 13. Pavlov, P.Yu. O pervonachal'nom zaselenii severa Urala [About the initial settling of the north of the Urals] / P.Yu. Pavlov // Ural Historical Bull. – 2015. – № 2 (47). – P. 50 – 60.
 14. Volokitin, A.V. Mezolit [The Mesolithic] / A.V. Volokitin // Archaeology of the Komi Republic. – Moscow: DiK, 1997. – Part 3, Chapter 2. – P. 91 – 145.
 15. Stokolos, V.S. Kul'tury epohi rannego metalla Severnogo Priural'ja [Cultures of the Early Metal era of the Northern Urals] / V.S. Stokolos. – Moscow: Nauka, 1988. – 256 p.
 16. Stokolos, V.S. Eneolit i bronzovyj vek [The Eneolithic and the Bronze Age] / V.S. Stokolos // Archaeology of the Komi Republic. – Moscow: DiK, 1997. – Part 4. – P. 213 – 313.
 17. Arheologicheskaja karta Respubliki Komi [Archaeological map of the Komi Republic]. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2014. – 416 p.
 18. Luzgin, V.E. Drevnie kul'tury Izhmy [Ancient cultures of the Izhma] / V.E. Luzgin. – Moscow: Nauka, 1972. – 128 p.
 19. Istomina, T.V. Materialy k arheologicheskoy karte Izhemskogo rajona // Nauchnye ekspedicii i issledovaniya Komi kraja [Materials for the archaeological map of the Izhma region] / T.V. Istomina, A.V. Volokitin // Sci. expeditions and research of the Komi Region]: Abstracts of the V sci. Local History Conf. of the Komi Republic. – Syktyvkar, 1993. – P. 50 – 54.
 20. Bagin, A.L. Razvedochnye raboty na Izhme [Exploration work on the Izhma] / A.L. Bagin, A.V. Volokitin // Archaeological discoveries of 2003. – Moscow: Nauka, 2004. – P. 12 – 14.
 21. Volokitin, A.V. K voprosu o sezonnyh migracijah v mezolite r. Izhma // Verhnedonskoy arheologicheskij sbornik [On the problem of seasonal migrations in the Mesolithic of the Izhma River // Upper-Don archaeological collection]

- / A.V. Volokitin, N.A. Volokitina; eds. A.A. Besudnov, E.Yu. Zakharova. – Issue 11. P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagog. Univ. – Lipetsk: P.P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagog. Univ., 2019. – P. 268 – 278.
22. Volokitin, A.V. Mezoliticheskiy pamjatnik Lek-Lesa na r. Izhma / A.V. Volokitin // Kamennyj vek lesnoy zony Vostochnoy Evropy i Zaural'ja [Lek-Lesa mesolithic site on the Izhma River // Stone Age of the forest zone of Eastern Europe and Trans-Urals]. – Moscow: ACADEMIA Publ., 2005. – P. 198 – 205.
 23. Ashikhmina, L.I. Pamjatniki anan'inskoy kul'turnoy obshchnosti [Sites of Ananyino cultural community] / L.I. Ashikhmina, I.O. Vaskul // Archaeology of the Komi Republic. – Moscow: DiK, 1997. – P. 314 – 348.
 24. Volokitin, A.V. Mnogosloynnyj arheologicheskij pamjatnik Vylys Tom 2 i formirovanie doliny r. Izhmy v golocene / A.V. Volokitin, A.V. Panin, Kh.A. Arslanov // Evrazija v kajnozoe. Stratigrafija, paleoekologija, kul'tury [Multilayered archaeological site Vylys Tom 2 and the formation of the Izhma River valley in the Holocene // Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures]. – 2014. – № 3. – P. 42 – 46.
 25. Volokitin, A.V. Mezoliticheskie stojanki Parch 1 i Parch 2 na Vychehde [Mesolithic sites of Parch 1 and Parch 2 on the Vychehda] / A.V. Volokitin. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS Publ., 2006. – 126 p.
 26. Sorokin, A.N. Butovskaja mezoliticheskaja kul'tura (po materialam Desnjanskoy ekspedicii) [Butovo Mesolithic culture (based on the materials of the Desna expedition)] / A.N. Sorokin. – Moscow, 1990. – 248 p.
 27. Plyusnin, S.M. Predistorija sela Novyj Bor / S.M. Plyusnin // Duhovnaja kul'tura: istorija i tendencija razvitiya [Prehistory of the village of Novy Bor // Spiritual culture: history and development trend]: Abstracts. – Syktyvkar, 1992. – Part 2. – P. 27 – 29.
 28. Vaskul, I.O. Pamjatniki gl'jadenovskoy kul'turnoy obshchnosti [Sites of the Glyadenovo cultural community] // Archaeology of the Komi Republic / I.O. Vaskul. – Moscow: DiK, 1997. – P. 349 – 399.
 29. Plyusnin, S.M. Gorodishcha Novogo Bora / S.M. Plyusnin // Tez. Mezhd. Simpoziuma «Problemy istorikokul'turnoy sredy Arktiki» [Settlements of Novy Bor // Abstracts of Intern. Symp. «Problems of the historical and cultural environment of the Arctic»]. – Syktyvkar, 1991. – P. 115 – 116.
 30. Murygin, A.M. Novye arheologicheskie issledovaniya kompleksa Novyj Bor III v Pechorskoy Zapoljar'e [New archaeological investigations of the Novy Bor III complex in the Pechora Arctic] / A.M. Murygin, M.V. Klenov // Proc. of Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. – 2015. – № 3 (23). – P. 119 – 131.
 31. Baryshev, I.B. Srednevekovoe gorodishche Kobylina na nizhney Pechore [The medieval settlement of Kobylina on the Lower Pechora]. Materials on the history and archaeology of Russia. Vol.1. / I.B. Baryshev. – Ryazan: Alexandria, 2010. – P. 216 – 230.
 32. Murygin, A.M. Poselenie Jugorskaja sopka. Drevnosti Gorodeckogo ozera [Settlement Yugorskaya sopka. Antiquities of Gorodetsky Lake]. Issue 1. / A.M. Murygin. – Naryan-Mar – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2019. – 96 p.
 33. Yasinsky, M.E. Pustozersk. Russkii gorod v Arktike [Pustozersk. Russian town in the Arctic]. / M.E. Yasinsky, O.V. Ovsyannikov. – St.Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2003. – 400 p.
 34. Nikiforova, L.D. Dinamika landshaftnykh zon golocena severo-vostoka Evropeyskoy chasti SSSR / L.D. Nikiforova // Razvitie prirody territorii SSSR v pozdnem pleystocene i goloene [Dynamics of landscape zones of the Holocene of the North-East of the European part of the USSR // Development of the nature of the territory of the USSR in the Late Pleistocene and Holocene]. – Moscow: Nauka, 1982. – P. 154 – 162.
 35. Luzgin, V.E. Arheologicheskie pamjatniki basseyna r. Sula (Malozemel'skaja tundra) / V.E. Luzgin, A.M. Murygin, V.N. Karmanov // Pervobytnye i srednevekovye drevnosti evropeyskogo Severo-Vostoka [Archaeological sites of the Sula river basin (Malozemel'skaya tundra) // Primitive and medieval antiquities of the European Northeast]. – Syktyvkar: Inst. of Language, Liter. and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2015. – P. 53 – 79. (Materials on archaeology of the European North-East; Issue 19).
 36. Chernov, G.A. Atlas arheologicheskikh pamjatnikov Bol'shezemel'skoy tundry [Atlas of archaeological sites of the Bolshezemel'skaya tundra]. / G.A. Chernov. – Moscow: Nauka, 1985. – 169 p.
 37. Murygin, A.M. Keramicheskoe proizvodstvo naselenija Cirkumpoljarnoy oblasti Severnogo Priural'ja epohi zheleza – tradicii i novacii [Ceramic production of the population of the Circumpolar region of the Northern Pre-Urals of the Iron Age - traditions and innovations] // I-st Intern. Conf. «Archaeology of the Arctic»: Abstracts (November 19 – 22, Salekhard) / A.M. Murygin. – Ekaterinburg, 2017. – P. 136 – 137.
 38. Bagin, A.L. Otchet o rabotah Nizhnepechorskogo arheologicheskogo otrjada v 2000 g. [Report on the work of the Lower Pechora archaeological team in 2000] / A.L. Bagin. – Syktyvkar: Sci. Archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. F. 5. Op. 2., № 554. 99 p.
 39. Bagin, A.L. Otchet o rabotah Nizhnepechorskogo arheologicheskogo otrjada v 2001 g. Raskopki poselenija Novyj Bor 3/1 [Report on the work of the Lower Pechora archaeological team in 2001. Excavations of the Novy Bor 3/1 settlement] / A.L. Bagin. – Syktyvkar: Sci. Archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. F. 5. Op. 2. № 584. 9 p.

Статья поступила в редакцию 12.08.2021
The Editorial Office received the paper on 12.08.2021

О.Ф. ХАЙРУЛЛИНА

ЖЕНСКИЕ ШЕЙНО-НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОСТЮМА

Институт истории и социологии
Удмуртского государственного университета,
г. Ижевск

olenbka93@bk.ru

O.F. KHAIRULLINA

WOMEN'S NECK AND BREAST ADORNMENTS OF THE FINNO-UGRIC AND TURKIC PEOPLES OF THE URAL-VOLGA REGION AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTION OF THE ARCHAEOLOGICAL COSTUME

Institute of History and Sociology
of Udmurt State University,
Izhevsk

Аннотация

Изучение аксессуаров костюма древнего населения Волго-Уральского региона (в том числе Среднего Прикамья) в раннем железном веке – средневековье не представляется возможным без обращения к этнографии финно-угорских и тюркских народов, издавна проживающих на данной территории. Статья посвящена систематизации одного из ярких атрибутов женского традиционного костюма – шейно-нагрудным украшениям мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей, татар и башкир – и является важным этапом на пути к атрибуции, интерпретации и реконструкции близких по функциям археологических предметов. Для традиционных шейно-нагрудных украшений выполнена общая классификация, выделено семь самостоятельных категорий украшений. Особое внимание уделено «нагруднику» как этнографическому понятию, а также вопросам его генезиса и эволюции у некоторых народов Урало-Поволжья.

Ключевые слова:

этнография, археология, Урало-Поволжье, финно-угорские и тюркские народы, женский костюм, шейно-нагрудные украшения, нагрудники

Abstract

The costume of the ancient population of the Volga-Ural region cannot be studied without reference to ethnographic materials of such modern Finno-Permian and Turkic ethnic groups as Mordivins, Chuvash, Mari, Udmurts, Tatars and Bashkirs. The paper deals with the systematization of women's neck and breast adornments of the listed peoples and represents a major step towards the attribution, interpretation and reconstruction of similar archaeological artifacts. A general classification of traditional neck and breast adornments was carried out. Seven independent categories were distinguished: single-row or multi-row simple neck and chest necklaces, neck «collars» and neck-breast necklaces with a narrow («ribbons») or wide («breastplates») organic base, shoulder belts and chest buckles. Particular attention was given to the ethnographic concept of «breastplate», its genesis and evolution in the Volga-Ural region. The general term includes such items of predominantly female costume as a chest band, adornments and a cloth breastplate with similar functions of the previous products. But the origin of such items may be different. Archaeological analogues of breastplates should be interpreted as adornments. All types of «breastplates» were preserved by the Tatars and Bashkirs and partly by Finno-Ugric ethnic groups (for example, Zakama Udmurts and Eastern Mari people). Variations in the types of «breastplates» among Finno-Ugric clothing of the Volga-Ural region can be explained

by borrowing. But it is impossible to exclude the independent origin of such items.

Keywords:

ethnography, archaeology, the Ural-Volga region, Finno-Ugric and Turkic peoples, female costume, neck and breast adornments, breastplates

• **Введение**

При изучении одежды и аксессуаров населения раннего железного века – средневековья Волго-Уралья¹ археологам приходится обращаться к этнографии современных финно-угорских и тюркских народов региона порой в качестве единственного источника реконструкции археологического костюма. Возможность такого сопоставления отчасти объясняется схожими условиями обитания древних популяций и современных этносов, близостью их хозяйственно-культурных типов, а также исторически сложившимися этнокультурными и генетическими связями. Последние на сегодняшний день убедительнее всего реконструируются с помощью лингвистики, выводы которой указывают на явное преобладание языковых предков финно-угорских народов в лесной полосе Восточной Европы как минимум в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. [1, с. 22 – 63].

Использование этнографических материалов в археологических исследованиях без опоры на другие источники сопряжено с известными рисками. Однако именно «живая» культура способна дать ответы на многие вопросы, которые возникают при работе с археологическими предметами. В этой связи чрезвычайно важным становится ознакомление со всем спектром традиционных шейно-нагрудных украшений, истоки которых могут быть прослежены в более ранних источниках, в том числе археологических. Общие категории и типы таких украшений у разных народов, возможно, объясняются существованием в прошлом неких общих прототипов. Особого внимания заслуживают наблюдения этнографов о способах ношения украшений, их соотношении с одеждой, а также выводы о происхождении и эволюции данных аксессуаров костюма. Семиотическая природа вещей со всеми вытекающими из нее знаковыми функциями [2, с. 75 – 76, 79], очевидно, была присуща и археологическим украшениям. Раскрыть ее вряд ли получится без обращения к «живым» этнографическим фактам. Но весь «потенциал» этнографии для атрибуции, интерпретации и реконструкции археологического материала на этом не исчерпывается. Следует, однако, помнить о границах между «живой» и «мертвой» культурой: прежде всего, археологический и этнографический костюмы разделяют сотни, а то и тысячи лет. В этом случае реконструированная древняя культура окажется лишь абстрактной моделью прошлого, приближенной к реальности насколько это возможно.

¹ Используемые в данной работе термины «Урало-Поволжье» и «Волго-Уралье» употребляются как синонимы. Оба понятия достаточно широко применяются в различных науках, но до сих пор не имеют четкой дефиниции. Как правило, под ними понимаются Средний и Южный Урал, Среднее Поволжье.

Цель работы – систематизация шейно-нагрудных украшений финно-угров и тюрков Урало-Поволжья – мордвы, марийцев, удмуртов, чувашей, татар, башкир² – как один из этапов на пути к осмыслению близких по функциям археологических предметов. Выбор этнографического материала обусловлен в первую очередь научными интересами автора, которые связаны с реконструкцией женского археологического костюма населения Среднего Прикамья III – V вв. н.э. (и шире – синхронных лесных культур Волго-Уралья). Кроме того, перечисленные выше народы с давних времен проживали в едином экологическом пространстве, объединены общим историческим прошлым и общностью элементов культуры [3, с. 5 – 11; 4, с. 8]. Их национальные костюмы, включая украшения, на сегодняшний день лучше всего освещены в этнографической литературе. В качестве сопоставительного материала также заслуживают внимания исследования по украшениям ряда народов Сибири [5].

• **Методика исследования**

В публикациях, посвященных рассматриваемой проблематике, деление всех украшений обычно производится по способу ношения; шейно-нагрудные выделяются в особый отдел с подразделением на группы по месту фиксации на теле – шейные, шейно-нагрудные, нагрудные, чересплечные украшения [6, с. 23 – 25, 211, 212, прил. I; 7, с. 17]. Данный принцип положен в основу настоящего исследования (таблица). Далее весь материал был разделен на категории (с конкретизацией для некоторых украшений на виды и подвиды) по технике изготовления. Способы создания украшений были различны: путем нанизывания материалов на нить, проволоку, конский волос, плетение, нашивание на основу – холст, кожу, луб [8, с. 3]; вещи на матерчатой основе вышивались либо украшались аппликацией и т.д. В соответствии с целью работы основное внимание уделено более высоким уровням классификации украшений, нежели их типам / подтипам. Также в общую таблицу введены еще два признака, связанные с покроем одежды (в частности, с устройством ворота рубахи) и украшениями, – «архаичный» и «модернизированный» крой (таблица). Для первого характерно использование белого домотканого холста, туникообразный крой первого или второго подтипов рубах, по Б.А. Куфтину, простой глубокий грудной разрез, который необходимо чем-то прикрыть или зацепить, использование вышивки; для второго применялась пестрядь или фабричная ткань, крой рубахи модифицирован (проймы, кокетка на груди, оборки на подоле и т.д.), нагрудный разрез с планкой и (или) застежкой на пуговицах, имеет невысокий воротник, вместо вышивки использовались ленты, позумент и т.д.

• **Результаты и их обсуждение**

Шейные украшения фиксировались вокруг шеи в виде одинарных или многорядовых низок из различных декоративных материалов. Не-

² Здесь и далее под финно-угорскими и тюркскими народами Урало-Поволжья / Волго-Уралья понимаются только перечисленные выше этносы.

**Классификация традиционных шейно-нагрудных украшений финно-угорских
и тюркских народов Урало-Поволжья [7, 9, 10 – 24, 26 – 29]**

Table

**Classification of traditional neck and breast adornments of the Finno-Ugric and Turkic peoples
of the Ural-Volga region [7, 9, 10 – 24, 26 – 29]**

Этнос (субэтнос и этнографические / этнотерриториальные группы)	Архаичный крой	Модернизированный крой	Шейно-нагрудные украшения										Нагрудник (элемент одежды)	
			Шейные		Шейно-нагрудные					Чересплечные		Нагрудные		
			1	2	3	4	5а		5б	6				
							I			II	а	б		
			A	B	7									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Завятские удмурты														
Северные (нижнечепецкие) ватка														
Северные (верхнечепецкие) ватка														
Срединные калмезы														
Срединные верхнеижско- шарканские														
Собственно-южные среднеижско- левобережные														
Собственно-южные алнашско-киясовские														
Собственно- южные граховско- южнокизнерские														
Собственно-южные северно-кизнерские														
Собственно-южные водзимоньинские														
Собственно- южные можгинско- малопургинские														
Собственно-южные бавлинские														
Собственно-южные закамские														
Бесермяне														
Горные марийцы														
Луговые уржумско- сернурские														
Луговые звениговско- моркинские														
Луговые йошкар-олинские														
Луговые северо-западные														
Восточные марийцы														
Мордва-эрзя восточная группа														
Мордва-эрзя северная группа														
Мордва-эрзя терюшевская группа														

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Мордва-эрзя северо-западная группа														
Мордва-эрзя городищенская группа														
Мордва-эрзя кузнецкая группа														
Мордва-эрзя заволжская группа														
Мордва-мокша северо-западная группа														
Мордва-мокша центральная группа														
Мордва-мокша южная группа														
Мордва-мокша юго-западная группа														
Чуваши верховые (вирьялы)														
Чуваши средненизовые (анатенчи)														
Чуваши низовые (анатри)														
Чуваши (ЭТГ: приволжские, закамские и т.д.)														
Татары-мишари темниковско-азеевские														
Татары-мишари сергачские														
Татары казанско-татарский комплекс														
Татары-кряшены заказанско-западно-закамские														
Татары-кряшены елабужские														
Татары-кряшены молькеевские														
Татары зауральские														
Башкиры северо-западные														
Башкиры северо-восточные														
Башкиры юго-западные														
Башкиры юго-восточные														
Башкиры центральные														
Башкиры восточные (зауральские)														
Башкиры самаро-иргизские														

Примечание. 1, 3 – ожерелья в одну или несколько отдельных низок; могут быть сплетены вместе; 2 – ожерелья, нашитые на основу (ткань/кожа); форма различна: прямоугольные или полуовальные полосы различной ширины («воротники»); 4 – ожерелья, нашитые на узкую основу (ткань/кожа) в виде ленты либо сплетенные в виде ленты, шнура; 5 – ожерелья, сплетенные или созданные путем нашивания на широкий и длинный кусок ткани / кожи / луба украшений; форма различна – округлые, подпрямоугольные, подовальные, полукруглые; покрыва-

ют только верхнюю часть груди, доходят до плеч или опускаются ниже живота; виды: а) цельнокроенные (I – закрывают переднюю часть шеи и грудной клетки (так называемые «нагрудники»); IA – украшения, IB – матерчатые нагрудники), II – покрывают шею, грудь, плечи и спину (так называемые оплечья, пелерины); б) комбинация из нескольких отдельных частей (сшитых или несшитых вместе); 6 – перевязи, виды: а) в виде одинарной широкой / узкой полосы; б) в виде двух полос, скрещенных вместе на спине и груди или только на спине; 7 – нагрудные украшения (фибулы и броши).

Note. 1, 3 – necklaces in one or more separate rows; can be woven together; 2 – necklaces sewn on the base (fabric, leather); the shape is different; rectangular or semi-oval stripes of different widths («collars»); 4 – necklaces sewn on the base (fabric, leather) in the form of a ribbon, or woven in the form of a ribbon, a cord; 5 – necklaces woven or created by sewing adornments on a wide and long piece of fabric / skin / lube; the shape is different – rounded, semi-rectangular, semi-oval, semi-round; cover only the upper part of the chest, reach the shoulders or descend below the abdomen; types: a) one-piece (I – cover the front of the neck and breast (so-called «breastplates»); IA – adornments, IB – cloth breastplates), II – cover the neck, chest, shoulders and back (so-called shoulder straps, pelerines); b) a combination of several separate parts (sewn together and not sewn); 6 – baldrics, types: a) in the form of a single wide / narrow strip; b) in the form of two stripes crossed together on the back and on the chest or only on the back; 7 – breast adornments (fibulae and brooches).

сколько таких низок нашивались на основу из ткани / кожи в виде «воротников» прямоугольной или полуовальной («месяцевидной») формы. Обе категории выделены Н.И. Гаген-Торн [9, с. 91] и достаточно широко представлены у всех рассматриваемых этносов (субэтносов и их отдельных этнографических подразделений) (см. таблица, № 1, 2); например, «чыртывесъ / чыртыкерттэт», «чыртуул», «йырйыл», «зака / ошет» южных удмуртов [10, рис. 88; 11, рис. 126, 220, 223, 257, 258], «качек» и «лага» бесермян [12, с. 103], «шер» (бусы), «оксан шўйш», «шўшер», «ырес кыл», «шўйыр», «яга» марийцев [13, с. 39, 40, 60, 61, 82, 135, 262, 263, 270, 302; 14, с. 201, 202], «кирьгава», «снизка / наряд», «борок», «гагатка», «лыинимкат» мордвы-эрзи [15, с. 120; 16, с. 65, 75, 84, 123, 157, рис. 39, 48, 68, 70; 17, с. 208], «каштас», «кргаежава», «тифкс», «кргавакс», «цеповка» мордвы-мокши [16, с. 243, 258, 350, 362, 363, рис. 42ж, 47з; 17, с. 264], «май сыххи», «суха» и «тенкелё суха», «тенкелё майа» чувашей [18, с. 262, 264, 266, 267; 19, с. 98, 99, 646, 647, прил. IV, рис. 8а-е, 9а, 9в-д], «якалык», «муенса» / «тамакса» татар [7, с. 42, 43, табл. XI, 5; 20, с. 139, 159 – 161]. Ожерелья из бус, кораллов, стекла, монет и блях, в том числе в виде воротников, имелись у башкир [21, с. 166 – 170].

Для определенных этносов, например, для некоторых групп удмуртов, простые шейные ожерелья из бус и иных материалов, по-видимому, были не столь характерны, как, например, для мордвы [15, с. 122]. Украшения в виде «воротников», по Н.И. Гаген-Торн, использовались для прикрытия ворота рубахи второго подтипа, которая носилась без нагрудной застежки [9, с. 91].

Наиболее разнообразны шейно-нагрудные украшения, которыми закрывали не только верхнюю часть груди, но также плечи (так называемые оплечья, пелерины), живот. Создавались с помощью различных техник: низание, плетение, нашивание на основу из ткани / кожи декоративных материалов, а также вышивка и аппликация. В данной группе выделяются несколько категорий, среди которых распространены простые ожерелья в виде свободных низок из различных материалов (см. таблица, № 3). Отличались от шейных ожерелий лишь тем, что размещались в области грудной клетки; некоторые из них использовались в качестве тесьмы к кресту. Были известны у различных групп удмуртов [10, с. 55, 85; 11, рис. 187, 222; 22, с. 66, 67], мордвы-эрзи [16, с. 47, 50, 53, 57, 74, 79, 96; 17, с. 181, 208] и мордвы-мокши [15, с. 122, 124; 16, с. 198, 199, 243; 17, с. 264, 312], марийцев [13, с. 40, 244], чу-

вашей [19, с. 99, 100, 647, прил. IV, рис. 9в – д], татар [23, с. 219 – 222] и башкир [21, с. 166 – 170]. В ряду данных украшений вызывает интерес схожее с археологическими материалами проволочное ожерелье мокши заволжской группы «сият» / «сия» с витыми спиралями из проволоки, имитирующими бронзовые пронизки [16, с. 157, рис. 98 – 101; 17, с. 246, ил. 176].

Иной конструкции ожерелья в виде узких тканых / кожаных / плетеных лент или шнуров, на которые нашивались монеты, бисер, бусы, раковины каури и т.д.; концы ленты пришивались либо сводились вместе с помощью низки бус / кожаного шнурка, либо оставались несшитыми (см. таблица, № 4): «гадигы», «быро», «чыртывесъ» / «коньдоновесъ» удмуртов [10, с. 149, рис. 77, 85; 11, рис. 95; 24, с. 50], «гайтан» / «крест ведьме» / «лента хрез» мордвы-эрзи [16, с. 47, 54, 55, 75, 79, 157; 17, с. 104, 208, 223], «горожонь крганя», «горожонь крескиле», «шафтома», «дракама» (гайтан), «ярмак пильс» мордвы-мокши [8, илл. 31 – 36; 15, с. 122, 124, 125; 16, с. 198, 221, 263; 17, с. 264, 393], «тәнгән кайтан», «цепошка», «шый аршаш» марийцев [13, с. 40, 60, 61, 64, 65, 258, 269, 270], «чепчушка», «ама», «хёрес сакки» / «хёрес кантри» чувашей [18, с. 262 – 264; 19, с. 100, 101, 645, 647, прил. IV, рис. 7б, 9е, 9ж, 10е]. Чаще такие предметы использовались в качестве подвесок к кресту / иконе, хотя происхождение их различно. Например, ярмак пильс («серьги из денег») мокши являлось головным украшением (височными подвесками), которое в начале XIX в. стали носить на груди [15, с. 122 – 124]. Бисерные аналоги известны у южных русских (с подвешенным крестом / иконкой [25, с. 733]). Украшения хантов в виде узкой ленты со свободно свисающими концами происходят от расширенных воротников и грудных разрезов женских рубах [5, с. 20, 86, рис. 3, 5].

Следующая большая категория – нагрудные ожерелья, сплетенные из бисера, бус или созданные путем нашивания на широкий и длинный кусок ткани / кожи / луба прямоугольной, округлой, подовальной формы различных декоративных материалов; закрывали только верхнюю часть груди, доходили до плеч или опускались ниже живота. Выделяются два вида таких украшений (см. таблица): 5а) цельнокроенные и 5б) комбинированные (из нескольких частей, сшитых или несшитых друг с другом). Среди цельнокроенных ожерелий (5а) известны: I) те, что закрывают только переднюю часть шеи и грудной клетки – так называемые «нагрудники» (их подвиды – собственно украшения (IA)

и матерчатые нагрудники (IB)), II) те, что охватывают практически полностью шею, грудь, плечи и спину (оплечья, пелерины). Цельнокроенные украшения (5aIA) типичны для тюрков Урало-Поволжья – татар (пирта / фирта, пету, көмеш күкрәк, түшлек, сакал, тамакса, яга или селтәр [20, с. 159 – 161; 23, с. 223 – 228]) и башкир (селтәр, сакал, / һакал, яга, муйынса, башкизеу, алмизеу и др. [21, с. 103 – 116]). Наряду с комбинированными (5б) украшениями они известны у различных групп удмуртов (чертыкыш, галэс и чигвьес, уксё тйрлык, зака / ошет и сырга и др.) [10, с. 149, 168 – 170, рис. 71, 88, 89; 11, рис. 43 – 46, 123, 187, 202, 212, 220, 222, 256, 258; 24, с. 31, 59, 80, 85, 86, 95, 103, 104, 108, 109, 117] и марийцев (в виде вертикальных узких / широких полос подпоясочной или закругленной снизу формы – ама, аршаш, шўшер, он йолва, он мучко, пийылме, шўйкш, сога и др. [13, с. 82, 134, 136, 137, 180, 210, 211, 238, 244, 260 – 263, 270; 14, с. 206, 207]). Реже они встречались у чувашей (ама, майа, шўлкеме [19, с. 103, 104, 648, прил. IV, рис. 10д, ж]) и мордвы-эрзи (бисюр коргалкст, колодка / камышка [16, с. 96, 100, 107, 156, 185]). Некоторые из них имитировали нагрудную вышивку и грудной разрез рубахи [8, с. 9; 13, с. 260 – 263] либо неширокой полосой (например, в составе комбинированного украшения) прикрывали грудной разрез платья-рубашки [9, с. 94, 95; 10, с. 149, рис. 72; 11, рис. 43 – 46, 127, 187, 222; 13, с. 136, 238; 24, с. 31].

Рассматриваемые «нагрудники» типичны для финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья [9, с. 91 – 97; 26, с. 217]. Их общий признак – чешуеобразно нашитые монеты, сочетавшиеся с раковинами каури, бусами и бисером, – свидетельствует о более позднем оформлении таких роскошных изделий – в эпоху стабилизации этнической карты региона и развитого денежного обращения [26, с. 217, 218]. Основная их функция, очевидно, заключалась в демонстрации статуса и богатства своих владельцев [4, с. 14; 6, с. 124 – 126; 26, с. 218], защите от сглаза [4, с. 28]; прикрытие грудного разреза рубахи отходит на второй план.

Второй подвид цельнокроенных ожерелий (см. таблица, № 5aII) – оплечья и пелерины (полу-круглые и равные по ширине, сплетены из бисера или на тканевой основе с монетами, каури, бисером) – плотно облегли шею и спустились на плечи и грудь. Близки шейным «воротникам» и выполняли ту же функцию [9, с. 91, 92]. Встречались чаще у мордвы (цифкс / тифкс, кргань-пирф / кржавакс, комбоне, бояравань крганя, кичкор кргане [8, ил. 25, 26, 39, 41; 15, с. 119; 16, с. 123, 196, 198, 221, 243, 263, рис. 68, 70]) или чувашей (суха [19, с. 99, 650, прил. IV, рис. 9б]). Некоторую близость к ним обнаруживают ожерелья шўшер луговых марийцев северо-западной группы [13, с. 270], украшения южных великорусов и мешёры («жерёлок»), украинцев [9, с. 95, 96], а также представителей угорских народов – восточных и северных хантов, манси [5, с. 19 – 23, 86, рис. 2].

Выделяется еще один интересный вид украшений – матерчатые вышитые или аппликативные нагрудники (см. таблица, № 5aIB), – которые надевались таким же способом, как и монетные изделия – поверх рубахи второго подтипа [9, с. 84]. Функционально близки и к украшениям, и

к элементам одежды. Кроме того, у некоторых этносов (например, татар и северных удмуртов) они являлись обязательным атрибутом женского костюма [7, с. 80; 10, с. 32, 34; 22, с. 65]. Широко известны среди тюрков Волго-Уралья – татар (изу, алынча) и башкир (изеу, ука изеу, утырма унер, түшелдерек), а также у соседних финно-угорских народов – северных (кабачи и муресазь), завятских, бавлинских и закамских удмуртов (муресазь; мылазьуко / мылко), восточных марийцев (онлеведыш / көкрак) [7, с. 80, табл. XIII, 1; 10, с. 32, 34, 75, 96, 108, 109, 163, 164; 14, с. 205, 206; 23, с. 223 – 229, табл. XXVII, 1, 3; 24, с. 118; 27, с. 157]. Происхождение татарских и башкирских матерчатых нагрудников исследователи ведут от украшения грудного разреза рубахи «изу» / «изеу» [7, с. 44, 80; 9, с. 88 – 90; 27, с. 157], а появление их у различных групп удмуртов связывают с влиянием соседних тюркских народов [10, с. 108; 12, с. 46].

Одновременно с аксессуарами, надевавшимися поверх рубахи, существовали нательные нагрудники (повязки), которые являлись частью одежды (см. таблица). Все они выполнены из ткани и украшены вышивкой или аппликацией: «күкрәкчә», «түшелдрек» у татар и башкир, «кәкәрләх» чувашей, «мырашет» / «мылазькышет» закамской и «кыкрак» алнашурско-киясовской групп южных удмуртов, «муресазь» берсермян и «онлеведыш» / «көкрак» у восточных марийцев [9, с. 56, 87; 10, с. 108, 163, 164; 14, с. 162; 20, с. 75, 191; 23, с. 106 – 108; 24, с. 75, 78; 27, с. 155, 156; 28, с. 100 – 102; 29, с. 800].

Все перечисленные виды («нагрудников») Н.И. Гаген-Торн рассматривала в качестве эволюционного ряда одного предмета, связанного с «функцией защиты груди и с грудным разрезом рубахи»: матерчатый вышитый нагрудник – нагрудник, имитирующий ворот рубахи, – кусок материи / кожи, защитный декоративными материалами; вариативность использования объяснялась способом ношения рубахи [9, с. 86, 90, 91]. Однако под одним и тем же наименованием скрываются три разных аксессуара: нательная повязка, украшение и матерчатый нагрудник, функционально близкий предыдущим изделиям. Кроме того, схема генезиса и эволюции данного предмета абстрактна (создавалась путем анализа материала «целого ряда народностей» [9, с. 91]), но не абсолютна. По данным этнографии, известны примеры генезиса («нагрудников») от украшения ворота рубахи (татарские «изу» и телеутский «төштөк» (?)) [5, с. 89]), путем расчленения одежды (платья) на отдельные составляющие, в том числе «нагрудники» (как это, например, произошло в конце XIX – начале XX в. с кафтанчиками кавказских женщин [30, с. 136 – 146]), посредством соединения отдельных украшений или частей одежды (одна из гипотез появления тунгусских нагрудников [5, с. 89, 90]). Последнее созвучно идее Т.А. Крюковой [31, с. 37], выведившей «кабачи» северных удмуртов от съемного металлического украшения к вышитому съемному нагруднику и затем к нагрудной вышивке на рубахах, что, однако, на современном уровне археологического знания пока не подтверждается. Прямые связи удмуртских «кабачи» и различных археологических «нагрудников» [32, с. 87, 89, 91; 33, с. 161 – 163; 34, с. 668 – 672; 35, с. 87, 88] также пока не доказаны.

Редкость и исключительное оформление приближают такие изделия к украшениям костюма (праздничным или ритуальным), а не к элементам одежды.

По данным этнографии установлено, что все рассматриваемые («нагрудники») являлись, скорее, женским украшением, нежели девичьим. Вопрос о генезисе и его эволюции в Волго-Урале как альтернативы фибуле остается открытым. Показательно, что все виды рассматриваемых изделий сохранились в ареале проживания различных групп татар (за исключением, например, кряшенов) и башкир³, а также испытавших достаточно сильное влияние соседей-тюрков закавказских удмуртов или, например, восточных марийцев. Вариации использования «нагрудников» в финно-угорском костюме можно объяснить заимствованием⁴, хотя самостоятельную линию развития данных аксессуаров, видимо, исключать не следует.

Чересплетные украшения – перевязи (см. таблица, № 6а и 6б) – в виде широкой / относительно узкой ленты, расшитой декоративными материалами, известны у всех рассматриваемых этносов: удмуртов и бесермян (камали, кусильвесь, бутмар, сюмыс бырттон, сіль-сюмыс), марийцев (аршаш / девет / ямга / ва-жмалык), чувашей (тевет), татар и башкир (дәүәт, хәсита, әлмәйзек, бутмар, чапук) [7, с. 45, 46; 10, с. 55, 56, 85, 149, 170; 12, с. 103; 13, с. 45; 14, с. 207; 19, с. 104, 105; 21, с. 113, 114; 23, с. 230 – 238; 24, с. 32, 59, 80, 86, 108, 117, 120 – 123, 170]. Единственное украшение надевалось в основном на левое плечо под правую руку [9, с. 99]; перевязи из двух узких ремней у некоторых групп луговых мари (аршаш), мордвы-эрзи (ожа нучка) и мордвы-мокши (кичкор / крёскал) носились перекрещенными на спине [13, с. 180, 181; 16, с. 96, 221; 17, с. 136; 36, с. 45].

Татары и башкиры (мусульмане) привязывали к своим украшениям амулеты («бети»), от которых, очевидно, происходят перевязи [7, с. 46; 9, с. 99 – 101; 12, с. 78; 21, с. 114, 115]. Появление такого украшения у удмуртов и бесермян, а также у восточных марийцев объясняют влиянием соседних тюркских народов [12, с. 78; 14, с. 207; 24, с. 120 – 123]. Иного мнения придерживалась Т.А. Крюкова, считавшая перевязи без амулетов более древним нагрудным украшением, указывающим на давние тесные этнокультурные связи финно-угров и тюрков в Урало-Поволжском

³ Аналоги башкирским «нагрудникам» известны среди нагрудных украшений ряда алтайских народов [5, с. 66, 67, 90; 26, с. 217].

⁴ Из всех известных («нагрудников») у финно-угорских народов Урало-Поволжья особенно архаичными выглядят матерчатые вышитые кабахи северных удмуртов. Не сомневаясь в древности данных атрибутов женского костюма, стоит, однако, обратить внимание на два факта, о которых упоминает И.А. Косарева: во-первых, сам термин, обозначающий («нагрудник») у косинских и слободских ватка, имеет явно тюркское (булгарское?) происхождение [10, с. 65, 75, 108, 156]. Во-вторых, грудной разрез женских рубах косинских ватка (в прошлом, очевидно, и слободских удмуртов), который закрывался кабахи, был сдвинут вправо, как на рубашках луговых марийцев, а также на мужских рубахах коми, что считается архаичным признаком [24, с.100]. Когда и по какой причине удмуртки стали прикрывать такой разрез цельным куском ткани (и что было вместо него) – еще предстоит выяснить. Однако луговые марийки, например, вплоть до современности скрепляли его фибулами [13, с. 110 – 111; 36, фоторепродукция № 14].

регионе [37, с. 122, 123]. Любопытно, что к востоку от Урала данные украшения были зафиксированы у васюганских хантов и забайкальских бурят; последние также использовали перевязь как амулет [5, с. 86, 89].

Нагрудные украшения немногочисленны: броши, застежки («каптырма»), а также фибулы (см. таблица, № 7). Броши были известны у татар и башкир в различных вариациях и появились лишь в конце XIX – начале XX в. под влиянием общегородской моды [7, с. 40, 82, таблица XII; 27, с. 152].

Древнейшими нагрудными украшениями – «подковообразными» фибулами в виде согнутого медного кольца с подвижной булавкой [9, с. 77, 78; 15, с. 115, 117] – народы Поволжья скрепляли грудной разрез рубах первого (мордва-эрзя) и второго (мордва-мокша, марийцы, чуваша) подтипов. Для мордовских фибул [9, с. 77 – 82; 15, с. 111 – 117; 16, с. 47, 104; 17, с. 21] характерна простая кольцевая сюльгама (морд. *сялгомс* – «приколоть») с несомкнутыми концами и подвижной иглой. Она типична для мордвы-эрзи и представляет собой кольцо диаметром 5 – 10 см, концы которого всегда носились вверх, а к низу подвешивались различные подвески из декоративных материалов длиной от 6 – 7 до 20 см. Мокшанская сюльгама имела ту же овальную дугу с подвижной иглой, но концы дуги в виде смыкающихся лопастей были опущены вниз. Лицевая сторона лопастей украшалась геометрическим орнаментом; по краям привешивались колечки для подвесок, форма которых приближалась к трапеции. Размеры такой сюльгамы составляли 7 – 8 x 12 – 15 см, подвески – 11 – 12 см. У различных этнографических групп эрзи и мокши существовали свои вариации декорирования сюльгам. К тому же большие экземпляры с роскошными подвесками носили молодые женщины и девушки, которые прятали саму фибулу под воротником или ожерельем. Некоторые группы мордвы-эрзи скрепляли сверху ворот малой фибулой, а ниже подвешивали украшение с подвесками. А вот пожилые женщины обычно скалывали грудной разрез простыми сюльгамами, без подвесок. Данное украшение входило в состав свадебного приданого. Изготавливали его местные сельские мастерицы.

Простые овальные фибулы луговых мари (уржумско-сернурских) – «ширкама» – также нередко украшались подвесками из различных материалов (праздничный вариант) [6, с. 99 – 114; 13, с. 40, 82, 180; 14, с. 202 – 205; 36, с. 45, рис. 24, фото 9]. У звениговско-моркинской группы («почкама») с трапециевидными лопастями, схожая с мордовскими фибулами, помещалась по центру кожаной подтрапециевидной привески, зашитой монетами, бисером и т.д. У горномарийских женщин она имела прямоугольную форму; во время праздников и обрядов часто надевали две такие застежки. Для восточных марийцев были характерны круглые ажурные «ширкама» диаметром 6 – 7 см без подвесок. Для застегивания ворота марийки использовали несколько сюльгам. Как правило, наибольшее их количество приходилось на возрастные группы девушек и женщин (2 – 4), меньше – для девочек и старух (1 – 2).

Фибулы («почкама») горных и луговых марийцев на кожаной подвеске в процессе длительной эволюции превратились из простой застежки в массивные нагрудные украшения [36,

с. 45], которые очень схожи с «нагрудниками». Такие же аксессуары (сурпан сакки) бытовали у чувашей [9, с. 83, 84, 97; 18, с. 262, 263, 267, 271, 275, 280, 281; 19, с. 101 – 103] в качестве подвески к полотняному головному убору; застежка, аналогичная горномарийской и мордовской (с лопастью), называлась «сеҫтенкё». Форма привески, украшенной монетами, бусами и бисером, раковинами каури, различалась у разных групп чувашей: прямоугольная, подтреугольная / трапециевидная, в виде нагрудной подвески с медными цепочками, с ажурной бисерной сетью. Маленькое кольцо «сеҫтенкё» не могло удержать тяжелой привески; укрепляли ее на шее с помощью ремня. Девушки носили одну кожаную подвеску без фибулы (шўлкеме), тогда как замужние женщины подвешивали оба украшения вместе.

• Заключение

Систематизация массива традиционных шейно-нагрудных украшений представительного ряда финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья позволила выделить несколько общих категорий, среди которых известны: 1) простые в одну-несколько низок шейные и шейно-нагрудные ожерелья; 2) шейные и шейно-нагрудные ожерелья из декоративных материалов, нашитых на узкую (в виде ленты) или широкую (так называемые «нагрудники») органическую основу; 3) чересплетные украшения; 4) нагрудные застежки.

Для каждого из рассматриваемых народов был характерен свой набор украшений (см. таблицу). Достаточно четко прослеживается дифференциация «фибула – нагрудник», выявленная Н.И. Гаген-Торн на этнографических материалах Среднего Поволжья [5]. Кроме того, важным представляется наблюдение И. Лехтинен о дополнении вышивки и украшений: если вышивки было много – ассортимент украшений менее разнообразен, и наоборот [4, s. 7]. Это заметно, например, в костюме северных удмуртов (косинских и слободских ватка), у которых вплоть до наших дней сохранялся архаичный облик одежды [10, с. 23 – 101]. В качестве определенной тенденции также уловима связь богатых шейно-нагрудных ожерелий (роскошных монетных «нагрудников») с модернизированным кроем рубахи (см. таблицу).

Определение времени возникновения каждой категории шейно-нагрудных украшений затруднено на сегодняшний день культурными наслоениями и событиями различных эпох. Отдельные культурно-хронологические связи при условии следования методически выверенным алгоритмам и тщательным наблюдениям за источником, очевидно, могут быть прослежены вглубь веков при анализе более раннего археологического материала. Настоящая работа является первым опытом обобщения традиционных шейно-нагрудных украшений финно-угорских и тюркских народов Урало-Поволжья. Автор ставит перед собой задачу использовать полученные наблюдения для реконструкции женского убора населения Среднего Прикамья III – V вв. н. э.

• Литература

1. Напольских, В.В. Очерки по этнической истории / В.В. Напольских. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. – 648 с.
2. Байбурун, А.К. Семантические аспекты функционирования вещей / А.К. Байбурун // Этнографическое изучение знаковых систем культуры. – Ленинград: Наука, 1989. – С. 63 – 88.
3. Кузеев, Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю / Р.Г. Кузеев. – Москва: Наука, 1992. 344 с.
4. Lehtinen I. Naisten korut Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa [Women's jewellery in Central Russia and Western Siberia]. Museovirasto, 1979. – 209 p.
5. Михайлова, Е.А. Съёмные украшения народов Сибири / Е.А. Михайлова // Украшения народов Сибири: сборник МАЭ. Т. II. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2006. – С. 12 – 119.
6. Заднепровская, А.Ю. Традиционные украшения народов Среднего Поволжья (вторая пол. XIX – первая четв. XX вв.): дис. канд. ист. наук / А.Ю. Заднепровская. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1992. – 210 с.
7. Суслова, С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в.: историко-этнографическое исследование / С.В. Суслова. – Москва: Наука, 1980. – 123 с.
8. Заднепровская, А.Ю. Мордовские украшения: каталог / А.Ю. Заднепровская. – Ленинград: [б. и.], 1988. – 112 с.
9. Гаген-Торн, Н.И. Женская одежда народов Поволжья / Н.И. Гаген-Торн. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1960. – 234 с.
10. Косарева, И.А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в.: монография / И.А. Косарев. – Ижевск: УИИ-ЯЛ УрО РАН, 2000. – 226 с.
11. Косарева, И.А. Этнографические группы удмуртского народа (опыт выделения). Ч. 2. Карты. Иллюстрации / И.А. Косарева // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2017. – Т. 37. – № 2. – 187 с.
12. Белицер, В.Н. Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу / В.Н. Белицер. – Москва: Изд-во АН СССР, 1951. – 140 с.
13. Молотова, Т.А. Марийский костюм / Т.А. Молотова. – Йошкар-Ола: [б.и.], 2020. – 383 с.
14. Сепеев, Г.А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.) / Г.А. Сепеев. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. – 249 с.
15. Белицер, В.Н. Народная одежда мордвы / В.Н. Белицер. – Москва: Наука, 1973. – 214 с.
16. Прокина, Т.П. Мордовский народный костюм / Т.П. Прокина, М.И. Сурина. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1990. – 382 с.
17. Прокина, Т.П. Мордовский народный костюм: [альбом] / Т.П. Прокина. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2007. – 464 с.
18. Чуваши / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чувашский государственный институт гуманитарных наук;

- отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. – Москва: Наука, 2017. – 654 с.
19. Ягафова, Е.А. Формирование и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье: XVII – начало XX вв.: дис. ... докт. ист. наук / Е.А. Ягафова. – Самара: СГПУ, 2004. – 316 с.
 20. Суслова, С.В. Татарский костюм: историко-этнологическое исследование / С.В. Суслова. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2018. – 239 с.
 21. Шитова, С.Н. Башкирская народная одежда / С.Н. Шитова. – Уфа: Китап, 1995. – 240 с.
 22. Лебедева, С.Х. Удмурт калык дыськут = Удмуртская народная одежда = Udmurt Folk Costume / С.Х. Лебедева. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 204 с.
 23. Суслова, С.В. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа / С.В. Суслова, Р.Г. Мухамедова. – Казань: Фэн, 2000. – 312 с.
 24. Косарева, И.А. Этнографические группы удмуртского народа (опыт выделения). Ч. 1. / И.А. Косарева // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2017. – Т. 37. – № 2. – 195 с.
 25. Маслова, Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX в. – начале XX в. / Г.С. Маслова // Восточнославянский этнографический сборник. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – С. 543 – 757.
 26. Авижанская, С.А. Декоративно-прикладное искусство башкир / С.А. Авижанская, Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев. – Уфа: [б.и.], 1964. – 259 с.
 27. Руденко, С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки / С.И. Руденко. – Уфа: Китап, 2006. – 373 с.
 28. Захарова-Кульева, Н.И. О чувашском нагруднике какйрлӑх // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты: материалы XVII Петровских чтений / Н.И. Захарова-Кульева. – 2018. – № 13. – С. 100 – 102.
 29. Косарева, И.А. Удмуртско-тюркское этнокультурное взаимодействие и бесермянская проблематика в свете полевых исследований последнего времени / И.А. Косарева // Вестник Удмуртского университета. – 2021. – Т. 31. – № 4. – С. 797 – 804.
 30. Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII – XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – Москва: Наука, 1989. – 288 с.
 31. Крюкова, Т.А. Удмуртское народное изобразительное искусство = Удмурт калыклэн киуж устолькез / Т.А. Крюкова. – Ижевск–Ленинград: Удмуртия, 1973. – 158 с.
 32. Генинг, В.Ф. Азелинская культура III – V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов / В.Ф. Генинг // Вопросы археологии Урала. Вып.5. – Свердловск – Ижевск: УрГУ, 1963. – 187 с.
 33. Генинг, В.Ф. История Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1 / В.Ф. Генинг // Вопросы археологии Урала. Вып.10. – Свердловск – Ижевск: [б.и.], 1970. – 224 с.
 34. Лещинская, Н.А. Жертвенный комплекс погребения 33 Тат-боярского могильника еманавской археологической культуры: информационный потенциал / Н.А. Лещинская // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2021. – Т.15. – № 4. – С. 668 – 682.
 35. Файзуллина, Д.Ф. Элементы костюма населения Волго-Камья раннего железного века как начальная точка формирования традиционного костюма народов финно-угорской языковой семьи / Д.Ф. Файзуллина // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2010. – № 4. – С. 85 – 92.
 36. Молотова, Т.Л. Марийский народный костюм / Т.Л. Молотова. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. – 108 с.
 37. Крюкова, Т.А. Материальная культура марийцев как один из источников решения вопроса об этногенезе / Т.А. Крюкова // Происхождение марийского народа: материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23 – 25 декабря 1965 г.). – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1967. – С. 119 – 124.

• References

1. Napol'skikh, V.V. Ocherki po etnicheskoj istorii [Essays on ethnic history] / V.V. Napol'skikh. – Kazan: "Kazanskaya nedvizhimost'" ["Kazan real estate" Publ, House], 2015. – 648 p.
2. Baiburin, A.K. Semioticheskie aspekty funkcionirovaniya veshchei [Semiotic aspects of the functioning of things] / A.K. Baiburin // Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sistem kul'tury [Ethnographic study of symbolic cultural systems]. – Leningrad: Nauka, 1989. – P. 63 – 88.
3. Kuzeev, R.G. Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala: Etnogeneticheskii vzglyad na istoriyu [The Peoples of the Middle-Volga and South-Urals Regions: an Ethnogenetic View of History] / R.G. Kuzeev. – Moscow: Nauka, 1992. – 344 p.
4. Lehtinen I. Naisten korut Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa [Women's jewellery in Central Russia and Western Siberia]. Museovirasto, 1979. – 209 p.
5. Mikhailova, E.A. S'emnye ukrasheniya narodov Sibiri [Removable adornments of the peoples of Siberia] / E.A. Mikhailova // Ukrasheniya narodov Sibiri [Adornments of the peoples of Siberia]. – Vol. LI. – St.Petersburg: Museum of Archaeology and Ethnography, RAS (MAE RAS), 2006. – P. 12 – 119.
6. Zadneprovskaya, A.Yu. Traditsionnye ukrasheniya narodov Srednego Povolzh'ya (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert` XX vekov) [Traditional adornments of the peoples of the Middle Volga region (second half of the XIX – first quarter of the XX centuries)]: Diss.... Cand. Sci. (History) / A.Yu. Zadneprovskaya. – St. Petersburg: MAE RAS, 1992. – 210 p.
7. Suslova, S.V. Zhenskie ukrasheniya kazanskikh tatar serediny XIX – nachala XX v.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Women's adornments of Kazan Tatars of the mid-XIX – early XX centuries: historical and ethnographic research] / S.V. Suslova. – Moscow: Nauka, 1980. – 123 p.
8. Zadneprovskaya, A.Yu. Mordovskie ukrasheniya: katalog [Mordovian adornments] / A.Yu. Zadneprovskaya. – Leningrad, 1988. – 112 p.
9. Gagen-Torn, N.I. Zhenskaya odezhda narodov Povolzh'ya [Women's clothing of the peoples of

- the Volga region] / N.I. Gagen-Torn. – Cheboksary: Chuvash State Publ., 1960. – 234 p.
10. Kosareva, I.A. Traditsionnaya zhenskaya odezhda periferiinykh grupp udmurtov (kosinskoi, slobodskoi, kukmorskoi, shoshminskoi, zakamskoi) v kontse XIX – nachale XX v. [Traditional women's clothing of the peripheral groups of Udmurts (Kosinskaya, Sloboda, Kukmorskaya, Shoshminskaya, Zakamskaya) in the late XIX – early XX centuries] / I.A. Kosareva. – Izhevsk: Udmurt Inst. of History, Language and Literature, RAS, 2000. – 226 p.
 11. Kosareva, I.A. Etnograficheskie gruppy udmurtskogo naroda (opyt vydeleniya) [Ethnographic groups of the Udmurt people (separation experience)]. Part II. Maps. Illustrations / I.A. Kosareva // Proc. of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. 2017. – Vol. 37. – No. 2. – 187 p.
 12. Belits'er, V.N. Narodnaya odezhda udmurtov: materialy k etnogenezu [Folk clothes of the Udmurts (materials for ethnogenesis)] / V.N. Belits'er. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1951. – 140 p.
 13. Molotova, T.L. Mariiskii kostyum [Mari costume] / T.L. Molotova. – Ioshkar Ola, 2020. – 383 p.
 14. Sepeev, G.A. Vostochnye marii'sy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vekov) [The Eastern Mari. Historical and ethnographic studies of material culture (mid-XIX – early XX centuries)] / G.A. Sepeev. – Ioshkar Ola: Mari Book Publ. House, 1975. – 249 p.
 15. Belits'er, V.N. Narodnaya odezhda mordvy [Mordovian folk clothes] / V.N. Belits'er. – Moscow: Nauka, 1973. – 214 p.
 16. Prokina, T.P. Mordovskii narodnyi kostyum [Mordovian folk costume] / T.P. Prokina, M.I. Surina. – Saransk: Mordovian Book Publ. House, 1990. – 382 p.
 17. Prokina, T.P. Mordovskii narodnyi kostyum [Mordovian folk costume] album / T.P. Prokina. – Saransk: Mordovian Book Publ. House, 2007. – 464 p.
 18. Chuvashi [The Chuvash people] / Miklukho-Maklay Inst. of Ethnology and Anthropology, RAS; Chuvash State Inst. of Humanities; Eds. V.P. Ivanov, A.D. Korostelev, E.A. Yagafova. – Moscow: Nauka, 2017. – 654 p.
 19. Yagafova, E.A. Formirovanie i traditsionnaya kul'tura etnoterritorial'nykh grupp chuvashei v Uralo-Povolzh'e: XVII – nachalo XX vekov [Formation and traditional culture of ethnoterritorial groups of the Chuvash in the Ural-Volga region: XVII – early XX centuries] : Diss... Dr. Sci. (History). / E.A. Yagafova. – Samara: Samara State Pedagogical Univ., 2004. – 316 p.
 20. Suslova, S.V. Tatarskii kostyum: istoriko-etnologicheskoe issledovanie [Tatar costume: Historical and ethnological research] / S.V. Suslova. – Kazan: Tatar Book Publ. House, 2018. – 239 p.
 21. Shitova, S.N. Bashkirskaia narodnaya odezhda [Bashkir folk clothes] / S.N. Shitova. – Ufa: Kitap, 1995. – 240 p.
 22. Lebedeva, S.Kh. Udmurt kalyk dis'kut = Udmurtskaya narodnaya odezhda [Udmurt Folk Costume] / S.Kh. Lebedeva. – Izhevsk: Udmurtiya, 2008. – 204 p.
 23. Suslova S.V. Narodnyi kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vekov). Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda [Folk costume of the Volga and Ural Tatars (mid-XIX – early XX centuries)]. Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar people] / S.V. Suslova, R.G. Mukhamedova. – Kazan: Fen, 2000. – 312 p.
 24. Kosareva, I.A. Etnograficheskie gruppy udmurtskogo naroda (opyt vydeleniya) [Ethnographic groups of the Udmurt people (separation experience)]. Part I. / I.A. Kosareva // Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete [Proc. of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University]. – 2017. – Vol. 37. – No. 2. – 195 p.
 25. Maslova, G.S. Narodnaya odezhda russkikh, ukrainsev i belorusov v XIX v. – nachale XX v. [Folk clothes of the Russians, Ukrainians and Belarusians in the XIX – early XX centuries] / G.S. Maslova // Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik [East Slavic Ethnographic Collection]. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1956. – P. 543 – 757.
 26. Avizhanskaya, S.A. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo bashkir [Bashkir decorative-applied arts] / S.A. Avizhanskaya, N.V. Bikbulatov, R.G. Kuzeev. – Ufa, 1964. – 259 p.
 27. Rudenko, S.I. Bashkiry: istoriko-etnograficheskie ocherki [The Bashkirs: Historical and ethnographic essays] / S.I. Rudenko. – Ufa: Kitap, 2006. – 373 p.
 28. Zakharova-Kulyeva, N.I. O chuvashskom nagrudnike kakärläkh [About the Chuvash breastplate kakärläkh] // Chuvashskii Natsional'nyi muzei: lyudi, sobytiya, fakty. Materialy XVII Petrovskikh chtenii [Chuvash National Museum: people, events, facts. Materials of the XVII Peter's Readings] / N.I. Zakharova-Kulyeva. – 2018. – № 13. – P. 100 – 102.
 29. Kosareva, I.A. Udmurtsko-tyurkskoe etnokul'turnoe vzaimodeistvie i besemyanskaya problematika v svete polevykh issledovaniy poslednego vremeni [Udmurt-Turkic ethno-cultural interaction and the Besemyan problem in the light of the latest field research] / I.A. Kosareva // Bull. of the Udmurt University. – 2021. – Vol. 31. – No. 4. – P. 797 – 804.
 30. Studenetskaya, E.N. Odezhda narodov Severnogo Kavkaza. XVIII–XX vv. [Clothing of the Peoples of the North Caucasus. XVIII–XX centuries] / E.N. Studenetskaya. – Moscow: Nauka, 1989. – 288 p.
 31. Kryukova, T.A. Udmurtskoe narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo = Udmurt kalyklyen kiuzh ustolykez [Udmurt fine art] / T.A. Kryukova. – Izhevsk-Leningrad: Udmurtiya, 1973. – 158 p.
 32. Gening, V.F. Azelinskaya kul'tura III–V vekov. Ocherki istorii Vyatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniya narodov [Azelin Culture of the III – V centuries: Essays on History of the Vyatka Area during the Great Migrations Epoch] / V.F. Gening // Problems of the Ural Archaeology. Issue 5. – Sverdlovsk-Izhevsk, Ural State University Publ., 1963. – 187 p.
 33. Gening, V.F. Istoriya Udmurtskogo Prikam'ya v p'yanoborskuyu epokhu [History of the Udmurt Kama area in the Pianobor era]. Part I. / V.F. Gening // Problems of the Ural Archaeology. Issue 10. – Sverdlovsk-Izhevsk, 1970. – 224 p.
 34. Leshchinskaya, N.A. Zhervennyi kompleks pogrebeniya 33 Tat-boyarskogo mogil'nika emanaevskoi arkhologicheskoi kul'tury: informatsionnyi potentsial [Sacrificial burial complex 33 of Tat-Boyar burial ground of the Emanaevo archeological culture: information potential] /

- N.A.Leshchinskaya // Yearbook of Finno-Ugric Studies. – 2021. – Vol. 15. – № 4. – P. 668 – 682.
35. Faizullina, D.F. Elementy kostyuma naseleniya Volgo-Kam'ya rannego zheleznogo veka kak nachal'naya tochka formirovaniya traditsionnogo kostyuma narodov finno-ugorskoj yazykovoï sem'i [Costume elements of Volga-Kama people of the Early Iron age as a start point of traditional costume formation of the peoples of the Finno-Ugric language family] / D.F.Faizullina // Yearbook of Finno-Ugric Studies. – 2010. – № 4. – P. 85 – 92.
36. Molotova, T.L. Mariiskii narodnyi kostyum [Mari folk costume] / T.L.Molotova. – Ioshkar Ola: Mari Book Publ. House, 1992. – 108 p.
37. Kryukova, T.A. Material'naya kul'tura mariitsev kak odin iz istochnikov resheniya voprosa ob et-

nogeneze [Material culture of the Mari people as one of the sources of solving the problem of ethnogenesis] / T.A.Kryukova // Proiskhozhdenie mariiskogo naroda: Materialy Nauchnoi sessii, provedennoi Mariiskim nauchno-issledovatel'skim institutom chzyka, literatury i istorii. (23-25 dekabrya 1965 g.) [Origins of the Mari People: Materials of Sci. session of the Mari Research Inst. of Language, Literature and History (December 23-25, 1965)]. – Ioshkar Ola: [Marknigoizdat] Mari Book Publ., 1967. – P. 119 – 124.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022
The Editorial Office received the paper on 02.02.2022

В.Н. КАРМАНОВ, Е.В. ПОПОВ

СЕРЕБРЯНЫЕ И МЕДНЫЕ РУДНИКИ НА РЕКЕ ЦИЛЬМЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

vkarman@bk.ru
evpopovich@bk.ru

V.N. KARMANOV, E.V. POPOV

SILVER AND COPPER MINES ON THE TSILMA RIVER: MYTH OR REALITY?

Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

Публикуются результаты поиска доказательств разработки медно-серебряных рудников в конце XV – XVII вв. на р. Цильме (Усть-Цилемский район Республики Коми) и обоснованности государственной охраны памятника археологии – достопримечательного места «Серебряные и медные рудники (5 шахт)». Авторы провели анализ нормативной документации, историко-архивные исследования с критикой письменных источников; археологическую разведку в долине р. Цильмы и изучили геологическую литературу. В результате определены достоверные сведения о попытках поиска, нахождении рудопоявлений меди и серебра и неподтвержденная, с большей степенью вероятности недостоверная информация о действовавших рудниках по добыче цветных металлов.

Ключевые слова:

рудники, рудопоявление, медь, серебро, Цильма, Республика Коми, отечественная история, археология, письменные источники

Abstract

The results of the search for evidence of copper and silver ore mining in the XV – XVII centuries on the Tsil'ma river (Ust'-Tsil'ma region of the Komi Republic, Russia) and the substantiation for inclusion of the «Silver and Copper Mines» (5 pits) archaeological site (Mines) in the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation (Register), are published.

The authors analyzed normative documentation, narrative records; studied the results of regional historical, archaeological and geological research; conducted an archaeological exploration in the valley of the Tsil'ma River.

It was determined that all ideas of the Mines correspond to four models: ideological, folklore, scientific and protective. The paper focuses on the development of scientific and «protective» models.

It is established that the state protection of the mines was not the result of archaeological fieldwork, but was based on the data of written sources and their free interpretation by historian N.M. Karamzin, who created an ideological model, on which basis distorted scientific ideas were later formed.

All available information about Mines includes reliable information about search attempts and finding of copper and silver ore occurrences on the Tsil'ma river and unconfirmed yet unproven data on systematic and long-term extraction of non-ferrous metals in this region. However, copper mining is probable locally and in small amounts for the needs of the Old Believers.

Thus, information about the extraction of non-ferrous metals at a scale essential for the state is a myth that people need to demonstrate

the exclusivity and significance of their birthplace and motherland. The lack of evidence of the functioning of mines and the signs of cultural heritage objects documenting this type of site allows us to assert that the inclusion of the «Silver and Copper Mines» (5 pits) archaeological site in the Register is unreasonable.

Keywords:

mines, ore occurrence, copper, silver, Tsil'ma, Komi Republic, national history, archaeology, written sources

• **Введение**

Поиск и добыча серебряных и медных руд на р. Цильме в конце XV – XVII вв. интересовали не только историков и геологов [1 – 12], но и путешественников [13, 14], краеведов [15, 16], предприимчивых людей [17]. Многие из них считали истиной промышленную добычу цветных металлов на р. Цильме и даже их использование для чеканки монет молодого Русского государства, и лишь незначительная часть работ содержит критический анализ доступной информации [4; 12].

В этом исследовании с позиции археологов попытаемся отделить факты от домыслов и ответить на главный вопрос, вынесенный в название этой статьи. Представления о серебряных и медных рудниках на р. Цильме (далее – Рудники) существуют в четырех измерениях: фольклорном, идеологическом, научном и «охранном» (сохранение культурного наследия). Каждая из моделей преследует свои цели, и поэтому их создатели / последователи по-разному добывают и используют доступную информацию. Однако сегодня имеющиеся сведения сильно запутаны. Например, путешественники собирали сведения о прошлом у «местных старожил», издавали материалы, затем на публикации опирались ученые, а общение местных жителей с полевыми исследователями, в свою очередь, обогащало устную историю. Как археологов, нас интересуют «охранная» и научная модели, разработка которых должна быть основана на критике доступных письменных источников и данных археологических исследований.

Но прежде всего определим термины, связанные с поиском и добычей руд. Первый из них – «рудопоявление» – «небольшое природное скопление минерального вещества, которое почти удовлетворяет по качеству кондиционным требованиям, но в количественном отношении не может считаться предметом разработки в заданных экономических условиях. При увеличении его запасов – в итоге дальнейшей разведки или при снижении кондиционных требований – может перейти в категорию месторождений» [18]. И второе определение – «рудник» характеризует систему подземных сооружений для добытия полезных ископаемых, а также горно-промышленное предприятие, осуществляющее это добывание [19].

• **Факты и сведения**

Нормативная документация. Рудники – объект культурного наследия федерального значения, сведения о котором содержатся в Едином государственном реестре объектов культурного

наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – Реестр). Согласно Реестру, наименование памятника – «Серебряные и медные рудники (5 шахт)»; вид объекта: достопримечательное место; общая видовая принадлежность: памятник археологии; дата создания: XV – XVII вв. Документ, на основании которого памятник включен в Реестр: Постановление Совета Министров РСФСР № 624 от 4 декабря 1974 г. «О дополнении и частичном изменении Постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1 327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Согласно этому документу, в Усть-Цилемском районе Коми АССР (ныне – Республика Коми) «на протяжении 30 км по берегу реки Цильмы, близ деревни Нонбург» располагается памятник XV – XVII вв. «Серебряные и медные рудники (5 шахт)».

Однако это не первый документ, закрепивший сведения о Рудниках. Еще раньше опубликовано Постановление Совета Министров Коми АССР от 15 апреля 1949 г. № 227 «О мерах улучшения охраны памятников культуры Коми АССР». В перечне исторических памятников здесь обозначено «место добычи цветных металлов» «Рудники (Устьцильма)», созданное в 1491 г. и расположенное по адресу «с. Устьцильма Устьцилемского района». Этот документ утратил юридическую силу лишь в 1985 г., когда было издано Постановление Совета Министров Коми АССР от 15 февраля 1985 г. № 34 «О признании утратившими силу и изменении некоторых решений Правительства Коми АССР по вопросам народного хозяйства».

На сегодняшний день не установлено, кто в 1940-х гг. был инициатором включения Рудников в перечень исторических памятников и, главное, кто способствовал изменению вида объекта, его пообъектного состава (5 шахт), названия, адреса и времени создания в 1970-х гг.

Из приведенных выше фактов следует, что в настоящее время Рудники – объект археологического наследия федерального значения и сфера деятельности Министерства культуры Российской Федерации и регионального органа Республики Коми по охране объектов культурного наследия. Но сведения о точном местоположении и границах этого достопримечательного места отсутствуют; нет обоснованных данных о времени его создания; не определены предмет охраны и правовой режим использования территории. И по сравнению с другими моделями «охранная» оказывается наименее разработанной сообразно целям своего создания.

Это объясняется тем, что научная модель в ее историко-культурной, главным образом археологической части так же разработана слабо, а именно на нее прежде всего должны опираться все виды деятельности, связанные с охраной памятников археологии. И если интерес историков к Рудникам был постоянным, то археологов они интересовали мало.

История археологического изучения долины р. Цильмы. В.Е. Лузгин первым из археологов обратился к данным о Рудниках в связи с поиском возможных источников меди для древнейшей металлообработки, свидетельства которой он выявил на поселении Галово II на р. Ижме [2, с. 69 – 70]. Однако разведки с этой целью на р. Цильме он не проводил и опирался на сведения

из естественнонаучной литературы [20, с. 67; 21, с. 404 – 405]. В.Е. Лузгину был известен лишь один памятник археологии – местонахождение у Замшевого завода (ныне пос. Синегорье) [22, с. 224].

Систематическое археологическое изучение долины р. Цильмы начато лишь в 1982 г., когда В.С. Зеленский обследовал нижнее течение реки от с. Филиппово до с. Усть-Цильмы, а в дальнейшем до 1990 г. периодически изучал раскопками поселения на нижней Цильме – Курья 1 и Синегорье 1, 2 [23; 24].

В 1986 г. экспедиция Сыктывкарского государственного университета под руководством Н.Н. Чесноковой обследовала участок долины р. Цильмы от оз. Косминских до устья р. Номбург (дер. Номбург) [25]. Кроме известных на тот момент памятников археологии на оз. Косминских в отчете содержатся сведения о Рудниках. Археологическое обследование было проведено выше руч. Заводской – в местности «У заводов». Результаты представлены в виде текстового описания остатков сетей траншей, канав и шурфов, в том числе с остатками срубов и скважин. А само место определено как памятник истории науки и техники начала XX в., в отношении которого рекомендованы «охрана и учет как памятника истории, культуры и развития науки и техники на республиканском уровне: в связи с его особым местом в истории освоения Севера, начиная с эпохи средневековья и включая период изыскания сырьевой базы для социалистической индустриализации, а также в связи с уникальностью памятника (древнейшие разработки рудного месторождения, в других регионах подобные памятники – не ранее XVIII в.)» [26]. В качестве перспективы указаны «Продолжение экспедиционных, библиографических исследований памятника с целью: а) проверки возможности разработки меди в период до XV века; б) уточнение границ выработок и их хронологической последовательности; в) выяснение исторического места в процессе русской колонизации бассейна Нижней Печоры». Таким образом, древнейшие свидетельства добычи руды на р. Цильме экспедиция Н.Н. Чесноковой не обнаружила.

В 1988 г. экспедиция Сыктывкарского государственного университета обследовала долину р. Цильмы от устья р. Чирки до устья р. Мылы. Сведения о поиске Рудников в отчете отсутствуют, но на карте-схеме расположения памятников археологии в устье руч. Заводской обозначены «Цилемские рудники XV – XVIII вв.». Тогда же Н.Н. Чеснокова обнаружила, что в местности у руч. Рудничный (безымянный ручей, который местные жители называют «Заводской», или «У заводов») ведется лесозаготовка. Эти сведения содержатся в докладной Н.Н. Чесноковой от 01.08.1988 г., адресованной руководителю производственной группы по охране памятников, истории и культуры Министерства культуры Коми АССР А.С. Михейченко. К ней же приложен ситуационный план «Рудного поля» на р. Цильме – единственный графический документ, позволяющий верифицировать результаты обследования предполагаемого места памятника.

Результаты экспедиций Н.Н. Чесноковой так и остались неопубликованными в научной литературе и доступны только в архивных источниках и серии газетных публикаций [3]. В них иссле-

дователь даже не упоминает Постановление Совета Министров РСФСР № 624 от 4 декабря 1974 г. И никаких изменений в нормативной документации с уточнением сведений о Рудниках после археологических работ не последовало, несмотря на предложенные Н.Н. Чесноковой рекомендации.

Таким образом, основная проблема «охранной» модели в контексте действующей нормативной документации в том, что сведения о «памятнике археологии» добыты не археологами, а выявлены в письменных источниках. Вначале Рудники были интерпретированы как памятник истории, а впоследствии стали объектом археологического наследия с («уточнениями») в виде неопределенного адреса и пообъектного состава. Такие данные в специальной археологической литературе и научных отчетах о полевых исследованиях отсутствуют, поэтому за поиском сведений мы обратились к доступным письменным источникам.

Данные письменных источников. В настоящее время есть разные версии событий конца XV в. на р. Цильме. Они изложены в Воскресенской [27, с. 221, 223], Вологодско-Пермской [28, с. 286 – 288] и Холмогорской [28, с. 128] летописях; в краткой и пространной редакциях Двинского летописца [29, с. 149, 166]. Для наглядности сведения из них помещены в таблицу.

Исходя из сравнительного анализа этих данных, очевидны расхождения о составе экспедиции, времени ее возвращения, последовательности событий, а главное – о ее результативности. Согласно одним источникам, найдена и серебряная, и медная руды, а другим – только медная. В одних источниках содержатся данные о том, что Иван и Виктор – немцы, в других – нет, зато есть информация об участии грека Маноила. Причем часто экспедиция возвращается без «немцев» и грека. Только Вологодско-Пермская и Холмогорская летописи содержат сведения о вкладе населения сопредельных с бассейном р. Печоры территорий – Двины, Пинеги, Выми, Вычегды.

Таким образом, выявив присутствующие во всех источниках сведения, определяется однозначно, что экспедиция отправилась искать руду на р. Печору; руда была найдена на р. Цильме, на что указывает, несмотря на разное написание этого гидронима в списках, упоминание самой р. Печоры и притока р. Цильмы – р. Космы. И можно утверждать, что дальнейшая история и последствия находки руд / руды на Цильме в упомянутых летописях достоверно не отражены. Сведения о второй экспедиции содержит только Вологодско-Пермская летопись, но события в ней изложены непоследовательно, что, наравне с данными о 340 участниках, может указывать на поздние дополнения, призванные увеличить значение местного населения в освоении региона.

Историю после возвращения экспедиции описывает Н.М. Карамзин: «Сие важное открытие сдѣлао Государю величайшее удовольствие, и съ того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету изъ своего серебра; имѣли и золотыя деньги или медали Россійскія» [1, с. 141]. В своей работе он цитирует Синодальный «ветхий летописец», который соответствует Вологодско-Пермской летописи [30, с. 3]. Но текст выдержки из нее отличается от опубликованного в ПСРЛ (т. 26) списка № 485

Сравнительный анализ текстов источников о поисках медных и серебряных руд на р. Цильме

Comparative analysis of source texts on the search for copper and silver ores on the Tsil'ma river

Воскресенская летопись (XVI в.)	Вологодско-Пермская летопись (конец XV – начало XVI вв.)	Холмогорская летопись (середины XVI в.)	Двинской летописец (последняя четверть XVII – XVIII вв.)	Пространная редакция
<p>«В лето 6999... О руды. Тое же весны, марта въ 26 [день К.], князь велики послалъ на Печеру Ньмецъ Ивана да Виктор руды искати серебряные, а с ними послалъ Андрея Петрова да Василиа Иванова сына Блытина» [27, с. 221].</p>	<p>«В лето 6999... Тое же весны, марта в 26, князь велики послал на Печеру Ивана да Виктора руды искати серебряные, а с ними послал Ондарюка Петрова да Василиа Ива нова сына Болтина» [28, с. 286 – 288].</p>	<p>6999. «Того же лета князь великий послал на Печеру руды искати Ивана да Виктора, а с ними послал Ондарюка Петрова да Василиа Иванова сына Болтина, да грека Маноила Ларева сына серебра делати и меди на рече на Цильме. А делавцов с ним: с Устога 60 человек, а Дрины 100 человек, с Пенегеи 80 человек, а пермиць и вымиць и вынегжан 100 человек, тем ужина провадити, а не делати» [28, с. 128].</p>	<p>«О руде. В лето 6999-е. Князь великий Иван Васильевич послал на Печеру руды искати Ивана да Виктора, а с ним послал Ондарюка Петрова да Василиа Иванова сына Болтина, да грека Маноила Ларева сына» [29, с. 166].</p>	<p>«И тое же осени пришло с Печеры и сказаша великому князю, что они руду нашли медную на рече на Силме, не доходя Космы реки за полдни, а от Печеры реки за 7-мь дней» [29, с. 166].</p>
<p>«Того же лета, октября въ 20 [день К.], пришлоша на Москву Ондарый Петровъ да Василией Ивановъ сынъ Болтина, что посылать князь велики съ ними Ньмецъ Ивана да Виктор на Печеру руды искати серебряные, и они нашли руду серебряную и мьеденую въ великого князя вотчинъ на рьць на Цильмь, не доходя Космы рьки за польдница, а отъ Печеры рьки за семь днищъ; а места того, гдѣ нашли, на десяти верстахъ, а от Москвы до того поль-4 тысячи версть; а нашли руду лѣта девятдесять девятого, августа 8» [27, с. 223].</p>	<p>«В лето 7000... О золоту рудъ и о сере брянои, и о мьяднои. Тое же осени, октября в 20, пришлоша на Москву Ондарюкъ Петров да Василией Ивановъ сынъ Болтина, что посылал князь велики съ ними Ньмецъ, Ивана да Виктора, на Печеру руды искати серебряные. И они руду нашли серебряную и мьядную в великого князя вотчинъ на рече на Цильмь, не доходя Космы реки за полдница, а от Печеры реки за семь днищъ, а от места, гдѣ нашли, на десяти верстахъ, а от Москвы до того мѣста, гдѣ руду нашли, полчетверты тысячи версть. А нашли руду лѣта 6999, августа в 8» [28, с. 286 – 288].</p>	<p>7000. «Тое же осени пришлоша с Печеры Андрей Петровичъ да Василей Болтин и сказаша великому князю, что они руду нашли медную на рече на Цильме не доходя Космы реки за полдни, а от Печеры реки за 7 дней» [28, с. 128].</p>	<p>«И тое же осени пришло с Печеры и сказаша великому князю, что они руду нашли медную на рече на Силме, не доходя Космы реки за полдни, а от Печеры реки за 7-мь дней» [29, с. 166].</p>	<p>«И тое же осени пришло с Печеры и сказаша великому князю, что они руду нашли медную на рече на Силме, не доходя Космы реки за полдни, а от Печеры реки за 7-мь дней» [29, с. 166].</p>
<p>Нет данных</p>	<p>«В лето 6999. Марта в 2 отпустил князь велики Иван Васильевич всеа Руси Маноила Илариова сына Грека да с нимъ своих дѣтей боярскихъ, Василиа Иванова сына Болтина да Ивана Брюха Кузьмина сына Коробына, да Ондарюшку Петрова, с мастера съ фрязы серебра дѣлати и мѣди на речѣ на Цильмѣ, а дѣлавцовъ с ними, кому руда копати, съ Устога 60 человекъ, 3 Дрины сто человекъ, съ Пинегеи 80 человекъ; а Пермиць и Вымиць, и Вечегжань, и Усоличъ сто человекъ, тѣм кормиць провадити в суздѣхъ до мѣста, а не дѣлати» [28, с. 286 – 288].</p>	<p>Нет данных</p>	<p>Нет данных</p>	<p>Нет данных</p>

(по новому каталогу). Возможно, он использовал неопубликованный или не сохранившийся список. Сравним примечания Н.М. Карамзина с данными, представленными во втором столбце таблицы: «Въ ветхомъ Синод. Лѣт. No 365, л. 508: «въ лѣто 6999, Марта въ 2) (не въ 1491, а въ 1492 году) «отпустилъ Кн. Вел. Мануила Иларіева сына, Грека, да съ нимъ своихъ дѣтей Боярскихъ, Василья Болтина да Ивана Брюха Коробьина, да Ондрюшку Петрова съ мастера съ Фрязы серебра дѣлати и мѣди на рѣцѣ на Цыльмѣ, а дѣловцовъ съ ними, кому руда копати, съ Устюга 60 человекъ, съ Двины 100, съ Пинеги 80; а Пермичь и Вымичь и Вычегжань и Усоличь 100: тѣмъ ужина провадити въ судѣхъ до мѣста, а не дѣлати». Внимание привлекает вставка историка: «(не въ 1491, а въ 1492 году)». Ею он, вероятно, пытался исправить непоследовательность событий, изложенных в Вологодско-Пермской летописи [28, с. 288]. Ведь в других списках такой ситуации нет, и в Холмогорской летописи, которая содержит практически аналогичный текст приведенной цитаты, указано об однократном отправлении экспедиции и ее возвращении; последующие события в ней не отражены.

Таким образом, мы полагаем, что на домыслах Н.М. Карамзина, оформленных литературной, идеологической и патриотической обработкой текстов первоисточников, основываются все последующие изыскания интересующихся Рудниками. Это стало возможным, благодаря огромному влиянию, которое оказала публикация «Истории государства Российского» на современников.

Обратимся к другой группе сведений привлекаемых первоисточников – описанию места нахождения выявленных источников металла. Учитывая, что передвижение экспедиции 1491 г. могло быть только по реке, можно рассчитать примерное местоположение района изысканий, упомянутых в летописях. Измерение в них представлено в днях пути, а это относительный и неопределенный показатель, поскольку мы не знаем скорости их передвижения и направления движения – вниз или вверх по течению реки, что важно для водного пути в теплое время года. Поэтому место нахождения руды рассчитывается приблизительно, с использованием таких же относительных показателей. Зная количество частей пути экспедиции – 7,5 (семь с половиной дней), и расстояние в понятных нам километрах от устья р. Цильмы до места впадения в нее р. Космы – 188 км, определим, что «дний», или «днище» – это примерно 25 км. Получаются отрезки в 12 – 13 и 175 – 176 км, смыкающиеся вблизи устья безымянного ручья, который в устной традиции называется «У заводов», или «Заводской», и местности «Заводы», или «У заводов». Вполне возможно, что 10 верст, или примерно 11 км – расстояние между устьем р. Рудянки и вышеупомянутым местом. Не исключено, что такой незамысловатый расчет применялся всеми последующими искателями руд, что и определило повышенное внимание именно к этому месту и соответствующую топонимику.

В этой связи удивляет неточность описания Н.М. Карамзина, который определяет положение руды «верстахъ въ двадцати отъ Космы, въ трехъ стахъ отъ Печеры». Ведь протяженность самой р. Цильмы всего 374 км, а от устья до места впадения р. Космы – 188 км. Эти ошибочные данные даже позволили усомниться в достовер-

ности сведений о цилемских рудниках. Так, А.А. Чернов ссылается без указания авторства и названия публикации на неизвестную нам работу, в которой доказывается, что «великокняжеские рудники были не на Цильме, а на Пильве, левом притоке Камы (в Чердынском у., Пермской губ.)». Но геолог сомневается, что на Пильве может быть найдено серебро [8, с. 40]. Нет пока данных и о том, что «Цильма» в летописях не приток р. Печоры, а другая «Цильма». Нам удалось найти всего одно совпадение – небольшой водоток – приток оз. Шолмозера, или Кеньгозера (бассейн р. Северной Двины, ныне – Плесецкий район Архангельской области). Еще одна аналогия – р. Шильма на современной территории Республики Марий Эл. Но возможности нахождения в таких ландшафтных ситуациях рудопроявлений цветных металлов сомнительны.

Логично предположить, что экспедиция 1491 г. могла найти серебряную и медную руды только в тех местах, где она есть. Поэтому обратимся к геологической составляющей научной модели.

Данные геологии. Итоги геологических исследований по поиску медной и серебряной руд подвел еще в 1926 г. геолог А.А. Чернов [8]. Он критически проанализировал деятельность своих предшественников и провел два полевых сезона 1917/18 гг. с целью поиска руд на реках Цильме и Пижме. Результаты его работы с аналитическими данными и рассуждениями автора о перспективах добычи здесь металлов опубликованы, и поэтому мы отсылаем читателя к его книге «Полезные ископаемые Печорского края». В этой публикации мы приведем его заключения, которые важны для нашего исследования.

Проанализировав данные предшественников об изученности запасов медной руды, А.А. Чернов пришел к выводу о том, что их сведения «настолько кратки и поверхностны, что не позволяют составить точного представления о составе пройденных пород, а во многих случаях даже не дают возможности установить с достаточной точностью места разведочных работ. В частности, остается пока невыясненным местонахождение «завода», который, хотя и слишком кратковременно, но, повидимому, действительно был в старину на Цильме» [8, с. 30, 31]. Далее он пишет: «Из всех находок пока в лучшем положении представляется гнездо на правом берегу Цильмы («у заводов»), но даже и здесь его часть, обнаруженная разведкой, имеет небольшие размеры и не может в данных условиях быть выгодно эксплуатируемой» [8, с. 36, 37]. Далее «...нет оснований идти для поисков рудоносной глины в верхнюю часть Цильмы, выше устья Космы, так как там в разрезах преобладают песчаники и сланцы. Кроме того, не исключена возможность нахождения значительных оруднений в лежачем и висячем боку жирных глин, как в двух верстах ниже Заводского ручья...». А.А. Чернов полагает, что «...нет никаких оснований относиться с недоверием к сообщению Карамзина: весьма вероятно, что на Цильме в 1492 году была разработка медной руды и из нее чеканили медную и серебряную монету. В дальнейшем дело могло прекратиться, когда найденные гнезда были выработаны, а новых найти не могли» [8, с. 41].

Новейшие геологические исследования И.Х. Шумилова показали, что минерал, который мог быть рудой для добычи меди, – псевдоморфозы

ее сульфидов по растительному детриту девонских отложений Среднего Тимана [31 – 33]. Они приурочены к линзам прослоек сравнительно малой протяженности (до 1,5 м) и толщины (всего несколько сантиметров) зеленой глины, залегающей в красной глине и песчаниках. Содержание красноцветных отложений достигает максимума в нижнем течении р. Рудянки и ближайшей к ней территории [33, р. 764]. В этих исследованиях представлен многосторонний комплексный анализ образцов, отобранных с этого участка долины р. Цильмы, и дано их подробное описание. Здесь же охарактеризован процесс образования – замещения органической составляющей минеральной. Сама руда, по мнению геолога, имеет гидрогенное происхождение, а не гидротермальное, как это полагалось ранее [34]. Она образовалась благодаря стечению множества геологических и климатических факторов, и в условиях средней части Тиманского кряжа ее залежи не могут быть по определению такими значительными, как, например, в горных странах.

Таким образом, доступные нам результаты исследований геологов подтверждают факт наличия рудопроявлений меди и серебра на р. Цильме и возможности ее добычи в сравнительно малых и непромышленных объемах на участке около 7 км от устья р. Рудянки и выше, но не далее р. Космы. При этом единодушно мнение исследователей о наиболее перспективной и легкой добыче на правом берегу р. Цильмы напротив безымянного ручья, в местности «У заводов». Именно этот участок обследовала Н.Н. Чеснокова в 1986 и 1988 гг. Ею были составлены его первые описания и ситуационный план; проводились мероприятия по охране памятника истории и культуры.

Результаты археологической разведки 2020 г.

В 2020 г. по инициативе Управления Республики Коми по охране объектов культурного наследия сотрудники Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Е.В. Попов, В.Н. Карманов и И.О. Васкул провели разведку в долине р. Цильмы. Обследовали участок от с. Филиппово до местности «У заводов». Основное внимание было сосредоточено на отрезке «устье р. Рудянки – руч. Рудничный» как наиболее перспективного места для нахождения указанного объекта. В первую очередь изучена местность «У заводов»: правый берег реки напротив ручья и оба берега ручья, в особенности место так называемого «Рудного поля». Эта местность соответствует основному бору, заключенному между современными долинами руч. Заводской и р. Цильмы. Именно здесь, судя по плану Н.Н. Чесноковой, располагаются сети траншей и шурфов – результаты геологоразведочных поисков (см. выше).

Анализ картматериалов, сцен спутниковой съемки и визуальное обследование этого участка в 2020 г. позволило сделать следующие выводы. Участок, обозначенный как «Рудное поле», местность «У заводов» и руч. Рудничный располагаются в пределах долины р. Цильмы. Коренные берега хорошо выражены, в лучшей степени правый, их преобладающие высоты – 89,2 – 90,8 м (здесь и далее – Балтийская система высот) при высоте уреза реки в межень 47,0 м. Высоты в районе «Рудного поля» по обоим берегам ручья достигают 66 – 67 м. Ручей образован дву-

мя мелкими водотоками, стекающими по ложбинам – дну протяженного оврага и одного из его отвершков. Участок между коренным левым берегом и современным руслом реки является одним из сегментов поймы р. Цильмы. Изначально поверхность поймы могла иметь вид субпараллельных пойменных грив и ложбин. После отхода русла реки, его врезания и перехода в состояние надпойменной террасы, рельеф поверхности этого сегмента был еще более осложнен золовыми процессами: субпараллельными дюнами и котловинами выдувания. Кроме того, на поверхности хорошо определяются провалы, в том числе с заболоченными днищами. Их наличие А.А. Чернов объяснил явлением суффозии – механической выноски грунта подземными водами. Таким образом, в настоящее время рельеф участка «Рудного поля» сложен и представлен чередованием дюн, ложбин и котловин выдувания, суффозий, по краям – оврагов.

Остатки шурфов разных размеров располагаются преимущественно на дне ложбин и провалов, лишь в единичных случаях – на дюнах, что объясняется строением рельефа данного участка местности, поскольку дюны сложены навевными песками, и затрачивать усилия на их прокопку нецелесообразно. Напротив, в ложбинах основание золовой гряды и/или поймы залегает на меньшей глубине и более доступно. При этом исследователи вынужденно сталкивались с проблемами обвала шурфов и их затопления грунтовыми водами. Об этом свидетельствуют не только литературные данные, но и фиксируемые в настоящее время остатки шурфов со срубками и трубами для откачки воды. Инструментально нами были измерены высоты дюн над урезом воды в руч. Заводской и глубины ложбин и котловин. В результате определено, что уже на глубине около 4 м должны поступать грунтовые воды.

В связи с такой геоморфологией очевидно, что протекавшая на этом месте в неопределенное пока время река должна была размыть до основания все рыхлые отложения, в том числе рудосносные глины. И вероятность нахождения в описываемой геоморфологической ситуации медной руды крайне низка. Именно это красноречиво подтвердили полевые работы А.А. Чернова [8, с. 32, 33], т.е. описанные Н.Н. Чесноковой и некоторыми исследователями «рукотворные» сети канав, траншей геологоразведочных работ – это естественные образования. Это подтверждается отсутствием следов отвалов, что, кстати, отметил еще А.А. Чернов [8, с. 32]. Нахождение в этих ложбинах бессистемно заложенных шурфов объясняется также геоморфологией этого места. Таким образом, в природных метаморфозах с легким воздействием поисковой шурфовки любознательные увидели определенную систему и, сопоставив ее с разнородными сведениями о Рудниках и об их поиске, построили свою модель представлений о них.

На противоположном берегу р. Цильмы в ее излучине заключен следующий сегмент поймы неуставленного возраста. Уступы коренного берега здесь выражены лучше, поскольку в обнажениях определяются плиты песчаники, сдерживающие разрушение отложений рекой. Но верхи в прикраевой части берега размыты рекой и разрушены оврагами. В результате на

полосе берега шириной до 250 м рудоносные глины, покрытые песчаниками, находятся ближе к современной дневной поверхности. Это обстоятельство отметил А.А. Чернов [8, с. 37], предлагая при наличии транспортной доступности использовать для разработки месторождения экскаватор. При обследовании 2020 г. именно в этом обнажении был найден образец, содержащий, по заключению канд.-геол.-минер. наук, ст. научн. сотр. Института геологии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН И.Х. Шумилова, более 50 % джарлента – сульфида меди. Указанный минерал, имеющий гидрогенное происхождение в этой части Земли, является рудой для добычи меди. Образцы с других обследованных нами обнажений, напротив, не содержат значимых признаков.

Отметим, что выводы о геоморфологии этого места предварительны и основаны на опыте сотрудничества с русловыми геоморфологами и палеогеографами в рамках комплексных исследований на р. Вычегде – одной из самых динамичных рек Европы [35]. Для окончательного заключения необходимо проведение специальных палеогеографических исследований для восстановления последовательности развития русла Цильмы на этом участке долины и хронометрия этапов его истории.

Обследование доступных обнажений, вскрывающихся по обоим берегам р. Цильмы, выявило участки, где отложения соответствовали описанию геологов как рудоносных слоев. Это прослойки зеленой глины, заключенные в красную глину или песчаник [33, р. 764], включающие псевдоморфозы с высоким содержанием сульфидов меди. Такие обнажения вскрываются от устья руч. Рудничный до устья руч. Лиственничный или на участке долины протяженностью 22 км. Но наиболее информативные и протяженные обнажения определяются на отрезке около 9 км от руч. «У заводов» до устья р. Рудянки и в берегах самой р. Рудянки. Ниже вскрываются только рыхлые песчаные отложения, в которых потенциально рудоносные слои отсутствуют. Это подтверждает данные летописей, результаты геологических исследований о месте нахождения руды и, соответственно, ограничивает район поиска Рудников.

Археологи и даже некоторые местные жители – участники разведок – умеют определять на современной поверхности остатки углубленных, в том числе единичных жилищ V – II тыс. до н. э. Поэтому свидетельства функционирования завода по обогащению руд в XV – XVII вв. н. э. не могли быть не замеченными. Промысловики, знающие окружающую местность досконально, также не пропустили бы остатки таких производств, и информация о таких «аномалиях» обязательно стала бы общеизвестной.

• Результаты и обсуждение

Анализ нормативной базы, изучение публикаций геологов, историко-архивные изыскания и археологическая разведка 2020 г. позволили определить достоверные сведения; неоднозначные данные, требующие подтверждения дальнейшими исследованиями; неподтвержденную информацию.

К достоверной информации относятся возможность нахождения рудопроявлений меди и серебра на участке долины р. Цильмы от устья

р. Рудянки до р. Космы и сведения источников XVI – XVII вв. об отправке в 1491 г. экспедиции для поиска цветных металлов на р. Печору и ее возвращении с известием о находке искомого на р. Цильме. Данные геологов и результаты наших историко-архивных изысканий и археологической разведки 2020 г. позволяют утверждать, что в летописях содержится сравнительно точная привязка мест возможного залегания руды. Такая точность описания столь удаленной от Москвы территории удивляет и может свидетельствовать о достоверности сведений об экспедиции 1491 г. Но нельзя исключать, что она объясняется более поздними дополнениями в списки летописей, когда информация об особенностях залегания проявлений руд на р. Цильме стала более точной, благодаря последующим изысканиям и/или освоению р. Цильмы этноареальной группой устьцилемов в XVI в.

Сведения о составе экспедиции, ее конкретных сроках и результативности (найжены только медная или медная и серебряная руды) неоднозначны и, возможно, объясняются разновременными правками текстов источников. К пока недоказанной информации относится история о полномерной и длительной добыче меди и серебра на р. Цильме в конце XV – XVII вв., которая известна только по работе Н.М. Карамзина.

Таким образом, есть информация о поиске руды в разное время: начиная с 1491 г. (экспедиция времен правления Ивана III) до 1917/18 гг. (экспедиция А.А. Чернова), но нет доказательств ее систематической долговременной добычи. Возвращаясь к точным определениям (см. введение), известны рудопроявления, но нет доказательств функционирования Рудников в какое бы то ни было время.

Помимо отсутствия прямых сведений о Рудниках приведем косвенные доказательства отсутствия систематической и продолжительной добычи медной и серебряной руд, ее переработки (обогащения) на р. Цильме. В период с конца XVI до начала XX вв. инициаторы добычи руд на р. Цильме вынуждены были начинать свою деятельность с нуля, что объясняется отсутствием традиций долговременного промысла и налаженной логистики руды в любом ее виде в больших объемах. Об этом также свидетельствует факт сравнительно позднего образования известных населенных пунктов в долине р. Цильмы, которая на большем протяжении – территория присваивающего хозяйства. Постоянные населенные пункты, исключительно в ее нижнем течении, возникли в XIX – XX вв.: деревни Нонбург (1918 г.), Мыла (1846 г.); села Филиппово (1835 – 1837 гг.), Трусово (1846 г.), Рочево (нач. 1940-х гг.); пос. Синегорье (после 1930 г.) [36]. И их организация связана с промысловым и сельскохозяйственным освоением территории и обработкой продуктов оленеводства, а население крайне немногочисленно. В то время как все известные железодельные производства и соляренный промысел на территории европейского Северо-Востока России сопровождалась организацией мест постоянного проживания заводского населения: поселки Нювчим, Кажим и Нючпас, Серёгово [36].

Выдвинутое Н.Е. Плаксиной [4] предположение о связи деятельности старообрядческих скитов на р. Цильме и производстве изделий из цилемской меди вероятно, поскольку связано

с локальными небольшими объемами добычи, которые нельзя назвать рудниками. Следы и остатки таких промыслов в силу кратковременности и негативного воздействия природных факторов не сохраняются. Поиск доказательств в этом направлении затруднен не только этим. Во-первых, анализ металлов, использовавшихся для изготовления старообрядческих предметов, скорее всего, будет не эффективен: медные вещи неоднократно переплавлялись, а меденосные руды, имеющие гидрогенное происхождение, лишены маркеров, по которым можно было бы определить их конкретный источник. Во-вторых, информация о добыче цветных металлов на таком уровне, к тому же в старообрядческой среде, не предполагает открытости, и ее циркуляция в свободной форме возможна только в виде слухов. А об их влиянии на степень достоверности сведений в человеческой культуре известно всем.

• Заключение

Своим исследованием мы пытались доказать, что история о действовавших некогда медно-серебряных рудниках на р. Цильме – это основа фольклорной и идеологической моделей; миф, кочующий по публикациям и не только краеведческим, но и сугубо научным. Несомненно, эта мнимая реальность важна для людей, поскольку демонстрирует исключительность и величие малой и большой Родины.

Но такая реальность не подходит для разработки («охранной») модели, для которой нужен материальный объект, имеющий свою территорию и предмет охраны. А пока источник сведений, на основании которых информация о Рудниках появилась в нормативных документах 1949 и 1974 гг., не определен. Целенаправленные археологические полевые работы в то время не проводились, а доступные письменные источники не содержат достоверной информации о добыче руд цветных металлов на р. Цильме в XV – XVII вв. Археологические разведки 1980-х гг. и 2020 г. также не выявили ее признаков. Обнаружены лишь свидетельства поисковых геологических работ в виде шурфов предположительно XIX – начала XX вв. В связи с этим местоположение достопримечательного места пока не установлено, и определение его актуального состояния и границ территории невозможно в связи с отсутствием выявленных признаков объекта культурного наследия. Таким образом, информация в Постановлении Совета Министров РСФСР № 624 от 4 декабря 1974 г. о Рудниках как памятнике археологии XIV – XVII вв. основывается на сведениях из неопределенных источников, не подтвержденных археологическими исследованиями. В связи с этим включение в Реестр объекта культурного наследия «Медно-серебряные рудники» в составе 5 шахт как памятника археологии пока необоснованно.

Авторы выражают благодарность И.Х. Шумилу за консультации по особенностям геологии меденосных руд р. Цильмы и аналитическое исследование образцов.

Археологическая разведка 2020 г. финансировалась Управлением Республики Коми по охране объектов культурного наследия.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0005.

• Используемые сокращения

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
 НА – Научный архив
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

• Abbreviations used

IA RAS – Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
 MAESV – Materials on the archaeology of the European Northeast
 NA – Scientific Archive
 PSRL – The Complete Collection of Russian Chronicles

• Литература

1. Карамзин, Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842 – 1844 гг. В 3-х книгах. Кн. I / Н.М. Карамзин. – Москва, 1988.
2. Лузгин, В.Е. Древние культуры Ижмы / В.Е. Лузгин. – Москва: Наука, 1972. – 128 с.
3. Чеснокова, Н.Н. Цилемские рудники / Н.Н. Чеснокова // Красная Печора. 7, 9, 11, 14 июля 1987 г.
4. Плаксина, Н.Е. Цилемские рудники в контексте истории старообрядчества на Нижней Печоре / Н.Е. Плаксина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2017. – № 5. – С. 55 – 66. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.55
5. Курлаев, Е.А. Поиски руд в Пустозерском уезде и на Полярном Урале до начала XVIII вв. / Е.А. Курлаев // Уральский исторический вестник. – 2006. – № 13. – С. 273 – 282.
6. Курлаев, Е.А. Добыча серебра на Урале / Е.А. Курлаев // Геоархеология и археологическая минералогия. – 2020. – Т. 7. – С. 150 – 153.
7. Калинин, Е.П. Традиционные системы природопользования и горные промыслы народа коми / Е.П. Калинин, Н.Д. Конаков // Археология и ранняя история минералогии: мат-лы Международного семинара. – Сыктывкар: Геопринт, 2005. – С. 110 – 111.
8. Чернов, А.А. Полезные ископаемые Печорского края / А.А. Чернов. – Москва: Издание научно-технического отдела ВСНХ, 1926. – 52 с. – (Труды Института по изучению Севера. Вып. 35).
9. Колониченко, Е.В. Памятник медно-рудного промысла на Цильме: вчера, сегодня, завтра / Е.В. Колониченко // Изучение, сохранение и использование объектов геологического наследия северных регионов (Республика Коми): материалы научно-практической конференции, Сыктывкар, Республика Коми 4 – 8 сентября 2007. – Сыктывкар, 2007. – С. 119 – 121.
10. Колониченко, Е.В. Реконструкция древнего медного промысла на реке Цильме / Е.В. Колониченко // Геология и минеральные ресурсы европейского северо-востока России: материалы XV Геолог. съезда Респ. Коми, г.

- Сыктывкар, 13–16 апреля 2009 года. – Сыктывкар, 2009. – Т. III. – С. 402–403.
11. Шумилов, И.Х. Первенец горнорудного промысла России / И.Х. Шумилов // Изучение, сохранение и использование объектов геологического наследия северных регионов (Республика Коми): материалы научно-практической конференции, Сыктывкар, Республика Коми 4–8 сентября 2007. – Сыктывкар, 2007. – С. 125–127.
 12. Иевлев, А.А. Древние горные промыслы и производства Европейского Северо-Востока России / А.А. Иевлев // Российская Арктика: история, современность, перспективы. – Архангельск–Соловецкие острова, 2012. – С. 64–99. – (Материалы XV Международного Соловецкого форума).
 13. Латкин, В.Н. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах: в 2-х ч. / В.Н. Латкин. – Санкт-Петербург, 1853. – 143 с.
 14. Шренк, А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самодов к северным Уральским горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 году Александром Шренком / А.И. Шренк. – Санкт-Петербург, 1855. – 665 с.
 15. Носов, Я.Н. Цилемские серебряно-медные рудники / Я.Н. Носов. – Усть-Цильма, 2005. – 9 с.
 16. Окладников, Н. Тайна древних цилемских рудников / Н. Окладников // Арт. – 2007. – № 2. – С. 93–97.
 17. Бартнев, И.П. О медных рудах на реке Цильме / И.П. Бартнев // Известия Императорского русского географического общества. – 1897. – Т. XXXIII, вып. 1. – С. 53–66.
 18. Геологический словарь: в 2-х т. / под ред. К.Н. Пафенгольца. – Москва: Недра, 1978.
 19. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 3, П-Р. – Москва: Русский язык, 1987. – 752 с.
 20. Геологическая изученность СССР / отв. ред. А.А. Чернов. Т. 5. Коми АССР. Период 1929–1940. Вып. 1. – Сыктывкар, 1962. – 92 с.
 21. Производительные силы Коми СССР. Т. 2. – Москва: Наука, 1955.
 22. Археологическая карта Республики Коми. – Сыктывкар: Коми респ. типография, 2014. – 416 с.
 23. Зеленский, В.С. Археологические памятники на Цильме / В.С. Зеленский // Археологические памятники Северного Приуралья (МАЕСВ; Вып. 9). – Сыктывкар, 1985. – С. 140–147.
 24. Зеленский, В.С. Памятник эпохи бронзы Синегорье 1 на Цильме / В.С. Зеленский // Первобытные и средневековые древности Европейского Северо-Востока (МАЕСВ; Вып. 19). – Сыктывкар, 2015. – С. 39–52.
 25. Чеснокова, Н.Н. Отчет о работах Цильмо-Печорского отряда экспедиции «Памятники истории и культуры Коми» в 1986 г. – Сыктывкар, 1987 / Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 12117, 12117а.
 26. Отчет о научно-исследовательской работе «Свод памятников истории и культуры Усть-Цилемского и Ижемского районов» (рук. темы НИР Л.П. Роцевская) в 1987 г. (№ ГР 01860033711, инв. № 02850081699). – Сыктывкар, 1987.
 27. ПСРА. Т. 8. – Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1859. – 301 с.
 28. ПСРА. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. – Москва–Ленинград, 1959. – 413 с.
 29. ПСРА. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. – Ленинград, 1977. – 250 с.
 30. Тихомиров, М.Н. Предисловие к «Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись» / М.Н. Тихомиров. – Москва–Ленинград, 1959. С. 3–8.
 31. Шумилов, И.Х. Меденосные отложения Среднего Тимана / И.Х. Шумилов // **Проблемы минералогии, петрографии и металлогении. Научные чтения памяти П.Н. Чирвинского.** – 2007. – № 10. – С. 257–264.
 32. Шумилов, И.Х. Псевдоморфозы сульфидов меди по растительному детриту в девонских отложениях Среднего Тимана / И.Х. Шумилов // Записки Российского минералогического общества. – 2007. – Вып. 6 (136). – С. 64–76.
 33. Shumilov, I. Kh. Copper Sulfide Pseudomorphs after Phytodetritus in Devonian Sedimentary Rocks of the Middle Timan Region // *Geology of Ore Deposits.* – 2008. – Vol. 50. – No. 8. – pp. 763–771.
 34. Кочетков, О.С. Минералогия меденосных формаций Тимана / О.С. Кочетков, Е.В. Колониченко, В.В. Повонский, В.Н. Филиппов // Геология и минеральные ресурсы европейского Северо-Востока России: материалы XIV Геологического съезда Республики Коми. – Сыктывкар: Геопринт, 2004. – Т. 2. – С. 211–212.
 35. Карманов, В.Н. Опыт применения данных палеорусловедения в археологии на примере изучения средней Вычегды (европейский Северо-Восток России) / В.Н. Карманов, А.В. Чернов, Н.Е. Зарецкая, А.В. Панин, А.В. Волокитин // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2 (54). – С. 83–93.
 36. Жеребцов, И.А. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник / И.А. Жеребцов. – Москва: Наука, 2001. – 580 с.

• References

1. Karamzin, N.M. Istorii gosudarstva Rossiiskogo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniia 1842–1844 gg. [History of the Russian State. Reprint reproduction of the 1842–1844 edition]. In 3 books. Book I. / N.M. Karamzin. – Moscow, 1988.
2. Luzgin, V.E. Drevnie kul'tury Izhmy [Ancient cultures of Izhma] / V.E. Luzgin. – Moscow: Nauka, 1972. – 128 p.
3. Chesnokova, N.N. Tsilemskie rudniki [Tsil'ma mines] / N.N. Chesnokova // *Krasnaia Pechora [Red Pechora].* July 7, 9, 11, 14, 1987.
4. Plaksina, N.E. Tsilemskie rudniki v kontekste istorii staroobriadchestva na Nizhnei Pechore [Tsil'ma copper mines in the context of the history of old believers in the lower reaches of the Pechora river] / N.E. Plaksina // *Bull. of Northern (Arctic) Federal Univ. Series: Humanities and Social Sciences.* – 2017. – № 5. – P. 55–66. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.55
5. Kurlaev, E.A. Poiski rud v Pustozerskom uезде i na Poliarном Urale do nachala XVIII vv. [Ore searches in Pustozersky uyezd and in the Polar Urals until the beginning of the XVIII century] / E.A. Kurlaev // *Ural Historical Bull.* – 2006. – № 13. – P. 273–282.

6. Kurlaev, E.A. Dobycha serebra na Urale [Silver mining in the Urals] / E.A. Kurlaev // *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya* [Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy]. – 2020. – Vol. 7. – P. 150 – 153.
7. Kalinin, E.P. Traditsionnye sistemy prirodopol'zovaniia i gornye promysly naroda komi [Traditional systems of nature management and mining of the Komi people] / E.P. Kalinin, N.D. Konakov // *Arkheologiya i ranniaia istoriia mineralogii* [Archaeology and the early history of mineralogy]: materials of the Intern. Seminar. – Syktyvkar: Geoprint, 2005. – P. 110 – 111.
8. Chernov, A.A. Poleznye iskopaemye Pechorskogo kraia [Mineral resources of the Pechora region] / A.A. Chernov. – Moscow: Publication of the Scientific and Technical Department of the Supreme Council of the National Economy, 1926. – 52 p. – (Proc. of the Inst. for the Study of the North. Issue 35).
9. Kolonichenko, E.V. Pamiatnik medno-rudnogo promysla na Tsilme: vchera, segodnia, zavtra [Site of copper-ore mining on Tsil'ma: yesterday, today, tomorrow] / E.V. Kolonichenko // *Izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie ob'ektov geologicheskogo nasledia severnykh regionov (Respublika Komi): materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Research, preservation and exploitation of geological heritage of northern regions (Komi Republic): Materials of sci.-pract. conf.], Syktyvkar, Komi Republic, September 4 – 8, 2007. – Syktyvkar, 2007. – P. 119 – 121.
10. Kolonichenko, E.V. Rekonstruktsiia drevnego mednogo promysla na reke Tsil'me [Reconstruction of an ancient copper mine on the river Tsil'ma] / E.V. Kolonichenko // *Geologiya i mineral'nye resursy evropeiskogo severo-vostoka Rossii*: [Geology and mineral resources of the European North-East of Russia]: Materials of XV Geol. Congress of the Komi Republic, Syktyvkar, April 13 – 16, 2009. – Syktyvkar, 2009. – Vol. III. – P. 402 – 403.
11. Shumilov, I.Kh. Pervenets gornorudnogo promysla Rossii [The firstborn of Russian mining industry] / I.Kh. Shumilov // *Izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie ob'ektov geologicheskogo nasledia severnykh regionov (Respublika Komi): materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Research, preservation and use of objects of geological heritage of northern regions (Komi Republic)]: Materials of sci. conf., Syktyvkar, Komi Republic, September 4 – 8, 2007. – Syktyvkar, 2007. – P. 125 – 127.
12. Ievlev, A.A. Drevnie gornye promysly i proizvodstva Evropeiskoe Severo-Vostoka Rossii [Ancient mining crafts and productions of the European North-East of Russia] / A.A. Ievlev // *Rossiiskaia Arktika: istoriia, sovremennost', perspektivy* [Russian Arctic: History, Modernity, Perspectives]. Arkhangel'sk–Solovets Islands, 2012. – P. 64 – 99. (Materials of XV Intern. Solovets Forum).
13. Latkin, V.N. Dnevnik Vasiliia Nikolaevicha Latkina, vo vremia puteshestviia na Pechoru, v 1840 i 1843 godakh: v 2-kh ch. [Diary of Vasily Nikolaevich Latkin during his trip to Pechora in 1840 and 1843: in 2 parts]. / V.N. Latkin. – St. Petersburg, 1853. – 143 p.
14. Shrenk, A.I. Puteshestvie k severo-vostoku Evropeiskoi Rossii cherez tundry samoedov k severnym Ural'skim goram, predpriniatoe po vysochaishemu poveleniiu v 1837 godu Aleksandrom Shrenkom [A trip to the North-East of European Russia through the Samoyed tundras to the North Ural Mountains, undertaken by Alexander Shrenk by the highest command in 1837] / A.I. Shrenk. – St. Petersburg, 1855. – 665 p.
15. Nosov, Ya.N. Tsilemskie serebriano-mednye rudniki [Tsil'ma silver and copper mines.] / Ya.N. Nosov. – Ust'-Tsil'ma, 2005. – 9 p.
16. Okladnikov, N. Taina drevnikh tsilemskikh rudnikov [The Mystery of Ancient Tsil'ma Mines] / N. Okladnikov // *Art.* – 2007. – № 2. – P. 93 – 97.
17. Bartenev, I.P. O mednykh rudakh na reke Tsil'me [On copper ores on the Tsilma river] / I.P. Bartenev // *Izv. Imp. rus. geograf. o-va* [Proc. of the Imperial Russian Geographical Society]. – 1897. – Vol. XXXIII, Issue 1. – P. 53 – 66.
18. *Geologicheskii slovar'*: v 2-kh tomakh [Geological dictionary: in 2 volumes] / Ed. K.N. Paffengolts. – Moscow: Nedra, 1978.
19. *Slovar' russkogo iazyka*: v 4-kh t. [Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes] / Ed. A.P. Evgenyeva. 3-rd edition, stereotypical. Vol. 3, P–R. – Moscow: the Russian language, 1987. – 752 p.
20. *Geologicheskaya izuchennost' SSSR* [Geological study of the USSR] / Ed. A.A. Chernov. Vol. 5. Komi ASSR. Period 1929 – 1940. Issue 1. – Syktyvkar, 1962. – 92 p.
21. *Proizvoditel'nye sily Komi SSSR*. [The productive forces of the Komi USSR]. Vol. 2. – Moscow: Nauka, 1955.
22. *Arkheologicheskaya karta Respubliki Komi* [Archaeological Map of the Komi Republic]. – Syktyvkar: Komi republican printing house, 2014. – 416 p.
23. Zelensky, V.S. *Arkheologicheskie pamiatniki na Tsil'me* [Archaeological sites on the Tsilma] / V.S. Zelensky // *Arkheologicheskie pamiatniki Severnogo Priural'ia (MAESV; Vyp. 9)* [Archaeological sites of the Northern Urals (Materials on the archaeology of the European North-East; issue 9)]. – Syktyvkar, 1985. – P. 140 – 147.
24. Zelensky, V.S. *Pamiatnik epokhi bronzy Sinigor'e 1 na Tsil'me* [The Bronze Age Sinegorye 1 site on the Tsil'ma] / V.S. Zelensky // *Pervobytnye i srednevekove drevnosti Evropeiskogo Severo-vostoka (MAESV; Vyp. 19)* [Prehistoric and Medieval Antiquities of the European North-East (Materials on the archaeology of the European North-East; issue 19)]. – Syktyvkar, 2015. – P. 39 – 52.
25. Chesnokova, N.N. *Otchet o rabotakh Tsil'mo-Pechorskogo otriada ekspeditsii "Pamiatniki istorii i kul'tury Komi" v 1986 g* [Report on the works of the Tsil'ma-Pechora team of the expedition "Monuments of the Komi history and culture" in 1986]. – Syktyvkar, 1987 / *Sci. Archive of the Inst. of Archaeology, RAS. P-1. №12117, 12117a.*
26. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote "Svod pamiatnikov istorii i kul'tury Ust'-Tsilemskogo i Izhemskogo raionov" (ruk. temy NIR L.P. Roshevskaya) v 1987 g.* [Report on the sci. research work "A set of Historical and Cultural Monuments of the Ust'-Tsil'ma and Izhma regions" (supervised by L.P. Roshevskaya) in 1987]. (№ GR 01860033711, inv. № 02850081699)). – Syktyvkar, 1987.
27. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of the Russian Annals]. Vol. 8. – St. Petersburg: Printing house of Eduard Prats, 1859. – 301 p.

28. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of the Russian Annals]. Vol. 26. Vologodsko-Permskaia letopis' [The Vologda-Perm chronicle]. – Moscow – Leningrad. 1959. – 413 P.
29. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of the Russian Annals]. Vol. 33. Kholmogorskaya letopis'. Dvinskoi letopisets [Kholmogory chronicle. Dvina chronicle]. – Leningrad. 1977. – 250 p.
30. Tikhomirov, M.N. Predislovie k "Polnoe sobranie russkikh letopisei [Preface to "Complete Collection of Russian Annals]. Vol. 26. Vologodsko-Permskaia letopis'" [The Vologda-Perm chronicle] / M.N. Tikhomirov. – Moscow – Leningrad, 1959. – P. 3 – 8.
31. Shumilov, I.Kh. Medenosnye otlozheniia Srednego Timana [Copper-bearing sediments of the Middle Timan] / I.Kh. Shumilov // Problemy mineralogii, petrografii i metallogenii. Nauchnye chteniia pamiati P.N. Chirvinskogo [Problems of mineralogy, petrography and metallogeny. Sci. readings in memory of P.N. Chirvinsky]. – 2007. – № 10. – P. 257 – 264.
32. Shumilov I.Kh. Pseudomorfozy sul'fidov medi po rastitel'nomu detritu v devonskikh otlozheniakh Srednego Timana [Pseudomorphs of copper sulfides by plant detritus in Devonian sediments of the Middle Timan] / I.Kh. Shumilov // Zapiski Rossiiskogo mineralogicheskogo obshchestva [Proc. of the Russian Mineralogical Society]. – 2007. – Issue 6 (136). – P. 64 – 76.
33. Shumilov, I.Kh. Copper Sulfide Pseudomorphs after Phytodetritus in Devonian Sedimentary Rocks of the Middle Timan Region // Geology of Ore Deposits. – 2008. Vol. – 50. – No. 8. – P. 763 – 771.
34. Kochetkov, O.S. Minerageniia medenosnykh formatsii Timana [Minerageny of copper-bearing formations of the Timan] / O.S. Kochetkov, E.V. Kolonichenko, V.B. Povonsky, V.N. Filippov // Geologiya i mineral'nye resursy evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii [Geology and Mineral Resources of the European North-East of Russia]: Proc. of the XIV Geological Congress of the Komi Republic. – Syktyvkar: Geoprint, 2004. – Vol. 2. – P. 211 – 212.
35. Karmanov, V.N. Opyt primeneniya dannykh paleoruslovedeniya v arheologii na primere izucheniya srednei Vychehdy (evropeiskii Severo-Vostok Rossii) [Paleochannel studies in archaeology: the case of the Vychehda river (Northeastern European Russia)]. / V.N. Karmanov, A.V. Chernov, N.E. Zaretskaya, A.V. Panin, A.V. Volokitin // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2013. – № 2 (54). – P. 83 – 93.
36. Zherebtsov, I.L. Naselennye punkty Respubliki Komi: istoriko-demograficheskii spravochnik [Settlements of the Komi Republic: Historical and Demographic Handbook] / I.L. Zherebtsov. – Moscow: Nauka, 2001. – 580 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022
The Editorial Office received the paper on 12.01.2022

С.Ю. ШОКАРЕВ

СМЕРТЬ ЦАРИЦЫ СТАРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ (1614 ГОД) И РУССКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД XVI – XVII ВЕКОВ

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
г. Москва

shokarevs@yandex.ru

S.YU. SHOKAREV

THE DEATH OF THE OLD TSARINA ALEXANDRA (1614) AND THE RUSSIAN FUNERAL RITE OF THE XVI – XVII CENTURIES

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow

Аннотация

Евдокия Богдановна Сабурова – первая супруга царевича Ивана Ивановича. Она пробыла в статусе царицы около года, но прожила долгую жизнь старицей Суздальского Покровского монастыря Александрой, занимая высокое положение и пользуясь благами, положенными высокопоставленной монахини из правящего рода. Жизнь царицы старицы Александры сравнительно хорошо документирована источниками, однако в литературе нет ясности относительно даты ее кончины и даже имени. В настоящем исследовании публикуется документ, связанный с погребением царицы старицы Александры, дополняющий ее биографию и представления о средневековом погребальном обряде XVI – XVII вв.

Ключевые слова:

царица старица Александра, царевич Иван Иванович, царь Иван IV Грозный, Покровский Суздальский монастырь, погребальный обряд, некрополь

Abstract

Evdokiya Bogdanovna Saburova was the first wife of Tsarevich Ivan Ivanovich, the son of Ivan IV the Terrible. She stayed in the status of a tsarina for about a year, but lived a long life as the old Alexandra of the Suzdal Pokrovsky Monastery, occupying a high position and enjoying the benefits due to a highranking nun from the ruling family. The life of old Tsarina Alexandra is relatively well documented by sources, but there is no clarity in the literature regarding the date of her death and even her name. This study publishes a document related to the burial of the old Tsarina Alexandra, complementing her biography and ideas about the medieval funeral rite of the XVI – XVII centuries.

Keywords:

old Tsarina (nun) Alexandra, Tsarevich Ivan Ivanovich, Tsar Ivan IV the Terrible, Suzdal Pokrovsky Monastery, funeral rite, necropolis

Свадьба царевича Ивана Ивановича и Евдокии Богдановны Сабуровой состоялась 4 ноября 1571 г., в воскресенье. Интересно, что новгородская летопись называет Евдокию Сабурову «царевной», а не «царицей», как большинство других источников именуют жен царевича Ивана Ивановича. По предположению А.А. Зимина, свадьба произошла в Александровой слободе. Неделей ранее Иван IV женился на Марфе Собакиной [1, с. 108, 109; 2, с. 215]. Евдокия принадлежала к старомосковскому боярскому роду Сабуровых, давшему государскому роду супругу Василия III, Соломонию (троюродная бабушка Евдокии). Этот брак, как известно, закончился печально – из-за бездетности великую княгиню постригли в монахини и отправили в Суздальский Покровский монастырь, ставший после этого местом удаления от мира разве-

денных царских жен. Разряд свадьбы царя с Марфой Собакиной показывает, что Сабуровы и их родители Годуновы были в значительном числе представлены на этой церемонии (так, сестра Евдокии, Домна, сидела «на месте государеве царя и великаго князя») [3, с. 88]. Брак Евдокии стал важным этапом в процессе возвышения Сабуровых и Годуновых, которые смогли удержаться даже после ее пострижения в монахини, представив в царскую семью новую невесту – Ирину Годунову, жену царевича Федора Ивановича [4, с. 295 – 303].

Отец Евдокии, Богдан (в крещении Феофан) Юрьевич Сабуров, получил боярский чин в 1571 г. и сохранил свое место в Думе после развода дочери. Он умер после 1598 г. [5]. Помимо Евдокии в семье Богдана и его супруги Ксении Александровны (урожденной Волынской) (есть данные о другом браке Б.Ю. Сабурова – на дочери Никиты Акинфовича Уварова) [6, с. 460, 461] были другие дети: сын Михаил Богданович († 1607) – воевода и боярин (1605 г.), убит самозванцем Лжепетром, и три дочери: Домна, замужем за князем Иваном Андреевичем Ноготковым, инокиня Фетинья (мирское имя неизвестно), замужем за князем Василием Федоровичем Бактеяровым-Ростовским, и Ульяна, замужем за Василием Петровичем Головиным [5; 7, с. 214]. Возможно, была и еще одна, четвертая дочь, Ксения (об этом – далее). Княгине Домне Богдановне Ноготковой адресовано письмо царевны Ксении Борисовны Годуновой из Троице-Сергиева монастыря, осажденного тушинцами (1609 г.). Письмо царевны «свету-тетушке» содержит рассказ об ужасах и тяготах осадного положения [8, с. 212, 213]. Д.Ф. Кобеко указывает, что Домна Богдановна приходилась царевне Ксении теткой именно по царской линии – как сестра жены царевича Ивана Ивановича, брата Федора, супруга Ирины Федоровны Годуновой [9, с. 3, 4]. В литературе встречается путаница, в результате которой ее имя ошибочно прилагается Евдокии, как двойное имя Домна-Евдокия Сабурова [6, с. 460].

Брак наследника престола и Евдокии оказался недолгим. Дата пострижения первой супруги царевича в монастырь не известна, но в 1575 г. царевич уже был женат на Феодосии Михайловне Соловой (Петрово-Солового) (ее крестильное имя Пелагея; Феодосия – публичное, «царское»). В первый и третий браки Иван Иванович вступил одновременно с отцом в 1571 и 1580 гг. Если предположить, что это правило было соблюдено и для второго брака, он должен совпасть с женитьбой Ивана IV на Анне Колтовской (апрель 1572 г.) или Анне Васильчиковой (осень 1574 г. или январь 1575 г.), что вероятнее [10, с. 471; 11, с. 14, 15, 91; 12, с. 124 – 126]. Современники указывают, что Евдокия оказалась в монастыре по воле Ивана Грозного. По словам «Нового летописца», «а постриг ее царь Иван Васильевич при царевиче Иване Ивановиче, росяручинился» [13, с. 150]. Сходно свидетельство дьяка Ивана Тимофеева о царевиче: «троебрачен же быв отца волею» [14, с. 19].

В монашестве Евдокия приняла имя Александра; в некоторых документах она именуется Александрой Богдановной. Монашеское имя царицы начиналось на ту же букву, что и обиходный вариант ее мирского имени – Авдотья [15, с. 240, 241]. А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский

отмечают, что это имя было популярно как монашеское в семье Ирины Годуновой; его приняли при постриге царица Ирина и супруга Д.И. Годунова Стефанида [16, с. 67, 68, 77].

О первых годах жизни Александры в монастыре ничего не известно. Вероятнее всего, около 1579 г. к ней присоединилась ее подруга по несчастью, вторая жена царевича – царица старица Прасковья (Соловая) (ее монашеское имя принято в пару крестильному Пелагея, а не «царскому» – Феодосия).

29 апреля 1586 г. царь Федор Иванович пожаловал царицу старицу Александру дворцовым «посопным» (посопное село – село, крестьяне которого платят подати зерновым хлебом [17, с. 207]) селом Бережки в Суздальском уезде с 20 деревнями и 16 с половиной пустошами (пашни и перелога 999 четвертей «с церковною пашнею в поле, а в дву потому ж», 2 274 копны с «полукопною» сена, 41 без четверти десятина непашенного леса). Жалованная грамота была подтверждена царями Борисом Годуновым (7 августа 1599 г.) и Василием Шуйским (20 августа 1606 г.), а в 1613 г. царица старица Александра отдала село в Покровский монастырь. Приписку к жалованной грамоте писал по ее приказу духовный отец «черный поп» Родион [18. № 160, с. 178, 179].

19 июня 1587 г. царь указал передать Александре 100 четвертей хлеба, которые «отписал» у царицы старицы Прасковьи Григорий Васильчиков. Всего было отписано 200 четвертей, из них 100 передали Александре, а еще 100 – игумень, «на монастырский обиход». Грамота извещает, что хлеб «остался за ее (Прасковьи. – С.Ш.) обиходом» [18. № 161, с. 180]. Скорее всего, раздача хлеба была связана с опалой на царицу старицу Прасковью из-за ее подозрительных контактов с князем И.П. Шуйским, сосланным в свое суздальское имение Лопатницы (Лопатницы). Немного ранее, 22 марта 1587 г., царь Федор Иванович указал игумень Леониде и сестрам рассказать боярину Д.И. Хворостинину и казначею Д.И. Черемисинову, посланным в монастырь, все, что известно о встречах князя Шуйского и царицы старицы Прасковьи. Было предписано также искать «накрепко» у стариц имущество Прасковьи и князя Шуйского [18. № 175, 176]. Вероятно, что по итогам розыска царицу старицу Прасковью перевели в Горицкий монастырь на Белоозере (там она упоминается в июне 1606 г.), а ее запасы раздали [12, с. 131; 13, с. 150]. Боярин и князь И.П. Шуйский был сослан в Кириллов монастырь и тайно убит [19, с. 58, 59].

Грамота 1587 г. свидетельствует, что вдовы царевича Ивана Ивановича были устроены в монастыре с удобствами и почетом, полагающимся их статусу, имели свои кельи и хозяйство, отдельное от монастырского. Монастырская опись 1597 г. отмечает в монастыре отдельные кельи царицы старицы Александры, княгини старицы Евпраксии (вдовы Владимира Старицкого) и две игуменских. Остальные 153 соборных и рядовых старицы проживали в 40 деревянных кельях [20, с. 17]. Отсутствие кельи царицы старицы Прасковьи подтверждает предположение о ее переводе из Покровского монастыря.

9 декабря 1608 г. Лжедмитрий II пожаловал «брата нашего государя царевича князя Ивана Ивановича богомолицу царицу старицу Александру» бывшим владением князя И.П. Шуй-

ского, с. Лопатничи, перешедшим в казну, и с. Быковым со всеми угодьями в Суздальском уезде [18. № 396, с. 371, 372]. Эти земли достались царице старице в разгар Смуты и потому не вполне ясно, в какой степени ей удалось реализовать свои владельческие права. Вскоре суздальские вотчины Александры (их состав из документов неясен) подверглись разорению «от полских и от литовских, и от всяких ратных людей», о чем она писала гетману Я.-П. Сапеге 30 сентября 1609 г. Гетман оказал внимание высокопоставленной особе и ответил ей, извещая, что отписал «к полковнику и к пану Мирскому и к пану Лисовскому ко всем ротмистрам, чтоб им кормов со крестьяне не править, и пахоликов ис твоих отчин велел вывести, и на служебников твоих корму имати не велел, и шкоты и насиства никакова чинить не велел...». В канцелярии гетмана плохо знали династические реалии Московского государства, и потому адресовали послание «государыне царице и великой княгини иноке Александре Федоровне всея Руси», перепутав вдову царевича Ивана со вдовой царя Федора [18. № 398, с. 373].

Письма гетмана не остановили разорение владений царицы старицы Александры. 24 сентября 1610 г. староста с. Бережки Петр Семенов жаловался игуменье Покровского монастыря Ольге, что вотчину царицы старицы Александры разграбил суздальский сын боярский Степан Волохов. Староста просил записать его челобитье и явку для дальнейшего судебного разбирательства [18. № 400, с. 375].

Когда Второе ополчение принялось восстанавливать порядок в Замосковном крае, возможно, по челобитью самой царицы старицы Александры, князь Д.М. Пожарский от имени земского правительства отправил к ней Мисюря Ивановича Соловцова «ведать у ней всякие обиходы» (12 июля 1612 г.) [21. Т. III, с. 332].

В монастырской описи 1619 г. перечислены иконы, поступившие от царицы старицы в Покровский собор: «образ Спасов, обложен серебром, венец чеканной», «образ чудотворца Николы в киоте обложен золотом в венцах и в углех по яхнту по лазоревому венец и цата золоты с камением с яхонты и лалы изумрудов больших и малых шестьдесят каменев», «образ вход в Ерусалим обложен серебром в чекани», «образ Илья Пророк обложен серебром в чекани», «образ Ивана Бгуслава обложен серебром в чекани», «образ Прчтыя Бцы Знамения, обложен серебром сканью с финифтом, венец и рясы и ожерельецо низано жемчугом, да у образа же серошки трои на одних кольцах яхонт и лалы невелики да крест с жемчюги», «образ князя всеволода и преподобнаго Ефросима Псковских чудотворцов на одной цне на золоте», «образ Феодосия печерскаго чудотворца на золоте», «образ пречтые Бцы молебные за золоте». Всего девять икон, из которых сохранились к началу XX в. шесть, описанных В.Т. Георгиевским, указывавшим на их большую ценность как произведений искусства XV – XVI вв. К числу икон царицы старицы Александры исследователь также относит икону «Предста Царица» («Гы еси иерей»), на обороте которой помещена надпись, свидетельствующая, что этой иконой благословил царевича Ивана Ивановича новгородский архиепископ Леонид (возглавлял архиерейскую кафедру в 1571 – 1575 гг.) [22, с.

3 – 21]. Дальнейшими исследованиями выявлена на этой иконе и другая надпись: «Лета 343-го (7097 – 1589) 155 пристави(ся) Бо(г)данова..... (Юрьевича?) Сабурова Ксения ЗР(КФ ?) (7129 – 1620) года» [23, с. 9 – 12; 24, с. 95, 96]. Согласно гипотезе И.А. Шалиной, эта надпись, возможно, имеет отношение к царице старице Александре, скончавшейся в 1620 г., и имевшей, видимо, еще одно имя Ксения [24, с. 96]. Поскольку царица старица умерла не в 1620 г., а в 1614 г. (об этом ниже), и вряд ли могла быть упомянута на иконе как Ксения, а не как Александра, можно допустить, что у нее была еще одна сестра – Ксения. О связи женщин из рода Сабуровых с Покровским монастырем свидетельствует надгробие инокини Александры, дочери Федота Ивановича, умершей в 1589 г. (ее принадлежность к роду требует отдельного уточнения) [25, с. 50, 51, 97, 98]. Иконам царицы старицы Александры посвящены исследования современных авторов, уточняющие детали ее биографии и представляющие интересный материал для понимания ее личных коммеморативных стратегий [24, с. 95 – 102; 26]. В описи 1651 г. упомянут вклад царицы старицы Александры Богдановны «книга псалтирь письменная в десть а в ней три листа тафта червчата» [27, с. 119]. В.Т. Георгиевский описывает и приводит фотографии двух пелен, низанных жемчугом, пожертвованных царицей старицей в Покровский монастырь. Следовательно, вдова царевича Ивана Ивановича, подобно другим женщинам из правящего рода, имела золотошвейную мастерскую.

28 ноября 1614 г. царица старица Александра умерла. Монастырские власти не решились хоронить высокопоставленную покойницу без царского указа и заодно с известием об ее кончине сообщили, что у монастыря нет средств для организации достойного погребения. Похожая ситуация уже возникла, но довольно давно, еще в 1585 г., когда в Москву сообщили о том, что царица старица Прасковья «розболелася». 25 августа игуменье Леониде была отправлена указная грамота с распоряжениями как хорошить царицу старицу, если она умрет: «<...> и ты б ее велела нарядити по монастырскому чину, как прежних великих княгинь наряжали и соборне над нею пели, и нарядя ее, велели поставити в церкви, где пригоже». Для похорон царь обещал прислать архиепископа Крутицкого Варлаама и распорядиться быть на отпевании архимандритам Владимирского Рождественского и Суздальского Спасо-Евфимьева монастырей. Царь также намеревался выделить на похороны и кормы (поминальные трапезы) 50 руб., а по душе покойной вклад в 100 руб. Суздальскому воеводе были посланы 10 руб., которые было велено начать раздавать нищим как только царица старица умрет. В том случае, если Прасковья не умрет, царь приказывал сообщить об этом в Москву [18. № 141, с. 162, 163]. Она действительно не умерла и прожила до 1622 г.

Распоряжения о похоронах царицы старицы Александры в царской грамоте, адресованной игуменье Ольге (3 декабря 1614 г.), во многом сходны с инструкциями, данными на случай смерти царицы старицы Прасковьи, однако есть и некоторые отличия. Если в случае с Прасковьей отпевание должен был возглавить Крутицкий архиепископ, то царицу старицу Александру поручалось «погresti» архиман-

дриту Владимирского Рождественского монастыря Исаие, архимандриту Спасо-Евфимьева монастыря Митрофану, архимандриту Шартомского монастыря Геласию и другим настоятелям суздальских монастырей, суздальскому протопопу и белому духовенству. Указание похоронить «по монастырскому чину» и «как прежних великих княгинь наряжали» отсутствует. Вероятно, под прежними великими княгинями указанная грамота 1585 г. подразумевала Соломонию Сабурову и царицу Анну Васильчикову, пятую жену Ивана Грозного. Сумма на похороны выделялась в том же объеме – 50 руб. Царь распорядился взять ее из «кабацких и всяких четвертных доходов» и на эти деньги совершить «на погребении» денежную раздачу и заупокойный стол, а после погребения – раздачу и столы «по урочным дням». Запасы на «поминки» было указано взять из «царицыных обиходов», а после погребения подсчитать, сколько было потрачено и сколько осталось денег и запасов и сообщить об этом в приказ Большого дворца боярину Б.М. Салтыкову и дьяку И. Болотникову [28. № 125, с. 159; 29]. Вклад по душе царицы старицы Александры из казны не дали, однако она сама сделала его, передав в монастырь с. Бережки иконы в драгоценных окладах.

Указ о смерти царицы старицы Александры уточняет дату смерти и место погребения первой супруги царевича Ивана Ивановича. Несмотря на то, что дата кончины царицы старицы была известна из публикации описания актов графа А.С. Уварова (1905 г.), в литературе она встречается как неточная или предположительная. Даже составители «Актов Покровского Суздальского женского монастыря» (2019 г.) опубликовали в комментарии неверный вариант – 1620 г. [30, с. 16; 31, с. 287; 24, с. 96; 18, с. 374]. Еще одним недоразумением является указание на то, что царица старица Александра была похоронена в Вознесенском монастыре в Москве [32, с. 205, 294 (также с неверной датой смерти)]. Источником этих сведений является ошибочное сообщение «Нового летописца»: «погребена в Вознесенском монастыре со царицами вместе» [13, с. 150]. Помимо вышеуказанной грамоты, о погребении царицы старицы Александры в Покровском монастыре свидетельствует список знатных монахинь, упокоившихся в обители, составленный в XVII в. и повторяющийся в различных исторических описаниях и сведениях натурального осмотра В.В. Косаткина [18. № 429, с. 404; 33, с. 181, 182; 20, с. 16, 17; 34, с. 226, 227].

С 28 ноября по 3 декабря (а на самом деле дольше, так как царская грамота должна была еще добраться до Суздаля) тело царицы старицы лежало непогребенным. На Руси в Средние века стремились похоронить в тот же день или на следующий [35, с. 305, 306]. Подобные задержки с похоронами известны и всегда связаны с теми или иными затрудняющими обстоятельствами. Например, среди актов того же Покровского монастыря находится указанная грамота боярина Г.В. Годунова, распорядившего отпустить из монастыря старицу Евфимию Колычеву с тем, чтобы она могла поехать и похоронить своего отца суздальского воеводу П.Ф. Колычева, согласно его завещанию в Волоколамском Возмищенском монастыре (19 марта 1593 г.). На решение вопроса об отпуске «старницы» и перевоз покойника должно было уйти

не менее двух недель [18. № 209, с. 213, 214]. Из отпускной челобитной В. Безобразова известно, что его сестру не могли похоронить более двух недель («и тело, государь, не схоронено лежит две недели, а дожидаются меня, холопа твоего», 1628 г.) [35, с. 306]. В ожидании погребения тела хранились, вероятно, в осмоленных колодах и в них же транспортировались.

Сумма в 50 руб. на погребение представляется незначительной для лица столь высокого ранга, как царица старица. Однако ее незначительность нельзя объяснить разорением эпохи Смуты. Еще в 1585 г. власти намеревались выделить на погребение, кормы и раздачу 60 руб. Такой объем средств на погребение находит аналогию в завещаниях московских дворян (так, около 1601 г. князь А.В. Волконский выделил на погребение, кормы и милостыню в течение 40 дней после смерти чуть более 40 руб.) [21. Т. III, с. 59; см. также: 21. Т. II, с. 62; 21. Т. IV, с. 50, 51]. На погребениях царей, цариц, патриархов и бояр раздавались тысячи рублей [35, с. 320, 321; 36, с. 366 – 369]. Надо полагать, что сравнительно скромная сумма на погребение и «поминки» связана с положением вдов царевича Ивана Ивановича – малозаметных, удаленных от двора родственниц великой династии (в эпоху царя Михаила Федоровича – уже прежней).

Урочные дни, о которых говорится в указе, это – третий, девятый, двадцатый и сороковой дни, в которых совершались поминовение и раздача милостыни. Иногда раздачу милостыни осуществляли все сорок дней от смерти до сороковин («сорочин») [35, с. 160, 321; 36, с. 364].

Привлечение средств из «кабацких доходов» связано с тем, что это был наиболее простой и быстрый способ изыскать дополнительные деньги, не прибегая к расходованию местного государственного бюджета. Грамота предполагает также обращение и к иным налоговым средствам, но сборы с кабаков, поступавшие в казну, казались автору этого распоряжения наиболее надежными. Поминовение из «кабацких доходов» смущало такого ревнителя благочестия, как Д.М. Пожарский, оговорившего в своей духовной грамоте: «А кабацкими доходы меня не поминать; хотя в то число займовать, а опосле платить не ис кабацких же доходов» [37, с. 152]. Однако дьякам приказа Большого дворца такой источник средств на погребение казался нормальным.

В указной грамоте упоминаются служившие царице старице сын боярский Василий Стерлигов и ее приказной человек Иван Порошин. В 1612 г. к царице старице был послан в качестве управляющего М.И. Соловцов. Как уже говорилось выше, у сановной монахини была и своя мастерская. Очевидно, что царица старица была окружена небольшим штатом. Для сравнения можно указать на тот факт, что после смерти царицы старицы Прасковьи в тот же Покровский монастырь были отправлены девять монахинь, составивших ее свиту [38].

Согласно «росписи благоверным царицам и царевнам и великим княгиням, которые погребены в ево государеве боголье в Суждале в Покровском девиче монастыре», царица старица Александра была похоронена «под церковью в полатке», т.е. в подклете соборного храма. Она упомянута в списке третьей по счету, после Соломонии Сабуровой («новая суздальская чу-

дотворица») и царевны Анны, дочери Ивана IV. Список этот составлялся в 1630 – 1650-е гг., но уже тогда были допущены некоторые ошибки [18, № 429, с. 404]. Эти сведения повторяет в XVIII в. автор «Исторического собрания о богоспасаемом граде Суждале» Анания Федоров, дополняя их, в свою очередь, как исправлениями, так и новыми ошибками [33, с. 181, 182]. Описание, изданное под редакцией протоиерея В.В. Косаткина (1906), составлено по результатам визуального осмотра, хотя и не вполне тщательно. Надгробие царицы старицы Александры описано следующим образом: «дикого камня памятник над могилой (надпись на особой доске) супруги царевича Иоанна Иоанновича великой княгини инокини Александры. XVI в.» [34, с. 226]. «Надпись на особой доске» в сочетании с памятником «дикого камня» в соборной усыпальнице встречается неоднократно. Очевидно, под памятником «дикого камня» имеется в виду белокаменное трапециевидное надгробие, а доски, действительно, имели место и были установлены, скорее всего, в стенах позднее, в XVIII или XIX вв., повторяя тексты эпитафий. Автор не был внимателен к ним, допустил ошибки и неверно датировал надгробие царицы старицы Александры. Тем не менее это свидетельство указывает на существование в начале XX в. надгробия первой супруги царевича.

В советское время надгробия в соборе были утрачены. В 1972 г. сотрудник Владимиро-Суздальского музея-заповедника П.И. Куглюковский (при участии консультанта А.Д. Варганова) произвел раскопки в соборной усыпальнице для изучения погребального обряда и возможного установления личностей погребенных. Два захоронения были вскрыты в соборе, три – под северным крыльцом. Большинство погребенных лежали в дубовых колодах, и одно погребение под крыльцом было совершено в саркофаге. Все умершие похоронены в монашеской одежде и покрыты саванами; в двух погребениях (в соборе и под крыльцом) обнаружены шитые золотыми и серебряными нитями головные уборы – волосники (П.И. Куглюковский называет их «накосниками») и связывает их появление с принадлежностью останков представительницам царского рода) [39, с. 70; 25, с. 55 – 57]. В отчете о проведении раскопок одно из погребений в соборе отождествлено с погребением царицы старицы Александры (Евдокии Сабуровой). Это – погребение в дубовой колоде простой формы, с плавным расширением в средней части. Скелет в колоде был покрыт саваном из итальянской (венцианской) камки от черепа до фаланг ног. Ткань покрывает растительный орнамент двух цветов – желтого и оранжево-желтого [39, с. 70; 40, с. 73; 41, с. 165].

Публикуемый документ известен в пересказе в каталоге актов из собрания графа А.С. Уварова, составленном И.М. Катаевым и А.К. Кабановым (1906 г.). Ввиду того, что некоторые интересные подробности жизни и погребения царицы старицы Александры в сокращенной публикации опущены, имеет смысл опубликовать его целиком. В передаче текста пропущенные буквы восстанавливаются, твердый знак в конце слов опущен, пунктуация проставлена по правилам современного правописания, орфография сохранена.

Указная грамота царя Михаила Федоровича об организации погребения царицы старицы Александры (Евдокии Богдановны Сабуровой), вдовы царевича Ивана Ивановича. 3 декабря 1614 г.

В Суздаль в Покровской монастырь игуменье Олге с се[страми] (л. 91).

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Суздаль в Покровской Девичь монастырь игумене Олге с сестрами. Писали вы нам что в нынешнем во 123 году ноебря в 28 ден Божиим судом царевича князя Ивана Ивановича царицы старицы Александры не стало, а отходя от сего света благословила нас образом вседержителя Спаса, да матер нашу великую государыню иноку Марфу Ивановну благословила образом же Пречистые Богородицы и те образы привезли нам ее царицын сын боярской Василии Стерлигов, да Покровского девича монастыря служка Екуш Басаргин. А вы царицы старицы Александры без нашего указу погresti не смеете, а приказной ее человек Иван Порошин вам денег из казны ее ничево не сказал. И мы царицу старицу Александру указали погresti из Володимерея Рождественово монастыря архимариту Исаие, да ис Суздаля Монас Еуфимьева монастыря архимариту Митрофану, да Шартомсково монастыря архимариту Геласье и иных монастыреи игуменом, которые в Суздале и суздальскому протопопу и попом и дьяконом. А на погребение царицы и старицы Александры велели дать в Суздале, да в Володимере ис кабатцких и изо всяких четвертных доходов петдесят рублев денег в котором городе денги в зборе нынче есть (л. 91 об.) и велели тех денег отослати тебе, чтоб затем царица старица Александра непогребена ни чесу ни была. И как к вам сея наша грамота придет вы б Суздале и Володимере у воевод по нашему указу на погребение царицы старицы Александры пятдесят рублев денег ис кабатцких и изо всеких четвертных доходов велели взети тотчас, а взяв велели ее погresti с честью и на погребение денежную раздачу и заупокойной стол и по погребении и по урочным днем сорокоустные денги и заупокойные столы учинили честно ж, а запасы на те поминки велели имати из царицыных обиходов. А что тех денег, которые возмете в Суздале и в Володимере у воевод и что царицыных запасов на погребение и на поминки ж в росход выдет и что за тем остатца во остатке и вы б то все велели написати на росписи, да о том нам бы писали и роспись денгам и запасом за монастырское печатью прислали к Москве и велели отдати в приказе Болшого дворца боерину нашему Борису Михайловичу Салтыкову да диаком нашим Ивану Болотникову с товарищи. Писана на Москве в лето 7123 декабря в 3 д (л. 92).

ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Карт. 1. Лл. 91 – 92.

Автор выражает благодарность члену-корреспонденту РАН Ф.Б. Успенскому за ценные замечания к настоящей работе.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

• Литература

1. Новгородские летописи. – Санкт-Петербург, 1879. – 602 с.
2. Зимин, А.А. Опричнина / А.А. Зимин. – Москва, 2001. – 447 с.
3. Древняя российская вивлиофика. Ч. 13. – Москва, 1790. – 459 с.
4. Корзинин, А.А. Путь к власти Сабуровых и Годуновых / А.А. Корзинин // Шаги-Steps. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 287 – 311.
5. Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование – URL: <https://russian-court.spbu.ru/component/fabrik/details/1/7125.html?Itemid=108> (дата обращения 12.02.2022 г.).
6. Веселовский, С.Б. Исследования по истории опричнины / С.Б. Веселовский. – Москва, 1963. – 539 с.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 34. – Москва, 1978. – 303 с.
8. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. – Санкт-Петербург, 1841. – Т. 2. – 438 с.
9. Кобеко, Д.Ф. Сабуровы и князя Ноготковы / Д.Ф. Кобеко // Летопись Историко-Родословного общества. – 1905. – Вып. 2. – С. 3 – 6.
10. Скрынников, Р.Г. Царство террора / Р.Г. Скрынников. – Санкт-Петербург, 1992. – 571 с.
11. Зимин, А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России / А.А. Зимин. – Москва, 1986. – 331 с.
12. Ракина, М.Г. Биографический очерк (Захоронение Пелагеи (Феодосии) Михайловны Соловой (в иночестве Прасковьи), 1622 г.) / М.Г. Ракина // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: материалы исследований в 4 т. / отв. ред.-сост. д. и. н. Т.Д. Панова. Т. 4. Ч. 1. – Москва, 2021. – С. 124 – 134.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 14. Половина 1. – Санкт-Петербург, 1910. – 154 с.
14. Временник Ивана Тимофеева / Подготовка к печати, перевод и комментарии О.А. Державиной: под ред. члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. – Москва – Ленинград, 1951. – 509 с.
15. Успенский, Б.А. Иноческие имена на Руси / Б.А. Успенский, Ф.Б. Успенский. – Москва – Санкт-Петербург, 2017. – 340 с.
16. Литвина, А.Ф. Манifestация связи с правящим домом в женских именах: ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова / А.Ф. Литвина, Б.А. Успенский // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2018. – № 4 (74). – С. 63 – 79.
17. Словарь русского языка XI – XVII вв. – Москва, 1991. Вып. – 17. – 295 с.
18. Акты Покровского Суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века / сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. – Москва, 2019. – 464 с.
19. Скрынников, Р.Г. Россия накануне «смутного времени» / Р.Г. Скрынников. – Москва, 1980. – 205 с.
20. Токмаков, И.Ф. Историческое и археологическое описание Покровского девичьего монастыря, в городе Суздаль (Владимирской губернии) в связи с житием преподобной чудотворицы Софии (в мире великой княгини Соломонии) и царицы инокини Елены (в мире Евдокии Феодоровны Лопухиной) / И.Ф. Токмаков. – Владимир, 1913. – 88 с.
21. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. I – IV / сост. А.В. Антонов. – Москва, 1997. – 2008.
22. Георгиевский, В.Т. Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале / В.Т. Георгиевский // Старые годы. – 1910. Ноябрь. – С. 3 – 21.
23. Вилинбахова, Т.Б. О трех иконах из Покровского монастыря Суздаля в собрании ГРМ / Т.Б. Вилинбахова // Древнерусское искусство: Новые атрибуции. Сб. статей. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 3 – 12.
24. Шалина, И.А. Иконы из ризницы Покровского Суздальского монастыря в собрании Русского музея / И.А. Шалина // Материалы научных чтений 13 октября 2017. – Суздаль, 2018. – С. 51 – 126.
25. Курганова, Н.М. Страницы истории некрополя города Суздаля / Н.М. Курганова. – Москва, 2007. – 119 с.
26. Зюзева, С.Г. О двух царских украшенных иконах святителя Николая XVI столетия / С.Г. Зюзева // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2020. – Вып. 39. – С. 63 – 75.
27. Описание Покровского женского монастыря в г. Суздаль 7159 / 1651 года / Сообщ. действ. чл. В.Т. Георгиевский // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. V. – Владимир, 1903. – С. 55 – 126.
28. Описание актов собрания графа А.С. Уварова: Акты исторические, описанные И.М. Катаевым и А.К. Кабановым; под ред. проф. М.В. Довнар-Запольского. – Москва, 1905. – 668 с.
29. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 17. Оп. 2. Карт. 1. Л. 91 – 92.
30. Провинциальный некрополь. Т. 1. – Москва, 1914. – 1008 с.
31. Ткаченко, В.А. Московские Рюриковичи / В.А. Ткаченко. – Москва, 2013. – 320 с.
32. Юрганов, А.Л. Категории русской средневековой культуры / А.Л. Юрганов. – Москва, 1998. – 448 с.
33. Федоров, А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздаля: о построении и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о протчем к тому потребном ради любопытных собранное из различных показаний вкратце / А. Федоров // Временник общества истории и древностей российских. – 1855. – Вып. 22. – С. 1 – 210.
34. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия: Краткие исторические сведения с приложением описей сохраняющихся в них древних предметов / под ред. действ. чл. Владимирской учен. архивной комис. прот. В.В. Косаткина. Ч. 1. – Владимир, 1906. – 353 с.
35. Шокарев, С.Ю. Источники по истории московского некрополя XII – начала XX в. / С.Ю. Шокарев. – Москва – Санкт-Петербург, 2019. – 486 с.
36. Кошелева, О.Е. «Отходя от света сего...» Частная жизнь московской элиты через призму завещаний / О.Е. Кошелева // Человек в мире чувств: Очерки по частной жизни в Евро-

- пе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / под ред. Ю.Л. Бессмертного. – Москва, 2000. – С. 339 – 386.
37. Завещание князя Дмитрия Пожарского / публикация подготовлена Ю.М. Эскиным // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 143 – 157.
 38. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 17. Оп. 2. Карт. 1. Л. 69, 69 об.
 39. Куглюковский, П.И. О вскрытии гробниц в Покровском соборе в г. Суздаля / П.И. Куглюковский // Археологические открытия 1972 года. – Москва, 1973. – С. 70.
 40. Панова, Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI – XVI веков / Т.Д. Панова. – Москва, 2004. – 181 с.
 41. Елкина, И.И. Текстиль Московской Руси XVI – XVII вв. по археологическим данным: атрибуция, технология, реконструкция: дис. ... к. и. н. / И.И. Елкина. – М. 2019. Т. 1. – 247 с.
- **References**
1. Novgorodskie letopisi [Novgorod Chronicles]. – St.Petersburg, 1879. – 602 p.
 2. Zimin, A.A. Oprichnina. [Oprichnina] / A.A. Zimin. – Moscow, 2001. – 447 p.
 3. Drevnyaya russiyskaya vivliofika [Ancient Russian vivliofika]. Part 13. – Moscow, 1790. – 459 p.
 4. Korzinin, A.L. Put' k vlasti Saburovyh i Godunovyh [The path to power of the Saburovs and Godunovs] / A.L.Korzinin // Steps-Steps. – 2021. – Vol. 7. – No. 3. – P. 287 – 311.
 5. Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva v pravlenie Ivana Groznogo: elektronnyaya baza dannyh i istoricheskoe issledovanie [The ruling elite of the Russian state during the reign of Ivan the Terrible: electronic data-base and historical research] URL: <https://russian-court.spbu.ru/component/fabrik/details/1/7125.html?Itemid=108> (accessed: 12.02.2022).
 6. Veselovsky, S.B. Issledovaniya po istorii oprichniny [Studies on the history of Oprichnina] / S.B.Veselovsky. – Moscow, 1963. – 539 p.
 7. Polnoe sobranie russkih letopisej [The Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 34. – Moscow, 1978. – 303 p.
 8. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej [Historical acts collected and published by the Archeographic Commission]. – St. Petersburg, 1841. – Vol. 2. – 438 p.
 9. Kobeko, D.F. Saburovy i knyaz'ya Nogotkovy [The Saburovs and the princes Nogotkovs] / D.F. Kobeko // Letopis' Istoriko-Rodoslovnogo obshchestva [Chronicle of the Historical and Genealogical Society]. – 1905. – Issue 2. – P. 3 – 6.
 10. Skrynnikov, R.G. Tsarstvo terrora [The Reign of Terror] / R.G. Skrynnikov. – St. Petersburg, 1992. – 571 p.
 11. Zimin, A.A. V kanun groznyh potryasenij: Predposylki pervoj Krest'yanskoj vojny v Rossii [On the eve of terrible upheavals: Prerequisites of the first Peasant war in Russia] / A.A. Zimin. – Moscow, 1986. – 331 p.
 12. Rakitina, M.G. Biograficheskij ocherk (Zahoronenie Pelagei (Feodosii) Mihajlovny Solovoj (v inochestve Praskov'i), 1622 g.) [Biographical sketch (Burial of Pelageya (Feodosiya) Mikhailovna Solova (in the monastic life - Praskovya), 1622)] / M.G. Rakitina // Nekropol' russkih velikih knyagin' i caric v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya: materialy issledovaniy v 4 t. [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Tsarinas in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin: materials of research in 4 volumes] / Ed.-comp. T.D. Panova. Vol. 4. Part 1. – Moscow, 2021. – P. 124 – 134.
 13. Polnoe sobranie russkih letopisej [The complete collection of Russian chronicles]. Vol. 14. Half 1. – St.Petersburg, 1910. – 154 p.
 14. Vremennik Ivana Timofeeva [Ivan Timofeev's annals] / Preparation for printing, translation and comments by O.A. Derzhavina. Ed. V.P.Adrianova-Peretz. – Moscow – Leningrad, 1951. – 509 p.
 15. Uspensky, B.A. Inocheskie imena na Rusi. [Monastic names in Russia] / B.A.Uspensky, F.B.Uspensky. – Moscow – St. Petersburg, 2017. – 340 p.
 16. Litvina, A.F. Manifestaciya svyazi s pravyashchim domom v zhenskih imenah: rannie Romanovy i sem'ya Dmitriya Godunova [Manifestation of the connection with the Ruling house in female names: the early Romanovs and the family of Dmitry Godunov] / A.F. Litvina, B.A. Uspensky // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Russia. The issues of medieval studies]. – 2018. – № 4 (74). – P. 63 – 79.
 17. Slovar' russkogo yazyka XI – XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI – XVII centuries]. – Moscow, 1991. – Issue 17. – 295 p.
 18. Akty Pokrovskogo suzdal'skogo devich'ego monastyrya XVI – nachala XVII veka [Acts of the Suzdal Pokrovsky Maiden Monastery of the XVI – early XVII century] / Comp. A.V. Antonov, A.V. Mashtafarov. – Moscow, 2019. – 464 p.
 19. Skrynnikov, R.G. Rossiya nakanune («smutnogo vremeni») [Russia on the eve of the "Time of Troubles"] / R.G. Skrynnikov. - Moscow, 1980. – 205 p.
 20. Tokmakov, I.F. Istoricheskoe i arheologicheskoe opisanie Pokrovskogo devich'yago monastyrya, v gorode Suzdale (Vladimirskoj gubernii) v svyazi s zhitiem prepodobnoj chudotvoricy Sofii (v mire velikoj knyagini Solomonii) i caricy inokini Eleny (v mire Evdokii Feodorovny Lopuhinoy) [Historical and archaeological description of the Pokrovsky Maiden Monastery in Suzdal (Vladimir province) in connection with the life of the Venerable Wonderworker Sophia (in the world - Grand Duchess Solomonia) and Tsarina nun Elena (in the world - Evdokiya Feodorovna Lopukhina)] / I.F. Tokmakov. – Vladimir, 1913. – 88 p.
 21. Akty sluzhilyh zemlevladel'cev XV – nachala XVII veka. T. I – IV [Acts of the landowners of the XV – beginning of the XVII century]. Vol. I – IV / Comp. A.V. Antonov. – Moscow, 1997 – 2008.
 22. Georgievsky, V.T. Ikony Ioanna Groznogo i ego sem'i v Suzdale [Icons of Ioann the Terrible and his family in Suzdal] / V.T. Georgievsky // Starye gody [Old Years]. – 1910. November. – P. 3 – 21.
 23. Viliimbakhova, T.B. O trekh ikonah iz Pokrovskogo monastyrya Suzdalya v sobranii GRM [About three icons from the Suzdal Pokrovsky Monastery in the collection of the GRM] / T.B. Viliimbakhova // Drevnerusskoe iskusstvo: Novye atribucii [Ancient Russian art: New attributions]. Collection of articles. – St.Petersburg, 1994. P. 3–12.
 24. Shalina, I.A. Ikony iz riznicy Pokrovskogo Suzdal'skogo monastyrya v sobranii Russkogo muzeya [Icons from the sacristy of the Suzdal Pokrovsky Monastery in the collection of the Russian Museum] / I.A. Shalina // Materials of

- scientific readings, October 13, 2017. – Suzdal, 2018. – P. 51 – 126.
25. Kurganova, N.M. Stranicy istorii nekropolya goroda Suzdalya [Pages of the history of the necropolis of Suzdal] / N.M. Kurganova. – Moscow, 2007. – 119 p.
 26. Zyuzeva, S.G. O dvuh carskih ukrashennykh ikonah svyatitelya Nikolaya XVI stoletiya [About two royal decorated icons of St. Nicholas of the XVI century] / S.G. Zyuzeva // Vestnik PSTGU. Seriya V: Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva [Bull. of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities. Series V: Problems of the history and theory of Christian Art]. – 2020. – Issue 39. – P. 63 – 75.
 27. Opis' Pokrovskogo zhenskogo monastyrya v g. Suzdale 7159 / 1651 goda [Inventory of the Pokrovsky Convent in Suzdal 7159 / 1651] / Reported by V.T. Georgievsky // Trudy Vladimirskoj uchenoj arhivnoj komissii [Proc. of the Vladimir Scientific Archival Commission]. Book V. – Vladimir, 1903. – P. 55 – 126.
 28. Opisanie aktov sobraniya grafa A.S. Uvarova: Akty istoricheskie, opisannye I.M. Kataevym i A.K. Kabanovym, pod red. prof. M.V. Dvornar-Zapol'skogo [Description of the acts of the collection of Count A.S. Uvarov: Historical acts described by I.M.Kataev and A.K.Kabanov, Ed. Prof. M.V. Dvornar-Zapolsky]. – Moscow, 1905. – 668 p.
 29. Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of Written Sources of the State Historical Museum]. F. 17. Op. 2. Kart. L. P. 91 – 92.
 30. Provincial'nyj nekropol' [Provincial necropolis]. Vol. 1. – Moscow, 1914. – 1008 p.
 31. Tkachenko, V.A. Moskovskie Ryurikovichi [The Ryurikovichs of Moscow] / V.A. Tkachenko. – Moscow, 2013. – 320 p.
 32. Yurganov, A.L. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury [Categories of Russian medieval culture] / A.L. Yurganov. – Moscow, 1998. – 448 p.
 33. Fedorov, A. Istoricheskoe sobranie o bogospasaemom grade Suzhdale: o postroenii i o imenovanii ego, i o byvsheem prezhde v nem velikom knyazhenii, i o protchem k tomu potrebnom radi lyubopytnyh sobranoe iz razlichnykh pokazanij vkratce [Historical collection about the God-saved city of Suzhdal: about its construction and naming, and about the Grand duchy that was formerly in it, and about other things necessary for the sake of the curious, collected from various testimonies in brief] / A. Fedorov // Vremennik Obshchestva istorii i drevnostej rossijskih [Annals of the Society of Russian History and Antiquities]. – 1855. – Issue 22. – P. 1 – 210.
 34. Monastyri, sobory i prihodskie cerkvi Vladimirskoj eparhii, postroennye do nachala XIX stoletiya: Kratkie istoricheskie svedeniya s prilozheniem opisej sohranyayushchihsya v nih drevnih predmetov [Monasteries, cathedrals and parish churches of the Vladimir diocese built before the beginning of the XIX century: Brief historical information with the appendix of inventories of ancient objects preserved in them] / Pod red. dejstv. chl. Vladimirskoj uchen. arhivnoj komis. prof. V.V. Kosatkina [Under the editorship of a member of the Vladimir Scientific Archival Commission prof. V.V. Kosatkin]. Part 1. – Vladimir, 1906. – 353 p.
 35. Shokarev, S.Yu. Istochniki po istorii moskovskogo nekropolya XII – nachala XX v. [Sources on the history of the Moscow necropolis of the XII – early XX century] / S.Yu. Shokarev. – Moscow – St. Petersburg, 2019. – 486 p.
 36. Kosheleva, O.E. «Othodya ot sveta sego...» Chastnaya zhizn' moskovskoj elity cherez prizmu zaveshchani [“Moving away from this world ...” The private life of the Moscow elite through the prism of wills] / O.E. Kosheleva // Chelovek v mire chuvstv: Ocherki po chastnoj zhizni v Evrope i nekotorykh stranah Azii do nachala Novogo vremeni [Man in the world of feelings: Essays on private life in Europe and some Asian countries before the beginning of Modern Times] / Ed. Yu.L. Bessmertny. – Moscow, 2000. – P. 339 – 386.
 37. Zaveshchanie knyazya Dmitriya Pozharskogo [The testament of Prince Dmitry Pozharsky] (publication prepared by Yu.M.Eskin) // Russian History. – 2000. – No. 1. – P. 143–157.
 38. Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of Written Sources of the State Historical Museum]. F. 17. Op. 2. Kart. 1. P. 69, 69 ob.
 39. Kuglyukovsky, P.I. O vskrytii grobnic v Pokrovskom sobore v g. Suzdalya [About the opening of tombs in the Intercession Cathedral in Suzdal] / P.I. Kuglyukovsky // Archaeological discoveries of 1972. – Moscow, 1973. – P. 70.
 40. Panova, T.D. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyj obryad srednevekovoj Rusi XI – XVI vekov [The Kingdom of death. The funeral rite of medieval Russia of the XI – XVI centuries] / T.D. Panova. – Moscow, 2004. – 181 p.
 41. Elkina, I.I. Tekstil' Moskovskoj Rusi XVI–XVII vv. po arheolog-icheskim dannym: atribuciya, tekhnologiya, rekonstrukciya [Textiles of Moscow Russia of the XVI – XVII centuries according to archaeological data: attribution, technology, reconstruction] Diss... Cand. Sci. (History). / I.I. Elkina. – Moscow, 2019. – Vol. 1. – 247 p.

Статья поступила в редакцию 17.02.2022

The Editorial Office received the paper on 17.02.2022

М.А. МАЦУК

**ПЕРВОЕ РУССКОЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ
ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ
ЕВРОПЕЙСКОГО
СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ**

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

michailmatsuk@rambler.ru

M.A. MATSUK

**THE FIRST RUSSIAN
GEOGRAPHICAL DESCRIPTION
OF THE EASTERN PART
OF THE ARCTIC ZONE
OF THE EUROPEAN
NORTH-EAST OF RUSSIA**

Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

В статье рассматривается первое русское географическое описание восточной части Арктической зоны Европейского северо-востока России, выполненное в ходе геологоразведочной экспедиции 1672 г. из Пустозерского острога на Полярный Урал.

Ключевые слова:

первое русское географическое описание, восточная часть Арктической зоны Европейского северо-востока России, геологоразведочная экспедиция, Пустозерский уезд, 1672 год

Abstract

The paper considers an important evidence of the geographical study of the territory of the Bolshezemelskaya tundra of the XVII century. The first Russian geographical description of the eastern part of the Arctic zone of the European North-East of Russia was carried out during a geological exploration expedition in 1672 from the Pustozersk prison to the Polar Urals. The expedition was led by the subdeacon of the Pustozersk prison of the Log Hut (voivodeship office) Fyodor Popov. He also made a detailed description of the route of the expedition. The description lists all large and small rivers, indicating the direction of their flow, lakes, mountains and hills. Important details are given in the description of mountain rivers: the presence of rapids and others. The description was submitted to the Novgorod Command – the central department that managed this territory. A unique document with the text of the description has been preserved in the Russian State Archive of Ancient Acts.

Keywords:

the first Russian geographical description, the eastern part of the Arctic zone of the European North-East of Russia, geological exploration expedition, Pustozersk uyezd, 1672

Первое русское географическое описание восточной части Арктической зоны Европейского северо-востока России было составлено в результате написания отчета о геологоразведочной экспедиции, организованной на Полярный Урал для поиска слюды, горного хрусталя и «всяких руд». Экспедиция была послана из Пустозерского острога по заявлению ненцев Юптиски и Ситки, которые объявили ранее пустозерским воеводам Леонтию Романовичу Неплюеву и Ивану Яковлевичу Неплюеву, что видели во время кочевки из-за Урала в Большеземельскую тундру горы с признаками слюды и горного хрусталя. Экспедиция состояла из специально для этого присланного в Пустозерск слюдника Прохора Леонтьева, кузнеца Федора Синицына, объявивших о находке ненцев и других «товарищей», вероятно, ненцев, и пустозерских стрельцов, осуществлявших перевозку людей и грузов и охрану. Возглавлял экспедицию подьячий Пу-

стозерского острога съезжей избы (воеводской канцелярии) Федор Попов.

По итогам работы экспедиции Федором Поповым был составлен отчет, в котором зафиксирован путь следования экспедиции, работы, проводимые на местах непосредственных поисков полезных ископаемых, а также результаты этих работ. Дано также описание встреч с березовскими ненцами и изложены переговоры с ними по поводу их помощи в поиске слюды и горного хрусталя.

Отчет оформлен в виде тетради с расположением текста на шести листах с оборотами, имеет заголовок, располагающийся на отдельном листе: «Книги ездю из Пустозерского острогу за Камень тундрю на Усу и Хай реки для всяких руд и слюды, и камени хрусталу подьячего Федора Попова с товарищи». Текст заверен подписью Федора Попова, расположенной на каждом листе тетради: «К сим книгам – пустоозерской подьячей – Федька – Попов – руку – прило – жыл».

Документ включен архивистами в составное дело [1]. Они работали с этим документом еще в конце XVIII или начале XIX в. Тогда на листе с названием отчета они сделали помету, поставив дату составления документа: «1780-го года». Надо отметить, что последние два листа были порчены, вероятно, мышами. Дефект затрагивает четыре строки каждого листа. Поэтому на каждом листе несколько слов не читаются. Часть из них можно восстановить по смыслу. После необходимых археографических замечаний приступим к описанию как самой экспедиции, так и предмету данного параграфа – географическим данным, зафиксированным в документе Федора Попова.

Экспедиция была организована по специальному государеву указу и наказной памяти пустоозерских воевод А.Р. Неплюева и И.Я. Неплюева.

Экспедиция отправилась из Пустозерского острога 14 мая 1672 г., вернулась в Пустозерский острог 22 октября того же года [2]. Они проделали очень большой путь: пересекли несколько рек и речек, исследовали места для поиска слюды и горного хрусталя, собрали образцы полезных ископаемых и вернулись в Пустозерский острог. Причем продлили деятельность экспедиции из-за встречи с ненцами, которые рассказали о месторождениях горного хрусталя в других местах, в частности, на р.Сыбуте.

В начале XXI столетия по пути описываемой экспедиции проехал доктор геолого-минералогических наук, академик Российской академии наук Н.П. Юшкин, опубликовавший свои путевые заметки с изложением геологических нюансов в статье «“По извету Ситкову”». Через каменный маршрут Пустозерских рудоискателей» [3]. Данное путешествие Николай Павлович Юшкин совершил, получив от автора рукописную копию рассматриваемого в данной статье документа Российского государственного архива древних актов.

Вернемся к теме нашего повествования.

Экспедиция выехала из Пустозерского острога на восток. Подьячий Федор Попов старательно фиксировал все географические объекты, встречавшиеся им на пути к цели. Первой была названа р. Куя: «От Пустозерского острогу река Куя» [4]. В Википедии имеется следующая

характеристика данной реки: «Куя – река в Ненецком автономном округе России (часть бассейна расположена на территории Республики Коми), правый приток р.Печоры (впадает в протоку Куйский Шар). Длина – 186 км (215 км от истока Вой-Вож). <...> Протекает по западной окраине Большеземельской тундры. Общее направление течения на север».

Переправившись на правый берег р.Куя, экспедиция отправилась дальше. Следующим географическим объектом, упомянутом в документе, был лес Заледей: «От реки от Куи лес Заледей» [5].

После того, как экспедиция проехала этот лес, она вышла к р.Пещаница: «От лесу Заледея река Пещаница». Федор Попов дал более широкую характеристику этой реке. Во-первых, он отметил, что река «велика и рыбна». Во-вторых, указал, что она «падает в море в Болванскую губу» [6].

Следующая река, встретившаяся экспедиции на ее пути к горам Полярного Урала, была р.Черная. Ф. Попов отметил: «От Пещаницы река Черная». Это сообщение он дополнил такой подробностью: «Падет в море» [7].

Преодолев р. Черную, экспедиция двинулась дальше и дошла до р. Урера: «От реки от Черной река Урер». И опять подьячий Федор Попов делает важное уточнение: «Падет в реку в Черную» [8], т.е. р. Урер является притоком р.Черной.

Переехав р. Урер, рудознатцы с помощниками и сопровождавшими их лицами, доехали до р.Точвы. Ф. Попов записал в отчете: «От реки Урера река Точва». Дальше следует сообщение, что эта река «вершиною от моря падет в реку Усу» [9], т.е. является притоком р. Усы.

У р. Точвы экспедиция остановилась для поисков полезных ископаемых. Дело в том, что, по словам Федора Попова, «от реки от Точвы горы высокия. Меж тех гор озера великие рыбные. Прозвание тем горам Ерудец». Ф. Попов назвал еще одну важную особенность гор Ерудец: «Камень мелкой с песком». Он отметил, что «у тех гор жили два дни. По образцам руд искали. И кроме простого камня и песку ничего отличного нет» [10].

Отправившись от гор Ерудец, экспедиция прибыла к р. Хаю-Пыдора. Подьячий Федор Попов записал: «От Ерудца гор Хаю-Пыдора река» и добавил важное указание, что указанная река: «Падет в море через Бурлов берег» [11].

Дальше по ходу следования экспедиция доехала до р. Хырмур: «От Хаю-Пыдоры реки река Хырмур». Об этой реке Федор Попов тоже привел важный факт: «Река Хырмур вершиною от моря, падет в Усу реку» [12].

Переехав р.Хырмур, экспедиция рудознатцев доехала до холма. Холм привлек внимание подьячего Федора Попова по двум причинам: во-первых, своими размерами: «Холм гораздо высок. Словет прозванием Та де Беседа». Во-вторых, в окрестностях холма ему показали истоки двух рек: «А из-пот того холма текут две реки: река Харденог, падет в Усу реку; река Коротаева – падет в море в Коротаеву губу к Опскому морю» [13]. В Википедии есть статья, посвященная р.Коротаихе: «Коротаиха – река в Ненецком автономном округе России. В переводе с ненецкого языка *коротая ха* – ‘извилистая река’. Река образуется слиянием рек Сядей-Ю и Тар-Ю, берущих начало на северо-восточной

окраине гряды Чернышёва. Длина реки – около 199 км (с истоком Сядей-Ю – 310 км). Река течет по тундре, делая большие петли. Впадает в Хайпудырскую губу Баренцева моря. Питание снеговое и дождевое).

Вернемся к документу XVII столетия.

После пересечения р. Коротаевой (Коротаихи) экспедиция прибыла к горам, возле которых располагалось озеро. От р. Коротаевой и холма Та Беседа озеро располагалось на расстоянии около 20 верст. Федор Попов записал: «От рек и от холма озеро верстах на дватцати. Прозванием Листвичное». Особенностью озера было то, что из него вытекала река, которая впадала в р. Усу: «Из озера река, падет в Усу реку. Над тем над озером горы высокия» [14].

После оз. Листвичное и гор возле озера экспедиция на своем пути к цели (горам Полярного Урала) доехала до еще одного озера, которое отмечено в отчете подьячего Федора Попова: «От озера и от гор озеро Рыбное Долгое». Озеро Рыбное Долгое для Ф. Попова было интересно тем, что из него (озера) вытекала р. Сей. Эта река впадала в р. Усу. Кроме того, притоком р. Сей была р. Воркутей, которая, в свою очередь, также впадала в р. Усу: «Из озера река Сей, падет в Усу. От Сея реки падет река Воркутей, падет в Усу» [15].

Переехав р. Воркутей, путешественники добрались до р. Усы. Ф. Попов привел важные сведения и о р. Усе. Он писал: «От Воркутея реки река Уса. И реку Усу перешли через. А падет та река вершинами от моря в реку в Печору выше Пустоозерского острогу верст за четыреста» [16].

Рудознатцы с помощниками, преодолев р. Усу, двинулись дальше вглубь Полярного Урала. Дальнейший путь Федор Попов описывает так: «От реки от Усы, выше **правые вершины** (выделено нами – М.М.), среди высокого Югорского Камени озера Уское». Не изменяя своему стилю изложения, Ф. Попов отмечает важную подробность: «А из с того озера под восток пошла река Хай, (которая – М.М.) падет в реку Обь Великую» [17].

Далее на своем пути экспедиция достигла оз. Рыбное: «От Уского озера озеро Рыбное, от **реки Усы в правой стороне** (выделено нами – М.М.)». Федор Попов специально отметил, что «по извету Ситки от того озера ход прямо до реки до Усы» [18]. От оз. Рыбного до цели своего путешествия – «слюдяных гор» – участники экспедиции вынуждены были идти пешком. Мы опускаем подробности их работы на «слюдяных горах».

Для данной работы важны следующие замечания подьячего Федора Попова: «А водяной путь от тех слюдяных гор озером Уским пять ден малыми лотками, потому что **порожисто** (выделено нами – М.М.). А изъехав пять днишь мочно идти по Усы реки обласами до (реки – М.М.) Печоры. ... А от Пустоозерского острогу и из Ыжемской слоботки по Печоре и по Усы рекам вверх недель пять ходу (до слюдяных гор – М.М.). А до Березова, по каске самоядцов, водяным же путем ходу неделя» [19].

Выполнив задание, а именно обследовать горы, указанные ненцами как место нахождения слюды и горного хрусталя, экспедиция возвращалась проторенным путем в Пустозерский острог. По прибытии на р. Коротаеву (17 сентября) их встретил ненец Маетка, который заявил, что на р. Сыбуте в горах нашел «в берегах камень от простых отличен камней» [20]. Федор

Попов с помощниками поехал проверить это сообщение. Однако никаких данных о р. Сыбуте Ф. Попов не привел. Они действительно нашли в горных осыпях по берегам р. Сыбути горный хрусталь и взяли образцы камня. И, выехав с р. Сыбути 23 сентября, прибыли в Пустозерский острог 22 октября. На этом их путешествие закончилось.

Итак, подьячий Федор Попов в своем отчете о поездке к местам нахождения слюды и горного хрусталя в горах Полярного Урала впервые привел интересные географические сведения об Арктической зоне Европейского северо-востока России. Впервые было указано положение таких географических объектов, встречавшихся им на пути следования к цели, как реки, озера, лес, горы. В отчете упомянуто название 15 рек, их местоположение с запада на восток. Весьма важно, что Федор Попов указывал направление течения рек и то, куда они впадают: в море или в другие реки. Он описал наличие более четырех озер, из некоторых из них вытекали реки, что также было отмечено составителем отчета. Ф. Попов указал на наличие двух горных областей посреди тундры: горы Ерудец и холм Та Беседа. Кроме того, он отметил наличие гор, располагавшихся в 20 верстах восточнее указанного холма и истока р. Коротаевы. Федор Попов также дал краткие характеристики горам Полярного Урала, в которых они осматривали обнаруженные ненцами месторождения слюды и горного хрусталя.

Таким образом, перед нами полноценное, хотя и краткое, географическое описание территории, по которой проходил путь следования экспедиции. Нас не должно смущать то, что в этом описании дан перечень географических объектов, встречавшихся рудознатцам на их пути. Во-первых, мы должны отдавать себе отчет, что речь не шла об экспедиции профессиональных географов. В Московском царстве второй половины XVII столетия таких, скорее всего, не было вовсе. Надо учитывать уровень составителя отчета. Федор Попов – мелкий, по масштабам страны, чиновник отдаленного уезда России, вероятно, просто обученный читать, писать и выполнять простые арифметические действия. Конечно, на фоне остального населения он выглядел, по нашим современным понятиям, интеллектуалом, обладающим энциклопедическими познаниями. Во-вторых, стиль изложения диктовался самим отчетом. Правительственные круги интересовал и маршрут экспедиции, лишь как путь от уездного центра к месторождениям, которые можно было бы разрабатывать, и результаты поисковых работ. Поэтому первое географическое описание Арктической зоны Европейского северо-востока России не было оценено как научный труд, а просто принято к сведению чиновниками Новгородского приказа и отправлено в архив. В-третьих, Федор Попов зафиксировал данные, полученные опытным путем поколениями коренных жителей Большеземельской тундры – ненцев. Поэтому этот народ по праву можно считать соавтором первого географического описания Арктической зоны Европейского северо-востока России.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0011.

• Литература

1. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 138 – 144 об.
2. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 139, 144.
3. Юшкин Н.П. «По извету Ситкову». Через каменный маршрут Пустозерских рудоискателей / Н.П. Юшкин // В мире минералов (Минералогический альманах. Выпуск 10). – Москва, 2006. – С. 57 – 66.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 139 об.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 139 об.
6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 139 об.
7. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 139 об.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 140.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 140.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 140.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 140.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 140 об.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 140 об.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 140 об. – 141.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 141.
16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 141.
17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 141 – 141 об.
18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 141 об.
19. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть

1. Л. 142, 143.
20. Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Д. Владимир № 13. Часть 1. Л. 143 об.

• References

1. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 137. Op. 1, D. Vladimir № 13. Part 1. P. 138 – 144 ob.
2. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 139, 144.
3. Yushkin, N.P. «Po izvetu Sitkovu». Cherez kamennyi marshrut Pustozerskikh rudoiskatelei [«According to the message of Sitkov». Through the stone route of the Pustozersk ore prospectors] / N.P. Yushkin // V mire mineralov (Mineralogicheskii al'manakh) [In the world of minerals (Mineralogical almanac)]. Issue 10. – Moscow, – 2006. – P. 57 – 66.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 137. Op. 1, D. Vladimir № 13. Part 1. P. 139 ob.
5. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 139 ob.
6. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 139 ob.
7. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 139 ob.
8. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 140.
9. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 140.
10. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 140.
11. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 140.
12. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 140 ob.
13. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 140 ob.
14. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 140 ob. – 141.
15. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 141.
16. Ibid. F. 137. Op. 1, D. Vladimir № 13. Part 1. P. 141.
17. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 141 – 141 ob.
18. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 141 ob.
19. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 142, 143.
20. Ibid. F. 137. Op. 1. D. Vladimir № 13. Part 1. P. 143 ob.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022
The Editorial Office received the paper on 17.01.2022

Б.Р. КОЛЕГОВ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРИМЕЧАНИЯ
К ГЕНЕРАЛЬНОМУ
МЕЖЕВАНИЮ
ПО УСТЬСЫСОЛЬСКОМУ
УЕЗДУ КАК ИСТОЧНИК
ПО СОЦИАЛЬНО–
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
КОМИ КРАЯ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.
ИСТОРИЯ ПРОВЕДЕНИЯ,
ОПИСАНИЕ И ВОПРОСЫ
ДАТИРОВКИ**

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

B.R. KOLEGOV

**ECONOMIC NOTES
TO THE GENERAL LAND
SURVEY OF USTSYSOLSK
UYEZD AS A SOURCE
ON THE SOCIO–ECONOMIC
HISTORY OF THE KOMI
REGION OF THE SECOND
HALF OF THE XVIII CENTURY.
THE HISTORY OF THE EVENT,
DESCRIPTION AND DATING
ISSUES**

Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

В статье на материалах Экономических примечаний к Генеральному межеванию Усть-сысольского уезда рассматриваются важные для социально-экономического состояния территории вопросы, такие как численность, половой состав населения, дворность населенных пунктов, размеры пахотной земли, сенных покосов, качества почвы и леса, границы волостей (по географическим объектам), занятия жителей. Проведен анализ источника и предпринята попытка его датировки.

Ключевые слова:

XVIII век, исторический источник, демография, статистика, экономика, историческая география

Abstract

Based on the materials of Economic Notes to the General Land Survey of UstSysolsk Uyezd, the problems important for the socio-economic condition of the territory are considered, such as total population, sex composition of the population, the number of yards in settlements, the size of arable land, hay mowing, soil and forests quality, the boundaries of volosts (by geographical objects), occupation of residents. The analysis of the source was carried out and an attempt to date it was made.

Keywords:

XVIII century, historical source, demography, statistics, economy, historical geography

Вторая половина XVIII в. – один из самых сложных периодов истории России. В это время на фоне череды дворцовых переворотов, активной внешней политики и неустойчивости верховной власти были проведены самые важные реформы Екатерины II. Они кардинально изменили социально-экономический облик страны, внутреннюю политику и, как следствие, внутренние общественно-политические процессы. Среди важных событий внутренней политики этого периода было проведение Генерального межевания земель с Экономическими примечаниями к нему (далее – Примечания).

Как исторический источник по социально-экономической истории региона, его хозяйственной деятельности второй половины XVIII в. Примечания уже давно привлекают внимание исследователей и плодотворно используются в отечественной исторической науке. Большой вклад в изучение и исследование данных о Генеральном межевании внесли работы Л. Милова и А. Горского [1]. Они тщательно использовали материалы Примечаний по центральным губерниям Российской империи, провели их описание, датировку и разработали метод корреляционного анализа сводных данных Примечаний к Генеральному межеванию. Не стала исключением и региональная историческая наука. П. Колесников в своей работе по вопросам

эволюции аграрных отношений в Русском государстве в XV – первой половине XIX в. описал (в том числе и на основе Примечаний) процессы заселения и земельного освоения Европейского Севера России, земледельческого производства, земельной обеспеченности и развития агрокультуры и имущественного и социального положения категорий государственных, дворянских, удельных и помещичьих крестьян на территории Европейского Севера [2]. Не обошли вниманием материалы Примечаний и исследователи Коми АССР – Республики Коми. Материалы Примечаний по Устьсысольскому уезду для характеристики по численности и половозрастному составу населения, количеству дворов, административно-территориальным единицам использовались авторами обобщающих трудов по истории Коми АССР – Республики Коми [3]. Однако никем из авторов не был проведен источниковедческий анализ Примечаний к Устьсысольскому уезду, как и не затрагивались вопросы по определению времени их составления. Поэтому мы и сосредоточили свое внимание именно на этих вопросах.

История проведения Генерального межевания. Идея самого Генерального межевания была предложена еще Петром I. Но только во второй половине XVIII в., когда поземельные отношения в России пришли в полное расстройство (путаница в законности границ владений; отсутствие сведений о размере казенных земель и кража их частными владельцами; постоянные судебные тяжбы), власть приняла решение о проведении Генерального межевания. Произошло это при правлении Екатерины II. И именно при ней Генеральное межевание земель Российской империи было проведено достаточно успешно, чему способствовало изменение методов политики межевания. Во-первых, в основу межевания была положена крупная земельная единица – дача (исторически сложившаяся в России система учета земель вокруг селений), центром которой объявлялся населенный пункт (уездный город или волость), а не владелец; во-вторых, при описании границ дачи стал применяться геометрический принцип площадей (границами служили географические объекты: большие дороги и крупные и мелкие водоемы); в-третьих, разрешалась продажа казенных земель заводчикам и промышленникам; в-четвертых, для проведения межевания была создана целая система межевых органов с определенными функциями (рисунок).

Высшей инстанцией являлась Межевая экспедиция при Сенате. Она выполняла чисто номинальные функции и периодически рассматривала наиболее важные вопросы межевания. Основным центральным межевым органом являлась Межевая канцелярия. Она организовывала, проверяла и обобщала результаты работ по губерниям. Основными рабочими центрами межевания в губерниях были Межевые кон-

торы, подчиненные Межевой канцелярии. Они систематизировали и хранили весь текущий материал по межеванию земель. В ведении каждой конторы находилось 10 – 15 землемерных партий, которые летом ездили по уездам (одна партия на уезд) и проводили межевание, т.е. собирали полевой материал.

Межевание проводилось от уездного города с описанием его кварталов, дворов и городской выгонной заселенной и незаселенной земли в нем. Потом оно шло от центра уезда спирально по часовой стрелке вплоть до границ уезда. Сбор материала (в виде полевых записок) проходил по единой форме, заполняемой как землемерами, так и со слов поверенных при межевании крестьян (крестьянские «сказки»). В форме указывалось: расположение населенного пункта, его границы, водоемы и наличие в ней рыбы, качество воды, земли и сеянного в ней зерна, а также сенных покосов, описание и качество леса, зверей и птиц в нем, размер оброка и занятия крестьян и их промыслы.

Землемеры собирали сведения, межевали дачи, отражали результаты межевания в планах межевания и межевых книгах. Зимой партии съезжались в межевую контору, где и обобщали собранный за лето материал в виде межевых уездных книг, алфавита к Примечаниям и самих Примечаний. Собранный материал уходил в канцелярию, где обобщался и издавался в виде Генеральных планов и Экономических примечаний по губерниям.

Таким образом весь период составления Примечаний делится на два этапа: первый – непосредственный сбор материала во время самого межевания, и второй – сочинение планов и примечаний в межевой конторе. Продолжительность их была различна. Первый этап занимал от 2 до 5 лет, второй – от 7 до 10.

Работы по Генеральному межеванию земель продолжались с 1776 по 1780 г. В процессе межевания был собран уникальный статистический материал о размерах землевладений, количестве населения, развитии промышленности, сельского хозяйства, промыслов и ремесел. Эти данные обобщены в Экономических примечаниях к уездам.

Внешнее описание документа. Экономические примечания к Генеральному межеванию по Устьсысольскому уезду хранятся в Национальном Архиве Республики Коми (далее – НАРК). Это копия XIX в. [4].

Его сохранность достаточно высокая, даже с учетом некачественной реставрации, проведенной во второй половине XX в. Судя по всему, документ попал в НАРК в достаточно плачевном состоянии. Его листы были не соединены с обложкой и поэтому сильно обтрепались по кромкам. После проведенной реставрации листы были прошиты и соединены с обложкой. Для этого внутреннюю кромку листов оклеили тонкой прозрачной бумагой невысокой плотности,

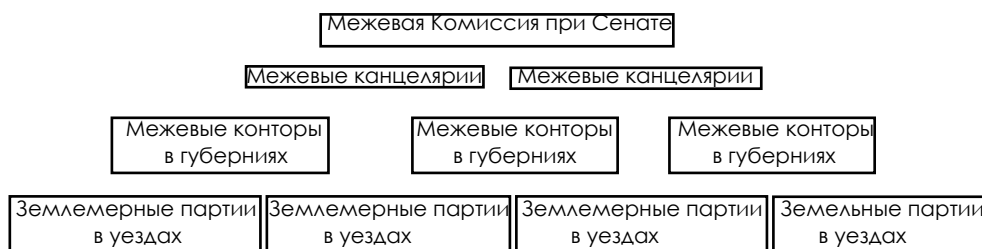

Рисунок. Схема государственных органов, проводивших Генеральное межевание.

Fig. The scheme of the state bodies that conducted the General surveying.

а внешнюю – обрезали вручную. Из-за чего часть текста стала трудночитаемой или вообще не подлежащей восстановлению.

Документ представляет из себя рукописную книгу из сшитых листов размером – 30 x 42 см (ЛЛ. 1 – 141 об.). Книга переплетена в картонную обложку, покрытую тканью серо-зеленого цвета. На обложке типографским текстом нанесена надпись гражданским алфавитом: «Устьысольский уезд». Корешок книги – искусственный дерматин малинового цвета. В правом нижнем углу обложки проставлена печать НАРК.

Текст написан на бумаге серого цвета низкого качества. Бумага промышленного производства XIX в. Об этом говорят отсутствие водяных знаков и однородная структура бумаги.

Листы заполнены скорописью XIX в., близкой к современной орфографии. В тексте отсутствуют знаки препинания. Особенностью текста является и написание слов в центре предполагаемых предложений с заглавной буквы («В лесу обитают звери медведи разсомахи...и Птицы кулики рябки...»). Объем расположенного на листах текста неоднороден: от 15 до 30 строк. Номера листов проставлены в правом верхнем углу. Текст и скрепы прописаны чернилами коричневого и черного цветов.

Визуальный анализ почерков позволяет предположить, что участие в составлении Примечаний принимали от четырех до семи человек.

При этом переписчики к работе своей относились весьма небрежно и иногда допускали

брак. На части листов идет повтор слов в тексте, на части – повтор самого текста. Если подобные ошибки замечались, то слова или предложения ограничивались знаком «/». А на ЛЛ. 32 об. – 38 об. (при правильной их нумерации) идет несоответствие текста с предыдущего листа на следующий. Что создает определенные трудности для сбора информации по двум волостям.

Все листы книги заверены подписями (скрепами) коллежского регистратора Ивана Прилежаева (табл. 1).

Современным исследователям стоит учитывать и тот факт, что текст Экономических примечаний неоднократно использовался исследователями второй половины XX в. Об этом говорят подчеркивания цветными карандашами (красным и синим) названий волостей и исправления черными чернилами названий населенных пунктов, географических объектов и итоговых чисел по земельным владениям в волостях и уезде.

Описание текста. Структурно текст состоит из двух частей. Каждая из них соответствует уезду. Первая – Устьысольскому (ЛЛ. 1 – 123 об.), вторая – землям Лальского уезда, перешедшим в Устьысольский уезд (ЛЛ. 124 – 141 об.). В первой части присутствуют также алфавитные указатели дач и их владельцев.

Каждая часть представляет из себя таблицу из восьми столбцов: 1. Номер по Генеральному плану (первое число или буква соответствовали номеру дачи по Генеральному плану межевания, вторая – в какой части плана дача расположена); 2. Звание дач и владельцев; 3. Расстояние

Таблица 1

Скрепы в Экономических примечаниях Устьысольского уезда (по листам)

Table 1

Staples in the Economic Notes of UstSysolsk uyezd (by sheets)

Лист	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Скрепа	С	под	лин	ным	чи	тал	кол	леж	ский	Ре	ги	стра
Лист	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Скрепа	тор	Иван	При	ле	жа	ев	С	под	лин	ным	чи	тал
Лист	25	26	27	27	28	29	30	31	32	33	34	35
Скрепа	кол	леж	ский	Ре	ги	стра	тор	Иван	При	ле	жа	ев
Лист	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47
Скрепа	С	под	лин	ным	чи	тал	кол	леж	ский	Ре	ги	стра
Лист	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59
Скрепа	тор	Иван	При	ле	жа	ев	С	под	лин	ным	чи	тал
Лист	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71
Скрепа	кол	леж	ский	Ре	ги	стра	тор	Иван	При	ле	жа	ев
Лист	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83
Скрепа	С	под	лин	ным	чи	тал	кол	леж	ский	Ре	ги	стра
Лист	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95
Скрепа	тор	Иван	При	ле	жа	ев	С	под	лин	ным	чи	тал
Лист	96	97	98	99	100	101	102	103	104	105	106	107
Скрепа	кол	леж	ский	Ре	ги	стра	тор	Иван	При	ле	жа	ев
Лист	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117	118	119
Скрепа	С	под	лин	ным	чи	тал	кол	леж	ский	Ре	ги	стра
Лист	120	121	122			122 об.						
Скрепа	тор	Иван	Прилежаев			Коллежский регистратор Иван Прилежаев						
Лист	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133	134	135
Скрепа	С Под	лин	ным	Читал	Коллеж	ский	Ре	ги	стра	тор	Иван	При
Лист	136	137	138	139	140	141	141 об.					
Скрепа	ле	жа	ев	С Под	лин	подли	Ным читал коллежский Регистратор Иван Прилежаев					

Источник: НАРК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 524. ЛЛ. 1 – 141.

Source: National Archive of the Komi Republic. F. 273. Op. 1. D. 524. L. 1 – 141.

от города; 4. Число дворов; 5. Число душ по ревизии (мужских и женских) и налицо (мужских и женских); 6. Десятины; 7. Сажени; 8. Экономическое примечание.

Первый столбец заполнялся следующим образом. Для Устьсысольского уезда – числами от 1 (г. Устьсысольск) до 86 (дер. Позориха, Печорская волость) при описании волостей и буквами латинского алфавита (С – R) при описании земельных владений за пределами «заселенной и незаселенной градской выгонной земли». Для бывших земель Лальского уезда – исключительно числами – от 243 (погосты Лосинский и Спам Порубский) до 628 (с. Лятка).

Во втором столбце шло перечисление по волостям всех расположенных в них земельных владений (дач): сел, деревень, выселок, выставков, пустошей, пожен, пашенных земель, казенных заводов, казенных лесов, рудных мест с указанием их владельцев. Причем перечисление одной волости могло занимать по несколько листов. Кроме того, здесь же располагались разделы: «Под поселением, Пашни, Сенного покосу (Сенокосу), Лесу строевого и дровяного; Леса строевого и дровяного по болоту; Неудобности и Всего (Итого)».

В третьем столбце было прописано расстояние дачи от г. Устьсысольска (для Устьсысольского уезда).

В четвертом – количество дворов в описываемой даче.

В пятом столбце таблицы указывали число душ мужского и женского пола по последней ревизии и налицо.

Шестой и седьмой указывают количество десятин и сажень земельных владений в описываемой даче напротив разделов: «Под поселением, Пашни, Сенного покосу (Сенокосу), Лесу строевого и дровяного; Леса строевого и дровяного по болоту; Неудобности и Всего (Итого)».

Восьмой включал в себя материалы Примечаний. В нем перечисляются: границы волости (дороги и крупные реки); населенные пункты волости (с указанием церквей, пристаней, складов, мельниц, лесов, пустошей и рудных мест в них); водоемы внутри дачи (реки и речки, курьи, заливы, озера, ручьи, их глубина и ширина в летнее время; наличие в них рыб; качество: воды, грунта, сеянного зерна, сенных покосов; описание и качество леса (в отрубе и в вышину); наличие в нем зверей и птиц; размер оброка; промыслы и занятия крестьян и промыслы их женщин. Завершалось описание подведением общих итогов по волости. Образец заполнения таблицы представлен в табл. 2.

В конце Примечаний подводились итоги (по первой части – по Устьсысольскому уезду (с градской заселенной и незаселенной землей),

Таблица 2

Образец заполнения таблицы Экономических примечаний к Генеральному межеванию Устьсысольского уезда

Table 2

Example of filling in the table of Economic Notes to the General surveying of UstSsysolsk uyezd

№ по порядку	Звание сел, деревень, пустошей и кому оные принадлежат	Расстояние от города	Число дворов	Душ				Десятины	Сажени	Экономические примечания	
				По ревизии		Налицо					
				Мужского	Женского	Мужского	Женского				
2.1	Деревня Кочанская. Под поселением Пашни Сенокосу Лесу дровяного Неудобности Всего Владения Подгородной волости государственных черносошных крестьян	4	34	92	87	92	92	4 74 154 618 84	138 684 168 32 2318	935 940	Селением лежит близ залива Почтанской курьи. В коей вода для употребления людям и скоту здорова. А даче простирается: по берегам реки Сысолы, залива Порома по течению их на левой и по обе стороны оных; так же и: речке Большой Чомьи и залива Краснаго; озера безымяннаго; старого течения реки Сысолы; Кочпанской курьи. И большой столбовой дороги, лежащей из города Устьсысольска в город Лальск. Означенных течением в летнее жаркое время, в самых мелких местах, река бывает: реке Сыsole – глубина и ширина, в ней род рыбы согласно с описанием № 1; а речка Большая Чомья – глубиною в четверть аршина, шириною в сажень; озеро безыменное и залив Красной – глубиною в полтора аршина, шириною в семнадцать сажень; Кочпанская курья - глубиною в полтора аршина, шириною в двадцать две сажени. В них ловится рыба: щуки, лещи, налимы, харьюзы, той деревни жителям про себя, а частию и на продажу. Земля грунт имеет сероглинистой с песком. И без удабривания ежегодно не плодородна. Из посеянного на ней хлеба родится лучше: рожь, овес, ячмень. А протчих семян в посева, за неурожаем, бывает мало. Сенные покосы травую против протчих мест лучше. Растет лес дровяной. Осиновою, березовою, сосновою, еловою. Для поташа не способен. В нем набегом бывают: звери (медведи, зайцы, лисицы, белки, горностайки), птицы (тетеревы, рябки, чижи, дрозды). При водах - дикия гуси, лебеди и утки. Крестьяне состоят на положенном казенном окладе. Землю запахивают всю на себя. К чему и радетьельны. Женщины сверх полевой работы упражняются в рукоделии. Прядут лен, шерсть. Ткут холсты и сукна для своего употребления

Источник: НАРК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 524. Л. 7.

Source: National Archive of the Komi Republic. F. 273. Op. 1. D. 524. L. 7.

по второй – по Устьсысольскому уезду вместе с землями бывшего Лальского уезда и («с Градскою окружною межею»).

Завершалась первая часть «Алфавитом по фамилиям владельцам Устьсысольского уезда» (ЛЛ. 121 – 121 об.) и «Алфавитом дачам Устьсысольского уезда» (ЛЛ. 122 – 122 об.). Эти Алфавиты представляли из себя таблицы, разделенные на девять вертикальных столбцов. В первом, четвертом и седьмом столбцах в алфавитном порядке прописывались фамилии владельцев дач. Во втором, пятом и восьмом указывался номер дачи по генеральному плану (числами или буквами). В третьем, шестом и девятом – в какой части плана располагалась дача (цифрами).

Отдельно после завершения алфавитного списка владельцев были прописаны: земельные владения государственных черносошных крестьян, упраздненная пустошь Ульяновского монастыря и казенные пустопорожные леса и пустоши.

В Алфавите по дачам принцип заполнения таблицы был тот же. В алфавитном порядке прописывались названия дач и их места на генеральном плане. В этом Алфавите сначала прописывались села, потом – деревни, заводы, погосты, пожни и рудные места (именно в такой последовательности). Образцы заполнения Алфавитов приведены ниже (табл. 3).

Таблица 3

Образец заполнения таблиц Алфавитов в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию Устьсысольского уезда

А. Алфавит по фамилиям владельцев Устьсысольского уезда

Table 3

Example of filling in Alphabetic tables in the Economic Notes to the General Land Survey of UstSysolsk Uyezd

A. Alphabet by the surnames of the owners of UstSysolsk Uyezd

	№ по генеральному плану	В какой части плана		№ по генеральному плану	В какой части плана		№ по генеральному плану	В какой части плана							
Б Богданова Аникия Никитина сына Базова Никиты Филипова сына Безсонов Григорья Козьмина Клементя Прохорова	1	1	К Курочкина Ивана Яковлева сына	24 25 26 27	4	С Суханова Степана Григорьева	J 44 J 46 P Q S	1							
									41	1	28 29 32 33 34 35 36 37 38 39 40	5	Суханова Афонася Елисеева сына	C D J J 41 J 45 C B	1

Источник: НА РК Ф. 273. Оп. 1. Д. 524. ЛЛ. 121 – 121 об.

Source: National Archive of the Komi Republic. F. 273. Op. 1. D. 524. L. 121 – 121 ob.

Б. Алфавит по дачам Устьсысольского уезда

B. Alphabet of land holdings of UstSysolsk Uyezd

	№ по генеральному плану	В какой части плана		№ по генеральному плану	В какой части плана		№ по генеральному плану	В какой части плана
А <u>Деревни</u> Аныбская малая <u>Пожни</u> Аныбская и Тихоновская Рудные места Алексеевское с протчими рудными местами	65	9	Н <u>Селы</u> Небдинское з деревнями <u>Заводы</u> Нювчимской Нючпанский <u>Деревни</u> Нившерская з деревнями Наусть соплеса <u>Пожни</u> Николаевская	52	7	У Устьсысольск город <u>Селы</u> Ужгинское з деревнями Устьсыкуловское з деревнями Устьнемское з деревнями <u>Деревни</u> Устьилинская	A	1

Источник: НАРК Ф. 273. Оп. 1. Д. 524. ЛЛ. 122 – 122 об.

Source: National Archive of the Komi Republic. F. 273. Op. 1. D. 524. L. 122 – 122 ob.

Подлинность Экономических примечаний и Алфавитов заверялась дважды. Ее подтверждали: во-первых, коллежским регистратором Иваном Прилежаевым (Л. 122 об. и 141 об.) и, во-вторых, Комиссией из трех человек – Коллежским советником Непениным, премьер-майором Косимским и Чертежным директором прапорщиком [подпись] (по Устьсысольскому уезду) (Л. 123) и землемерами прапорщиком Сердобольским, прапорщиком Невсяжиным и губернским землемером Павловым (Л. 141 об.).

Определение времени датировки Экономических примечаний. Социально-экономические данные, которые содержит Экономические примечания, требуют их точной датировки. Но эта работа связана с определенными трудностями. Не трудно установить начало проведения Генерального межевания в том или ином уезде. Трудно точно установить, когда эта работа была завершена и когда был обобщен материал межевания по уезду.

Исследователи выделяют несколько методик: 1. По Указу Межевой экспедиции о сроках проведения Генерального межевания по губерниям; 2. С помощью данных, содержащихся в самих Примечаниях; 3. По времени проводимых в Российской империи губернских реформ и расширению или сужению губерний; 4. По подписям лиц, скрепляющим подлинный экземпляр; 5. По вторичному свидетельствованию подлинности экземпляра; 6. По материалам об оброке и барщине; 7. По графе «Налицо» после графы «По последней ревизии» и разнице в цифрах в них; 8. По исправлениям цифр размеров угодий и названий селений, деревень, заводов и пустошей [5].

Комплексное использование этих методик позволяет с большой долей вероятности предположить, что Экономические примечания Генерального межевания по Устьсысольскому уезду были составлены в 1797 г. и представляют так называемый «Павловский» вариант Кратких Экономических примечаний. Поскольку они составлялись в соответствии с Указом 23 января 1797 г. «О составлении на обмежеванные губернии Генеральных планов, атласов, карт со всеми к ним принадлежностями...». В соответствии с указом: во-первых, произошли изменения при составлении Примечаний с четкими требованиями к описанию городов (каменные строения, деревянные, присутственные места, училища, богадельни, лавки и товары в них, количество дворов по сословиям, предприятия и товар в них выпускаемый, ярмарки и откуда и с каким товаром приезжают купцы, промыслы горожан и т.д.) и уездов (расстояния населенных пунктов от уездного центра, численность населения по последней ревизии и наличное его число, земельный грунт, качество хлеба, число мельниц и поставов в них, заводов, пристаней, объем их производства и размер приносимого ими дохода, судовой ход по рекам, качество леса и виды зверей и т.д. и т.п.; во-вторых, было проведено переписывание межевых книг (с ошибками в названиях топографических объектов в уезде, волости, размеров земельных наделов и т.д.). В тексте Экономических примечаний по Устьсысольскому уезду эти ошибки многочисленны.

Косвенными подтверждениями этим выводам могут служить следующие аргументы:

1. Скрепка коллежского регистратора Ивана Прилежаева стоит на Л. 122 и 122 об. (см. табл. 1), а Л. 123 с указанием членов комиссии скрепы не имеет и расположен отдельно от основного текста.

2. В списке той же комиссии фамилия чертежного директора не прописана, а стоит его подпись (Л. 123). В отличие от списка комиссии по землям Лальского уезда, в котором должностные лица прописаны полностью и на том же листе, где стоит скрепа и завершается основной текст (Л. 141 об.).

3. Одним из участников комиссии по признанию подлинности Примечаний и Алфавитов в Устьсысольском уезде является «преимер майор Иван Косимской» (Л. 123). Должность «майор» в России была упразднена в 1798 г.

4. Лальский уезд был упразднен Указом Павла I в декабре 1796 г.

Все это, на наш взгляд, подтверждает выводы о датировке составления Экономических примечаний к Генеральному Межеванию Устьсысольского уезда.

Нынешняя копия, хранящаяся в НАРК, является, скорее всего, материалами межевых контор к «Павловским» примечаниям, которые и использовались при составлении нового выпуска Экономических примечаний в 1820 – 1830 гг.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0011.

• Литература

1. Милов, Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному Межеванию / Л.В. Милов. – Москва: Изд-во Московского университета, 1965. – 304 с. [далее – Милов]; Горский, А.А. Количественный анализ сводных данных Экономических примечаний к Генеральному межеванию: дис. ... канд. ист. наук / А.А. Горский. – Москва, 1984. – 168 с.
2. Колесников, П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве / П.А. Колесников. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1976. – 416 с.
3. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / гл. ред. И.Б. Берхин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. – С. 80. Сквозников В.Я. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / В.Я. Сквозников, И.Л. Жеребцов, В.В. Фаузер, Н.П. Безносова. – Сыктывкар, 2001. – 202 с. Жеребцов, И.Л. Где ты живешь / И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 448 с. Жеребцов, И.Л. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник / И.Л. Жеребцов. – Москва: Наука, 2001. – 580 с.
4. НАРК. Ф. 273. Оп. 1. Д. 524.
5. Милов. С. 126 – 175.

• References

1. Milov, L.V. Issledovanie ob "Ekonomicheskikh Primechaniyah" k Generalnomu Mezhevaniyu [Research on "Economic Notes" to the General Surveying] / L.V. Milov. – Moscow: Moscow Univ. Publ., 1965. – 304 p. (hereinafter – Milov); Gorsky, A.A. Kolichestvennyi analiz svodnykh dannykh Ekonomicheskikh Primechaniy k Generalnomu mezhevaniyu [Quantitative analysis of summary data of Economic Notes to the General Land Surveying]: Diss.... Cand. Sci. (History) / A.A. Gorsky. – Moscow, 1984. – 68 p.

2. Kolesnikov, P.A. Severnaya derevnya v XV – pervoi polovine XIX veka. K voprosy ob evolucii agrarnykh otnoshenii v russkom gosudarstve [The Northern village in the XV – first half of the XIX century. On the problem of the evolution of agrarian relations in the Russian State] / P.A.Kolesnikov. – Vologda: North-Western Book Publ., 1976. – 416 p.
3. Istoriya Komi ASSR s drevneishih vremen do nashih dnei [The history of the Komi ASSR from ancient times to the present day]. Ch. Ed. I.B. Berkhin. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1978. – P. 80. Skvoznikov, V.Ya. Nasele-
nie Respubliki Komi: proshloe, nastoyaschee, budushee (o chem rasskazyvayut perepisi) [The population of the Komi Republic: past, present, future (what the censuses tell us about)] / V.Ya. Skvoznikov, I.L. Zherebtsov, V.V.Fauzer, N.P. Beznosova. – Syktyvkar, 2001, – 202 p. Zherebtsov, I.L. Gde ty zhivesh [Where do you live] / I.L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2000.— 448 p. Zherebtsov, I.L. Nasele-
nie punkty Respubliki Komi: istoriko-demograficheskiy spravochnik [Settlements of the Komi Republic: historical and demographic reference book] / I.L. Zherebtsov. – Moscow: Nauka, 2001. – 580 p.
4. NARK [National Archive of the Komi Republic]. F. 273. Op. 1. D. 524.
5. Milov, P. 126 – 175.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022
The Editorial Office received the paper on 24.01.2022

С.П. КОЛЕСНИКОВ

К ПУШКИНСКОМУ ПОНИМАНИЮ ПРИЧИН ПОБЕД РУССКОГО ОРУЖИЯ НАД НАПОЛЕОНОМ: КУЛЬТУРНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Вологодский научно-исследовательский
и издательский центр археологии,
локальной истории и краеведения,
г. Вологда

s.kolesnikov.1812@yandex.ru

S.P. KOLESNIKOV

TO PUSHKIN'S UNDERSTANDING OF THE REASONS FOR VICTORY OF THE RUSSIAN WEAPONS OVER NAPOLEON: CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL COMMENTARY

Research and Publishing Center of Archeography,
Local History and Local Lore,
Vologda

Аннотация

В основу публикуемой статьи взяты строчки 10 главы романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. В круг сообщаемых комментариев к произведению заложены выводы междисциплинарного научного инструментария. Автором привлекались труды ряда наук гуманитарного характера: отечественной истории, историографии, военной истории, культурно-исторической антропологии. И на первый взгляд, казалось бы, глубоко поэтическое понимание глобального исторического процесса из русско-французской истории стало ключом к рассмотрению глубинных причин победы русского оружия в Отечественной войне 1812 г.

Ключевые слова:

Отечественная война 1812 г., причины победы русской армии, национальное самосознание, мышление, климат, погодные условия, образ правления в государстве, религиозные представления населения, исторические представления А.С. Пушкина о войне с Наполеоном

Abstract

The paper is based on the lines of chapter 10 of the novel in verse «Eugene Onegin» by A.S. Pushkin. The circle of reported comments on the work includes the conclusions of interdisciplinary scientific tools. The author involved the works of a number of sciences of a humanitarian nature: national history, historiography, military history, cultural and historical anthropology. At first glance, it would seem that a deeply poetic understanding of the global historical process from Russian-French history has become the key to considering the underlying causes of the victory of Russian weapons in the Patriotic War of 1812.

Keywords:

the Patriotic War of 1812, the reasons for the victory of the Russian army, national consciousness, thinking, climate, weather conditions, the way of government in the state, religious beliefs of the population, historical views of A.S. Pushkin about the war with Napoleon

Сегодня, спустя два с небольшим столетия, после години юбилеев победы русского оружия в Отечественной войне 1812 г., волей-неволей пытаешься понять причины тех грозных настроений, вовлекших Россию в круговорот, как писал Л.Н. Толстой, «противных человеческому разуму и всей человеческой природе событий», а затем и событий, повлекших окончательное изгнание Наполеона из российских пределов. И пристальное изучение умонастроений, чаяний и сознания русского общества каждое десятилетие являет примеры мерила нравственности в человеческой Истории, в которой «есть периоды..., когда добро и зло ходят в обнимку, шатаясь от жестокого хмеля» (Ю.В. Бондарев «Война»).

Эпоха наполеоновского нашествия со всеми ее падениями и взлетами, поражениями и победами явилась в русской истории чередой событий, когда на суд Истории попадали в основном люди одного поколения. О людях, живших в начале XIX в., английский историк Д. Чандлер писал: «...столь ж справедливо можно утверждать, что Наполеон был жертвой поколения, стремившегося к войнам, и то, что он был "человеком крови", ответственным за огромный пожар войны, пылавшей в Европе так много лет» [1, С. 43]. Прочитав и проанализировав («Евгения Онегина»), В.Г. Белинский с исчерпывающей полнотой определил суть этого произведения – «энциклопедия русской жизни». Этот роман в стихах стал настоящим историческим источником, источником представлений о жизни русских людей первой четверти XIX в., где соседствовали подвиг и предательство, любовь и измена, доброе и злое, дурное и хорошее... И каждое поколение после прочтения все вновь и вновь искало ответы на вопрос: «Откуда есть пошло?...» (историки не придумали более емкой формулы целей и задач историописания). Вечные поиски Правды Истории!.. Историографическая традиция эпохи наполеоновского нашествия в этом отношении являет пример пристального отношения к грозным потрясениям начала Александровского царствования. При всех раскладах теории и практики исторических исследований Историю как науку всегда вершили люди...

Восприятие событий, в круговорот которых вовлекалось общество, всегда во многом зависело от степени осведомленности, количества и качества поступавших известий о прошедших реалиях недавней жизни, а также от месторасположения происходящих событий. Исторические представления складывались под влиянием идеологических предпочтений людей, наделенных властью. Как не вспомнить хрестоматийное высказывание итальянского писателя Умберто Эко: «История пишется победителями». И развитие историографической традиции эпохи наполеоновского нашествия, ее изменчивость – красноречиво говорящее тому подтверждение... Иллюстрация этим утверждениям – исторические представления А.С. Пушкина, закрепленные в «Евгении Онегине», особенно в 10 главе, где в сжатой поэтической строфе автор изложил суть происходящих исторических процессов первых двух десятилетий XIX столетия.

Отечественной войне 1812 г. автор в «Евгении Онегине» уделил особое внимание. Представления поэта об этой эпохе складывались как на личных воспоминаниях, так и на изучении общественных настроений и взглядов поколения участников этой войны на события «грозы двенадцатого года». В 10 главе, как бы подводя итоги уходящей эпохе, он писал: **«Гроза двенадцатого года / Настала – кто тут нам помог? / Остервенение народа, / Барклай, зима иль русский бог?»**. Далее читаем: **«Но бог помог – стал ропот ниже, / И скоро силою вещей / Мы очутились в Париже, / А русский царь главой царей»**.

Поэт П.А. Вяземский о 10 главе «Евгения Онегина» 19 декабря 1830 г. в дневнике помечал: «Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок и 9 главу Онегина. Ею и кончает; из 10-й предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника... У вдохновенного Никиты, У осторожного Ильи...».

Историк В.Н. Земцов, обращая в очередной раз внимание исследователей к пушкинским строчкам, писал: «...они сегодня кажутся столь же актуальными, как в первой половине XIX или в конце XX века. Историки вновь ищут, как подойти к проблеме убедительной акцентировки причин поражения нашествия "двунадесяти" европейских языков на Россию: роли и места в этом поражении "остервенения народа", пожара Москвы, роли русской армии, Александра I, воздействия природных факторов, военнооперативных и политических просчетов Наполеона и т.д.» [2, с. 464].

О совокупности своеобразия русской литературы говорил А.С. Пушкин: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [3, с. 40].

Обратим внимание, что А.С. Пушкин в качестве слагаемых успеха в победе над Наполеоном выделяет настроения и психологический настрой русских людей во время войны 1812 года («остервенение народа»), патриотизм и народная война), умело примененную «скифскую» тактику, автором которой был М.Б. Барклай де Толли (Пушкин к нему относился с почтением и благоговением, что видно из стихотворения «Полководец»), «зима» и «русский бог» – идеологически выверенную религиозную поддержку в политике Русской Православной церкви.

Среди перечисления причин победы русского оружия в Отечественной войне 1812 г. обращает на себя внимание указание автора «Евгения Онегина» на какую-то особую важность природно-климатического фактора («зима», «генерал Мороз»). И это не случайно... Как уже отмечалось, А.С. Пушкин в работе с романом учитывал распространенные в обществе мнения о причинах победы русской армии. Исходным документом в формировании мифологемы о русском «генерале Морозе» явился 29-й бюллетень Великой армии, изданный под Молодечно 21 ноября (3 декабря) 1812 г., т.е. в событиях на р. Березине. Для русской читающей аудитории этот документ стал доступен после опубликования в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1813. – 14 января) и сокращенно – в «Историческом, статистическом и географическом журнале» (1812. – Ч. 4. Кн. 2 – 3). Из документа видно, как Наполеон объяснял причины своего поражения: «По 6-е число ноября погода была прекрасная, и движение армии происходило с наилучшим успехом... Морозы, начавшиеся с 7-го числа, вдруг увеличились, и с 14 по 16 термометр показывал от 16 до 18 градусов ниже точки замерзания¹. Дороги покрылись гололедицею, и обозные лошади падали каждую ночь не сотнями, а тысячами, а особливо взятые из Немецкой земли и Франции. В несколько дней погибло их более 30 тысяч... Армия, бывшая 6-го числа в самом лучшем состоянии, 14-го уже совсем переменялась; она лишилась конницы, артиллерии и обозов... Сие затруднение, сопряженное с наступившими вдруг морозами, привело нас в самое жалостное состояние» [4]. Высказанную в бюллетене идею Наполеон подтвердил в высту-

¹ Во Франции температуру измеряли по шкале Реомюра. Указанные 16 – 18° соответствуют 20 – 22° по шкале Цельсия.

плении на заседании Государственного совета в декабре 1812 г., когда вернулся в Париж: «Все шло хорошо, Москва была нашей; мы преодолели все препятствия, пожар в городе не оказал никакого влияния на наши войска; но зима погубила нас всех» [5, с. 191].

Этот тезис Наполеона быстро подхватили французские мемуаристы и даже историки. Их труды стали изобиловать климатической трактовкой победы русской армии в войне 1812 г.

Против утверждений бюллетеня Великой армии одним из первых в русском обществе выступил М.Ф. Орлов. Написав по приказу М.И. Кутузова «Размышления русского военного о 29-м бюллетене», будущий декабрист высмеял несостоятельную французскую лживую версию о причинах поражения французов в войне. В «Размышлениях...» подчеркивалось, что гибель наполеоновской армии началась намного раньше наступления холодов, еще при Бородино, Малоярославце, Красном. «Размышления...» написаны с полемической страстью, иронией, преходящей в сарказм. Но при этом в штудии М.Ф. Орлова отсутствуют шаблоны и дешевые приемы изложения. На протяжении всех «Размышлений...» автор с достоинством относится к противнику, подчеркивая его сильные стороны. Главной причиной победы русской армии М.Ф. Орлов выделял то, что война приобрела статус народной. Открывая свою заметку, он писал: «Репутация "Бюллетеней", и прежде не блестящая, пошатнулась еще более, когда закатилась слава французской армии. Привычка и любопытство еще читать их, но благоразумный читатель, возмущенный неправдоподобием и противоречиями, с которыми сталкиваешься здесь в каждой строке, должен отбросить строгость судьи, влюбленного в истину. Надо быть снисходительным к тем, кто защищает неправо дело, и помнить, сколь затруднительно положение автора, когда факты говорят против него». Далее он продолжал: «Воздействие это таково, что, проснувшись в одно прекрасное утро после суровой ночи, французская армия нашла всех своих лошадей, замерзшими на бивуаках. Можно себе представить, какое впечатление подобное несчастье должно было произвести на командиров и солдат. Командиры потеряли голову, а солдаты – мужество. Эта ужасная ночь явилась единственной и исключительной причиной всех бед французской армии. Изучая историю этой памятной войны, надо, стало быть, весьма остерегаться некоторых ложных представлений, которые историки непременно будут стремиться навязать потомству» [6, с. 256].

Сохранившиеся исторические источники позволяют восстановить природно-климатическую действительность осени 1812 г.: по мере отступления от Москвы потери армии Наполеона постепенно возрастали. Первые морозы грянули в конце октября, они застали французов в Смоленске, где были отмечены массовые случаи смертельных замерзаний и обморожений конечностей. Тысячи французов, изнуренные болезнями, плелись за немногими боеспособными частями. В мемуарах французских военачальников и исторических произведениях 1810 – 1830-х гг. «русская зима» и «генерал Мороз» нередко выступали как основные причины поражения Наполеона. Сам Наполеон и его маршалы позже искали «объективные» причины пора-

жения, ссылаясь на мороз и неправильное, с их точки зрения, «невоенное» ведение войны, пытаясь оправдаться в потере 552 тыс. чел. и свыше 1 200 орудий. Источники зафиксировали, что зима в 1812 г. наступила не только не раньше обычного, но даже позже. Температура до сражения под Красным (15 – 18 ноября) изменялась от -3° до -8°C , а 18 ноября наступила оттепель, продолжавшаяся до сражения на Березине (26 – 29 ноября). И только сразу после Березины ударил мороз ниже -20°C .

Основываясь на воспоминаниях и научной литературе [7, с. 16 – 23], сегодня можно констатировать, что первые кратковременные заморозки были еще 1 – 2 октября (температура упала до -4°C), когда Наполеон с армией находился в Москве. Затем погода улучшилась. По замечаниям К. Меневалю, в первой декаде октября 1812 г. «стояла прекрасная погода». На подходе к Малоярославцу пошел дождь, который был примерно до 24 октября (по ст. ст.). Температура была $+7^{\circ}\text{C}$. Осадки прекратились, температура воздуха снизилась. До конца октября отмечалось $\pm 3^{\circ}\text{C}$. Француз Констан Верге о погоде конца октября писал: «Холод все усиливался, и ночи стали морозными». Первый снег выпал только 25 октября (т.е. 6 ноября по нов. ст.). Похолодало до -6°C . «С этого времени холод становился все сильнее и сильнее» – писал Меневаль. Выпал обильный снег, ветер наметал сугробы. Французский художник Х.В. Фабер де Фор, бывший в то время в России с армией Наполеона, запечатлел выпадение первого снега на своем рисунке «Вблизи дороги рядом с Соловьево 27 октября (8 ноября)». Эта погодная ситуация, вероятно, его поразила... Обильные осадки привели к образованию больших сугробов везде: в лесу, на полях, на дороге. В ночь на 2 ноября резко похолодало, температура упала до -25°C . Произошло замерзание рек, осадки прекратились. Констан Верге писал: «Термометр показывал двадцать градусов ниже нуля, и мы были еще далеко от Франции». Затем температура в начале ноября стала повышаться, дошла до $+2^{\circ}\text{C}$, осадки от снега перешли в дождь. К середине ноября погода опять резко изменилась. Похолодало до -27°C , пошел крупный снег, перешедший в метель. Граф Сегюр в мемуарах 4 декабря (22 ноября по ст. ст.) писал: «Начались ужасные холода, как будто русское небо, видя, что Наполеон ускользает от него, удвоило свою суровость, чтобы сломить и уничтожить его!». Через два дня фразы французского мемуариста стали намного суровее: «Небо показало себя еще ужаснее: птицы падали замерзшими на лету».

Погодные условия 1812 г. активно изучались в России и в связи с выяснением причин победы над Наполеоном, и с точки зрения возникновения мифологемы и реалий культурной памяти об эпохе. Историк М. Рыкачев в статье «Холода 1812 года», опубликованной в «Трудах Московского Императорского Русского военно-исторического общества» (Т. 4. – Москва, 1912), писал: «Такие же колебания температуры встречаются и в метеорологических журналах, которые велись в Санкт-Петербурге, Риге, Вильне, Варшаве и Киеве».

Оставшиеся в России французы-военнопленные были обречены на голодную и холодную гибель и смерть. Городничий г. Никольска,

например, в феврале 1813 г. вологодскому полицмейстеру доносил, что при препровождении военнопленные получили разные степени обморожения: отмороженные пальцы рук и ног «отваливались сами», лица большинства пленников изуродовались обмороженными носами и щеками, почти у всех пленников были красные, распухшие и гноившиеся глаза. Однако все «узники войны» были снабжены одеждою и провiantом.

Против французской версии причин поражения Наполеона в 1835 г. выступил Д.В. Давыдов. В статье «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?» он писал: «Итак, во все время шествия французской армии от Москвы до Березины, то есть в течение двадцати шести дней, стужа, хотя и не чрезвычайная (от двенадцати до семнадцати градусов), продолжалась не более трех суток, по словам Шамбре, Жомини и Наполеона, или пяти суток, по словам Гурго. Между тем, французская армия при выступлении своем из Москвы состояла, по списку французского Главного штаба, отбитому нами во время преследования, из ста десяти тысяч человек свежего войска, а по словам всех историков кампании, представляла только сорок пять тысяч по прибытии своем к берегам Березины. Как же подумать, чтобы шестидесяти тысяч человек единственно от трех- или пятисуточных морозов, тогда как гораздо сильнейшие морозы в 1795 году в Голландии, в 1807 году во время Эйлавской кампании, продолжавшиеся около двух месяцев сряду, и в 1808 году в Испании среди Кастильских гор, в течение всей зимней кампании, скользили, так сказать, по поверхности французской армии, не проникая в средину ее, и отстали от ней, не разрушив ни ее единства, ни устройства? Все это приводит нас к тому уверению, что не стужа, а другое обстоятельство – причиною разрушения гигантского ополчения» [8].

В этой статье Д.В. Давыдов приводил слова генерала Гурго, адъютанта Наполеона: «Что касается до сильной стужи, то меру ее определить можно тем, что Березина не была еще покрыта льдом во время переправы чрез нее». Французский генерал маркиз де Шамбре, попавший в русский плен в сражении при Березине, в своем исследовании, на которое ссылаются почти все поздние историки по наполеоновским войнам, «История экспедиции в Россию» приводит подробные климатические условия и утверждает: «Не одна стужа расстроила и истребила французскую армию, потому что второй и девятый корпуса сохранили совершенный порядок, невзирая на претерпение такой же стужи, как и главная армия. Стужа, сухая и умеренная, сопровождавшая войска от Москвы до первого снега, была более полезна, нежели гибельна» [8].

Подводя итог, отметим, что развернувшаяся сразу после Отечественной войны 1812 г. дискуссия о причинах поражения Наполеона в России строилась на противопоставлении двух одновременных утверждений: силе и бессилию двух противоборствующих сторон. Вступив в Россию сильной и мощной армией, французы по воле противника продвигались внутрь страны. Дойдя до Москвы, заняв большую территорию, измотав физически и морально войска, Наполеон после оккупации Москвы был не готов ве-

сти дальнейшую войну. Поэтому он всячески искал возможность сделать попытку передышки. Но в этот процесс начала вмешиваться природа. Соглашаясь с профессором А.И. Поповым, отметим, что природно-климатический фактор «вовсе не следует сбрасывать со счетов, ибо сами же русские участники войны понимали, что своеобразные климатические условия будут играть им на руку, и даже неоднократно предупреждали об этом противника. Перед войной Александр I сказал А. Коленкуру: “Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима”. Не раз указывали на это Вильсон, другие генералы и офицеры, да и сам фельдмаршал. У Вязьмы и Дорогобужа холод, действительно, был небольшим, однако нужно учитывать, что неприятельские солдаты были уже крайне ослаблены голодом. К тому же зима в том году выдалась самой морозной (на 5–8° ниже нормы). Но мороз также не был первопричиной, ибо Наполеон был обязан и имел время принять меры, чтобы подготовить армию к зиме”» [9, с. 319–320].

• Литература

1. Давыдов, Д.В. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году? / Д.В. Давыдов // Библиотека для чтения. – 1835. – Т. 10.
2. Двадцать девятый бюллетень Великой армии. Молодечно, – 1812. [21 ноября /] Декабря 3 дня 1812 // Санкт-Петербургские ведомости. – 1813. – 14 января.
3. Земцов, В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении / В.Н. Земцов. – Екатеринбург, 2003.
4. Орлов, М.Ф. Размышления русского военного о 29-м бюллетене / М.Ф. Орлов // Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. – Москва, 1963. – (Литературные памятники).
5. Попов, А.И. Великая армия в России: Погоня за миражом / А.И. Попов. – Самара, 2002.
6. Скотт, В. Жизнь Наполеона Бонапарта / В. Скотт. – Т. II. – Кн. III. – Москва, 1995.
7. Chandler, D.G. The Origins of the Revolutionary and Napoleonic Wars / D.G. Chandler // Chandler D. G. On the Napoleonic Wars. Collected Essays. – London, 1994.
8. Пушкин, А.С. О народности в литературе / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. – Москва – Ленинград, 1949.
9. Подмазо, А.А. «Не замай – дай подойти!» (размышления у картины В. В. Верещагина о партизанской войне в 1812 году) / А.А. Подмазо // «Недаром помнит вся Россия...»: материалы Международной конференции, посвященной 160-летию В.В. Верещагина и 190-летию Бородинского сражения. – Череповец, 2003.

• References

1. Davydov, D.V. Moroz li istrebil francuzskuyu armiyu v 1812 godu? [Did Frost exterminate the French army in 1812?] / D.V. Davydov // Library for reading. – 1835. – Vol. 10.
2. Dvadzat' devyatij bulleten' Velikoi armii [The 29th bulletin of the Great Army]. Molodechno,

- 1812. [November, 21/] December 3, 1812] // St.Petersburg Gazette. – 1813. – January 14.
3. Zemtsov, V.N. Velikaya armiya Napoleona v Borodinskom srazhenii [Napoleon's Great Army in the Battle of Borodino] / V.N. Zemtsov. – Ekaterinburg, 2003.
 4. Orlov, M.F. Razmishleniya russkogo voennogo o 29-m bulletene [Reflections of the Russian military on the 29th bulletin] / Orlov M.F.// Orlov, M.F. Capitulation of Paris. Political writings. Letters. – Moscow, 1963. – (Literary monuments).
 5. Popov, A.I. Velikaya armiya v Rossii: Pogonya za mirazhom [The Great Army in Russia: Chasing a mirage] / A.I. Popov. – Samara, 2002.
 6. Scott, V. Zhizn' Napoleona Bonaparta [The Life of Napoleon Bonaparte] / V. Skott. – Vol. II. – Book III. – Moscow, 1995.
 7. Chandler, D.G. The Origins of the Revolutionary and Napoleonic Wars / D.G. Chandler // Chandler D.G. On the Napoleonic Wars. Collected Essays. – London, 1994.
 8. Pushkin, A.S. O narodnosti v literature [About nationality in literature] / A.S. Pushkin // Pushkin A.S. Complete works: in 16 volumes. Vol. 11. – Moscow – Leningrad, 1949.
 9. Podmazo, A.A. «Ne zamay – dai podoiti!» (razmishleniya u kartiny V.V. Vereshchagina o partizanskoj voine v 1812 godu ["Do not interfere, let me come up" (reflections at the picture of V.V. Vereshchagin on the partisan war of 1812)] / A.A. Podmazo // "No wonder the whole of Russia remembers": Materials of Intern. Conf. dedicated to the 160th anniversary of V.V. Vereshchagin and the 190th anniversary of the battle of Borodino. - Cherepovets, 2003.

Статья поступила в редакцию 22.02.2022
The Editorial Office received the paper on 22.02.2022

А.В. СПЕРАНСКИЙ *, **П.А. СПЕРАНСКИЙ ****

РЕФОРМЫ С.Ю. ВИТТЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ В ИСТОРИИ РОССИИ

* Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург

** Институт истории и археологии УрО РАН;
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

avsperansky@mail.ru
pasperanskiy@mail.ru

A.V. SPERANSKY *, **P.A. SPERANSKY ****

REFORMS OF S.YU.WITTE IN THE LIGHT OF MODERN DISCUSSIONS IN THE HISTORY OF RUSSIA

* Institute of History and Archaeology,
Ural Branch, RAS,
Ekaterinburg

** Institute of History and Archaeology,
Ural Branch, RAS; Ural Federal University
named after the first President
of the Russian Federation B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg

Аннотация

В статье проанализированы основные направления и тенденции в современной отечественной историографии по изучению исторического значения преобразований С.Ю. Витте. Показано, что в трудах российских исследователей сложился широкий спектр историографических оценок хода и последствий «виттевской» модернизации как положительного, так и отрицательного характера. Отмечается, что изучение отечественными учеными истории России конца XIX – начала XX вв. в рамках модернизационной парадигмы и их попытки применения теоретических изысканий на практике породили две основные интерпретационные модели исторического осмысления преобразований – пессимистическую и оптимистическую. Также при общей оценке сущности реформ С.Ю. Витте в современной отечественной историографии выделяется набирающий силы спор об акторах позднеимперской модернизации. В рамках данной научной дискуссии сложилось два основных подхода – моноакторный (этатистский), доказывающий главенствующую роль государства в процессе российских модернизаций, и мультиакторный (государственно-низовой), делающий акцент на созидательной роли не только государства, но и иных движущих сил модернизационного перехода. Сделан вывод, что дискуссии по проблемам позднеимперских преобразований далеко не закончены, они набирают новые обороты и выдвигают на первый план взвешенные и широкие оценки преобразовательной деятельности С.Ю. Витте.

Ключевые слова:

историография, дискуссии, теория модернизации, акторный подход, имперская история, реформы, С.Ю. Витте

Abstract

The paper analyses the main trends in modern Russian historiography on the study of historical significance of the reforms of S.Yu. Witte. The paper shows that the works of Russian researchers have developed a wide range of historiographical assessments of the course and consequences of the "Witte" modernization, both positive and negative. The paper also notes that the study of Russian history by Russian researchers of the late XIX – early XX centuries within the framework of the modernization paradigm and their attempts to apply theoretical research in practice gave rise to two main interpretative models of historical understanding of these reforms – pessimistic and optimistic. In addition, giving a general assessment of S.Yu. Witte's reforms, modern Russian historiography highlights a growing dispute about the actors of late imperial modernization. Within the framework of this academic discussion, two main approaches have developed – monoactor approach,

which proves dominant role of the state in the process of Russian modernization, and multiactor approach, which focuses on the creative role of not only the state, but also other driving forces of the modernization transition. The paper concludes that discussions on the problems of late Imperial transformations are far from over – they are gaining new momentum and bring balanced and broad assessments of the reform activity of S.Yu. Witte.

Keywords:

historiography, discussions, modernization theory, actor approach, imperial history, reforms, S.Yu. Witte

• **Введение**

Модернизационные преобразования эпохи Великих реформ задали положительный вектор развития России на несколько десятилетий вперед. Однако к рубежу XIX – XX вв. потенциал позитивных возможностей александровской программы либеральных преобразований был практически исчерпан. Процесс привнесения современных институтов в структуру традиционного общества начал открыто саботироваться и отторгаться как со стороны приближенных к короне элит, так и со стороны народа. Тем не менее Россия остро нуждалась в интенсификации реформирования политической и экономической сфер общественного бытия. Насущной проблемой оставались замедленное культурное развитие и значительное отставание в этом плане от стран Запада.

Для стран догоняющего типа модернизации чрезвычайно важна фигура реформатора. Поэтому проведение преобразований в России требовало незаурядных и критически мыслящих людей, способных стать их надежным «локомотивом». Подобными качествами обладал выдающийся государственный деятель рубежа XIX – XX вв. – Сергей Юльевич Витте. Именно с его именем связано начало последней в имперской истории России эволюционной попытки осуществить рывок в индустриальную эпоху.

Реализация программы С.Ю. Витте была связана с его деятельностью на двух ключевых постах: министра финансов и председателя Совета министров. Реформатор поставил цель – за 10 – 15 лет непрерывного развития форсированными темпами догнать ушедших вперед лидеров модернизационного соревнования. Эту заветную мечту предполагалось достигнуть комплексом реформ, направленных на ускорение темпов индустриализации России, способной укрепить весь ее экономический потенциал [1, с.18].

К настоящему времени российская историческая наука смогла накопить обширную историографию, посвященную деятельности графа Витте. Его реформам уделено внимание во множестве научных статей, а также в нескольких крупных монографиях. Накопленный багаж исторических знаний, анализирующих модернизационные трансформации России в конце XIX – начале XX вв., требует историографической инвентаризации, классификации и структурирования. Это имеет большое значение для развития отечественной исторической науки и может стать действенным катализатором для появления новых исследований по этой чрез-

вычайно важной и интересной тематике. При этом стоит отметить, что большинство исследователей, занимающихся изучением реформационных процессов обозначенного периода, основное внимание уделяют деятельности ныне чрезвычайно популярной фигуры П.А. Столыпина, а государственное творчество его идейного предшественника освещается недостаточно полно.

В отечественной историографии конца XX – начала XXI вв. отчетливо прослеживается тенденция применения современных теорий, подходов и методов к исследованию эпохи реформ С.Ю. Витте. При этом серьезное место занимают труды, рассматривающие этот период российской истории с теоретических позиций модернизационной парадигмы. Начиная с 1990-х гг. среди отечественных исследователей складывается два диаметрально противоположных подхода к оценке сущности отечественных модернизаций: оптимистический и пессимистический.

• **Пессимистическая интерпретация**

Первой в российской исторической науке сформировалась пессимистическая интерпретация теории модернизации, призванная показать «катастрофичность» попыток России выйти на общеевропейский путь развития. Свообразным программным манифестом «пессимистов» стала трехтомная работа А.С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта». В ней ученый отмечает, что основной чертой развития экономической системы России на рубеже XIX – XX вв. было то, что она, впрочем как и вся российская цивилизация в целом, имела расколотый характер. По его мнению, с одной стороны, экономическая политика С.Ю. Витте – это явное проявление государственной монополии на хозяйство, в основе которой продолжали лежать крепостнические традиции и натуральные отношения. С другой же – из-за общей слабости государства могла спорадически возникать возможность ограниченного независимого развития частной инициативы, тяготеющей к рынку и товарно-денежным отношениям. Чрезмерную роль государства в процессе индустриализации А.С. Ахиезер оценивает негативно, называя ее «насаждением крупных промышленных предприятий». По мнению ученого, искусственное создание предприятий тяжелой промышленности силами государства не только разоряло мелких производителей и лишало крестьян побочных заработков, но и уничтожало развитие рынка и товарно-денежных отношений, прогресс свободной личности [2, с. 282 – 286].

С определенной долей пессимизма подошел к рассмотрению важнейшего элемента «виттевской» модернизации – денежной реформы – А.Н. Дубянский. Экономист указывает, что данное преобразование нанесло сильный удар по положению российского крестьянства, так как в результате перехода российской монетарной системы на золотой стандарт произошло резкое падение цен на продукцию аграрного сектора, снижение заработной платы сельскохозяйственных рабочих и возросли арендные платежи за землепользование. Более того, ученый уверен, что к началу XX в. почти все отрасли отечественной экономики вошли в состояние глубокого кризиса. В заключении статьи А.Н. Дубянский отмечает, что денежная рефор-

ма Витте разорила экономику России, стала катализатором оппозиционных настроений в обществе и в итоге ввергла страну в череду революционных потрясений [3, с. 99 – 105].

Продолжает традиции пессимистического анализа реформ С.Ю. Витте и В.В. Шелохаев. В статье «Модернизация как теоретико-методологическая проблема» историк делает акцент на самых негативных последствиях модернизации 90-х гг. XIX в. Он пишет, что развитие крупных форм промышленности в России не сопровождалось созданием проработанной правовой основы, что приводило к деформациям экономики и делало возможным бюрократический произвол. Власть уделяла внимание субсидированию лишь крупных компаний, забывая о развитии средней и мелкой промышленности. Архаичное законодательство тормозило формирование современного гражданского общества. Власти не удавалось создать условия социального партнерства, и в результате реформ социальные противоречия лишь обострились. Модернизация рубежа XIX – XX вв., резюмирует автор, не способствовала нивелированию противоречий между авторитарно-самодержавным режимом и обществом, а, наоборот, их подогревала. Усилия Сергея Юльевича Витте не достигли своих целей и лишь привели к системному общенациональному кризису [4, с. 33 – 38].

Таким образом, становится видно, что в отечественной исторической науке к настоящему времени сложился авторитетный лагерь исследователей, считающих «виттевскую» модернизацию неудачным примером реформирования. Подобные авторские выводы носят однобокий характер, вызывающий ложное представление о том, что модернизация России на рубеже XIX – XX вв. была неорганична, неэффективна и контрпродуктивна. Подобные выводы, рисующие российскую модернизацию как антирациональную попытку властей выйти на путь передовых европейских обществ, весьма спорны. По нашему мнению, даже в условиях запоздалости и вторичности модернизационного процесса, а также его догоняющего характера нельзя отрицать тот факт, что все проводимые в России модернизационные преобразования, наряду с имевшимся негативом, давали и положительные результаты, способствовавшие прогрессивному развитию общества.

• Оптимистическая интерпретация

В рамках научного осмысления модернизационных процессов эпохи С.Ю. Витте имеются и работы, отмечающие позитивные черты реформ и стремящиеся при их характеристике дать объективную и взвешенную оценку. Так, один из наиболее известных отечественных исследователей реформ рубежа XIX – XX вв. А.П. Корелин в ряде статей и монографий отмечает, что начиная со второй половины 90-х гг. XIX в. можно отчетливо проследить первые позитивные плоды воплощения в жизнь реформ Витте [5, с. 69 – 70]. Историк в соавторстве с С.А. Степановым проводит скрупулезный анализ программы преобразований русского реформатора и отмечает, что в экономической сфере они содействовали промышленному развитию и включению России в глобальную экономическую систему. В социальной сфере реформы способствовали отмиранию сословной иерархии

и формированию современных социальных структур. Деятельность графа Витте в области политики, по мнению ученых, ознаменовалась важным шагом на пути формирования гражданского общества и правового государства [1, с. 23 – 24].

Однако, несмотря на преобладающий оценочный позитив, авторы указывают и на некоторые противоречия, которые были заложены в самой основе «системы Витте». Гиперболизированная регулятивная роль государства в экономике оправдывалась Министерством финансов необходимостью поддержания неокрепшей частной инициативы. Однако на практике, по мнению исследователей, вмешательство государства в дела частного капитала выходило за пределы регулирования экономики и тормозило естественное развитие капитализма в России [5, с. 69 – 70].

Упомянутый выше термин «система Витте» очень важен для понимания сущности проводимых преобразований в России на рубеже XIX – XX вв., поэтому остановимся на его характеристике. Он появился в отечественной историографии в начале XXI в. и в настоящее время активно используется российскими учеными. Впервые термин «система Витте» был введен в историческую науку историками Б.В. Ананьичем и Р.Ш. Ганелиным в монографии «С.Ю. Витте и его время». Под ним исследователи подразумевали созданную реформатором программу ускоренной модернизации и форсированного развития промышленности за счет мобилизации внутренних ресурсов, привлечения иностранных капиталов, таможенной защиты российских производителей от западных конкурентов и поощрение вывоза товаров из России [6, с. 86].

Неоднозначная оценка эффективности применения «системы Витте» высказывается современным отечественным исследователем-экономистом С.Д. Бодруновым. Рассматривая деятельность министра Витте сквозь призму модернизационных трансформаций, произошедших в индустриальном секторе российской экономики в конце XIX – начале XX вв., ученый приходит к выводу, что усилия реформатора, оказав существенное положительное влияние на промышленный рост, наткнулись в дальнейшем на серьезные ограничения экономического развития. С.Д. Бодрунов отмечает, что отдельные периоды заметного оживления в российской экономике сменялись кризисами, а общие темпы экономического роста оказались недостаточными, чтобы состязаться с наиболее динамичными промышленными державами того периода – Германской империей и Соединенными Штатами Америки [7, с. 10].

Достоинна внимания точка зрения известного историка А.Н. Медушевского, рассмотревшего аграрную составляющую программы Витте. Автор, формулируя свою собственную оригинальную концепцию аграрного развития России, проводит историко-социологический анализ многочисленных проектов, предлагавших варианты решения аграрного вопроса. Естественно, в их числе рассмотрена и правительственная программа аграрных реформ, предложенная С.Ю. Витте. По мнению Медушевского, проблемы неэффективности крестьянского хозяйства лежали не в экономических, а в правовых основах. Решением данной проблемы, с точки зрения ученого, могло стать предложенное Витте преодоление сословной замкнутости крестьян-

ства, включение его в полноценную рыночную экономику и гражданское общество путем реформирования правового положения крестьян, системы управления и суда на местах. Таким образом, исследователь отмечает, что разумная реализация аграрной программы, разработанной властями в начале XX в., могла бы преодолеть сложившуюся в крестьянской среде ситуацию и в перспективе повысить эффективность земледельческого производства [8, с. 278 – 279].

Особым противовесом имеющейся в современной российской историографии версии о неэффективности модернизационных преобразований в России, сводящихся в конечном итоге до уровня контрмодернизации, выступают исследования, отражающие только оптимистический взгляд на рассматриваемые процессы и отмечающие их положительные результаты как закономерные последствия модернизации. Так, кардинально противоположную позицию точке зрения «пессимистов» занимает П.М. Коловангин. Исследователь обосновывает тезис о том, что реформаторская деятельность С.Ю. Витте реально способствовала преодолению кризиса, в котором Российская империя пребывала в начале XX в. Данную мысль ученый подкрепляет рядом аргументов, говорящих о том, что проводившиеся реформы были всецело направлены на укрепление экономики страны и ликвидацию барьеров на пути капиталистического развития России. «Система Витте», отмечает автор, предполагала модернизацию хозяйственного строя страны и структурную перестройку экономики на основе свершения промышленной революции, открывшей поле развития тяжелой индустрии и наиболее современных отраслей промышленности [9, с. 43].

Несомненный позитив в развитии России на рубеже XIX – XX вв. видит один из наиболее ярких представителей оптимистической интерпретационной модели российских модернизаций М.А. Давыдов. В вызвавшей в отечественной исторической науке бурю дискуссий монографии «Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина» и продолжающей ее идеи статье «Модернизация Витте – Столыпина и ее специфика» автор предпринимает попытку показать несостоятельность концепций «негативистской» историографии, утверждающих о провальном характере реализации мер Правительства в конце XIX – начале XX вв. В опровержение «околомодернизационных» интерпретаций историк приводит ряд статистических данных, которые, по его мнению, должны наглядно доказывать главный тезис «оптимистической» историографии: уровень благосостояния основной части населения имперской России, коим было крестьянство, в пореформенный период неуклонно рос, чему способствовала не только земельная реформа 1861 г., но и пролонгировавшая ее политика индустриализации С.Ю. Витте. В конце монографии М.А. Давыдов делает принципиальный вывод об успешном течении российской модернизации в конце XIX – начале XX вв., всецело сопровождаемой эффективным администрированием со стороны государства [10, с. 18 – 47; 11, с. 109 – 131]. Работа М.А. Давыдова представляется очень смелой и дискуссионной попыткой объяснения основных тенденций модернизации рубежа веков. Она имеет как сторонников, так

и ярых противников, среди которых находится известный историк-методолог С.А. Нефедов, назвавший труд Давыдова «неакадемическим» [12].

• **Акторный подход**

Отметим еще одну дискуссионную область современной отечественной историографии, касающуюся модернизации конца XIX – начала XX вв. До сих пор спорным и широко обсуждаемым является вопрос о ведущих акторах российской капиталистической модернизации позднеимперского периода. Среди историков распространено два основных мнения, одно из которых свидетельствует в пользу исключительно этактисткой (моноакторной) модели преобразований, другое выступает в защиту смешанной (мультиакторной) модели государственно-низовой модернизации [13; 14, с. 145].

В монографии «Русская история в сравнительном освещении» российский историк В.Г. Хорос в контексте исследования трансформаций пореформенной эпохи проводит акторный анализ процесса модернизации, пытаясь ответить на вопрос, какая же из социальных страт империи в это время могла стать главным субъектом преобразовательной деятельности. По его мнению, в силу особенностей политического, экономического и социокультурного характера, отличавших Россию от западных стран, главным актором российской модернизации выступало государство. Как считает историк, на фоне «застоя» и постепенного угасания творческих сил самодержавия резко выделяется реформационный импульс деятельности С.Ю. Витте, вспыхнувший на рубеже веков. Во всех начинаниях реформатора, отмечает В.Г. Хорос, присутствовала системность и последовательность действий, которые придавали особую цельность правительственному курсу. Однако и «система Витте», отмечает автор, имела ряд существенных ограничений в виде серьезных хозяйственных диспропорций и острых противоречий: если тяжелые отрасли индустрии росли быстро, то легкая промышленность безнадежно отставала [15].

Похожий «государственнический» подход демонстрирует С.Д. Мартынов, совершивший анализ экономических составляющих модернизационного развития России на рубеже XIX – XX вв. В качестве основополагающих элементов этого процесса ученый указал активное государственное вмешательство, протекционизм, привлечение иностранного капитала, поддержку частного предпринимательства и развитие казенного хозяйства. По мнению историка, в целом реформы С.Ю. Витте были успешны, а построенная им система является ценным национальным вариантом модернизации, основанной на использовании исключительной роли государства в преобразованиях [16, с. 2].

К несколько иным выводам относительно соотношения роли движущих сил, агентов и проводников модернизации приходит историк Ю.А. Петров. Ученый отвергает широко распространенный в отечественной историографии тезис о том, что в России только государство исключительным образом выступало главным актором преобразований. В своей работе автор выделяет три основных актора, обеспечивших бурное экономическое развитие России на рубеже XIX – XX вв., а именно: отечественных предпри-

нимателей, зарубежных инвесторов и государство. Не отрицая полностью роль государства в российской позднеимперской модернизации, Ю.А. Петров отмечает, что главными катализаторами индустриального роста был иностранный и отечественный капитал [17, с. 26].

Среди широкого спектра модернизационных взглядов на отечественную историю можно выделить еще одно направление, разрабатывающее собственную методологию изучения российских модернизаций. Данное течение основывается на наработках неомодернизационного дискурса, трактующего модернизацию как многомерный и многолинейный процесс. Отечественные адепты неомодернизационного анализа разрабатывают конкретно-проблемную методологию изучения эндогенных и экзогенных факторов модернизации, а также цивилизационного своеобразия российских модернизаций, беря в основу своих исследований смыслообразующий тезис о возможности существования национальных моделей модернизации, имеющих свои собственные социокультурные особенности.

Наиболее яркими представителями данной исследовательской парадигмы являются ученые Института истории и археологии УрО РАН, составляющие «Уральскую школу модернизации». В целом уральские исследователи высоко оценивают сущность и последствия преобразований эпохи С.Ю. Витте и даже предлагают выделять особый промежуточный, между александровским и столыпинским, «виттевский» этап эволюционной имперской модернизации, датируя его 1883 – 1906 гг. По их мнению, именно за этот промежуток времени реформатору удалось дать самый мощный импульс в истории имперской модернизации, однако, не будучи первым лицом в государстве, реформатор не мог всецело контролировать ее ход, что не позволило полностью добиться желаемых результатов [18, с. 42].

Не игнорируют уральские историки в своих работах и вопросы движущих сил российской позднеимперской модернизации. Для изучения указанной проблематики исследователями был применен оригинальный акторный подход, позволяющий выявить основные роли агентов модернизации, а также проследить динамику развития акторных структур в России имперского периода. В своих работах ученые предлагают уйти от традиционного взгляда на российские модернизации как на процесс, детерминируемый определенными закономерностями и управляемый исключительно государством. Они утверждают, что помимо государства в процессе российских модернизационных трансформаций активную роль играли и другие социальные акторы и региональные движущие силы, такие как интеллигенция, деятели культуры, образования и искусства, предпринимательство, иностранные специалисты [18, с. 86 – 148].

• Заключение

Подводя итоги историографическому анализу научных трудов, касающихся преобразований эпохи реформ С.Ю. Витте, следует сделать вывод, что в накопленном современной исторической наукой материале имеет место широкий спектр взглядов и мнений. Современная историография располагает как негативными и пессимистическими оценками реформ ру-

бежа XIX – XX вв., указывающими на неорганический парциальный характер исторической динамики, сопровождаемой мимолетными периодами расцвета, заранее обреченными на быстрый закат и крах, так и концепциями, признающими их эффективность и выдающееся значение для развития России.

Помимо дискуссии («оптимистов» и «пессимистов») в современной отечественной историографии модернизации рубежа веков следует также выделить и спор об основных акторах позднеимперской модернизации, в рамках которого также сложилось два основных подхода. Первый – доказывающий исключительную главенствующую роль государства. И второй – делающий акцент на деятельности иных акторов модернизации, таких как отечественная буржуазия, интеллигенция, деятели культуры, образования и искусства, иностранные специалисты и предприниматели.

Подводя итоги, следует отметить, что дискуссии по проблемам реформ эпохи С.Ю. Витте далеко не закончены, они набирают новые обороты, выдвигая на первый план взвешенные и широкие оценки преобразовательной деятельности С.Ю. Витте, включающие в себя как негативные, так и позитивные черты позднеимперской модернизации. Нам представляется, что именно такая позиция, отмечающая не только промахи, но и наличие большого количества положительных и прогрессивных тенденций в преобразовательной деятельности великого русского реформатора, является наиболее востребованной с точки зрения объективного понимания сущности российской модернизации конца XIX – начала XX вв.

• Литература

1. Корелин, А.П. Реформы Витте и модернизация России / А.П. Корелин, С.А. Степанов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – № 4. – С. 16 – 24.
2. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1 / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1991. – 804 с.
3. Дубянский, А.Н. Денежная реформа С.Ю. Витте. Негативные аспекты введения в России золотого рубля / А.Н. Дубянский // Экономическая история России: Проблемы, поиски, решения. – 2000. – № 4. – С. 99 – 105.
4. Шелохаев, В.В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема / В.В. Шелохаев // Куда идет Россия?... Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. – Москва: «Логос Пресс», 1999. – С. 28 – 39.
5. Корелин, А.П. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат / А.П. Корелин, С.А. Степанов. – Москва: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. – 464 с.
6. Ананьич, Б.В. Сергей Юльевич Витте и его время / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – 430 с.
7. Бодрунов, С.Д. Индустриальный потенциал России: уроки С.Ю. Витте / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 14 (42). – С. 5 – 10.
8. Медушевский, А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века / А.Н. Медушевский. – Москва – Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 640 с.
9. Коловангин, П.М. Государственное творчество графа С. Ю. Витте – полезный опыт мо-

- дернизации России / П.М. Коловангин // ЭВР. – 2015. – № 1 (43). – С. 37 – 43.
10. Давыдов, М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина / М.А. Давыдов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. – 1080 с.
 11. Давыдов, М.А. Модернизация Витте – Столыпина и ее специфика / М.А. Давыдов // ВТЭ. – 2017. – № 1 (1). – С. 109 – 131.
 12. Неведов, С.А. Неакадемический труд / С.А. Неведов // ИСОМ. – 2018. – № 1. – С. 40 – 46.
 13. Побережников, И.В. Актеры российской имперской модернизации: проблемы и перспективы исследования / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4. – С. 16 – 25.
 14. Побережников, И.В. Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 1. – С. 140 – 148.
 15. Хорос, В.Г. Русская история в сравнительном освещении. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/03
 16. Мартынов, С.Д. Государство и экономика: система Витте / С.Д. Мартынов. – Санкт-Петербург: Наука, 2002. – 405 с.
 17. Петров, Ю.А. Государство и экономический рост в позднеимперской России / Ю.А. Петров // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 1. – С. 18 – 26.
 18. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / под ред. И.В. Побережникова. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 316 с.
- **References**
1. Korelin, A.P. Reformy Witte i modernizaciya Rossii [Witte's reforms and the modernization of Russia] / A.P. Korelin, S.A. Stepanov // Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bull. of the Russian Humanitarian Scientific Foundation]. - 1997. – № 4. – P. 16 – 24.
 2. Akhiezer, A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta [Russia: criticism of historical experience] / A.S. Akhiezer. Vol. 1. – Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1991. – 804 p.
 3. Dubyansky, A.N. Denezhnaya reforma S. Yu. Vitte. Negativnye aspekty vvedeniya v Rossii zolotogo rublya [Monetary reform of S.Yu.Witte. Negative aspects of the introduction of the golden ruble in Russia] / A.N. Dubyansky // Ekonomicheskaya istoriya Rossii: Problemy, poiski, resheniya [Economic history of Russia: problems, searches, solutions]. – 2000. – № 4. – P. 99 – 105.
 4. Shelokhaev, V.V. Modernizaciya kak teoretiko-metodologicheskaya problema [Modernization as a theoretical and methodological problem] / V.V. Shelokhaev // Kuda idet Rossiya?... Krizis institucional'nyh sistem: vek, desyatiletie, god [Where is Russia going?... Crisis of institutional systems: century, decade, year]. – Moscow: "Logos Press", 1999. – P. 28 – 39.
 5. Korelin, A.P. S.Yu.Witte – finansist, politik, diplomat [S.Yu.Witte – a financier, politician, diplomat] / A.P. Korelin, S.A. Stepanov. – Moscow: TERRA-Book club, 1998. – 464 p.
 6. Ananyich, B.V. Sergei Yulyevich Witte i ego vremya. [Sergei Yulyevich Witte and his time] / B.V. Ananyich, R.Sh. Ganelin. – St.Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. – 430 p.
 7. Bodrunov, S.D. Industrial'nyj potencial Rossii: uroki S.Yu.Witte [Industrial potential of Russia: Lessons from S.Yu. Witte] / S.D. Bodrunov // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia]. – 2014. – № 14 (42). – P. 5 – 10.
 8. Medushevsky, A.N. Proekty agrarnyh reform v Rossii: XVIII – nachalo XXI veka [Projects of agrarian reforms in Russia: XVIII – early XXI century] / A.N. Medushevsky. – Moscow – Berlin: Direct-Media, 2015. – 640 p.
 9. Kolovangin, P.M. Gosudarstvennoe tvorchestvo grafa S.Yu.Witte – poleznyj opyt modernizacii Rossii [State creativity of Count S.Yu.Witte is a useful experience in the modernization of Russia] / P.M. Kolovangin // Ecological Bull. of Russia (EVR). – 2015. – № 1 (43). – P. 37 – 43.
 10. Davydov, M.A. Dvadcat' let do Velikoj vojny: rossijskaya modernizaciya Witte-Stolypina [Twenty years before the Great War: Russian modernization of Witte-Stolypin] / M.A. Davydov. – St.Petersburg: Aleteiya, 2016. – 1080 p.
 11. Davydov, M.A. Modernizaciya Witte-Stolypina i ee specifika [Modernization of Witte-Stolypin and its specifics] / M.A. Davydov // VTE. – 2017. – № 1 (1). – P. 109 – 131.
 12. Nefedov, S.A. Neakademicheskij trud [Non-academic labour] / S.A. Nefedov // ISOM. – 2018. – № 1. – P. 40 – 46.
 13. Poberezhnikov, I.V. Aktory rossijskoj imperskoj modernizacii: problemy i perspektivy issledovaniya [Actors of Russian Imperial Modernization: Research Problems and Prospects] / I.V. Poberezhnikov // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bull.]. – 2015. – № 4. – P. 16 – 25.
 14. Poberezhnikov, I.V. Problemy rossijskih modernizacij imperskogo perioda v novejshej istoriografii [Problems of Russian modernizations of the Imperial Period in modern historiography] / I.V. Poberezhnikov // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bull.]. – 2020. – № 1. – P. 140 – 148.
 15. Khoros, V.G. Russkaya istoriya v sravnitel'nom osveshchenii [Russian history in comparative coverage] / V.G. Khoros. – Moscow: Aspect Press, 1996. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/03
 16. Martynov, S.D. Gosudarstvo i ekonomika: sistema Witte [State and economy: Witte system] / S.D. Martynov. – St.Petersburg: Nauka, 2002. – 405 p.
 17. Petrov, Yu.A. Gosudarstvo i ekonomicheskij rost v pozdneimperskoj Rossii [State and economic growth in Late Imperial Russia] / Yu.A. Petrov // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bull.]. – 2020. – № 1. – P. 18 – 26.
 18. Aktory rossijskoj imperskoj modernizacii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie [Actors of Russian Imperial Modernization (XVIII – early XX century): regional dimension] / Ed. I.V. Poberezhnikov. – Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii [Cultural Information Bank], 2016. – 316 p.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022

The Editorial Office received the paper on 21.02.2022

И.И. ЛЕЙМАН

ВОЛОГОДСКОЕ КУПЕЧЕСТВО И КРЫМСКАЯ ВОЙНА: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1853 – 1856 ГОДАХ

Сыктывкарский государственный институт
им. Питирима Сорокина;
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

irinaleyman@gmail.com

I.I. LEYMAN

VOLOGDA MERCHANTS AND THE CRIMEAN WAR: ON THE SPECIFICS OF CHARITABLE ACTIVITIES IN 1853 – 1856

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University;
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

В статье с опорой на материалы «Вологодских губернских ведомостей» дан комплексный анализ благотворительной деятельности вологодского купечества в 1853 – 1856 гг. с указанием ее специфики, продиктованной событиями Крымской войны. В частности, выделены такие формы благотворительности, как денежные пожертвования в пользу армии; изготовление корпии членами купеческих семей; помощь в организации рекрутских наборов и формировании дружин ополчения; обеспечение торжественных встреч героев войны. Указанные формы поддержки действующей армии были характерны и для других губерний Российской империи, однако в исследованиях этот вопрос представлен весьма фрагментарно, что делает данный материал актуальным.

Ключевые слова:

благотворительность, купечество, Крымская война, Вологодская губерния

Abstract

The paper, based on the materials of the Vologda Provincial Gazette, provides a comprehensive analysis of the charitable activities of the Vologda merchants in the period 1853 – 1856, indicating its specifics dictated by the events of the Crimean War. In particular, such forms of charity as monetary donations in favor of the army; the manufacture of lint by members of merchant families; assistance in organizing recruitment kits, and the formation of militia squads; provision of solemn meetings of war heroes are given. These forms of support for the active army were typical for other provinces of the Russian Empire, however, this issue is presented in studies very fragmentary, which makes the presented material relevant.

Keywords:

charitable activities, merchants, the Crimean war of 1853 – 1856, Vologda province

С середины 1990-х гг. благотворительная деятельность купеческого сословия Российской империи стала предметом исследования широкого круга авторов. Несмотря на достаточно большое количество научных публикаций по данной теме, ряд ее аспектов освещен не в полной мере (как, например, благотворительность купечества в сфере городского тюремного хозяйства) [1, с. 11 – 12]. На наш взгляд, необходимо дальнейшее изучение процесса развития благотворительности (направления, приоритеты, динамика объемов вложенных финансовых средств и т.п.) и ее зависимости от исторического контекста, т.е. определение системного характера этой деятельности и ее детерминированности политической и социально-экономической ситуацией. В этом ключе весьма репрезентативным полем для исследования являются события середины XIX в., а

именно – период Крымской (или, как ее тогда называли, Восточной) войны 1853 – 1856 гг. Крымская война не только обнажила целый комплекс структурных проблем в сфере управления, экономики, транспортной инфраструктуры, но и оказала заметное влияние на повседневную жизнь населения Российской империи, в том числе проживавшего на территориях весьма далеких от театра боевых действий (как указывает Е.Д. Выжимов, вопрос об отношении русской провинциальной глубинки к событиям Крымской войны 1853 – 1856 гг. пока остается малоизученным [2, с. 129]).

Различные формы опосредованного участия населения Российской империи, в том числе и представителей купеческого сословия, в событиях Крымской войны описаны в литературе. Так, по мнению Н.М. Терещука, именно в этот период «о купцах, и в первую очередь, севастопольских, заговорили на государственном уровне», прежде всего, по причине внесенных ими крупных пожертвований в пользу раненых [3, с. 55 – 56]. А. Макушина пишет об активной помощи купечества г. Николаева вдовам и детям погибших во время боевых действий [4, с. 219 – 220]. В Курской и Тамбовской губерниях во многом за счет представителей купеческого сословия формировались дружины народного ополчения [2, с. 130 – 131; 5]. В 1856 г. московское купечество торжественно принимало защитников г. Севастополя [6, с. 105 – 106]. В сборе средств для нужд армии, а также в пользу раненых принимало участие купечество не только южных и центральных губерний Российской империи, но и проживавшее на территории Сибири [2, с. 130; 7, с. 20 – 46; 8, с. 19].

Указанные факты, однако, носят фрагментарный характер и, скорее, являются эпизодами в канве других рассматриваемых авторами тем. Проследить полный комплекс мер поддержки, оказанных купечеством в период Крымской войны, можно по материалам «Губернских ведомостей» – еженедельной газеты, которая в 1830-х гг. начала издаваться почти в каждой губернии Российской империи. Данный источник уже попал в поле зрения целого ряда авторов, занимавшихся исследованием различных аспектов истории Крымской войны [2; 5; 8], но конкретные формы благотворительности представителей торгового сословия ими не изучались.

Рассмотрим особенности благотворительной деятельности купечества Вологодской губернии в 1853 – 1856 гг., опираясь на материалы «Вологодских губернских ведомостей» за аналогичный период. Вологодская губерния не являлась театром боевых действий, представляла собой типичную провинцию с небольшими по численности населения городами (самый большой – Вологда – насчитывал накануне Крымской войны чуть более 14 тыс. жителей), без крупных промышленных производств, более развитую в сельскохозяйственном отношении, с достаточно активной торговой жизнью. В середине XIX в. купеческое сословие было представлено во всех городах Вологодской губернии. Всего, согласно данным за 1847 г., в купцы было записано 1 569 чел. (в 1-ю гильдию – 2,4 %, во 2-ю – 6,4, в 3-ю гильдию – 91,2 %; данная пропорция в целом соответствовала общероссийской) [9, с. 76]. Во второй трети XIX в. основными направлениями благотворительной деятельности вологодского

купечества были поддержка и попечительство образовательных учреждений, тюрем, церкви, детских приютов, больниц (что было вполне типично и для других территорий). Кроме того, купечество принимало участие и в сборе средств на срочные нужды населенных пунктов для ликвидации последствий пожаров, на ремонт дорог и т.п. [9, с. 77]. В период Крымской войны эти традиционные направления были дополнены новыми.

Публикации, относящиеся к описанию вклада вологодских купцов на нужды фронта, встречаются в «Вологодских губернских ведомостях» начиная с 1854 г. и по 1856 г., из них большая часть приходится на 1855 г. Это несколько отличается от статистики «Тамбовских губернских ведомостей», где, согласно Е.Д. Выжимову, большая часть информации о реакции жителей Тамбовской губернии на Крымскую войну содержится в публикациях за 1854 г. [2, с. 130]. Данное различие определяется, вероятнее всего, географическим положением губерний: чем ближе к местам военных действий, тем быстрее распространялась информация о них. При этом реакция на севастопольские события была почти синхронной: в публикациях за 1855 г. и в тамбовских, и вологодских «Губернских ведомостях» отражены различные формы пожертвований, направляемых, прежде всего, для поддержки защитников г. Севастополя [2, с. 130].

Основной формой поддержки купечеством Вологодской губернии действующей армии были, как и в других губерниях [2, с. 130; 3, с. 55 – 56; 4, с. 219 – 220; 7, с. 20 – 46; 8, с. 19], денежные пожертвования. Так, в 1854 г. в пользу войск, раненых воинов и семейств убитых были внесены пожертвования вологодским купцом 2-й гильдии Колесовым 50 руб. серебром, купцом 3-й гильдии Корелкиным – 25 руб. серебром [10, с. 256 – 257], купцом Масленниковым (гильдия не указана) – 100 руб. серебром [11, с. 277]; усть-сысольскими 2-й и 3-й гильдий купцами Алексеем и Яковом Григорьевыми Красных – 150 руб. серебром [12, с. 328]; устюжским 2-й гильдии купцом Алениным – 500 руб. серебром (с указанием «в пользу раненых Балтийского Флота») [13, с. 353]. В 1855 г. большая часть пожертвований была адресована защитникам Севастополя: лальский купец 3-й гильдии Шестаков передал 100 руб. «в пользу Русских воинов, раненых при защите Севастополя» [14, с. 192], вологодский купец 3-й гильдии Дмитрий Попов – 100 руб. серебром [15, с. 230]. Вологодский купец 2-й гильдии Василий Грудин ежегодно «на все время войны» передавал по 1 тыс. руб. серебром и «кроме того единовременно 2 000 руб. сер. на военные издержки» [16, с. 143]. Для понимания значения этих сумм: в середине XIX в. в городах Вологодской губернии хороший деревянный дом стоил в районе 500 – 600 руб. (можно было купить и за 200 – 300 руб., но более ветхий); деревянный, но на каменном фундаменте – около 1 тыс. руб.; каменный одно- или двухэтажный дом – 2 – 2,5 тыс. руб.

Помимо денежных средств на нужды армии передавались и личные вещи. В мае 1855 г. в Вологде была выставлена на продажу золотая цепочка весом в 20 золотников (ок. 85 г), «пожертвованная купеческою женою Гудкою на военные потребности» (вероятнее всего, для защитников г. Севастополя, так как эта тема была тогда

очень актуальна) [17, с. 183]. В мае 1854 г. грязовецкий купец 3-й гильдии П.И. Гудков, «много раз бывший Градским Главою», принес в дар для походных церквей действующей армии, перешедшей за Дунай, для «защитников Православия», заветную бесценную семейную святыню – «три серебряные вызолоченные креста с мощами» [18, с. 209; 19, с. 395 – 397]. В ноябре 1855 г. в «Вологодских губернских ведомостях» было опубликовано адресованное купцу Гудкову письмо командира Уланского Его Императорского Высочества Эрцгерцога Австрийского Альберта полка генерал-майора графа Бенингсена. В письме граф благодарил «за это драгоценное приношение, которое сохранится у нас вечно, в память трудов и подвигов наших за Дунаем» и описывал, как в торжественный день полкового праздника Сошествия Св. Духа крест был принят на сохранение в полковую церковь «при собрании для молебствия всех воинских чинов». Тогда же полковой священник Виноградов произнес речь, копия которой вместе с письмом была передана П.И. Гудкову. Автор статьи очень эмоционально отметил, как поражает «и благоговейность приношения и теплое принятие дара, на который может навести в наше время только горячая, русская душа, вся проникнутая любовью к Богу и преданностью к Царю Православному, представителю Господа на земле» [19, с. 395 – 397].

Еще одной формой поддержки действующей армии со стороны представителей купеческого сословия Вологодской губернии было изготовление корпии (это нащипанные из тряпок нитки, использовавшиеся вместо ваты). Публикации об этих пожертвованиях появляются на страницах «Вологодских губернских ведомостей» в начале лета 1855 г. Так, в июне 1855 г. Апполиария Попова, жена вологодского купца 3-й гильдии, изготовила 6 фунтов (ок. 2,5 кг) корпии «в пользу раненых Русских воинов» [20, с. 214]. В декабре 1855 г. вологодский купец Гудков передал для военных госпиталей 17 фунтов (ок. 7 кг) корпии, изготовленной его женой и детьми. Кроме того, будучи директором Губернского тюремного комитета (попечительство тюрем, как отмечено ранее, было одним из традиционных направлений благотворительной деятельности купечества), он организовал изготовление корпии среди арестантов [21, с. 436 – 437].

Потребность армии в корпии свидетельствовала, в том числе, и о серьезности положения на фронте. Проводились дополнительные рекрутские наборы. Наиболее состоятельные жители губернии – прежде всего представители купеческого сословия – принимали посильное участие в этих процессах. В частности, они обеспечивали снабжение рекрутов провиантом и даже алкогольными напитками. В июле 1854 г. усть-сысольский купец 2-й гильдии Алексей Красных, содержащий в Усть-Сысольске и Яренске акцизно-откупные комиссионерства, выразил готовность «довольствоваться в предстоящий 11 очередной рекрутский набор винными порциями всех имеющих поступить в рекруты как на месте приема в Усть-Сысольске, так и на пути их следования по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам» [22, с. 328]. В мае 1855 г. николевские купцы 2-й гильдии Иванов и 3-й гильдии Богомолец угощали две рекрутские партии в числе 477 чел. «при выступлении их из г. Никольска в г. Вологду

на сборный пункт» [23, с. 192]. В июле 1855 г. тотемский купец 3-й гильдии Серебряков, управляющий акцизно-откупным комиссионерством, пожертвовал «по чарке водки и по пшеничному кренделю на каждого человека, при следовании в настоящем году чрез г. Тотму в г. Вологду рекрутских партий, равно и всем рекрутам, которые были принимаемы в Тотемском Рекрутском присутствии» [24, с. 255]. Подобные меры поддержки со стороны купечества сохранялись и в 1856 г. [25, с. 113].

Наряду с этим купечество активно поддерживало и формирование дружин ополчения. К примеру, в августе 1855 г. лальский купец Алексей Сумкин пожертвовал «в пользу войск и на расходы по Государственному подвижному Ополчению» 500 руб. [26, с. 274 – 275]. В декабре 1855 г. Вологодский губернский комитет ополчения объявил благодарность вологодскому городскому голове купцу Витушешникову и купцу Николаю Мясникову «за усердие и распорядительность» в вопросах «своевременной и аккуратной рассылке в места расположения Дружин разных вещей и материалов и при том по ценам, которые значительно ниже справочных» [27, с. 448].

В 1856 г. после завершения Крымской войны вологодское купечество принимало участие в организации встречи героев войны (аналогичная деятельность представителей торгового сословия имела место быть в Московской, Курской, Тамбовской губерниях [2, с. 130 – 131; 5; 6, с. 105 – 106]). Весной 1856 г. 32-й экипаж Черноморского флота, пересекая Вологодскую губернию по пути в г. Архангельск (так как по условиям Парижского мирного договора России запрещалось иметь на Черном море военный флот), почти на целый месяц задержался в губернском городе. По прибытии в Вологду офицеры были приглашены на обед к начальнику губернии, а нижние чины «по предложению Управляющего откупом купца Пегова угощались водкою и булками» [28, с. 96]. В течение апреля силами губернского начальства, местного дворянства и купечества для «дорогих гостей» устраивались «празднества и разного рода собрания», «всякие развлечения», «обеды и разные пиршества» [29, с. 135 – 136; 30, с. 141 – 143]. 28 апреля (по ст. стилю) на одном из таких обедов, организованном городским головою Н.А. Белозеровым, после тостов «за здравие Государя Императора, Генерал-Адмирала, и храбрых Черноморских моряков» П.А. Зубовым был предложен тост «за именитое русское купечество», содержание которого в русле рассматриваемой темы имеет смысл привести полностью: «Милостивые Государи! Русскому купечеству, которое в продолжение последней войны пожертвованиями своими так много содействовало видам Правительства, предстоит ныне по Всемилоштивейшему указанию Государя Императора новая деятельность: полное развитие мануфактурной и коммерческой деятельности, вот та безкровная борьба, в которой Россия нанесет решительный удар всем своим завистникам. Тост за именитое русское купечество!». Интересно, что содержание тоста очень плотно пересекается с речью, которую произнес историк М.П. Погодин в 1856 г. на торжественном обеде, устроенном от имени русского московского купечества делегации севастопольских моряков, приехавших

в г. Москву: «...прошу позволения сказать несколько слов в честь знаменитого московского купечества. Оно служит верно Отечеству своими трудами и приносит на алтарь его беспрерывные жертвы. ... Если бы честь все их пожертвования за нынешнее только столетие, то они составили бы такую цифру, которой должна бы поклониться Европа. ... Да здравствуйте и успевают во всех своих добрых делах знаменитое благотворительное Московское купечество!» [6, с. 105 – 106].

3 мая (по ст. стилю) г. Вологда провожала черноморцев: суда для дальнейшей транспортировки экипажа были снаряжены «усердием и иждивением именитого купца В.А. Кокорева»; на пристани «по радушию купечества приготовлены были столы, ломившиеся под тяжестью яств и ушаты с вином» [30, с. 142 – 143]. Во время прощания П.А. Зубов произнес речь, в которой снова отметил большой вклад купечества: «... Суда, на которых Вам предстоит плыть, предложены Вам одним из именитых представителей Русского купечества, – нет ли и тут предназначения тесного союза, в мире и в войне, флотов военного и купеческого?» [30, с. 142 – 143]. Затем последовал тост, провозглашенный начальником губернии, за здоровье купца Василия Александровича Кокорева [30, с. 143].

Далее на пути черноморцев были города Тотьма и Устюг. 7 мая (по ст. стилю) 32-й экипаж Черноморского флота прибыл в г. Тотьму: город встречал моряков колокольным звоном, водосвятным молебном и хлебом-солью, поднесенными «бургомистром Архиповым с прочим купечеством». На следующий день тотемский купец Кокорекин дал торжественный обед для офицеров, а также обеспечил угощение для нижних воинских чинов. 10 мая (по ст. стилю) тотемский купец 3-й гильдии Серебряков пригласил офицеров «к закуске», а нижним чинам еще накануне по его поручению была роздана «винная порция» [31, с. 167 – 168].

Подобным образом, хотя и с меньшим размахом, представители купечества обеспечивали встречу дружин ополчения. Так, в июне 1856 г. в г. Устюге пребывала стрелковая № 4 дружина Вологодского ополчения, начальник которой, майор Шауман, затем выразил искреннюю благодарность Устюгскому городскому голове купцу 1-й гильдии Павлу Максимовичу Жилину «за радушный прием» [32, с. 244].

Широкий размах благотворительной деятельности представителей купечества не остался незамеченным на самом высоком уровне. Так, в 1858 г., уже после окончания войны, «в ознаменование особенного благоволения своего к городским обществам, за оказанное ими в минувшую войну, при исполнении правительственных распоряжений, усердие» Александр II пожаловал золотую медаль для ношения на шее на Андреевской ленте грязовецкому купцу 3-й гильдии Гудкову, золотую медаль для ношения на шее на Станиславской ленте вельскому купцу 2-й гильдии Юрьеву и серебряную медаль для ношения на шее на Станиславской ленте сольвычегодскому купцу 3-й гильдии Хамминову (все трое также являлись городскими головами) [33, с. 12].

Таким образом, на примере отдельного региона – Вологодской губернии – мы видим, что в 1853 – 1856 гг. традиционные направления благо-

творительной деятельности купечества были дополнены новыми, актуальными в свете событий Крымской войны. Среди них: денежные пожертвования в пользу армии; изготовление корпии членами купеческих семей; помощь в организации рекрутских наборов и формировании дружин ополчения; обеспечение торжественных встреч героев войны – как местных ополченцев, так и моряков-черноморцев, направлявшихся к г. Архангельску через территорию Вологодской губернии. Подобные формы благотворительной активности купечества мы отмечаем и в других губерниях Российской империи, однако именно на примере локального пространства в ограниченный период времени мы можем рассмотреть ее более комплексно и детально. Рассмотренные направления благотворительности купеческого сословия в период Крымской войны 1853 – 1856 гг. свидетельствуют о системности этой деятельности (несмотря на отсутствие институциональности) и ее интегрированности в исторический контекст. Кроме того, именно в это время роль купечества в социально-экономических и даже политических процессах была оценена на самом высоком уровне, что нашло отражение как в исторических источниках, так и в ряде научных публикаций.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0011.

• Литература

1. Лейман, И.И. Благотворительная деятельность купечества в сфере городского тюремного хозяйства во второй трети XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838 – 1860 гг.) / И.И. Лейман // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в северном регионе: сб. статей. – Сыктывкар, 2020. – 235 с. – С. 11 – 18.
2. Выжимов, Е.Д. «Тамбовские губернские ведомости» как источник изучения патриотической деятельности жителей губернии в период Крымской войны 1853 – 1856 гг. / Е.Д. Выжимов // Вестник ТГУ. – 2007. – № 2. – С. 129 – 131.
3. Терещук, Н.М. Роль представителей торгового сословия в религиозно-нравственных устоях г. Севастополя в XIX веке / Н.М. Терещук // Причерноморье. История, политика, культура. – 2011. – Вып. VI(III). – Сер. Б. – С. 53 – 58.
4. Макушина, А. Благотворительная деятельность купечества города Николаева во второй половине XIX – в начале XX в. / А. Макушина // Научный вестник Одесского национального экономического университета: сб. науч. трудов; под ред. М.Д. Балджи (глав. ред.). – 2019. – № 3(266). – С. 217 – 237.
5. Антипов, М.А. «Они оставили свой след» (о сборах ополчения в Крымской войне) / М.А. Антипов // Известия регионального финансово-экономического института. – 2015. – № 3(9). – С. 1.
6. Бурышкин, П.А. Москва купеческая / П.А. Бурышкин. – Москва, 1990.
7. Быконя, Г.Ф. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.) / Г.Ф. Быконя, Е.В. Комле-

ва, А.И. Погребняк. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012.

8. Холодов, В.А. Крымская война 1853 – 1856 гг. в восприятии населения Орловской губернии / В.А. Холодов // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С.16 – 21.
9. Лейман, И.И. Благотворительная деятельность провинциального купечества в середине XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838 – 1860 гг.) / И.И. Лейман // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия история и филология. – 2020. – № 5 (45). – С. 75 – 82.
10. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1854. № 24.
11. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1854. № 26.
12. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1854. № 31.
13. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1854. № 33.
14. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1855. № 22.
15. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1855. № 27.
16. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1855. № 17.
17. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1855. № 21.
18. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1854. № 20.
19. Вологодские губернские ведомости. Часть Неофициальная. 1855. № 48.
20. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1855. № 25.
21. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1855. № 49.
22. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1854. № 31.
23. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1855. № 22.
24. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1855. № 30.
25. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1856. № 12.
26. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1855. № 32.
27. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1855. № 50.
28. Вологодские губернские ведомости. Часть Неофициальная. 1856. № 14.
29. Вологодские губернские ведомости. Часть Неофициальная. 1856. № 17.
30. Вологодские губернские ведомости. Часть Неофициальная. 1856. № 18.
31. Вологодские губернские ведомости. Часть Неофициальная. 1856. № 22.
32. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1856. № 25.
33. Вологодские губернские ведомости. Часть Официальная. 1858. № 2.

• References

1. Leyman, I.I. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kupechestva v sfere gorodskogo tyuremnogo khozyaystva vo vtoroy treti XIX v. (po materialam Vologodskikh gubernskikh vedomostey za 1838 – 1860 gg.) [Charitable activity of merchants in the field of urban prison economy in the second third of the XIX century (based on the materials of the Vologda Provincial Gazette for 1838 – 1860)] / I.I. Leyman // Upravleniye sotsial'no-ekonomicheskimi, obshchestvenno-politicheskimi i sotsiokul'turnymi protsessami v severnom regione [Management of socio-economic, socio-political and socio-cultural processes in the northern region]: Collected papers. – Syktyvkar, 2020. – 235 p. – P. 11–18.
2. Vyzhimov, E.D. «Tambovskkiye gubernskiyе vedomosti» kak istochnik izucheniya patrioticheskoy deyatel'nosti zhitel'ey gubernii v period Krymskoy voyny 1853-1856 gg. ["Tambov Province Gazette" as a research source of province people's patriotic activity during the Crimean war of 1853–1856] / E.D. Vyzhimov // Vestnik TGU [Bulletin of Tambov State Univ.]. – 2007. – No. 2. P.129 – 131.
3. Tereshchuk, N.M. Rol' predstaviteley torgovogo sosloviya v religiozno-nravstvennykh ustoyakh g. Sevasto-polya v XIX veke [The role of representatives of the merchant class in the religious and moral grounds of Sevastopol in the XIX century] / N.M. Tereshchuk // Prichernomor'ye. Istoriya, politika, kul'tura [The Black Sea region. History, politics, culture]. – 2011, – Issue VI(III). – Series B. – P. 53 – 58.
4. Makushina, A. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kupechestva goroda Nikolayeva vo vtoroy polovine XIX – v nachale XX v. [Charitable activity of the merchants of Nikolaev in the second half of XIX – beginning of the XX century] / A. Makushina // Nauchnyy vestnik Odesskogo natsional'nogo ekonomicheskogo universiteta [Sci. Bull. of Odessa National Univ. of Economics]; Collected sci. papers. – 2019. – No. 3 (266). – P. 217 – 237.
5. Antipyev, M.A. Oni ostavili svoj sled (o sborakh opolcheniya v Krymskoy voyne) [They left their trace (about militia formation during the Crimean War)] / M.A. Antipyev // Izvestiya regional'nogo finansovo-ekonomicheskogo instituta [Proc. of the Regional Financial and Economic Inst.]. – 2015. – No.3(9). – P. 1.
6. Buryshkin, P.A. Moskva kupecheskaya [Merchant Moscow] / P.A. Buryshkin. – Moscow, 1990.
7. Bykonya, G.F. Yeniseyskoye kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.) [The Yenisei merchants in persons (XVIII – early XX century)] / G.F. Bykonya, E.V. Komleva, A.I. Pogrebnyak. – Novosibirsk: Siberian Branch, RAS, Publ., 2012.
8. Kholodov, V.A. Krymskaya voyna 1853 – 1856 gg. v vospriyatii naseleniya Orlovskoy gubernii [The Crimean War of 1853 – 1856 in the perception of population of the Orel province] / V.A. Kholodov // Izvestiya VUZov. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki [News of universities. Volga region. Humanities]. – 2011. – No.2. – P. 16 – 21.
9. Leyman, I.I. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' provintsial'nogo kupechestva v seredine XIX v. (po materialam Vologodskikh gubernskikh vedomostey za 1838 – 1860 gg.) [Charitable activities of provincial merchants in the middle of the XIX century (based on materials of the Vologda Provincial Gazette for 1838 – 1860)] / I.I. Leyman // Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. History and philology. – 2020. – No. 5 (45). – P.75 – 82.
10. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. 1854. No. 24.

11. Ibid. Official part. 1854. No. 26.
12. Ibid. Official part. 1854. No. 31.
13. Ibid. Official part. 1854. No. 33.
14. Ibid. Official part. 1855. No. 22.
15. Ibid. Official part. 1855. No. 27.
16. Ibid. Official part. 1855. No. 17.
17. Ibid. Official part. 1855. No. 21.
18. Ibid. Official part. 1854. No. 20.
19. Ibid. Unofficial part. 1855. No. 48.
20. Ibid. Official part. 1855. No. 25.
21. Ibid. Official part. 1855. No. 49.
22. Ibid. Official part. 1854. No. 31.
23. Ibid. Official part. 1855. No. 22.

24. Ibid. Official part. 1855. No. 30.
25. Ibid. Official part. 1856. No. 12.
26. Ibid. Official part. 1855. No. 32.
27. Ibid. Official part. 1855. No. 50.
28. Ibid. Unofficial part. 1856. No.14.
29. Ibid. Unofficial part. 1856. No.17.
30. Ibid. Unofficial part. 1856. No.18.
31. Ibid. Unofficial part. 1856. No. 22.
32. Ibid. Official part. 1856. No. 25.
33. Ibid. Official part. 1858. No. 2.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022
The Editorial Office received the paper on 18.01.2022

А.В. ВСЕВОЛОДОВ

ДОКУМЕНТЫ ОКРУЖНЫХ СЪЕЗДОВ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА 1860 – 1870-Х ГОДОВ ПО ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ: ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Череповецкий государственный университет,
г. Череповец

vsevolodov12@yandex.ru

A.V. VSEVOLODOV

DOCUMENTS OF THE DISTRICT CONGRESSES OF THE PARISH CLERGY OF THE 1860s – 1870s FOR THE VOLOGDA DIOCESE: A CASE OF SOURCE ANALYSIS

Cherepovets State University,
Cherepovets

Аннотация

В статье предпринимается попытка анализа малоизученной разновидности источников по истории церковных преобразований 1860 – 1870-х гг. – материалов окружных (благочиннических) съездов приходского духовенства. Рассматриваются документы съездов, проходивших в 1868 – 1877 гг. в Вологодской епархии (где они получили название «периодических собраний»). Исследуемый комплекс состоит из журнала периодического собрания, сопроводительных документов к нему – рапорта благочинного, текстов речей и особых мнений, записок духовенства, а также определения духовной консистории. Непосредственно связаны с ним публикация о собрании в «Епархиальных ведомостях» и запись о нем в церковно-приходской летописи. Таким образом, наряду с традиционными для церковного делопроизводства XIX в. составляющими, он включает и новые, характерно отображающие специфику своего времени. Журналы периодических собраний зафиксировали изменения, происходившие в самосознании духовенства – в частности, преодоление им своеобразного «страха» перед дискуссиями, в том числе дискуссиями публичными, и формирование навыков высказывания и отстаивания коллективных интересов. Неслучайно при их составлении чаще использовалась свободнотекстовая форма записи, чем табличная.

Ключевые слова:

духовенство, преобразования, съезды, собрания, Вологодская епархия, журнал, делопроизводство

Abstract

An attempt is made to analyze a little-studied variety of sources of the history of Church transformations in the 1860s–1870s – materials of the district (deanery) congresses of parish clergy. The documents of the congresses held in 1868–1877 in the Vologda diocese (where they were called «periodic meetings») are considered. The studied complex consists of the journal of the periodic meeting and accompanying documents, such as the Archpriest's report, texts of speeches and dissenting opinions, notes of the clergy, as well as the definition of the spiritual consistory. The publication of the meeting in the «Diocesan Gazette» and the entry about it in the parish chronicles are directly related to it. The journals of the periodic meetings recorded changes that took place in the self-consciousness of the clergy – in particular, overcoming their «fear» of discussions, including public discussions, and the formation of skills of expressing and defending collective interests. It is no coincidence that, when compiling the journals, the free-text form of the record was used more often than the tabular one.

Keywords:
parish clergy, transformations, congresses, meetings, Vologda diocese, journal, church office work

Деятельность окружных (благочиннических) съездов приходского духовенства стала частью комплекса мероприятий, обычно называемых в отечественной историографии («церковными реформами») («реформой») 1860 – 1870-х гг. [1 – 4]. Появившись в 1864 г. в двух епархиях, Минской и Орловской, эти совещательные органы вскоре стали всероссийским по масштабу явлением [5, с. 142 – 143]. Однако до сих пор они были обойдены вниманием историков; точно так же практически не изучено и делопроизводство съездов. Исключение составляют материалы епархиальных съездов, однако в посвященных им исследованиях источниковедческий анализ или его элементы лишь по необходимости дополняют общий обзор деятельности съездов либо помогают раскрыть частные аспекты их работы [6 – 8].

Анализ сохранившихся материалов окружных съездов как делопроизводственных комплексов требует сочетать исследование обстоятельств появления, особенностей формы, структуры и информационных возможностей документов с рассмотрением через их призму повседневной работы съездов и, что особенно ценно, умственной обстановки, в которой она проходила.

Необычность этой обстановки заключалась уже в том, что съезды духовенства позволяли их участникам достигнуть, пусть и не без труда, некоторой свободы общения, а постепенно даже воспитать привычку к ней. В Синодальное время каждый приходской клирик был частью системы с двойной субординацией: религиозно-иерархической и светско-бюрократической – в которой всякое непосредственное общение задавалось логикой последовательного жесткого подчинения нижестоящих вышестоящим либо замещалось письменной коммуникацией, которая к 1840-м гг., как и в гражданском управлении, обрела унифицированные формы в жанровом и структурном плане (базовыми среди них являлись отчетная ведомость, покорнейшее прошение и рапорт) [9, с. 139; 10].

Значимость рядового священнослужителя в рамках Ведомства православного исповедания определялась во многом именно участием в документообороте. Неслучайно последнее в коллективных представлениях духовенства конституировалось как особый род обязанностей. Это формировало определенный тип личности и делало востребованными соответствующие социальные навыки [11, с. 414 – 417]. В любой сообщаемой ему документами роли – смиренного просителя, поневоле настырного жалобщика или просто исполнительного подчиненного, клирик оставался если и не пассивен, то, по крайней мере, не самостоятелен, а главное – одинок, лишен, в отличие от других социальных слоев, какой-либо корпоративной поддержки, воплощенной в постоянно действующих сословных учреждениях [12, с. 65; 13, с. 277].

Между тем, сам замысел церковных реформ при внесении его на уровень епархии и конкретного прихода нуждался в опоре на кор-

порацию. Их ключевой тезис – о необходимости («улучшения быта») клира – подразумевал, прежде всего, что будет предварительно прояснена общая картина этого быта, что и было сделано в ходе всероссийского опроса приходского духовенства, проведенного по единой программе в 1863 г. Опрос включал в себя подачу не только статистических сведений о средствах содержания каждого приходского причта, но и так называемых «мнений» о средствах и способах повышения его благосостояния. Все материалы с мест поступали в Особое Присутствие по делам православного духовенства вместе с отзывами епархиальных архиереев. Необходимость созыва местных съездов клира впервые была осознана уже тогда.

Управляющий делами Присутствия Д.Н. Толстой в своих записках указывал, что единственным способом («улучшения клира и в нравственном, и в материальном отношении») он полагал только преобразование всего строя церковного управления [14, с. 62; 15]. Члены Присутствия от духовенства одобрили предложенный им текст анкеты опроса вместе с порядком ее обсуждения в епархиях (оно должно было проходить «в местных собраниях под председательством благочинных с тем, чтобы ответы были изъяты из-под влияния местных архиереев и консисторий»). Однако министр внутренних дел П.А. Валуев лично исключил из первоначального вопроса программы до трех четвертей всех пунктов и заявил категорически, что «на местные съезды духовенства он... согласиться не может» [16, л. 13 об.–15; 14, с. 63; 15, с. 94].

Запрет министра привел к тому, что в 1863 г. идея съездов духовенства реализовалась в своеобразно суррогатной форме – в виде частных бесед, посвященных составлению ответов на программу-анкету Особого Присутствия, которые обычно устраивались в домах благочинных или духовников [17]. Пользуясь словами П.Н. Ткачева, можно сказать, что в этих беседах проявилось общее для всего российского общества настроение и потребность «как можно скорее высказаться», как можно скорее поделиться с своими ближними запасом мыслей и чувств, накопившихся в глубоких тайниках его души в тяжелые, бесконечные дни его «обязательного молчания» [18, с. 552].

Вовлечению священнослужителей в публичную деятельность естественным образом способствовала начавшаяся вскоре земская реформа. И здесь ярко проявили себя накопившиеся социальные и интеллектуальные противоречия между духовенством и дворянством [подробнее см.: 19, с. 107; 20, с. 314 – 318]. Гласные от клира часто приступали к земской работе (новой для них не только практически, но и чисто коммуникативно) с излишним энтузиазмом, воспринимая ее как компенсацию за многолетнее пренебрежение со стороны благородного сословия. «А каково, вы думаете, сидеть им (помещикам – А.В.) рядом с нами в собрании, когда они ... столетиями привычки держать нас в своих прихожих, а их залы и гостиные, кажется, чуть ли не до сих пор для нас недостижимые святилища?!» – восклицал, например, корреспондент «Воронежских епархиальных ведомостей» [21]. Ответом на подобные тирады были сомнения в способности духовенства к самостоятельной деятельности, к отстаиванию собственной независимой позиции по обществен-

но значимым вопросам. Указывали не только на отсутствие у клириков какого-либо опыта, но и на излишнюю озабоченность их собственным материальным благополучием. Так, олонецкий губернатор Ю.К. Арсеньев отмечал, что «Местные священники ни о чем не заботятся, кроме своих треб и добывания от них денег, самое знание непосредственно окружающего их края весьма недостаточное», из чего делал вывод о непригодности их к избранию в гласные [22, с. 114].

Еще одно обстоятельство, подготовившее почву для возникновения съездов, – начало издания в 1860-е гг. епархиальных ведомостей, на страницах которых порой живо обсуждалась не только мысль о необходимости их скорейшего созыва, но и значение их для преодоления пространственной и социально-культурной разобщенности приходского духовенства, как это было в Вологодской епархии [23]. С точки зрения того, как деятельность окружных съездов способствовала формированию единой информационной среды церковных преобразований, именно вологодский пример, по нашему мнению, должен быть рассмотрен подробнее.

Первые благочиннические съезды («периодические собрания») на территории епархии состоялись еще 27 августа 1868 г. в четвертом и пятом округах Кадниковского уезда [24, с. 296]. Но по-настоящему широко распространилась новая практика в ноябре того же года, после публикации примерных правил собраний, на проект которых, составленный при активной поддержке епископа Павла (Доброхотова), из всех 10 уездов епархии предварительно поступили письменные отзывы. 26 – 27 ноября 1868 г. в с. Кубенском Вологодского уезда на съезд собралось духовенство благочиния Н. Якубова [25, с. 35 – 39; 26, с. 79]. 28 ноября собрание прошло также в Вологодском уезде, в округе священника А. Куперовского [27, с. 359; 28, л. 126]. Сразу девять съездов собрались в декабре: три – в Вологодском, по два – в Кадниковском и Никольском уездах и по одному – в Яренском и Тотемском [28, л. 3 – 9, 21 – 24, 42 – 43, 52 – 55; 29, л. 6 – 11; 26, с. 72 – 78, 80; 30, с. 107 – 115; 31, с. 192 – 196]. Последнее известное по сохранившимся архивным источникам периодическое собрание состоялось 3 января 1877 г. По совпадению случилось оно в том же четвертом округе Кадниковского уезда, который и положил начало этой практике [32, л. 8 – 10]. Публикации в «Епархиальных ведомостях» полных журналов или извлечений из них, начавшиеся по мере того, как совещательный почин распространялся на новые и новые округа, сделались из регулярных эпизодическими уже после 1869 г.

Первичным документом в делопроизводстве любого вологодского собрания был журнал. Типологически его следует отнести к обширной группе массовых источников, получивших в России распространение с первой четверти XVIII в., которая насчитывает для дореволюционного времени множество специализированных разновидностей [33, с. 397; 34, с. 307 – 308; 35]. Связанная с оперативным назначением журналов (фиксировать обсуждение тех или иных вопросов как коммуникацию нескольких участников и представлять результаты этого процесса в законченном виде) их устойчивая внутренняя организация, базовые конструктивные элементы которой оставались неизменными при широкой

композиционной вариативности конкретных документов, позволяет сделать основой методики их изучения формулярный анализ.

Дошедшие до нашего времени всего в составе шести дел Государственного архива Вологодской области журналы периодических собраний по различным основаниям могут быть собраны в несколько неравных групп: 1. по наличию формулярных признаков: 1) полного состава (заголовок – преамбула – основная часть с повесткой дня – заключительная клаузула (резюлютивная часть)); 2) усеченного состава (в документах данной группы какая-либо из перечисленных статей отсутствует или присоединяется к другой); 2. по особенностям структурирования материала: 1) текстовые в лист или в одну-две колонки – с полями и без полей; 2) табличные; 3. по принципу ведения записи: 1) нарративного типа с элементами формуляра; 2) протокольного типа – с обязательной рубрикацией по общей схеме «Слушали / Постановили»; 4. по особенностям постатейного членения документа: 1) с рубрикацией (цифровой или буквенно-цифровой; заголовочной или внутри пунктов); 2) сплошные без рубрикации.

Примерный объем журнала с количеством вопросов в повестке дня от трех до 10 составлял не более трех-пяти листов двусторонней записи. Иногда повестка могла разрастаться до 19 пунктов [26, с. 72 – 78] или, наоборот, уменьшаться только до одного. Из 70 проанализированных нами рукописных журналов заседаний, с учетом повторных, 47 относятся к 1869 г.; 11 – к 1870 г.; пять – к 1871 г. (столько же датируются 1868 г.); по одному – к 1876 и 1877 гг. Несмотря на фрагментарную сохранность документов вологодских съездов (отметим в этой связи, что разыскание новых материалов о них представляет собой насущную задачу), все-таки можно предположить, что временем наиболее активной их работы стал именно рубеж 1860 – 1870-х гг., когда смог реализоваться накопленный в предыдущие годы дискуссионный потенциал епархиального духовенства.

Характерно, что итоги первых периодических собраний квалифицировались благочинными как первый слабый опыт, первоначальное наше малое занятие, начинание дела, новый незнакомый труд, «неприступности» которого духовенство боялось – но сумело победить ее грудью (!) [36, л. 82; 28, л. 2, 8; 37, л. 91]. Страх парадоксально сочетался с энтузиазмом и падающим желанием проводить собрания в строгом соответствии с нормами инструкции. По оценке священника Д. Пахолкова, подчиненные ему клирики «истинно отличились в этом [первом – А.В.] собрании соблюдением порядка и благоприличия и полною готовностью к усиленным занятиям, трудясь по 10 часов сряду, не сходя со стула» [28, л. 10 об.]. Вологодский благочинный Евграф Подстаницкий во вступительном слове к духовенству своего благочиния отмечал: «Доброму и многозаботливому Архипастырю нашему угодно было установить настоящие собрания ввиду того, что как мы <...> общими силами раскроем и разьясим существующие, быть может, в чем-либо недоумения и недоразумения, общими, говорю, силами, быть может, проложим путь к тому полезному, что представлялось нам прежде при всем желании трудным и неудободостижимым, и вообще скажу еще – общими

силами скорее отыщем путь водворить порядок о пасомых нами людях» [28, л. 3 об.–4]. При этом к качеству работы своих причтов Подстанницкий отнесся критично, заявив в рапорте, что их мысли, высказанные на первом собрании, «скудны, неплодотворны и недальновидны» [28, л. 2]. На «скудость и малость наших умов» сетовал его устюжский коллега Григорий Старостин [36, л. 82]. В третьем округе Вельского уезда Иосиф Кириллов писал, что «суждения наши в этом собрании, как еще первом и новом для нас, скудны и слабы по мыслям, тем более что оно произведено нами без всякой предварительной подготовки сюжетов суждения. Но смею заявить, что оно все-таки оставит благотворное влияние на среду нашу, в чем убеждаюсь из того обстоятельства, что обмен взаимных мыслей и заявление некоторых недоразумений были плодотворны, искренни и откровенны» [29, л. 23 – 23 об.].

Тон первых отзывов поддержали и «Епархиальные ведомости», констатируя, что «эти собрания уже и начинают понемногу открываться и заявлять свою деятельность по пословице «Кто чем богат, тот тем и рад». По новости дела и непривычке еще нашего духовенства к подробным совещательным собраниям, на которых дано начальством право «каждому свое суждение иметь», конечно, и нельзя покамест многого ожидать от этих собраний» [26, с. 79]. Они, подводило итог епархиальное издание, еще «младенчают», но позитивное действие их все-таки начинает сказываться. Отмечалось консолидирующее действие собраний, позволявшее причтам «мыслить и говорить свободно». Позитивный эффект усматривали не в самом факте приобретения такой свободы (она была у духовенства и раньше) – но в ее деятельном осознании, в том числе и в форме права говорить не стесняясь, перед «высшими себя» [26, с. 81]. Уже в апреле 1869 г. «Ведомости» отметили, что «духовенство Вологодской епархии, ныне призванное волею своего архипастыря к совокупному обсуждению своих нужд и потребностей и к изысканию общими соединенными силами средств к удовлетворению этих потребностей, начинает с благородной откровенностью открыто высказываться...» [24, с. 296].

То, что слом коммуникативного барьера (переход от первоначального страха, маркированного указаниями на новизну и непривычность официальных форм общения, к «благородной откровенности») занял всего около трех месяцев, свидетельствует о достаточно высокой степени внутренней готовности причтов к демократизации церковной жизни и востребованности благочиннических съездов в качестве ее инструмента. Кроме того, изменение эмоционального фона служит свидетельством формирования в епархии единого информационного пространства, в котором открытие новых собраний стимулировалось известиями об успехах предыдущих (к маю 1869 г. были напечатаны журналы уже 18 съездов, так что фактов для того, чтобы составить представление о целях и содержании их работы было накоплено вполне достаточно) [27, с. 359]. Уменьшение количества протоколов в середине – второй половине 1870-х гг., притом, что официально периодические собрания никем не были отменены, представляет собой проблему не только дальнейшей архивной эвристики. По-видимому, установившаяся в 1869 г. регуляр-

ность благочиннических съездов, превращение их в привычный формат общения обернулась со временем их естественной формализацией, неким кризисом творческой активности, бурно, но кратковременно расцветшей на рубеже десятилетий. Вкупе с другими факторами это и привело к постепенному усилению формального начала в содержании съездов и их затуханию – по мере того, как вологодское духовенство все более осознавало ограниченность своих совещательных возможностей.

Составление чернового протокола периодического собрания велось непосредственно в ходе его работы, в общую схему которого не обходимость параллельного протоколирования была заложена изначально: оно гарантировалось поэтапным движением дискуссии. Из черновика в конце съезда формировался беловой, более краткий журнальный вариант, который визирировался подписями всех присутствовавших [38, л. 3] для последующей отсылки на архирейское рассмотрение и в консисторский архив (всего – в двух экземплярах) [25, с. 41]. В дальнейшем с оригинала делалось нужное количество списков – по одному на каждый приход [28, л. 10]. Рукописные журналы полностью, в переработке или кратких извлечениях публиковались в неофициальном разделе «Епархиальных ведомостей». При выборочной публикации к печати отбирались только сюжеты, прежде на собраниях не обсуждавшиеся [37, л. 300]. Печатались журналы не регулярно, а как только в редакционном портфеле накапливалось нужное количество матерьяла. Поэтому минимальный интервал между датой самого собрания и датой известия о нем составлял в 1869 г. 1 – 1,5 месяца.

Еще одной копией журнала была в некотором смысле запись о съезде в церковно-приходской летописи [см.: 39, л. 14 об.–15 об.; 40, л. 5 об.–11; 41, л. 7 об., 8 об.]. Таким образом, актуальное информирование о факте собрания (с помощью печати охватывавшее практически всю территорию епархии) сочеталось с его увековечением в приходской социальной памяти и историографии.

Полная делопроизводственная цепочка в случае журналов периодических собраний включала четыре или пять функциональных этапов: 1) черновое протоколирование; 2) составление журнала заседания, его копирование и отсылка в консисторию при рапорте благочинного; 3) ознакомление епархиальной администрации с журналом съезда и его утверждение – полное или частичное; 4) публикация журнала в «Вологодских епархиальных ведомостях»; 5) включение сведений о съезде в годовую статью церковно-приходской летописи.

Количество журналов по каждому благочинию за весь период работы собраний (крайними датами мы условно будем считать 1868 и 1877 гг.) зависело от принятой частоты их созыва. В большинстве случаев съезды устраивались один раз в год, как правило, осенью или в начале зимы. Во многих округах, даже на северо-востоке епархии, соглашались проводить и по два собрания в год [28, л. 119 об.], в других настаивали на заявительном порядке созыва, не считая возможным «по условиям местности» съезжаться ежегодно. Благочинному также давалось право созывать по мере необходимости «чрезвычай-

ные» их сессии [28, л. 77 – 77 об.], так что к весне 1870 г. некоторые корпорации успели провести уже по три съезда [37, л. 16 – 20]. Местом сбора становилась центральная в округе церковь (т. е. та, к которой удобнее всего было добираться духовенству, или та, настоятель которой являлся благочинным) либо поочередно главные храмы всех приходов, с исключением самых отдаленных [37, л. 2].

Если съезд продолжался более одного дня, журналы каждого заседания писались отдельно, с подзаголовком-датой. Беловик исполнялся одним почерком [28, л. 77 – 82], копиями же экземпляры, в консисторском архиве подшивавшиеся порой вместе с оригиналами, могли делаться разными лицами, с незначительными отступлениями от первоначально избранного формуляра. Так, из сохранившихся двух списков журнала съезда пятого округа Сольвычегодского уезда от 15 июня 1870 г. первый выполнен с полями и полной арабской рубрикой, но во втором экземпляр – той же рукой, поля не отчеркнуты, а из обсужденных вопросов порядковый номер присвоен только одному. При этом второй экземпляр снабжен заголовком, который в первом отсутствует [37, л. 70 – 72, 73 – 75].

Композиция журналов строилась в соответствии с хронологией съезда и процессуальными требованиями, сформулированными в «Правилах».

Уже ее первый элемент – заголовок – обращает на себя внимание характером отклонений от предписанного образца. В вологодской практике вместо общего наименования («Журнал периодического собрания ... округа ... уезда Вологодской епархии [... месяца ... года] в благочинии священника ...») были использованы также два полуофициальных варианта – («журналы» (один случай) [36, л. 83], «журнальные постановления» (один случай) [37, л. 62] и «акты» (четыре случая) [28, л. 19, 29, 40; 37, л. 55]. Если по поводу первых названий никаких возражений не нашлось, то третье вызывало у епархиального руководства весьма прохладную реакцию. Один такой «акт» был, например, возвращен благочинному Андрею Исполинову (второй округ Вельского уезда) с архиерейской резолюцией о том, что «он, верно, не читал правил и другим священникам не позаботился прочитать» [28, л. 19]. Другому нарушителю – Николаю Преображенскому (Никольский уезд) – бумагу вернули на переписку с кратким внушением от епископа, («что должно называть не актом, а журналом») и просьбой послать недостающий экземпляр для консистории [28, л. 40 – 41].

Если заголовок указывал на характер протекания коммуникации, то другая типовая статья журнала – преамбула – по своему назначению была многофункциональной. Общая ее структура состояла из нескольких компонентов [см.: 37, л. 67]:

Диспозиция: Священноцерковнослужители ... округа ... уезда в числе ... священников ... диаконов [... причетников] по предварительному извещению о. Благочинного священника ..., сего ... месяца собрались к ... церкви.

Богословский элемент (призвание на действия съезда божественного покровительства): *... и после соборно отправленного Триединому Богу молебствия отправились по приглашению*

благочинного в... (здесь указывалось место заседаний – дом местного священника или благочинного, трапезная церкви либо другое помещение).

Заключение (переход к повестке дня): *... после чего ... рассуждали о ...*

Диспозитивная часть преамбулы, помимо пространственно-временной локализации собрания (указывалось даже точное время начала работы) и перечисления состава участников, называла также и цель съезда [37, л. 7], причем указание ее характеризовало съезд не как словесную институцию («собрание»), а как повторяющуюся дискуссию, подчеркивая тем самым не его форму, но сущность («собравшись ... для периодического рассуждения») [38, л. 9]. Неслучайно, что съезд и открывался общим рассуждением – вступительной молитвой («заявили по произношению молитвы Духу Святому – "Царю небесный"...») [38, л. 9]. Так диалог распространялся сразу в двух пространствах, сакральном и мирском.

Богословский элемент [аналогии см.: 42, с. 96; 43, с. 27, 40; 44, с. 42] журнальной преамбулы, чаще всего, представлял собой только уточняющий оборот к ее заключению: «и, по совершении молебна Пресвятой Троице, приступило к следующим рассуждениям...» [45, с. 111]. Источниковедчески интересны эпизоды его осложнения, маркирующие те или иные новшества в протоколе собрания. Таково, например, усиление обрядовой составляющей начального этапа съезда: «Заседание открыто пением стиха "Царю Небесный", после чего духовенство заняло свои места». В пару ему вводился аналогичный заключительный ритуал (пели на этот раз «Достойно есть») [37, л. 68]. Иногда перед закрытием устраивали даже особый молебен со свободным посвящением (также не предусмотренный типовым протоколом), например, «к титорам церковным и всем православным христианам» [28, л. 17 об.].

Если информация об обрядах выводилась в основную часть журнала, то сакральный аспект коммуникативного процесса получал некоторое процедурное преимущество над мирским: именно ритуалы, а не вопросы повестки дня становились путевыми вехами собрания. Например, в журнале четвертого округа Кадниковского уезда 29 декабря 1872 г. запись о заключительном молебне (водосвятии) была оформлена как пятый пункт повестки дня, что отражало действительное место ритуала в хронологии заседания [45, с. 115]. Возможна была и спецификация основной формулы богословской части преамбулы. В результате она сливалась с диспозицией, но синтаксически обособлялась от заключения:

Все 20 священников и некоторые диаконы отправились соборно в церкви молебен Пресвятой Троице с провозглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святейшему Правительствующему Синоду, и Преосвященнейшему Палладию, Епископу Вологодскому и Устюжскому. По окончании молебствия собрание тотчас открыто [46, с. 97].

В составе журнального «богословия» многолетие – единичная, но очень важная деталь. Его

реальная встречаемость в церемониале собраний была, надо думать, большей, чем это устанавливается по источникам. В политической культуре послепетровской России литургическое возношение имени монарха фиксировало подчинение всей православной церкви императору, а отдельных ее инстанций – Святейшему Синоду, как ранее – патриарху [47, с. 77 – 85]. Поскольку очередность перечисления адресатов строго соответствовала характеру властных связей между ними, грамматика возношения и его семантика в имперском политическом дискурсе имели глубокий символический и прикладной смысл. Первый был связан с ролью церковного поминовения в практиках обрядового воспроизводства идеи власти. Второй возник тогда, когда поминовение стало функциональным звеном алгоритмов выработки и документирования управленческих решений. В нашем случае процессуальный смысл многолетия состоит в том, что оно, в отличие от молебна Троице, референтирует не к сакральной, но только к государственной и уже через нее – к высшей церковной власти. Периодическое собрание в его свете – это полностью традиционный и законный акт, акт патриотический, верно-подданический.

Статус богословского элемента как показателя двоякой правомочности съезда станет понятнее, если учесть, что в композиции журнала он является точной репликой п. 7 правил периодических собраний. Молебен Троице в правилах трактуется как способ установления божественного патроната, от которого все решения съезда воспринимали толику высшей («милости»). Иногда факт божественного вмешательства вводился в богословский элемент открыто, а не имплицитно: «Призвав на настоящее собрание благословение Божие пением молитвы “Царю небесный”, члены собрания слушали...» [32, л. 3 – 3 об.]. Отсюда заключаем, что его наличие в преамбуле обеспечивает полноту делопроизводственных признаков источника.

Преамбула, извещая о созыве собрания, как бы замыкала собой целую череду нормативных актов – от первоначального распоряжения епископа, через общую для всей епархии инструкцию и связанные с ней распоряжения консистории – до самой депеши благочинного об устройстве съезда в данном месте и в данное время. Замыкая прежний делопроизводственный цикл и запуская новый, начальная статья интегрировала журнал отдельно взятого собрания в единый правовой контекст деятельности благочиннических съездов.

Основная часть журнала оформлялась двумя способами – 1) с вынесением в отдельный пункт повестки дня в виде нумерованного списка вопросов, стоявшего сразу после преамбулы, и 2) в виде простой пошаговой записи содержания дискуссии. В публикации «Епархиальных ведомостей» предварительный список вопросов обычно опускался.

При пошаговой записи отражался, чаще всего, только результат обсуждения, а не его процесс. Стиль изложения выбирался нейтральный, от третьего лица; исключение делалось только для случаев принятия торжественных адресов на архиерейское имя, где нормой было обращение к владыке всей корпорации от первого лица.

Указывая на сопутствовавшие дискуссии обстоятельства, делопроизводители съездов ограничивались только краткими ремарками о настроении собравшихся, манере и степени напряженности коммуникации. Подробного разбора точек зрения по каждой озвученной теме не делалось (хотя бы для того, чтобы ускорить процесс копирования, и без того занимавший многие часы).

Внешне заседания происходили благопристойно, в чем клирики согласно усматривали знак божественного одобрения работы съездов («Бывшие в собрании тишина и спокойствие, проистекавшие от единодушия нашего в мыслях и чувствах, суть свидетели благословения Божия») [28, л. 8]. Стремясь избежать ненужных дебатов, духовенство целенаправленно избирало тактику самого пунктуального исполнения правил. Предпочтительнее живой полемики для него было «истинно примерное умение соблюдать порядок и благочиние» и «достойная похвалы готовность и способность к усидчивому занятию делом». Вопросы обсуждались тогда «тихо, в порядке и с строгою последовательностью при обмене суждений» [37, л. 22]. Кадниковский благочинный П. Яблоков сообщал даже о царившем на съезде его духе единения, «как будто между односемейными», что исключало любые «нарушения порядка» [37, л. 185]. Отсутствие намеков на споры не означало, что коммуникация проходила всегда в одном размеренном темпе: «После того собрание перешло в оживленную беседу по различным вопросам <...>. Были прочитаны правила, предложенные Его Преосвященством для периодических собраний, читаны некоторые журналы прежде бывших собраний, отпечатанные в «Епархиальных ведомостях», говорено было о них и pro и contra. Таким образом в живой домашней беседе прошло 5 – 6 часов незаметно» [36, л. 3 об.].

Следование этикету, приверженность дисциплине и правилам конструктивного диалога представляли собой, как кажется, и способ поведенческого программирования дискуссий, самоцензуры, менее очевидной, но более действенной, чем буква писаного регламента. Демонстрировать результативность работы периодических собраний старались, указывая на то, что принимаемые постановления непременно заявлялись «общим голосом» [36, л. 29], почти не встречавшим себе альтернативы. Вместо дискуссии как соревнования несходных точек зрения при такой подаче должен был иметь место обмен мнениями, все разнообразие которых рано или поздно сводилось бы к одному знаменателю. Когда дискуссионная активность была такова, что желаемого консенсуса достигнуть не удавалось, любому участнику собрания разрешалось изложить свою позицию отдельно: «По множеству голосов в общем говоре нельзя было изложить единственный результат, и потому каждому предложено было записать свое мнение...» [37, л. 8]. На основе всех сказанных делегатами «речей» формировался краткий сводный конспект, снабжавшийся при необходимости ссылками на внешние источники (материалы духовной печати и др.) или комментариями в подстрочных примечаниях [см.: 36, л. 78 – 78 об.].

Несмотря на то, что структура журнала не допускала избыточности, табличная форма, более удобная для краткой обобщенной записи,

выбиралась, по сравнению со свободно-текстовой, достаточно редко. В исследованной нами совокупности из 70 журналов она применяется в 13 (18,57 %). Почти такова же частота встречаемости журналов протокольного вида – 15 (21,43 %), причем только дважды протокольное изложение комбинируется с текстовым, т. е. в 13 примерах из 15 протокол сопутствует табличному формуляру. Свободно-текстовая организация журнала в 53 случаях (75,71 %) из 55 соответствует повествовательной манере изложения материала, при которой структурирование текста осуществлялось с помощью рубрикации пунктов. Широкую распространенность нарративной формы можно объяснить тем, что она позволяла рационально отобразить на письме весь немалый объем озвученных на съезде мнений.

Резолютивная часть журнала зачастую становилась последним пунктом повестки дня [37, л. 63, 145], при обособлении ей присваивали самостоятельный заголовок, однако структура и стиль резолюции от этого не изменялись – она сохраняла все свойства, присущие статье основной части, в особенности при протокольном членении [37, л. 33]. В некоторых журналах данная статья вообще отсутствовала [см.: 37, л. 174, 196 – 197]. Как элемент, парный преамбуле, резолютивная часть была схожа с ней по содержанию и коммуникативному назначению. Самый краткий ее вариант ограничивался только констатацией совершения благодарственного молебна и прочих обрядов. Более сложный тип включал пункты о визировании («утверждении») журнала и посылке его епископу (с допускаящимся личным обращением к владыке). При этом богословский элемент мог быть опущен, а подтверждающая процедура – отнесена в конец статьи. Третий тип статьи осложнялся обзором обстоятельств, при которых оканчивался съезд (зачастую это происходило преждевременно, по причинам чрезвычайным, таким как вспышки эпидемических болезней, или служебного порядка – из-за назначенных на воскресные дни треб, и др.). Сюда же присоединялись сведения о дате и месте следующего съезда. Далее (вариативно) излагалась подтверждающая процедура (подписание и копирование журнала), а замыкал статью богословский элемент [36, л. 79; 37, л. 11 об., 33, 56 об., 57, 68, 71 об., 141 об., 145, 226]. Укажем на то, что конечная статья всех трех типов, в отличие от начальной, становилась пространством эмоциональной рефлексии по поводу итогов съезда. Оценочность, а в ней – склонность к негативизму, этикетному принижению качества дискуссии, сближала ее с рапортами благочинных (ср.: «По окончании сих слабых, недостаточно искренних, братских и дружественных рассуждений...») [37, л. 141 об.].

В соответствии с менявшейся от случая к случаю драматургией периодических собраний, к заключительной статье журнала примыкали пункты произвольного содержания: адреса благочинным, чаще всего, посвященные юбилеям их служения в сане или данной должности, с параллельной просьбой к епархиальному начальству об увековечении их пастырских заслуг, записи о принятии торжественных адресов архиерею, о совместной трапезе после закрытия съезда [37, л. 217].

Сопроводительная документация к журналу была разнородной. Помимо рапорта благочинного, составлявшегося в течение несколь-

ких дней, реже – недель после собрания, она включала дополнительные материалы – тексты речей или записок благочинных, особых мнений участников съезда и так называемых «объяснений» клириков (по содержанию близких рапортам, но написанных в более свободной форме, излагавших причины неявки на собрания), баллотировочные листы об избрании помощников благочинного, депутатов по училищным делам, «приложения» к журналам, иные документы, относящиеся к тем или иным вопросам повестки дня (приговоры приходских попечительств, решения благочиннических советов).

На заключительной стадии документооборота по журналу собрания, после того как с ним ознакомился епископ и налагал свою резолюцию, составлялось определение духовной консистории, которое фактически представляло собой постатейную экспертизу канонической и светско-правовой безупречности постановлений съезда. Затем благочинному высылался указ, где перечислялись обнаруженные в журнале недочеты и рекомендации к их устранению или, напротив, его уведомляли о том, что все, принятое на съезде, утверждается и подлежит исполнению. Стоит заметить, что случаев признания журналов полностью недействительными не выявлено. Достаточно редки и эпизоды, в которых из-за юридических противоречий отклонялись отдельные решения окружных корпораций.

Предпринятое выше исследование журналов периодических собраний приходского духовенства вместе с сопроводительными документами к ним показывает, что процесс организационного становления собраний был, по крайней мере, двухступенчатым. Клирикам требовалось несколько месяцев, чтобы освоить новый формат коммуникации (первая стадия) и выработать неписанные правила поведения, способствовавшие созданию на съездах комфортной эмоциональной и деловой обстановки (вторая стадия). Перемена в коллективной оценке съездов четко фиксируется в журналах: структурно – в виде очевидного преобладания нарративной формы над табличной, и текстуально – в виде прямых указаний на готовность участников съездов к длительной свободной дискуссии.

Благочиннические съезды получили в Вологодской епархии традиционное делопроизводственное оформление, которое позволило «встроить» их в систему административного контроля над церковной жизнью и обеспечило съездам светско-правовую и сакральную легитимность. Но цели документирования не могли теперь ограничиваться одними только потребностями канцелярской тактики, поскольку информация о решениях съездов благодаря «Епархиальным ведомостям» вышла за границы ведомственного «письмоводства». Статьи о работе съездов, обнаруживаемые в вологодских церковно-приходских летописях, дают право предположить, что духовенство видело в них значимые в локально-историческом контексте события – такие, память о которых заслуживала сохранения. Это своеобразно-телеологическое понимание деятельности новых органов свидетельствует о зарождавшемся восприятии их именно как соловных учреждений. Однако в рассмотренном примере потенциал эволюции съездов из событий в учреждения быстро сошел на нет, по не выясненным пока причинам

• **Используемые сокращения**

РГИА – Российский государственный исторический архив

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

• **Abbreviations used**

RGIA – the Russian State Historical Archive

GAVO – State Archive of the Vologda Region

• **Литература**

1. Римский, С.В. Церковные реформы в России 60 – 70-х годов XIX столетия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С.В. Римский. – Москва, 1998. – 40 с.
2. Римский, С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ / С.В. Римский. – Москва, 1999. – 567 с.
3. Римский, С.В. Церковная реформа Александра II / С.В. Римский // Вопросы истории. – 1996. – № 4. – С. 32 – 48.
4. Барыкина, И.Е. Проекты усовершенствования системы государственного управления Российской империи второй половины 1860-х гг. / И.Е. Барыкина // Вопросы истории. – 2016. – № 5. – С. 4 – 15.
5. Рункевич, С.Г. Русская церковь в XIX в. Исторические наброски / С.Г. Рункевич. – Санкт-Петербург, 1901. – 232 с.
6. Попова, О.Д. Журналы епархиальных съездов духовенства как источник по истории духовно-учебных заведений / О.Д. Попова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2012. – Вып. 1. – С. 44 – 55.
7. Смирнова И.Е. Епархиальные съезды как институт демократизации церковной жизни на рубеже XIX – XX вв. / И.Е. Смирнова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2012. – Вып. 1. – С. 111 – 119.
8. Цыпин, В. Благочиннический съезд / В. Цыпин // Православная энциклопедия. – Москва, 2002. – Т. 5. – С. 339 – 340.
9. Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. / Б.Г. Литвак. – Москва, 1979. – 294 с.
10. Курилкин, И.Б. Структура епархиальных органов делопроизводства во второй половине XIX – начале XX века (на примере Оренбургской епархии) / И.Б. Курилкин // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – 2009. – № 41 (179). – С. 119 – 122.
11. Бикташева, А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. / А.Н. Бикташева. – Москва, 2012. – 496 с.
12. Ерошкин, Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800 – 1860 гг.): учеб. пособие / Н.П. Ерошкин. – Москва, 1985. – 98 с.
13. Иванова, Н.А. Словесное общество Российской империи (конец XVIII – начало XX века) / Н.А. Иванова, В.П. Желтова. – Москва, 2010. – 752 с.
14. Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого // Русский архив. – 1885. – Кн. 2. – С. 5 – 70.
15. Барыкина, И.Е. Из записок графа Д.Н. Толстого: особенности государственного управления 1820-х – 1860-х гг. / И.Е. Барыкина // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. – 2015. – № 2 (06). – С. 79 – 99.
16. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. I. Д. 9. Л. 13 об.–15.
17. Рождественский, В. Сельская беседа по поводу известия о первом постановлении Особого Присутствия / В. Рождественский // Православное обозрение. Заметки. – 1863. – № 4. – С. 197.
18. Ткачев, П.Н. Издательская и литературная деятельность Г.Е. Благосветлова / П.Н. Ткачев // П.Н. Ткачев. Кладези мудрости российских философов. – Москва, 1990. – С. 550 – 576.
19. Гросул, В.Я. Крестьянский вопрос в общественном мнении России накануне реформы 1861 г. / В.Я. Гросул // Труды Института российской истории. Вып. 10 / отв. ред. Ю.А. Петров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая. – Москва, 2012. – С. 71 – 114.
20. Гросул, В.Я. Общественное мнение в России XIX века / В.Я. Гросул. – Москва, 2013. – 560 с.
21. Воронежские епархиальные ведомости. – 1869. – 1 января. – № 1. – С. 34.
22. Мельникова, Ю.Н. Формирование корпуса гласных Олонецкой губернии в период становления земских учреждений / Ю.Н. Мельникова // Вестник Ленинградского областного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 4. – № 4. – С. 113 – 119.
23. Всеволодов, А.В. «Вологодские епархиальные ведомости» и вопрос о созыве окружных съездов приходского духовенства (вторая половина 1860-х гг.) / А.В. Всеволодов // Ученые записки Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 39 – 44.
24. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 8.
25. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 1.
26. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 2.
27. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 10.
28. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14293.
29. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14291.
30. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 3.
31. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 5.
32. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15086.
33. Делопроизводственные материалы // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – Москва, 1998. – С. 397.
34. Делопроизводственная документация // Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. – Москва, 1973. – С. 307 – 308.
35. Серeda, Н.В. Журналы заседаний и методика их изучения / Н.В. Серeda // Массовые источники истории и культуры России: материалы XII Всерос. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники по истории и культуре России XVI – XX вв. Проблемы изучения и издания», посвященной памяти В.В. Крестинина (1729 – 1795) / отв. ред. Г.В. Демчук. – Архангельск, 2002. – С. 266 – 271.
36. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14292.

37. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14386.
 38. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14574.
 39. ГАВО. Ф. 1063. Оп. 57. Д. 32.
 40. ГАВО. Ф. 1063. Оп. 85. Д. 22.
 41. ГАВО. Ф. 1063. Оп. 102. Д. 13.
 42. Каштанов, С.М. Богословская преамбула жалованных грамот / С.М. Каштанов // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. – Ленинград, 1973. – С. 81 – 107.
 43. Каштанов, С.М. Очерки русской дипломатики / С.М. Каштанов. – Москва, 1970. – 502 с.
 44. Черкасова, М.С. Поземельные акты как источник изучения религиозного сознания средневековой Руси / М.С. Черкасова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 2(8). – С. 42 – 47.
 45. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1873. – № 3.
 46. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1872. – № 3.
 47. Живов, В.М. Из церковной истории времен Петра Великого / В.М. Живов. – Москва, 2004. – 360 с.
- **References**
1. Rimsky, S.V. Tserkovnye reformy v Rossii 60–70-kh godov XIX stoletiya [Church reforms in Russia of the 1960 – 1970s of the XIX century]: abstract of diss.... Dr. Sci. (History) / S.V. Rimsky. – Moscow, 1998. – 40 p.
 2. Rimsky, S.V. Rossiiskaya tserkov' v epokhu Velikikh reform [The Russian Church in the era of Great Reforms] / S.V. Rimsky. – Moscow, 1999. – 567 p.
 3. Rimsky, S.V. Tserkovnaya reforma Aleksandra II [Church reform of Alexander II] / S.V. Rimsky // Problems of history. – 1996. – No. 4. – P. 32 – 48.
 4. Barykina, I.E. Proekty usovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny 1860-kh gg. [Projects for improving the system of state administration of the Russian Empire in the second half of the 1860s] / I.E. Barykina // Problems of history. – 2016. – No 5. – P. 4 – 15.
 5. Runkevich, S.G. Russkaya tserkov' v XIX v. Istoricheskie nabroski [The Russian Church in the XIX century. Historical sketches] / S.G. Runkevich. – St. Petersburg, 1901. – 232 p.
 6. Popova, O.D. Zhurnaly eparkhial'nykh s'ezdov dukhovenstva kak istochnik po istorii dukhovno-uchebnykh zavedenii [Journals of diocesan congresses of clergy as a source on the history of spiritual educational institutions] / O.D. Popova // Bull. of Tver State Univ. Series «History». – 2012. – Issue 1. – P. 44 – 55.
 7. Smirnova, I.E. Eparkhial'nye s'ezdy kak institut demokratizatsii tserkovnoi zhizni na rubezhe XIX – XX vv. [Diocesan congresses as an institution of democratization of church life at the turn of the XIX – XX centuries] / I.E. Smirnova // Bull. of Tver State Univ. Series «History». – 2012. – Issue 1. – P. 111 – 119.
 8. Tsylin, V. Blagochinnicheskii s'ezd [The Deanery Congress] / V. Tsylin // Orthodox Encyclopedia. – Moscow, 2002. – Vol. 5. – P. 339 – 340.
 9. Litvak, B.G. Ocherki istochnikovedeniya massovoi dokumentatsii XIX – nachala XX v. [Essays on the source studies of mass documentation of the XIX – early XX century] / B.G. Litvak. – Moscow, 1979. – 294 p.
 10. Kurilkin, I.B. Struktura eparkhial'nykh organov deloproizvodstva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na primere Orenburgskoi eparkhii) [The structure of diocesan record-keeping bodies in the second half of the XIX – early XX century (on the example of the Orenburg diocese)] / I.B. Kurilkin // Bull. of the Chelyabinsk State Univ. Series «History». – 2009. – No. 41 (179). – P. 119 – 122.
 11. Biktasheva, A.N. Antropologiya vlasti: kazanskii gubernator pervoi poloviny XIX veka [Anthropology of power: Kazan governors of the first half of the XIX century] / A.N. Biktasheva. – Moscow, 2012. – 496 p.
 12. Eroshkin, N.P. Mestnye gosudarstvennye uchrezhdeniya doreformnoi Rossii (1800–1860 gg.): ucheb. posobie [Local state institutions of prereform Russia (1800 – 1860): textbook] / N.P. Eroshkin. – Moscow, 1985. – 98 p.
 13. Ivanova, N.A. Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (konets XVIII – nachalo XX veka) [Estate society of the Russian Empire (late XVIII – early XX century)] / N.A. Ivanova, V.P. Zheltova. – Moscow, 2010. – 752 p.
 14. Zapiski grafa Dmitriya Nikolaevicha Tolstogo [Notes of Count Dmitry Nikolaevich Tolstoy] // Russian Archive. – 1885. – Book 2. – P. 5 – 70.
 15. Barykina, I.E. Iz zapisok grafa D.N. Tolstogo: osobennosti gosudarstvennogo upravleniya 1820-kh – 1860-kh gg. [From the notes of Count D.N. Tolstoy: features of public administration in the 1820s–1860s] / I.E. Barykina // Petersburg Historical Journal. Research on Russian and universal history. – 2015. – No. 2 (06). – P. 79 – 99.
 16. RGIA. F. 804. Op. 1. Razd. I. D. 9. L. 13 ob.–15.
 17. Rozhdestvensky, V. Sel'skaya beseda po povodu izvestiya o pervom postanovlenii Osobogo Prisutstviya [Rural conversation about the news of the first resolution of the Special Presence] / V. Rozhdestvensky // Orthodox Review. Notes. – 1863. – No. 4. – P. 197.
 18. Tkachev, P.N. Izdatel'skaya i literaturnaya deyatelnost' G.E. Blagosvetlova [Publishing and literary activity of G.E. Blagosvetlov] / P.N. Tkachev // The wells of wisdom of Russian philosophers. – Moscow, 1990. – P. 550 – 576.
 19. Grosul, V.Ya. Krest'yanskii vopros v obshchestvennom mnenii Rossii nakanune reformy 1861 g. [The peasant question in the public opinion of Russia on the eve of the reform of 1861] / V.Ya. Grosul // Proc. of the Inst. of Russian History. Issue 10 / Eds. Yu.A. Petrov, E.N. Rudaya. – Moscow, 2012. – P. 71 – 114.
 20. Grosul, V.Ya. Obshchestvennoe mnenie v Rossii XIX veka [Public opinion in Russia of the XIX century]. – Moscow, 2013. – 560 p.
 21. Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti [Voronezh Diocesan Gazette]. – 1869. – January 1. – No. 1. – P. 34.
 22. Mel'nikova, Yu.N. Formirovanie korpusa glasnykh Olonetskoii gubernii v period stanovleniya zemskikh uchrezhdenii [Formation of the vowel corps of the Olonets province during the formation of zemstvo institutions] / Yu.N. Mel'nikova // Bull. of A.S. Pushkin Leningrad Regional University. – 2012. – Vol. 4. – No. 4. – P. 113 – 119.
 23. Vsevolodov, A.V. «Vologodskie eparkhial'nye vedomosti» i vopros o sozryve okruzhnykh s'ezdov prikhodskogo dukhovenstva (vtoraya polovina 1860-kh gg.) [«Vologda Diocesan Ga-

- zette» and the question of convocation of district congresses of parish clergy (second half of the 1860s)] / A.V.Vsevolodov // Sci. notes of Cherepovets State Univ. – 2015. – No. 2. – P. 39 – 44.
24. Vologodskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya [Vologda Diocesan Gazette. Additions]. – 1869. – No. 8.
 25. Ibid. – 1869. – No. 1.
 26. Ibid. – 1869. – No. 2.
 27. Ibid. – 1869. – No. 10.
 28. GAVO. F. 496. Op. 1. D. 14293.
 29. Ibid. F. 496. Op. 1. D. 14291.
 30. Ibid. – 1869. – No. 3.
 31. Ibid. – 1869. – No. 5.
 32. GAVO. F. 496. Op. 1. D. 15086.
 33. Deloproizvodstvennye materialy [Office materials] // Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history: Textbook / I.N. Danilevsky, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rumyantseva. – Moscow, 1998. – P. 397.
 34. Deloproizvodstvennaya dokumentatsiya [Office documentation] // Source studies of the history of the USSR / Ed. I.D. Kovalchenko. – Moscow, 1973. – P. 307 – 308.
 35. Sereda, N.V. Zhurnaly zasedanii i metodika ikh izucheniya [Meeting logs and methods of their study] / N.V. Sereda // Mass Sources of Russian History and Culture: Materials of the XII All-Russian Conf. «Scribal books and other mass sources on the history and culture of Russia of the XVI – XX centuries. Problems of study and publication», dedicated to the memory of V.V. Krestinin (1729 – 1795) / Ed. G.V. Demchuk. – Arkhangel'sk, 2002. – P. 266 – 271.
 36. GAVO. F. 496. Op. 1. D. 14292.
 37. Ibid. F. 496. Op. 1. D. 14386.
 38. Ibid. F. 496. Op. 1. D. 14574.
 39. Ibid. F. 1063. Op. 57. D. 32.
 40. Ibid. F. 1063. Op. 85. D. 22.
 41. Ibid. F. 1063. Op. 102. D. 13.
 42. Kashtanov, S.M. Bogoslovskaya preambula zh-alovannykh gramot [The theological preamble of certificates of merit] / S.M. Kashtanov // Auxiliary historical disciplines. Issue 5. – Leningrad, 1973. – P. 81 – 107.
 43. Kashtanov, S.M. Ocherki russkoi diplomatiki [Essays of Russian diplomacy] / S.M. Kashtanov. – Moscow, 1970. – 502 p.
 44. Cherkasova, M.S. Pozemel'nye akty kak istochnik izucheniya religioznogo soznaniya srednevekovoi Rusi [Land acts as a source of studying the religious consciousness of medieval Russia] / M.S. Cherkasova // Ancient Russia. Issues of medieval studies. – 2002. – No. 2(8). – P. 42 – 47.
 45. Vologodskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya [Vologda Diocesan Gazette. Additions]. – 1873. – No. 3.
 46. Ibid. - 1872. - No. 3.
 47. Zhivov, V.M. Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo [From the Church history of the times of Peter the Great] / V.M. Zhivov. – Moscow, 2004. – 360 p.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022

The Editorial Office received the paper on 28.01.2022

Е.В. КРИНКО

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Е.П. САВЕЛЬЕВА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону
sun_hellen@mail.ru

E.V. KRINKO

HISTORICAL VIEWS OF E.P. SAVELYEV IN THE APPRAISALS OF CONTEMPORARY RESEARCHERS

Southern Federal University,
Rostov-on-Don

Аннотация

Статья посвящена изучению исторических воззрений одного из наиболее ярких и популярных донских историков начала XX в. Е.П. Савельева в современной российской историографии. В своих работах он выражал взгляды части донской казачьей интеллигенции рассматриваемого периода. Наибольшее внимание уделяется оценкам предложенной Е.П. Савельевым в обобщающем труде «История казачества с древнейших времен до конца XVIII века» оригинальной концепции происхождения и развития казачества. Сделан вывод о том, что другие его работы менее востребованы у историков и читателей.

Ключевые слова:

русская историография, донская историография, Е.П. Савельев, история казачества, донское казачество, происхождение казачества

Abstract

Evgraf P. Savelyev is one of the brightest and most popular Don historians of the early XX century, the author of generalizing monographs, essays, journalistic writings, reports on archaeological expeditions, poetic and prosaic works, dramas, and songs.

The author refers to the appraisals of the historical views of E.P. Savelyev in modern historiography. The historiographic sources are the works of N.A. Mininkov, M.A. Ryblova, B.S. Kornienko, I.I. Yurchenko, A.Yu. Peretyatko, A.I. Kozlov, A.I. Agafonov, M.P. Astapenko, G.D. Astapenko and E.M. Astapenko, other Russian historians, as well as the publications of E.P. Savelyev.

The greatest attention of researchers is attracted by the large generalizing work of E.P. Savelyev «The history of the Cossacks from ancient times to the end of the XVIII century. Historical research in three parts» (1915-1918), in which an original concept of the genesis and development of the Don Cossacks is proposed. Many Russian historians criticize this concept, especially the research methods of E.P. Savelyev, though it became widespread in connection with the processes of Cossack revival in the 1990s-2000s. A positive assessment of the views of E.P. Savelyev was given by representatives of the «new chronology» and Slavic folk history, considering it consonant with their own views.

Other historical works by E.P. Savelyev are still less in demand among professional historians and a wide circle of readers, in particular those dealing with the activities of the Don atamans M.I. Platov and Prince N.I. Svyatopolk-Mirsky. Meanwhile, without them, it is impossible to give a comprehensive assessment of the work of E.P. Savelyev as an integral part of the Don historiography of the early XX century.

Keywords:

Russian historiography, Don historiography, E.P. Savelyev, history of the Cossacks, Don Cossacks, the origin of the Cossacks

Исторические воззрения Евграфа Петровича Савельева (1860–1930) в последние десятилетия вызывают значительный интерес как профессиональных исследователей, так и широких кругов читателей, порождая все новые переиздания его книг. Не получивший специального исторического образования Е.П. Савельев относится к числу наиболее ярких донских историков начала XX в. Не будет серьезным преувеличением считать, что сегодня значение его трудов превосходит краеведческий и региональный уровень, а их содержание позволяет рассматривать данного автора как выразителя определенных взглядов части донской казачьей интеллигенции определенного периода.

Основные факты биографии Е.П. Савельева нашли свое отражение в более общих [1–3 и др.] и крайне немногочисленных специальных [4, 5] публикациях. Наиболее подробно она представлена на сайте «Старые донские дороги Евграфа Савельева», созданном по инициативе его правнучки К.С. Поповой [6]. Важнейшим источником по данному вопросу, в частности, считается анкета, собственноручно заполненная самим Е.П. Савельевым в 1915 г. для Ростовского-на-Дону городского музея [7]. Тем не менее в его биографии, особенно советского периода, все еще очень много «белых пятен».

Родившийся в станице Константиновской 1-го Донского округа Области Войска Донского Е.П. Савельев там же окончил местное приходское училище и 1-е Донское окружное училище. Продолжил образование в Новочеркасской учительской семинарии. С 1880 по 1894 г. служил приходским учителем во 2-м и 1-м Донских округах. С 1895 по 1911 г. – делопроизводитель Областного правления Войска Донского, а был уволен в отставку в чине надворного советника. В конце того же 1911 г. привлечен к следствию и суду по делу донских литераторов, обвинявшихся в составлении и распространении «Донского литературного сборника». По мнению следствия, публикации в нем содержали оскорбление брака, критику правительства и военной службы, а также «суждения, вызывающие вражду между коренными жителями Донской области казаками и иногородним пришлым элементом» [8]. В 1913 г. Е.П. Савельев состоял председателем главного правления Донского общества взаимопомощи служащих, в 1914–1918 гг. – членом правления Третьего Новочеркасского общества взаимного кредита. В мае 1917 г. выбран в состав Войскового правительства старшиной от 1-го Донского округа. О последних годах его жизни мало известно.

Научное и литературное наследие Е.П. Савельева чрезвычайно разнообразно и включает обобщающие труды и монографии, очерки и публицистические статьи, доклады и отчеты по археологическим экспедициям, поэтические и прозаические произведения, драмы и песни.

Цель данной статьи – анализ отражения в современной российской историографии исторических воззрений Е.П. Савельева. В со-

ответствии с поставленной целью главными историографическими источниками выступают общие и специальные работы российских исследователей, в которых дана оценка историческим трудам и взглядам Е.П. Савельева. Наряду с ними привлекаются и публикации самого Е.П. Савельева на исторические темы.

Наибольшее внимание исследователей вызывает самый крупный обобщающий труд Е.П. Савельева по истории казачества с древнейших времен до конца XVIII в. в трех частях. Две первые части «Древняя история казачества» и «Средняя история казачества. Розыскание о начале русского казачества» изданы в Новочеркасске еще до революции, в 1915 и в 1916 гг. Третья часть «История казачества. Дон служит русским царям» вышла в Новочеркасске в 1918 г.

На излете советской эпохи, в условиях начавшихся процессов возрождения казачества и возросшего интереса к его истории, в Ростове-на-Дону было осуществлено репринтное переиздание данного труда тиражом в 15 тыс. экземпляров. При этом во второй части опубликована критическая рецензия Н.А. Мининкова под названием «Альтернативный взгляд советского историка». Это название дал не сам автор, а издатели, стремившиеся, видимо, таким образом противопоставить воззрениям Е.П. Савельева советскую историографию, испытывавшую в это время нарастающий кризис. Между тем в рецензии нет ничего догматически «советского», поскольку исследования Н.А. Мининкова «никогда не страдали идеологизированностью, зато всегда отличались скрупулезным и мастерским анализом письменных источников» [9].

На следующий год эта публикация переиздана во Владикавказе тиражом в 10 тыс. экземпляров [10]. При этом указывалось, что это репринтное переиздание книги Е.П. Савельева «Древняя история казачества», вышедшей в Новочеркасске в 1915 г., хотя публикация включала все три части. Позже труд Е.П. Савельева несколько раз переиздавался в Москве под названием «Древняя история казачества» [11]. Работа также размещена в открытом доступе на сайте «Старые донские дороги Евграфа Савельева» [12] и на других информационных ресурсах, декларирующих свою связь с казачеством, а первая часть «Древняя история казачества» даже представлена в форме аудиокниги на канале о путешествиях «ЯРАлик ТВ» на видеохостинге YouTube [13].

Подобный интерес к работе, вышедшей более 100 лет тому назад, представляется далеко не случайным. Главными причинами этого выступают, во-первых, характер, масштаб и содержание данного труда как фактически первой обобщающей работы по истории казачества, к тому же предлагающей оригинальную концепцию его происхождения. Во-вторых, современными общественно-политическими процессами возрождения казачества, придающими дополнительную востребованность данному труду. М.А. Рыблова предположила, что исследование Е.П. Савельева «ждало бы полное забвение, если бы не очередной коренной перелом в истории нашей страны, происходивший на рубеже XX–XXI вв.», когда «вполне оформилось так называемое “казачье возрождение” – движение за восстановление политических и иных прав “казачьего народа”, погранных боль-

шеви́стским режимом». Одно из главных требований его лидеров заключалось в признании за казачеством статуса репрессированного народа, и переиздание книги Е.П. Савельева сыграло огромную роль в его идейном и научном обосновании: «с одной стороны, она обосновывала статус казачества как особого (к тому же весьма древнего) народа и его притязания на “историческую родину”, с другой стороны, объясняла последующее верное служение казаков России, как второй, приютившей их в скитаниях, родине» [9]. Вслед за В.А. Шнирельманом [14] М.А. Рыблова связывает теорию Е.П. Савельева с созданием «этногенетических исторических мифов», призванных консолидировать и мобилизовать этносы и этнические группы в их борьбе за восстановление «исторической справедливости» [9].

Все это обуславливает серьезную критику работы Е.П. Савельева многими историками, не разделявшими его взглядов. Первым среди них следует назвать младшего современника Е.П. Савельева, донского историка П.П. Сахарова [15]. Критическое отношение к труду Е.П. Савельева высказывал и выдающийся ростовский историк А.П. Пронштейн [16, с. 13]. Однако их оценки творчества Е.П. Савельева и донской историографии начала XX в. заслуживают самостоятельного изучения.

Анализ современной историографии следует начинать с уже упомянутой рецензии Н.А. Мининкова, автору которой удалось «вписать» Е.П. Савельева в сложившуюся к этому времени традицию изучения истории казачества и его происхождения. При этом в рецензии дана критическая оценка не только содержащихся в труде Е.П. Савельева положений и выводов по данным вопросам, но и методологии, на основе которой они были сделаны. Е.П. Савельев называл среди предков казачества «такие известные народы древности и раннего средневековья, как скифы, сарматы, геты, массагеты, варяги, касоги-черкесы, ясы, аланы-роксоланы, гунны и хазары». Хотя все эти народы очень сильно различались, относились к разным языковым семьям и группам, не имели антропологического сходства и разделялись во времени и пространстве. Начало казачества Е.П. Савельев относил «к временам этрусков и даже крито-микенской культуры, к войне греков с Троей» и представлял казаков как особый народ [17, с. 306]. Н.А. Мининков обоснованно указывал, что основное положение Е.П. Савельева о происхождении казачества из глубокой древности невозможно считать доказанным. Источников, на основании которых мог быть сделан этот вывод, просто не существует, а у Е.П. Савельева имело место произвольное истолкование отдельных восходящих к древности памятников культуры и лексического материала. Как подчеркивает Н.А. Мининков, метод Е.П. Савельев опирался на «распространенную еще в XVIII в. символическую этимологию», в которой на основании сходства или мнимого сходства в звучании отдельных лексем делаются далеко идущие выводы [Там же, с. 307]. Отмечаемые Н.А. Мининковым «наивные попытки отыскать русские корни явно нерусских слов» отличают и труды Е.П. Савельева, посвященные более поздним периодам в истории казачества [Там же, с. 307].

О Е.П. Савельеве Н.А. Мининков упоминает и в своей монографии о донском казачестве в

эпоху позднего средневековья, изданной через восемь лет после выхода рецензии. Он обращает внимание на то, что взгляд Е.П. Савельева на казачество как на особый народ разделяли донские историки-эмигранты полковник И.Ф. Быкадоров и составители «Казачьего словаря-справочника» А.И. Скрылов и Г.В. Губарев [18, с. 24].

Известный историк донского казачества советского и постсоветского времени А.И. Козлов обратил внимание на то, что в вопросе о происхождении казачества Е.П. Савельев особо подчеркивал роль тюркского элемента. Но, отмечал он, по мнению Е.П. Савельева, «казачье ядро ... сложилось из скифов и сарматов» [19, с. 55] и было, таким образом, индоевропейским и ираноязычным. Своей оценки этой точке зрения А.И. Козлов не давал. Но, совершенно очевидно, что не разделял ее.

А.И. Агафонов обратил внимание на исследование Е.П. Савельева о войсковом казачьем круге на Дону. Он принимает вывод автора о существовании весьма глубоких и уходящих в далекое прошлое демократических традиций казачества, проявлявшихся при проведении кругов как органов власти в войске Донском [20, с. 67].

О труде Е.П. Савельева писали донские историки и краеведы М.П. Астапенко, Г.Д. Астапенко и Е.М. Астапенко. Говоря о разработавшейся им концепции истории казачества, указанные авторы отмечали: «Рассматривая казачество как отдельный народ, он неправоммерно выводил его корни из глубины веков: от этрусков, скифов, сарматов». И все же, по их мнению, Е.П. Савельев играл «заметную роль в культурной жизни дореволюционного Дона» [21, с. 281].

Значительное внимание историческому труду Е.П. Савельева и содержащейся в нем концепции истории казачества уделяет Б.С. Корниенко. Он при этом дает характеристику не только взглядам Е.П. Савельева на происхождение казачества, но и его общей концепции истории донского казачества в Московском государстве и Российской империи. Б.С. Корниенко резко критически относится ко взгляду на казачество как на особый и очень древний индоевропейский народ. Что касается истории донского казачества XVII – XVIII вв., то в ее освещении у Е.П. Савельева «конфликт строился вокруг дихотомии “свобода – рабство”». При этом носителем свободы выступала «донская демократическая республика», тогда как Московское государство «представляло как рабовладельческая деспотия» [22, с. 145].

Б.С. Корниенко указывает на особенности освещения Е.П. Савельевым отношений между Доном и Москвой. Он подчеркивает, что, согласно Е.П. Савельеву, «высший смысл существования казаков заключался как раз в противодействии напору ислама». Казаки выступали при этом носителями лучших боевых качеств и защищали Россию и Европу в целом, «которая была не в состоянии за себя постоять» [Там же, с. 146]. Россия, согласно оценке Е.П. Савельева, как отмечал Б.С. Корниенко, проявляла неблагодарность к своим защитникам. Она стремилась полностью подчинить Дон. Особенно это проявлялось при Петре I, который, как указывал Е.П. Савельев, в 1695 г. «отобрал у донских казаков грамоту Грозного царя о признании Дона самостоятельным государством» и «насильственно ликвидировал документ, формально

подтверждавший независимость Войска Донского» [Там же, с. 150].

В отличие от предыдущих авторов, Б.С. Корниенко считает, что у Е.П. Савельева не только вопросы происхождения казачества, но и последующее изложение истории войска Донского XVII – XVIII вв. – это результат мифотворчества. («Национальному казачьему мифу», вышедшему из-под пера Е.П. Савельева, помимо “удревнения”, присуща идеализация “старины” и предков» [Там же, с. 154], – писал он, и в этом видел важнейшие черты его исторического труда. Вместе с тем, как справедливо указывает Б.С. Корниенко, этот труд «является ценнейшим источником для изучения казачьего национализма начала XX в.», а также, что, «претендуя на научность своих выводов, Е.П. Савельев доказывал древность казачьего “народа”, его исключительность среди всех прочих народов, подчеркивал особые заслуги казаков перед Россией и обосновывал их безусловные права на донские земли». Б.С. Корниенко утверждает, что исторический труд Е.П. Савельева был связан с политической составляющей его воззрений. Что же касается методологии исторического познания Е.П. Савельева, то Б.С. Корниенко, как и Н.А. Минников, указывает, что для своего времени она безнадежно устарела, а метод символической этимологии относится к XVIII в. [Там же, с. 135].

Немало внимания уделяет Е.П. Савельеву и автор самой крупной историографической работы, посвященной изучению казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV – XX вв. московский историк И.И. Юрченко. Он отмечает, что именно Е.П. Савельев одним из первых сформулировал целостную картину «самостийной» казачьей истории: «Этот типичный донской интеллигент начала XX в. высказал собственную (казачью) точку зрения на историю казачеств, не ограниченную “красно-белыми” рамками» [3, с. 197]. При этом он считает, что в рассматриваемой работе Е.П. Савельева «мы находим элементы и панславистских представлений, и раннего казачьего национализма, и попытку сформулировать собственное историографическое кредо казачьего народа, и эволюцию взглядов самого автора от вполне лояльных царскому самодержавию в начале до почти революционных в конце» [Там же, с. 205]. Наряду с этим И.И. Юрченко отмечает и несомненное значение работ Е.П. Савельева для развития историографии, считая, что их, «как и всю в целом новорожденную “самостийную” казачью историографию отличала большая, почти детская, историческая наивность, упрощенность оценок, непрофессиональный отбор источников и другие пороки, которые можно назвать “детскими болезнями” казачьей историографии. Однако сама по себе попытка создания и осмысления казаками своей истории представляет историографическую ценность, как первый этап развития этого самобытного научного направления» [Там же, с. 210].

Обращает на себя внимание наличие в минувшие два десятилетия позитивных высказываний о труде Е.П. Савельева, причем о той части, которая относилась к истории происхождения казачества и подвергалась наиболее серьезной критике. В частности, позитивное отношение к труду Е.П. Савельева выражено в предисловии, написанном авторами так называемой «новой

хронологии» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовским. Е.П. Савельева они отнесли к «числу авторов, пытавшихся честно и добросовестно разобраться в проблемах русской истории». Достоинство «Древней истории казачества» они видели в том, что Е.П. Савельев «как историк-профессионал, обладая глубоким знанием античных источников и обширного археологического материала, ... постоянно спорит со скалигеровской версией истории». Даже в самом названии его книги – «Древняя история казачества» – звучит, как они подчеркивают, вызов общепринятым историческим представлениям, в которых, как известно, в древней истории “не отведено” места для казаков» [23, с. 7]. Единственным недостатком книги авторы считают незнание Е.П. Савельевым «новой хронологии». Отсюда, пишут они, Е.П. Савельев не понимал, что «“монголо-татарское” завоевание как раз и было тем самым завоеванием Азии и Европы казаками, о которых он пишет, относя его в глубокую древность» [Там же, с. 9].

Позитивную характеристику творчеству Е.П. Савельева дает также один из известных представителей так называемого национал-патриотического направления современной отечественной общественной мысли, автор книг по славянской фолк-истории, переводчик и комментатор «Велесовой книги» А.И. Асов. Он оценивает Е.П. Савельева как «историка-патриота». По словам А.И. Асова, ему, «как и иным казачьим историкам-патриотам», были «глубоко чужды» «теории, рассматривающие казачество как “беглых крепостных”, либо “сброд людей разных народностей”» [24, с. 5]. Это отмечено верно, поскольку Е.П. Савельев и в самом деле отвергал такие теории. Научной оценки выводов Е.П. Савельева А.И. Асов не дает. Он проявляет склонность к мистике, подчеркивая, что Е.П. Савельев в настоящем «видел как бы эхо от прошлого, повторяющуюся из века в век со времен языческих и ведических великую мистерию борьбы добра со злом» [Там же, с. 4].

Особенно резко А.И. Асов обрушивается на критиков Е.П. Савельева. Не вдаваясь в конкретные стороны этой критики, он пишет, что в результате ее «важное направление в исследовании исторического прошлого как казачества, так и всей индоевропейской расы было осмеяно и отвергнуто» [Там же, с. 6]. По словам А.И. Асова, историки, противостоявшие Е.П. Савельеву, «выступали, как “агенты влияния”, коим важно было ослабить позиции геополитического противника и конкурента» [Там же, с. 5]. Весьма точно цель предисловия А.И. Асова выразил Б.С. Корниенко, по мнению которого оно отражало его стремление «использовать “Историю казачества” для подтверждения собственных идей – в данном случае идеи подлинности и значимости “Велесовой книги”» [22, с. 166]. Другой современный исследователь в связи с этим отмечает, что «известность Е.П. Савельева как при жизни, так и сейчас носит скандальный характер» [25, с. 156].

Значительно меньше внимания в современной историографии уделяется другим историческим работам Е.П. Савельева [26, 27], в том числе его первой программной статье «Как нужно писать историю вообще, а донского казачества в частности» [28]. Между тем, у Е.П. Савельева немало публикаций, посвященных

проблемам донской истории XIX в. Среди них, например, очерки об Ермаке и его сподвижниках [29], истории торговли на Дону [30], об атамане М.И. Платове и основании Новочеркаска [31] и другие работы.

И практически вне сферы интересов современных исследователей остается литературное наследие Е.П. Савельева, пользовавшееся определенным успехом у современников. Единственное художественное произведение Е.П. Савельева, заслужившее специальное исследование – басня «Волк на воеводстве», в которой сатирически описывалось атаманство на Дону князя Н.И. Святополк-Мирского [32]. Деконструкция данного текста стала предметом специальной статьи А.Ю. Перетячко [25].

Подводя итог, можно сказать, что посвященная Е.П. Савельеву историография постепенно складывается в самостоятельное исследовательское направление, что и обуславливает необходимость и целесообразность анализа накопленного опыта. Мало кому из деятелей донской культуры и науки рубежа XIX–XX вв. посвящено столь значительное количество работ. Вместе с тем далеко не все стороны жизни и деятельности Е.П. Савельева стали предметом изучения. Самое значительное внимание уделялось исследователями его труду по истории казачества. При этом его широкое распространение в последние годы парадоксальным образом сочетается с остротой критики содержащейся в ней выводов и используемых авторов методов со стороны многих профессиональных историков. В то же время явный пробел сохраняется в отношении анализа других исторических и художественных работ Е.П. Савельева. Между тем без них невозможно дать комплексную оценку творчества Е.П. Савельева и его роли в донской науке и культуре, выработать достоверные представления об историографии начала XX в. в целом.

• Литература

1. Астапенко, М.П. История казачества России: Историко-литературное издание. В 15 кн. / М.П. Астапенко. – Новочеркасск: Лик, 2011. – Кн. 11. – 490 с.
2. Граф, В.П. Наш Константиновск / В.П. Граф. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2012. – 92 с.
3. Юрченко, И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV – XX столетий: Историография казачества. Кн. 1. – Москва: МГУП, 2013. – 455 с.
4. Стегленко, Е.В. Донской историк Е.П. Савельев: основные этапы жизненного пути / Е.В. Стегленко // Сборник аспирантов и соискателей Южного федерального университета. Т. XVIII. Ч. 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2013. – С. 51 – 55.
5. Юрченко, И.Ю. Казачий панславизм донского историка Е.П. Савельева в годы войн и революций как историографическое явление / И.Ю. Юрченко // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции 25 – 26 ноября 2011 года. – Пенза – Белосток – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 52 – 61.

6. Кто был Евграф Петрович Савельев? – URL: <https://www.passion-don.org/evgraf.html> (дата обращения 12.12.2021) и др.
7. Евграф Савельев – о себе, своих книгах, путешествиях – в ответах на анкету Ростовского н-Д. Городского Музея – URL: <https://www.passion-don.org/anketa.html> (дата обращения 12.12.2021).
8. Дело донских литераторов – URL: <https://www.passion-don.org/writer/dov-1911-245.html> (дата обращения 12.12.2021).
9. Рыблова, М.А. «Казачество возвращается!»: история и судьба одной научной теории / М.А. Рыблова // Казачество: прошлое и настоящее. Вып. 3. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С. 278 – 285. – URL: <https://ryblova.ru/stati/etnografija-nizhnej-volgi-i-dona/kazaki-vozvrashhayutsya-istoriya-i-sudba-odnoj-nauchnoj-teorii> (дата обращения: 12.01.2022).
10. Савельев, Е.П. Казаки. История / Е.П. Савельев // Савельев Е.П. Древняя история казачества. – Владикавказ: Издание акционерного предприятия «СПАС» при Союзе писателей Осетии и России, 1991. – 443 с.
11. Савельев, Е.П. Древняя история казачества / Е.П. Савельев. – Москва: Вече, 2007. – 480 с.
12. Савельев, Е.П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. – URL: <https://www.passion-don.org/history-1.html> (дата обращения: 12.12.2021).
13. Савельев, Е. Древняя история казачества. Аудиокнига. – URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLUfHrZBWmjHfIper6StdQ9pJEZ8rjB3H5> (дата обращения: 12.12.2021).
14. Шнирельман, В.А. Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика / В.А. Шнирельман // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Вып. 3. – Москва: Гендальф, 2000. – С. 12 – 34.
15. Сахаров, П.П. Развитие историографии вольного русского казачества (Критико-библиографический очерк) / П.П. Сахаров // Ростовский областной музей краеведения. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1/15.
16. Пронштейн, А.П. Земля Донская в XVIII веке / А.П. Пронштейн. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1961. – 375 с.
17. Мининков, Н.А. Альтернативный взгляд советского историка // Савельев Е.П. Средняя история казачества. – Новочеркасск, 1916. (Репринтное издание: Ростов-на-Дону: Южгеология, 1990). – С. 300 – 309.
18. Мининков, Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.) / Н.А. Мининков. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1998. – 512 с.
19. Козлов, А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1995. – 238 с.
20. Агафонов, А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение) / А.И. Агафонов. – Ростов-на-Дону: Приазовский край, 2001. – 382 с.
21. Астапенко, М.П. Казачья доля – Дон, степь да воля / М.П. Астапенко, Г.Д. Астапенко, Е.М. Астапенко. – Ростов-на-Дону: [б.и.], 2014. – 320 с.
22. Корниенко, Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909 – 1914) / Б.С.

Корниенко. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 228 с.

23. Фоменко, А.Т. О чем эта книга? / А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский // Савельев Е.П. Древняя история казачества. – Москва: Вече, 2002.
24. Асов, А.И. Историк, казак и провидец / А.И. Асов // Савельев Е.П. Древняя история казачества. – Москва: Вече, 2010. – С. 3 – 7.
25. Перетяtko, А.Ю. Интерпретация атаманства Н.И. Святополк-Мирского в басне Е.П. Савельева «Волк на воеводстве» / А.Ю. Перетяtko // Новое прошлое / The New Past. – 2021. – № 1. – С. 154 – 171.
26. Стегленко, Е.В. Культура северокавказских сообществ в характеристиках донского историка Е.П. Савельева / Е.В. Стегленко // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 11. – С. 148 – 151.
27. Рубинина, Э.Р. Научно-просветительская деятельность Донского (Новочеркасского) статистического комитета (вторая треть XIX в. – начало XX в.): дис... канд. ист. наук. / Э.Р. Рубинина. – Ставрополь, 2018. – 259 с.
28. Стегленко, Е.В. Личность М.И. Платова в оценке Е.П. Савельева / Е.В. Стегленко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 1. – С. 84 – 89.
29. Савельев, Е.П. Как нужно писать историю вообще, а Донского казачества в частности / Е.П. Савельев // Донские областные ведомости. – 1908. – 12 октября. – № 219. – С. 3 – 4.
30. Савельев, Е.П. Кто был Ермак и его сподвижники: Историческое исследование / Е.П. Савельев. – Новочеркасск: Области Войска Донского типография, 1904. – 64 с.
31. Савельев, Е.П. Очерки по истории торговли на Дону: Общество донских торговых казаков. 1804 – 1904 гг. / Е.П. Савельев. – Новочеркасск: тип. В.И. Бабенко, 1904. – 175 с.
32. Савельев, Е.П. Волк на воеводстве / Е.П. Савельев // Донской литературный сборник. – Новочеркасск, 1910. – С. 92 – 98.

• References

1. Astapenko, M.P. Istoriya Kazachestva Rossii: Istoriko-literaturnoe izdanie [History of the Cossacks of Russia: Historical and literary edition]. In 15 books / M.P. Astapenko. – Novocherkassk: Lik, 2011. – Book 11. – 490 p.
2. Graf, V.P. Nash Konstantinovsk [Our Konstantinovsk] / V.P. Graf. – Rostov-on-Don: Al'tair, 2012. – 92 p.
3. Yurchenko, I.Yu. Istoriya izucheniya kazachestva v otechestvennoy i emigrantskoy istoriografii XV–XX stoletiy: Istoriografiya kazachestva [The history of the study of the Cossacks in domestic and emigrant historiography of the XV – XX centuries: Historiography of the Cossacks]. Book 1 / I.Yu. Yurchenko. – Moscow: Moscow State Univ. of Printing, 2013. – 455 p.
4. Steglenko, E.V. Donskoy istorik E.P. Savel'ev: osnovnye etapy zhiznennogo puti [Don historian E.P. Savelyev: the main stages of the life path] / E.V. Steglenko // Collection of graduate students and applicants of the Southern Federal University. Vol. XVIII. Part 2. – Rostov-on-Don: Southern Federal Univ. Publ., 2013. – P. 51 – 55.
5. Yurchenko, I.Yu. Kazachiy panslavizm donskogo istorika E.P. Savel'eva v gody voyn i revolyutsiy

- как istoriograficheskoe yavlenie [Cossack panslavism of the Don historian E.P. Savelyev during the years of wars and revolutions as a historiographic phenomenon] / I.Yu. Yurchenko // Istoriya i kul'tura slavyanskikh narodov: dostizheniya, uroki, perspektivy [History and culture of Slavic peoples: achievements, lessons, prospects]: materials of Intern. Sci.-Pract. Conf. November 25 – 26, 2011. – Penza – Belostok – Prague: "Sociosphere" Research and Publishing Center, 2011. – P. 52 – 61.
6. Kto byl Evgraf Petrovich Savel'ev? [Who was Evgraf Petrovich Savelyev?] – URL: <https://www.passion-don.org/evgraf.html> (accessed 12.12.2021).
 7. Evgraf Savel'ev – o sebe, svoikh knigakh, puteshestviyakh – v otvetakh na anketu Rostovskogo n-D. Gorodskogo Muzeya [Evgraf Savelyev - about himself, his books, travels - in response to the questionnaire of the Rostov-on-Don City Museum]. – URL: <https://www.passion-don.org/anketa.html> (accessed 12.12.2021);
 8. Delo donskikh literatorov [Case of the Don Writers]. – URL: <https://www.passion-don.org/writer/dov-1911-245.html> (accessed 12.12.2021).
 9. Ryblova, M.A. «Kazaki vozvrashchayutsya!»: istoriya i sud'ba odnoy nauchnoy teorii [«The Cossacks are coming back!»: the history and fate of one scientific theory] / M.A. Ryblova // Cossacks: past and present. Issue 3. – Rostov-on-Don: Southern Sci. Centre Publ., 2010. – P. 278 – 285. URL: <https://ryblova.ru/stati/etnografija-nizhnej-volgi-i-dona/kazaki-vozvrashhayutsya-istoriya-i-sudba-odnoj-nauchnoj-teorii> (accessed: 12.01.2022).
 10. Savelyev, E.P. Kazaki. Istoriya [Cossacks. History] / E.P. Savelyev // Savelyev E.P. Drevnyaya istoriya kazachestva [Ancient history of the Cossacks]. – Vladikavkaz: Izdanie aktsionernogo predpriyatiya «SPAS» pri Soyuze pisateley Osetii i Rossii [Publication of the joint-stock company «SPAS» under the Union of Writers of Ossetia and Russia], 1991. – 443 p.
 11. Savelyev, E.P. Drevnyaya istoriya kazachestva [Ancient history of the Cossacks] / E.P. Savelyev. – Moscow: Veche, 2007. – 480 p.
 12. Savelyev, E.P. Istoriya kazachestva s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka [The history of the Cossacks from ancient times to the end of the XVIII century] / E.P. Savelyev. – URL: <https://www.passion-don.org/history-1.html> (accessed: 12.12.2021).
 13. Savelyev, E. Drevnyaya istoriya kazachestva [Ancient history of the Cossacks] / E. Savelyev. Audiobook. – URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLUfHrZBWmjHFlper6StdQ9pJEZ8rjB3H5> (accessed: 12.12.2021).
 14. Shnirelman, V.A. Tsennost' proshlogo: Etnotsentristskie istoricheskie mify, identichnost' i etnopolitika [The value of the past: Ethnocentric historical myths, identity and ethnopolicy] / V.A. Shnirelman // Real'nost' etnicheskikh mifov. Analiticheskaya seriya [The reality of ethnic myths. Analytical series]. Issue 3. – Moscow: Gendalf, 2000. – P. 12 – 34.
 15. Sakharov, P.P. Razvitie istoriografii vol'nogo russkogo kazachestva (Kritiko-bibliograficheskiy ocherk) [The Development of historiography of the Free Russian Cossacks (Critical and Bibliographic Essay)] / P.P. Sakharov // Rostov Regional Museum of Local Lore. F. 2. Op. 1. D. 1/15.

16. Pronshstein, A.P. Zemlya Donskaya v XVIII veke [Don Land in the XVIII century] / A.P. Pronshstein. – Rostov-on-Don: Rostov State Univ. Publ., 1961. – 375 p.
17. Mininkov, N.A. Al'ternativnyy vzglyad sovetskogo istorika [Alternative view of the Soviet historian] / N.A. Mininkov // Savelyev E.P. Srednyaya istoriya kazachestva [The average history of the Cossacks]. – Novochoerkassk, 1916. (Reprint edition: Rostov-on-Don: Yuzhgeologiya, 1990). – P. 300 – 309.
18. Mininkov, N.A. Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.) [Don Cossacks in the Late Middle Ages (until 1671)] / N.A. Mininkov. – Rostov-on-Don: Rostov State Univ. Publ., 1998. – 512 p.
19. Kozlov, A.I. Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennost' (evolyutsiya, politika, teoriya) [Revival of the Cossacks: history and modernity (evolution, politics, theory)] / A.I. Kozlov. – Rostov-on-Don: Rostov State Univ. Publ., 1995. – 238 p.
20. Agafonov, A.I. Istoriya Donskogo kraya (XVI – pervaya polovina XIX v. Istoricheskie istochniki i ikh izuchenie) [History of the Don region (XVI - first half of the XIX century. Historical sources and their study)] / A.I. Agafonov. – Rostov-on-Don: Priazovskiy kray [Azov region], 2001. – 382 p.
21. Astapenko, M.P. Kazach'ya dolya – Don, step' da volya [Cossack fate – Don, steppe and freedom] / M.P. Astapenko, G.D. Astapenko, E.M. Astapenko. – Rostov-on-Don, 2014. – 320 p.
22. Kornienko, B.S. Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909 – 1914) [Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909 – 1914)] / B.S. Kornienko. – St.Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013. – 228 p.
23. Fomenko, A.T. O chem eta kniga? [What is this book about?] / A.T. Fomenko, G.V. Nosovsky // Savelyev E.P. Drevnyaya istoriya kazachestva [The ancient history of the Cossacks]. – Moscow: Veche, 2002.
24. Asov, A.I. Istorik, kazak i providets [Historian, Cossack and visionary] / A.I. Asov // Savelyev E.P. Drevnyaya istoriya kazachestva [The ancient history of the Cossacks]. – Moscow: Veche, 2010. – P. 3 – 7.
25. Peretyat'ko, A.Yu. Interpretatsiya atamanstva N.I. Svyatopolk-Mirskogo v basne E.P. Savel'eva («Volk na voevodstve») [Interpretation of the atamanship of N.I. Svyatopolk-Mirsky in the fable of E.P. Savelyev «The Wolf in the Voivodeship»] / A.Yu. Peretyat'ko // Novoe proshloe [The New Past]. – 2021. – № 1. – P. 154 – 171.
26. Steglenko, E.V. Kul'tura severokavkazskikh soobshchestv v kharakteristikakh donskogo istorika E.P. Savel'eva [The culture of the North Caucasian communities in the characteristics of the Don historian E.P. Savelyev] / E.V. Steglenko // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. – 2015. – № 11. – P. 148 – 151.
27. Rubinina, E.R. Nauchno-prosvetitel'skaya deyatelnost' Donskogo (Novochoerkasskogo) statisticheskogo komiteta (vtoraya tret' XIX v. – nachalo XX v.) [Scientific and educational activities of the Don (Novochoerkassk) Statistical Committee (second third of the XIX century - beginning of the XX century)]: diss... Cand. Sci. (History). / E.R. Rubinina. – Stavropol, 2018. – 259 p.
28. Steglenko, E.V. Lichnost' M.I. Platova v otsenke E.P. Savel'eva [Personality of M.I. Platov in the assessment of E.P. Savelyev] / E.V. Steglenko // Humanitarian and legal studies. – 2021. – № 1. – P. 84 – 89.
29. Savelyev, E.P. Kak nuzhno pisat' istoriyu voobshche, a Donskogo kazachestva v chastnosti [How to write history in general, and the Don Cossacks in particular] / E.P. Savelyev // Donskie oblastnye vedomosti [Don Regional Gazette]. – 1908. – October 12. – № 219. – P. 3 – 4.
30. Savelyev, E.P. Kto byl Ermak i ego spodvizhniki: Istoricheskoe issledovanie [Who was Yermak and his companions: a historical study] / E.P. Savelyev. – Novochoerkassk: Oblasti Voyska Donskogo tipografiya [Don Army Regional printing house], 1904. – 64 p.
31. Savelyev, E.P. Ocherki po istorii trgovli na Donu: Obshchestvo donskikh trgovykh kazakov. 1804 – 1904 gg. [Essays on the history of trade on the Don: Society of the Don merchant Cossacks. 1804 – 1904] / E.P. Savelyev. – Novochoerkassk: V.I. Babenko printing house, 1904. – 175 p.
32. Savelyev, E.P. Volk na voevodstve [Wolf in the Voivodship] / E.P. Savelyev // Donskoy literaturnyy sbornik [Don Literary Collection]. – 1910. – P. 92 – 98.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022
The Editorial Office received the paper on 28.02.2022

А.М. МАЦУК

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ КОМИ АССР В 1950-Х ГОДАХ

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

almmatsuk@gmail.com

A.M. MATSUK

THE NATIONAL COMPOSITION OF STUDENTS IN SPECIALIZED SECONDARY-EDUCATION INSTITUTIONS OF THE KOMI ASSR IN THE 1950s

Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

В статье на основе статистических отчетов исследуется вопрос национального состава учащихся техникумов и училищ, действовавших в Коми АССР в 1950-е гг. Представлен перечень всех национальностей, представители которых в качестве учащихся были отмечены в ежегодных отчетах средних специальных учебных заведений республики в период 1951/52 – 1959/60 учебных годов, а также прослежено, как часто за девять изучаемых учебных лет в отчетах встречается та или иная национальность. Выделено семь групп по численности представителей различных национальностей среди учащихся ССУЗов. Выделены доли коми и русских из общего количества учащихся как наиболее представительных по национальному признаку среди других.

Ключевые слова:

национальный состав, учащиеся техникумов и училищ, система среднего специального образования, Коми АССР, 1950-е гг.

Abstract

Based on the annual statistical reports of colleges that functioned in the Komi ASSR in the 1950s, it was possible to reconstruct the picture of the national composition of students. The paper presents a list of 35 nationalities whose representatives studied in specialized secondary-education institutions during the study period (1951/52 – 1959/60 academic years), which contains such rare nationalities for the republic as, for example, Chinese, Koreans and Greeks. There is noted the frequency at which during the period under study one or another nationality of students is indicated in the reports of colleges. Based on the number, representatives of all nationalities who studied during the 1950s period were divided into 7 groups. Groups include representatives of a particular nationality from 1 to 5, from 6 to 10, from 11 to 20 people, and so on in ascending order. The group with the largest mass (more than 1000 people annually) includes two nationalities – the Komi and the Russians. These nationalities also occupied the main positions among others in the national composition of the population of the Komi ASSR in the period under study.

Keywords:

national composition, students of colleges, the system of specialized secondary education, Komi ASSR, the 1950s

К началу 1950-х г. в Коми АССР функционировала развитая сеть средних специальных учебных заведений, готовивших специалистов для различных отраслей народного хозяйства. Так, в 1951/52 учебном году здесь действовали 15 средних специальных учебных заведений, значительная часть которых была сосредоточе-

на в столице республики. В систему среднего специального образования в Коми АССР входили Воркутинский горный техникум, Коми-Ульяновский сельскохозяйственный техникум, Печорский речной техникум (с. Шельяюр), Печорский техникум железнодорожного транспорта (г. Ухта), Сыктывкарское дошкольное педагогическое училище, Сыктывкарский кооперативный техникум, Сыктывкарская лесная школа, Сыктывкарский лесотехнический техникум, Сыктывкарское музыкальное училище, Сыктывкарский сельскохозяйственный техникум, Сыктывкарская средняя сельскохозяйственная школа по подготовке председателей колхозов, Сыктывкарское школьное педагогическое училище, Сыктывкарская фельдшерско-акушерская школа (медицинское училище – А.М.), Устьвымское педагогическое училище, Ухтинский горно-нефтяной техникум [1].

В течение изучаемого периода в системе среднего специального образования в республике произошли существенные изменения, связанные во многом с проводимой в 1950-е гг. реформой образования на территории всей страны [подр. см.: 2, 3]. В результате данных изменений часть техникумов и училищ в Коми АССР была закрыта или объединена. В то же время начали действовать новые учебные заведения, возникла и начала расширяться практика вечернего и заочного обучения.

В 1959/60 учебном году в республике действовали 11 средних специальных учебных заведений дневной формы обучения: Воркутинский горный техникум, Коми республиканская культурно-просветительная школа (г. Сыктывкар), Печорский техникум железнодорожного транспорта (г. Ухта), Печорский речной техникум (г. Печора), Сыктывкарский кооперативный техникум, Сыктывкарское медицинское училище, Сыктывкарское музыкальное училище, Сыктывкарское педагогическое училище, Сыктывкарский сельскохозяйственный техникум, Ухтинский горно-нефтяной техникум; Ухтинский лесотехнический техникум. В двух техникумах (Воркутинском горном и Ухтинском горно-нефтяном) действовали отделения вечернего обучения, в четырех – заочного (Печорский техникум железнодорожного транспорта, Сыктывкарское педагогическое училище, Ухтинский горно-нефтяной техникум, Ухтинский лесотехнический техникум). Причем в

Воркутинском горном техникуме, помимо уже действующего отделения с вечерней формой обучения, в 1959 г. были дополнительно открыты два филиала вечернего обучения в пос. Комсомольский и г. Инте [4].

Всего в средних специальных учебных заведениях республики обучались ежегодно более 4 тыс. чел., что отражено в табл. 1.

К началу изучаемого периода Коми АССР была многонациональной республикой. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в республике, кроме коренного коми населения, проживали представители более 70 различных национальностей. Основную массу населения (из 318 996 чел.) составляли коми (231 301), русские (70 226), украинцы (6 010), белорусы (3 323), немцы (2 617 чел.). Диаспоры представителей прочих национальностей, проживающих в республике, были менее многочисленными [5]. К концу изучаемого периода, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., из проживающих в Коми АССР 806 199 чел. насчитывалось: русских – 389 995 чел., коми – 245 074, украинцев – 80 132, белорусов – 22 339, немцев – 19 805, татар – 8 459, литовцев – 8 284, чувашей – 3 493, поляков – 3 053, евреев – 2 790, латышей – 2 166 чел. Представителей прочих национальностей было менее 2 тыс. чел. на каждую диаспору [6].

Национальный состав учащихся, проходивших обучение в средних специальных учебных заведениях Коми АССР в 1950-е гг., был разнообразным, что обусловлено существовавшим в это время национальным многообразием населения республики. Однако, по имеющимся у нас данным, в историографии этот вопрос практически не затронут. Так, некоторые сведения, связанные с национальным вопросом в сфере образования, были показаны Я.Н. Безносиковым в его работах по истории культурной революции и развитию народного образования в Коми АССР, где он представил информацию о составе интеллигенции по национальному признаку, выделив, в частности, количество специалистов со средним специальным образованием по состоянию на 1 декабря 1960 г. [7; 8]. Авторами коллективной монографии «История Коми с древнейших времен до конца XX века» на основе статистических данных переписей был показан национальный состав населения республики, а также освещены изменения в

Таблица 1

Численность учащихся средних специальных учебных заведений в Коми АССР в 1950-е гг.

Table 1

The number of students of specialized secondary-education institutions in the Komi ASSR in the 1950s

Учебный год	Число учащихся *	Учебный год	Число учащихся
1951/52	4086	1956/57	4224
1952/53	4720	1957/58	4213
1953/54	4882	1958/59	4512
1954/55	4776	1959/60	4771
1955/56	4470		

Примечание. * Данные представлены только по дневной форме обучения, так как информации о национальности учащихся заочной формы обучения нет.

Note. * The data are presented only for full-time education, since there is no information about the nationality of correspondence students.

Источники: ГУРК «Национальный архив Республики Коми». Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 21, 23, 24, 26, 29, 31, 33, 34, 36, 37, 39, 41, 43, 44, 75; Д. 4255. Л. 34, 40, 42, 45, 46, 59, 62 – 66, 68, 69, 71, 92, 93, 139; Д. 4263. Л. 15, 17, 19, 22, 24, 25, 28, 30, 32, 34 – 38, 41, 52, 53; Д. 4268. Л. 14, 21, 23 – 26, 28, 33, 36, 39, 40, 42, 44, 50, 51, 55, 56, 59; Д. 5193. Л. 7 – 11, 13 – 19, 22, 28; Д. 5194. Л. 19 – 23, 25, 30, 32, 34, 35, 49, 53 – 56, 59, 61; Д. 5197. Л. 12, 15 – 27, 34 – 36; Д. 5206. Л. 12 – 15, 17 – 21, 23 – 25, 32 – 34; Д. 5209. Л. 12, 13, 15, 19, 23, 27, 28, 30 – 33, 51, 54, 56 – 58.

Sources: National Archive of the Komi Republic. F. R – 140. Op. 2. D. 4251. L. 21, 23, 24, 26, 29, 31, 33, 34, 36, 37, 39, 41, 43, 44, 75; D. 4255. L. 34, 40, 42, 45, 46, 59, 62 – 66, 68, 69, 71, 92, 93, 139; D. 4263. L. 15, 17, 19, 22, 24, 25, 28, 30, 32, 34 – 38, 41, 52, 53; D. 4268. L. 14, 21, 23 – 26, 28, 33, 36, 39, 40, 42, 44, 50, 51, 55, 56, 59; D. 5193. L. 7 – 11, 13-19, 22, 28; D. 5194. L. 19 – 23, 25, 30, 32, 34, 35, 49, 53 – 56, 59, 61; D. 5197. L. 12, 15 – 27, 34 – 36; D. 5206. L. 12 – 15, 17 – 21, 23 – 25, 32-34; D. 5209. L. 12, 13, 15, 19, 23, 27, 28, 30 – 33, 51, 54, 56 – 58.

уровне образования населения Коми АССР, однако без привязки к его национальному составу [9]. Более подробно вопрос национального состава учащихся был освещен в работе А.К. Гагевой «Исторический опыт и проблемы кооперативного образования России в 20 – 90-е годы XX века» (на материалах Республики Коми)», где, в частности, автор указала национальный состав Сыктывкарского кооперативного техникума по состоянию на середину 1930-х гг.: «Национальный состав студентов был однородным. Большинство из них были коми – 95 %, русские – 3 % и прочие – 2 %. ... из 115 учащихся набора 1935 – 1936 гг. 100 были коми» [10]. Однако полная картина исследуемой проблемы в рамках 1950-х гг. пока не нашла свое отражение в имеющейся историографии.

Наиболее доступным источником для исследования изучаемой проблемы являются ежегодные отчеты средних специальных учебных заведений. В нашем случае такие отчеты находятся в фонде Статистического управления Коми АССР Национального архива Республики Коми (Ф.Р – 40). Ежегодные отчеты заполнялись учебными заведениями по установленным формам, одна из форм содержала таблицу с перечнем национальностей, в которой необходимо было указывать количество учащихся. Данная таблица практически не менялась на протяжении 1950-х гг. и содержала закрепленные наименования 31 национальности, а также поля для внесения данных о национальности, не указанных в таблице. В конце 1950-х гг. список закрепленных национальностей был расширен до 34 [подр. см.: 11].

В отчетах техникумов и училищ Коми АССР за исследуемый период отмечены следующие национальности учащихся: коми, русские, украинцы, белорусы, литовцы, немцы, евреи, татары, латыши, эстонцы, карелы и финны (отмечались в отчетах как одна национальность, с 1958/59 учебного года карелы указывались отдельно, финны не указывались), народности Дагестана, азербайджанцы, армяне, марийцы, мордовцы (мордва), удмурты, чувашы, коми-пермяки, ненцы, болгары, поляки, корейцы, китайцы, молдаване, таджики, казахи, башкиры, калмыки, осетины, греки, грузины, киргизы, узбеки, буряты (всего – 35 национальностей). Отметим, что в поле для самостоятельного внесения национальности иногда вкрадывались ошибки. Так, в отчете Сыктывкарского школьного педагогического училища среди учащихся отмечен один человек по национальности «мекиска» [12]. Данное название национальности было вписано от руки, и, возможно, это ошибка, связанная с недостаточной квалификацией работника педучилища, заполнявшего формы отчета.

Учащиеся всех перечисленных национальностей не встречаются в отчетах ежегодно (из рассматриваемых девяти учебных лет – с 1951/52 по 1959/60 учебные года). Так, учащиеся, относящиеся к армянам и азербайджанцам, отмечены в отчетах за пять лет; к народностям Дагестана – за четыре года; к казахам и башкирам – за три; к таджикам, осетинам и

киргизам – за два; к коми-пермякам, калмыкам, грекам, грузинам, узбекам, бурятам – за один год из анализируемых девяти учебных лет (всего – 14 национальностей). В то же время каждый год из представленных девяти учебных лет отмечается наличие учащихся, относящихся к коми, русским, украинцам, белорусам, литовцам, евреям, татарам, немцам, полякам (девять национальностей). За восемь из анализируемых девяти учебных лет упоминались в отчетах учащиеся, относящиеся по национальности к карелам и финнам, латышам, марийцам, ненцам, болгарам (пять национальностей). За семь лет – к молдаванам, эстонцам, мордовцам, удмуртам, чувашам (пять национальностей), за шесть лет – к китайцам и корейцам.

Численность учащихся определенной национальности не была одинаковой в течение всего исследуемого периода или во время упоминания данной национальности в отчетах. Кроме того, по данным отчетов средних специальных учебных заведений республики, отмечен значительный дисбаланс в числе учащихся разных национальностей. Для иллюстрации озвученного тезиса мы сгруппировали представленные в отчетах данные в несколько групп по возрастанию.

В группе от одного до пяти учащихся в год присутствовали представители 22 национальностей: азербайджанцы, армяне, башкиры, болгары, буряты, греки, грузины, казахи, калмыки, киргизы, китайцы, коми-пермяки, корейцы, латыши, марийцы, народности Дагестана, ненцы, осетины, таджики, удмурты, узбеки, эстонцы.

В группе от шести до десяти учащихся в год были представители четырех национальностей: карелы и финны, молдаване, мордовцы, поляки. Причем все, кроме поляков, отнесены нами в эту группу за счет наибольшего показателя, встречающегося только в одном году.

В группе от 11 до 20 учащихся в год представлены две национальности: евреи и чувашы.

В группе от 21 до 30 учащихся в год представлены литовцы и татары. Учащихся белорусской национальности также частично можно отнести к данной группе, так как за два учебных года (1951/52 и 1952/53) из девяти исследуемых их численность составляла 21 и 24 чел. соответственно.

Следующая группа – от 31 до 130 чел. – включает в себя учащихся, относящихся к белорусам (за семь учебных лет из девяти) и немцам, а также, вновь частично, украинцам, чья численность за три учебных года находилась в пределах данной группы (1951/52 учебный год – 40 чел., 1952/53 – 64, 1953/54 – 96 чел.).

За шесть учебных лет – с 1954/55 по 1959/60 учебные года – украинцы входят в отдельную группу с численностью учащихся в год более 131, достигая максимума в 422 чел.

Представители коми и русской национальностей входят в группу с численностью учащихся более 1 тыс. чел. в год.

Таким образом, видно, что подавляющая часть из отмеченных в отчетах техникумов и училищ Коми АССР национальностей была представлена достаточно небольшим числом

Доля учащихся средних специальных учебных заведений в Коми АССР в 1950-е гг.

Table 2

The share of students of specialized secondary-education institutions in the Komi ASSR in the 1950s

Учебный год	Всего учащихся	Доля к общему числу учащихся, %	Коми	Доля к общему числу учащихся, %	Русские	Доля к общему числу учащихся, %	Суммарная доля коми и русских к общему числу учащихся, %
1951/52	4 086	100	2 160	52,86	1 775	43,44	96,3
1952/53	4 720	100	2 353	49,85	2 150	45,55	95,4
1953/54	4 882	100	2 286	46,82	2 297	47,05	93,87
1954/55	4 776	100	2 105	44,07	2 290	47,95	92,02
1955/56	4 470	100	1 878	42,01	2 202	49,26	91,27
1956/57	4 224	100	1 615	38,23	2 150	50,9	89,13
1957/58	4 213	100	1 518	36,03	2 180	51,74	87,77
1958/59	4 512	100	1 369	30,34	2 531	56,09	86,43
1959/60	4 771	100	1 260	26,41	2 773	58,12	84,53

Источники: ГУРК «Национальный архив Республики Коми». Ф. Р – 140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 21 об., 23 об., 24 об., 26 об., 29 об., 31 об., 33 об., 34 об., 36 об., 37 об., 39 об., 41 об., 43 об., 44 об., 75 об.; Д. 4255. Л. 34 об., 40 об., 42 об., 45 об., 46 об., 59 об., 62 об. – 66 об., 68 об., 69 об., 71 об., 92 об., 93 об., 139 об.; Д. 4263. Л. 15 об., 17 об., 19 об., 22 об., 24 об., 25 об., 28 об., 30 об., 32 об., 34 об. – 38 об., 41 об., 52 об., 53 об.; Д. 4268. Л. 14 об., 21 об., 23 об. – 26 об., 28 об., 33 об., 36 об., 39 об., 40 об., 42 об., 44 об., 50 об., 51 об., 55, 56 об., 59 об.; Д. 5193. Л. 7 об. – 11 об., 13 об. – 19 об., 22 об., 28 об.; Д. 5194. Л. 19 об. – 23 об., 25 об., 30 об., 32 об., 34 об., 35 об., 39 об., 49, 53 об. – 55 об., 59 об., 61 об.; Д. 5197. Л. 15, 16 об. – 27 об., 34 об. – 36 об.; Д. 5206. Л. 12 об. – 15 об., 17 об. – 21 об., 23 об. – 25 об., 32 об. – 34 об.; Д. 5209. Л. 12 об., 13 об., 15 об., 19 об., 23 об., 27 об., 28 об., 30 об. – 33 об., 35 об., 51 об., 54 об. – 59 об.

Sources: National Archive of the Komi Republic. F. P – 140. Op. 2. D. 4251. L. 21 ob., 23 ob., 24 ob., 26 ob., 29 ob., 31 ob., 33 ob., 34 ob., 36 ob., 37 ob., 39 ob., 41 ob., 43 ob., 44 ob., 75 ob.; D. 4255. L. 34 ob., 40 ob., 42 ob., 45 ob., 46 ob., 59 ob., 62 ob. – 66 ob., 68 ob., 69 ob., 71 ob., 92 ob., 93 ob., 139 ob.; D. 4263. L. 15 ob., 17 ob., 19 ob., 22 ob., 24 ob., 25 ob., 28 ob., 30 ob., 32 ob., 34 ob.-38 ob., 41 ob., 52 ob., 53 ob.; D. 4268. L. 14 ob., 21 ob., 23 ob.-26 ob., 28 ob., 33 ob., 36 ob., 39 ob., 40 ob., 42 ob., 44 ob., 50 ob., 51 ob., 55, 56 ob., 59 ob.; D. 5193. L. 7 ob. – 11 ob., 13 ob.-19 ob., 22 ob., 28 ob.; D. 5194. L. 19 ob. – 23 ob., 25 ob., 30 ob., 32 ob., 34 ob., 35 ob., 39 ob., 49, 53 ob. – 55 ob., 59 ob., 61 ob.; D. 5197. L. 15, 16 ob. – 27 ob., 34 ob. – 36 ob.; D. 5206. L. 12 ob. – 15 ob., 17 ob. – 21 ob., 23 ob. – 25 ob., 32 ob. – 34 ob.; D. 5209. L. 12 ob., 13 ob., 15 ob., 19 ob., 23 ob., 27 ob., 28 ob., 30 ob. – 33 ob., 35 ob., 51 ob., 54 ob. – 59 ob.

учащихся. В целом, в 1950-е гг. в республике наблюдалось колоссальное превалирование учащихся двух национальностей над остальными. Проиллюстрируем этот тезис относительными цифрами – долей учащихся коми и русских в каждом из исследуемых годов (табл. 2).

Как видно из представленных данных, высказанный тезис полностью подтвержден. Кроме того, эта информация раскрывает важные процессы, необходимые для понимания национальной ситуации в Коми АССР 1950-х гг. в целом и в системе среднего специального образования республики, в частности: 1. Суммарная доля коми и русских в общем числе учащихся неуклонно снижалась, т.е. представители других национальностей успешно конкурировали с представителями двух главных национальностей республики. 2. Доля коми учащихся как в абсолютных, так и в относительных цифрах резко снизилась к концу 1950-х гг. по сравнению с началом исследуемого периода. 3. Доля русских учащихся выросла и в абсолютных, и в относительных цифрах.

Интересно сравнить полученные нами результаты за 1958/59 и 1959/60 учебные годы с долей коми и русских в составе населения Коми АССР по данным переписи 1959 г., которые указывают, что в республике проживало 30,1 % коми и 48,6 % русских [13], т.е. доля коми учащихся наиболее близко находилась к доле коми населения, а доля русских учащихся несколько превышала долю русских в составе населения республики. В целом, это свидетельствует о стремлении представителей данных националь-

ностей к получению среднего специального образования в учебных заведениях республики.

Таким образом, национальная палитра учащихся средних специальных учебных заведений Коми АССР была весьма многообразной. Однако главенствующее место в ней занимали представители коми и русской национальностей, что соответствует значительной доле этих национальностей в составе населения республики.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0011.

• Литература

1. ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУРК НАРК). Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 21, 23, 24, 26, 29, 31, 33, 34, 36, 37, 39, 41, 43, 44, 75.
2. Мацук, А.М. Среднее специальное педагогическое образование в Коми АССР в середине 1950-х – начале 1960-х годов (к вопросу о результативности реформы образования Н.С. Хрущева в СССР) / А.М. Мацук // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2021. – № 4 (50). – С. 79 – 87.
3. Мацук, А.М. Реформирование системы среднего специального образования в РСФСР в середине 1950-х годов: причины и последствия / А.М. Мацук // Вопросы исто-

- рии и культуры северных стран и территорий. – 2019. – № 3(47). – С. 29 – 63.
4. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5209. Л. 12, 13, 15, 19, 23, 27, 28, 30 – 33, 51, 53, 54, 56 – 58.
 5. Российский государственный архив экономики (быв. ЦГАНХ СССР; далее – РГАЭ РФ). Ф. 1562. Оп. 336. Д.Д. 966 – 1001 (Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам), Д.Д. 256 – 427 (табл. 26 Национальный состав населения районов, районных центров, городов и крупных сельских населенных пунктов).
 6. РГАЭ РФ. Ф. 1562. Оп. 336. Ед.хр. 1566а-1566д (Таблица 3,4 Распределение населения по национальности и родному языку).
 7. Безносиков, Я.Н. Культурная революция в Коми АССР / Я.Н. Безносиков. – Москва: Изд-во «Наука», 1968. С. 212.
 8. Безносиков, Я.Н. Развитие народного образования в Коми АССР / Я.Н. Безносиков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. – С. 114.
 9. История Коми с древнейших времен до конца XX века / под.общ.ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – Т. 2. – С. 490, 573.
 10. Гагиева, А.К. Исторический опыт и проблемы кооперативного образования России в 20 – 90-е годы XX века (на материалах Республики Коми) / А.К. Гагиева. – Саратов: Изд-во ФГОУ ВПО Саратовский ГАУ, 2004. – С. 80.
 11. Мацук, А.М. Эволюция форм статистической отчетности средних специальных учебных заведений РСФСР в 1950-х годах (1951/52 – 1959/60 учебные годы) / А.М. Мацук // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2020. – № 4 (52). – С. 24 – 52.
 12. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 37 об.
 13. Коми АССР за 50 лет. Статистический сборник / Сост.: Г.А. Братенков, Л.С. Брехова, Р.И. Жалкова и др. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. – С. 13.
- **References**
1. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi [National Archive of the Republic of Komi] (NARK). F. P-140. Op. 2. D. 4251. P. 21, 23, 24, 26, 29, 31, 33, 34, 36, 37, 39, 41, 43, 44, 75.
 2. Matsuk, A.M. Srednee spetsial'noe pedagogicheskoe obrazovanie v Komi ASSR v seredine 1950-kh – nachale 1960-kh godov (k voprosu o rezul'tativnosti reformy obrazovaniia N.S. Khrushcheva v SSSR) [Specialized secondary pedagogical education in the Komi ASSR in the mid-1950s – early 1960s (on the problem of the effectiveness of N.S. Khrushchev's education reform in the USSR)] / A.M. Matsuk // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series "History and Philology". – 2021. – № 4(50). – P. 79 – 87.
 3. Matsuk, A.M. Reformirovanie sistemy srednego spetsial'nogo obrazovaniia v RSFSR v seredine 1950-kh godov: prichiny i posledstviia [Reforming the specialized secondary-education system in the RSFSR in the mid-1950s: causes and consequences] / A.M. Matsuk // Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii [Historical and cultural problems of northern countries and regions]. – 2019. – № 3(47). – P. 29 – 63.
 4. NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5209. P. 12, 13, 15, 19, 23, 27, 28, 30–33, 51, 53, 54, 56 – 58.
 5. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (byv. TsGANKh SSSR) [Russian State Archive of Economics (former Central State Archive of National Economy of the USSR; further - RGAE RF). F. 1562. Op. 336. D.D. 966-1001 (Natsional'nyi sostav naseleniia po SSSR, respublikam, oblastiam, raionam [National composition of the population in the USSR, republics, regions, districts]), D.D. 256-427 (Table 26 Natsional'nyi sostav naseleniia raionov, raionnykh tsentrov, gorodov i krupnykh sel'skikh naselennykh punktov [Ethnic composition of the population of regions, regional centers, cities and large rural settlements]).
 6. RGAE RF. F. 1562. Op. 336. Storage unit 1566a-1566d (Table 3,4 Raspredelenie naseleniia po natsional'nosti i rodnomu iazyku [Distribution of the population by nationality and native language]).
 7. Beznosikov, Ya.N. Kul'turnaia revoliutsiia v Komi ASSR [Cultural revolution in the Komi ASSR]. / Ya.N. Beznosikov. – Moscow: Nauka Publ., 1968. – P. 212.
 8. Beznosikov Ya.N. Razvitie narodnogo obrazovaniia v Komi ASSR [The development of public education in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1973. – P. 114.
 9. Istoriia Komi s drevneishikh vremen do kontsa XX veka [The history of Komi from ancient times to the end of the XXth century]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 2004. – Vol. 2. – P. 490, 573.
 10. Gagieva, A.K. Istoricheskii opyt i problemy kooperativnogo obrazovaniia Rossii v 20-90-e gody XX veka» (na materialakh Respubliki Komi) [Historical experience and the problems of cooperative education in Russia in the 1920-1990s of the XX century (based on the materials of the Komi Republic)] / A.K. Gagieva. – Saratov: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Agrarian University Publ., 2004. – P. 80.
 11. Matsuk, A.M. Evoliutsiia form statisticheskoi otchetnosti srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedenii RSFSR v 1950-kh godakh (1951/52–1959/60 uchebnye gody) [Evolution of forms of statistical reporting of specialized secondary-education institutions of the RSFSR in the 1950s (1951/52 – 1959/60 academic years)] / A.M. Matsuk // Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territorii [Historical and cultural problems of northern countries and regions]. – 2020. – № 4 (52). – P. 24 – 52.
 12. NARK. F. P-140. Op. 2. D. 4251. P. 37 об.
 13. Komi ASSR za 50 let. Statisticheskii sbornik [Komi ASSR for 50 years. Statistical collection] / – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1971. P. 13.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022
The Editorial Office received the paper on 18.01.2022

Г.С. ИЛЬСОВА, Т.С. САДЫКОВ

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЕ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан, г. Нур-Султан
gauhartas81@mail.ru

G.S. ILYASOVA, T.S. SADYKOV

CHANGES IN THE AGE STRUCTURE OF THE NORTHERN REGION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan

Аннотация

В статье рассматриваются изменения в возрастной структуре северного региона Республики Казахстан, приведшие к увеличению доли населения в возрасте 60 лет и старше. В современной исторической науке роль анализа демографических процессов, имеющих место в обществе, переоценить сложно, поскольку демографические данные определяют государственную политику и экономические расчеты при осуществлении реформ. Использование материалов национальных переписей, текущих статистических данных в исследовании позволило более точно оценить удельный вес людей в возрасте 60 лет и старше, определив уровень старости населения в регионе. Нужно отметить, что республика в целом находится только в преддверии старения населения, имея низкую долю лиц в возрасте 60 лет и старше. Однако в некоторых регионах наблюдается риск демографического старения.

Ключевые слова:

современная история Республики Казахстан, демографические процессы, демографическое старение, старение населения, демографическая ситуация, взрослое население, молодое население, возрастная структура населения

Abstract

The paper discusses the changes in the age structure of the northern region of the Republic of Kazakhstan, which have led to an increase in the proportion of population aged 60 years and older. Demographic aging is a global problem of modern society, regardless of the level of development. The aging of the population is a complex phenomenon that has important consequences for all spheres of State activity. In modern historical science it is difficult to overestimate the role of the analysis of demographic processes taking place in society, since demographic data determine state policy and economic calculations in the implementation of reforms. The use of materials from national censuses and current statistical data in the study made it possible to more accurately estimate the proportion of people 60 years and older, determining the level of old age population in the region. It should be noted that the republic as a whole is only on the threshold of population aging, having a low proportion of people 60 years and older. However, there are regions where there is a risk of demographic aging. Besides, in a traditional society, the respectful attitude of all segments of society to the elderly people is historically conditioned, they show, by their example and valuable experience, that they are worthy to continue their professional activities even after official retirement with good health.

Keywords:

modern history of Kazakhstan, demographic processes, demographic aging, population aging, demographic situation, adult population, young population, age structure of the population

• Введение

Возрастная структура населения представляет собой основную характеристику страны. К одному из негативных последствий изменения возрастной структуры населения страны относится старение населения, влияющее на социально-экономические, политические и культурные аспекты развития государства. На данный момент быстрое старение населения – глобальное явление, отражающееся на жизни каждого человека. Старение населения достаточно актуально для современного мира и имеет место во многих странах с различным уровнем развития, поэтому общество должно быть готово к трансформации возрастной структуры населения, включая деятельность социальных институтов.

В историко-демографической литературе используются два термина – «старение населения», «демографическое старение». Два специфических термина рассматриваются как синонимы и в демографической энциклопедии определяются как «увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения» [1, с. 244]. Согласно шкале, разработанной Ж. Боже-Гарнье и дополненной Э. Россет, население считается молодым, если доля людей в возрасте 60 лет и старше составляет менее 8 % от всего населения. Если их доля насчитывает 8 – 12 %, то население находится в «преддверии старости»; если доля людей в возрасте старше 60 лет в обществе насчитывает более 12 %, то, известно, что общество стареет, и при достижении 18 % и более наблюдается очень высокий уровень старости населения.

Старение населения представляет собой сложное явление, которое имеет важные последствия: в экономике страны – для экономического роста, рынка труда, определения трудовых ресурсов, пенсий, налоговых сборов, сбережений в экономическом развитии; в социальной сфере – оказывает влияние на размер семьи, условия жизни, оказание медицинских услуг, миграцию; в политической – на развитие политической системы государства в целом.

Изучение вопроса старения общества в исторической ретроспективе представляет большую актуальность. По данным ООН, для XXI в. характерно быстрое старение населения. Этот процесс стал одним из доминирующих тенденций нового века. Учитывая важность процесса демографического старения, принявшего глобальный характер, 14 декабря 1990 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в соответствии с пунктом 15 которой 1 октября был объявлен Международным днем пожилых людей [2]. Генеральный секретарь ООН назвал процесс старения населения «тихой революцией» [1, с. 244]. Принятие данного пункта резолюции было закономерным шагом, поскольку процесс старения населения не прекращается ни в одной стране мире, а, наоборот, с каждым годом возрастает. Категория старости стала по-

казателем уважительного отношения общества к пожилому человеку, отражением воспитанности молодого поколения. Необходимо понимать, что демографическое старение является результатом не столько увеличения продолжительности жизни, («удлинения продолжительности жизни»), сколько «обоснованного или необоснованного отказа от рождения детей» [3, с. 78].

В исследовании осуществляется анализ возрастной структуры населения как одного из важных элементов демографического процесса в северном регионе Республики Казахстан. Северный регион республики охватывает Акмолинскую, Костанайскую, Павлодарскую и Северо-Казахстанскую области. Территория республики населена неравномерно. Численность населения Северного Казахстана составляет 15,3 % от общей численности населения. При этом доля лиц пенсионного возраста занимает 21,9 % от численности всех пенсионеров республики. Это связано с низкой численностью населения в регионе. Более того, по состоянию на начало 2021 г., самой малочисленной областью в республике является Северо-Казахстанская, на территории которой проживает 2,9 % людей от общей численности населения республики. Нужно отметить, что Республика Казахстан в целом, по данным на начало 2021 г., находится в преддверии старости по шкале Ж. Боже-Гарнье и Э. Россет, имея 11 % населения в возрасте 60 лет и старше относительно всего населения страны при 30,7 % населения в возрастной категории от 0 до 15 лет.

• Материалы и методы

Для достижения цели и задач исследования в основу методологии исследования легли общенаучные принципы, принципы историзма, единства общечеловеческих и национальных ценностей, объективности, методы системности, целостности, единства исторического и логического, компаративистский подход, общенаучные методы.

Так же в работе применялись количественные и качественные методы исследования, позволяющие определить уровень демографического старения северного региона Республики Казахстан. Количественные методы использовались при осуществлении анализа статистических данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Источниковедческая база представлена результатами переписей населения, проведенных в 1959, 1970, 1979, 1989, 1999, 2009 гг., текущими статистическими данными по рождаемости, смертности, структуре населения по возрасту за период с 1959 по 2021 г.; документами, связанными с демографической политикой в стране, улучшением качества жизни старшего поколения и со Стратегией и программами развития государства, региона.

При осуществлении исследования значительное место отведено теоретическим трудам, дающим целостное представление по проблеме демографического старения. В ряду важных научных умозаключений основополагающее место занимают теории «демографической революции» или демографического перехода А. Ландри [4], американского демографа У. Томпсона; исследования по продолжительности человече-

ской жизни Э. Роскета [5]; по проблемам старения населения А. Сиви [3]; теория снижения смертности как ключевого механизма демографической революции А. Омрана [6], работы А.Г. Вишневого [7]. Среди казахстанских исследований, внесших вклад в изучение формирования населения Казахстана в период независимости, необходимо отметить труды М.К. Козыбаева [8], М.Х. Асылбекова, В.В. Козиной [9], А.Н. Алексеенко [10], М.А. Акшалава, М.Б. Татилова [11], А.Б. Галиева [12] и др.

• Результаты и обсуждение

Социально-экономическое развитие Республики Казахстан характеризуется интеграцией в мировую экономику, увеличением миграционных и информационных потоков, развитием и внедрением в производство новых технологий, что, в свою очередь, вызвало значительные изменения в демографической ситуации в стране, которые проявились в установлении тенденции старения населения. Изменения возрастной структуры населения в результате особенностей демографического развития приводят к социальным, экономическим последствиям для всей страны в целом. Следует отметить, что часто последствия изменения возрастной структуры населения рассматриваются поверхностно, сводятся только к вопросам, связанным со старением населения. Но они имеют гораздо более широкий спектр и охватывают все возрастные группы, накладывая свой отпечаток на многие социальные процессы.

Изменения в возрастной структуре населения влекут за собой перемены в общей структуре социальных потребностей и организации деятельности социальных институтов. Например, сокращение численности и доли детей в структуре населения приводит к уменьшению количества мест в дошкольных и школьных образовательных учреждениях, соответственно, к сокращению, например, числа воспитателей в дошкольных учреждениях, учителей в школах; увеличение доли людей в возрасте 60 лет и старше предполагает повышение нагрузки на объекты здравоохранения. Также изменения происходят и в других сферах человеческой жизни: личной, семейной, профессиональной, экономической, политической, культурной и т.д.

Анализ статистического материала показывает, что в настоящее время демографический переход в Республике Казахстан имеет некоторые специфические особенности вследствие негативных изменений в уровнях смертности и рождаемости, миграционных потоков в 90-е гг. XX в. Особенности способствуют увеличению темпов демографического старения. Структура населения по возрасту определенно изменилась. Если рассматривать в процентном соотношении доли лиц в возрасте 60 лет и старше и детей в возрасте от 0 до 14 лет на протяжении 60 лет – с 1959 по 2019 г., то можно говорить о том, что снижение рождаемости присутствует в период обретения независимости – в основном в 90-е гг. XX в. Так, пик численности населения в республике и северных областях Казахстана приходится на 1989 г., когда численность населения северного региона составляла 25,5 % от общей численности населения. Основываясь на официальных данных по состоянию на начало

2021 г., численность населения Северного Казахстана составила 15,3 % от общей численности населения, что на 70 % меньше численности населения региона по состоянию на 1989 г.

По результатам анализа статистических данных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. отмечаются повышение рождаемости населения, увеличение доли жителей в возрасте от 0 до 14 лет, а также лиц в возрасте 60 лет и старше. При незначительном росте численности населения по республике увеличение доли молодых людей в возрасте 0 – 14 лет и жителей в возрасте 60 лет и старше свидетельствует о снижении численности трудоспособного населения жителей в возрасте 16 – 59 лет, играющих основную роль в социально-экономическом и демографическом развитии государства [13, с. 7].

В 90-е гг. XX в. в северном регионе республики наблюдалась тенденция роста численности населения старше трудоспособного возраста с 6,7 % в 1959 г. до 16 % в 2009 г. в среднем [14, с. 26]. М.Х. Асылбековым, В.В. Козиной, по состоянию на 2009 г., были отмечены повышенные численности городского населения в Северо-Казахстанской области, рост удельного веса горожан в Павлодарской области [15, с. 43 – 44]. Интенсификацию процесса урбанизации в период независимости отмечал и М.К. Козыбаев [16, с. 253].

При рассмотрении возрастной структуры региона отдельно по областям наблюдается следующая картина: высокая доля лиц в возрасте 60 лет и старше по состоянию на начало 2021 г. отмечается в Северо-Казахстанской области (18 %); средний уровень старения населения указывается в Костанайской (16,3 %), Павлодарской (14,9), Акмолинской (14,3 %) областях. Нужно сказать, что за последние три года фиксируется незначительное снижение доли граждан в возрасте 60 лет и старше за счет повышения доли молодого населения в возрасте от 0 до 14 лет. Доля жителей в возрасте 60 лет и старше в разрезе четырех областей северного региона республики с 1959 по 2021 гг. представлена в диаграмме на рисунке.

В количественном выражении численность лиц в возрасте 60 лет и старше возросла в 2,5 раза, со 178,7 тыс. чел. в 1959 г. до 456,1 тыс. чел. в 2021 г. при увеличении населения с 1959 по 2021 г. и в 2,1 раза при повышении рождаемости и миграционном оттоке населения [11, с. 7]. Необходимо учитывать, что на протяжении последних 11 – 12 лет (с последней Национальной переписи населения в 2009 г.) наблюдается тенденция к увеличению доли молодежи в возрасте от 0 до 14 лет в возрастной структуре населения региона:

- по Акмолинской области: с 21,8 % по состоянию на 2009 г. до 25,3 % – на начало 2020 г., 25,8 % – на начало 2021 г. [14, с. 26];

- по Костанайской области: с 18,7 % по состоянию на 2009 г. до 21,5 % – на начало 2020 – 2021 г. [там же, с. 120];

- по Павлодарской области: с 19,2 % по состоянию на 2009 г. до 24,2 % – на начало 2020 г., 24,5 % – на начало 2021 г. [там же, с. 174];

- по Северо-Казахстанской области: с 19,1 % по состоянию на 2009 г. до 22,2 % – на начало 2020 г., 22,3 % – на начало 2021 г. [там же, с. 188].

По итогам Национальной переписи населения 2009 г. и текущих статистических данных наблюдается рост численности молодого насе-

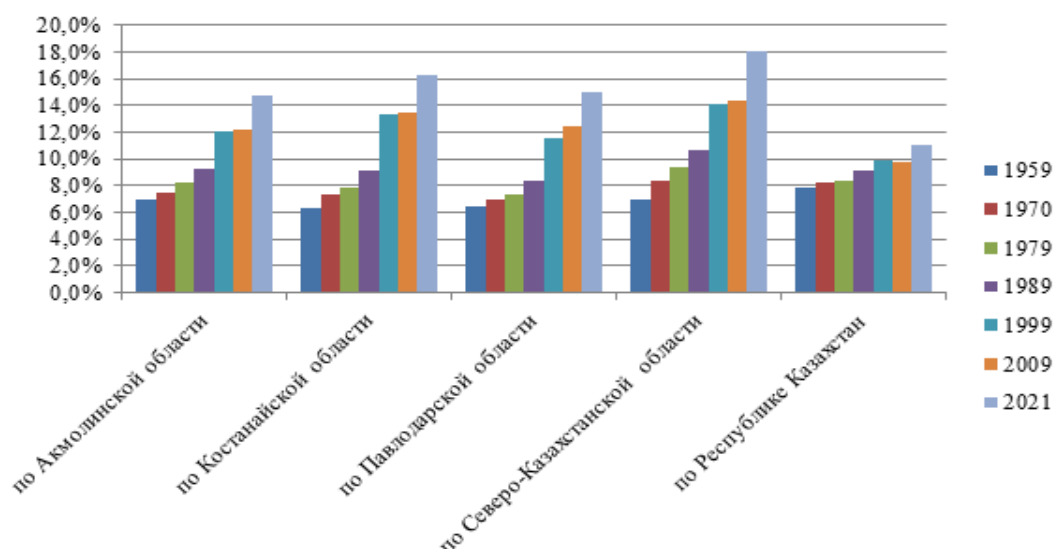

Рисунок. Доля лиц в возрасте 60 лет и старше от общей численности населения северного региона Республики Казахстан, %.

Fig. The share of persons aged 60 years and older from the total population of the northern region the Republic of Kazakhstan, %.

Источник: данные взяты с официального сайта Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/5>.
 Source: data taken from the official website of the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. – URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/5>.

ния в возрасте от 0 до 14 лет с преобладанием доли молодого поколения над долевой частью лиц в возрасте 60 лет и старше. Среди лиц в возрасте 60 лет и старше преобладают женщины. Это связано как с более высокой смертностью мужчин в трудоспособном возрасте, так и с более высоким пенсионным возрастом.

М.Х. Асылбеков и В.В. Козина отметили увеличение среднего арифметического возраста казахстанцев: в 1989 г. он составлял в целом 28,5 лет, в 1999 г. – 30,3, в 2006 г. – 31,6 лет [15, с. 42].

Увеличение доли граждан старше трудоспособного возраста в конце 90-х гг. XX – начале XXI вв. связано с тем, что, во-первых, в пенсионный возраст стали вступать люди, рожденные в период демографического бума 50-х гг. XX в.; во-вторых, в результате миграционного потока граждан трудоспособного и молодого возрастов на историческую родину в 90-е гг. XX в. уменьшились численность в большей части трудоспособного населения, а также и доля молодого и трудоспособного возрастов населения; в-третьих, увеличилась продолжительность жизни. Рост продолжительности жизни показывает уровень развития государства, качество жизни, отношение общества к пожилому человеку.

Вследствие изменений доли возрастных групп в возрастной структуре населения историческое и социальное восприятие возрастных границ основных жизненных циклов человека сместилось вперед на несколько лет. В республике в течение многих десятилетий пенсионный возраст, предусматривающий право на получение ежемесячных денежных выплат, компенсировавших утрату доходов в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие достижения пожилого возраста, составлял 58 лет для женщин и 63 года для мужчин. В результате осуществления модернизации пенсионной системы наблюдается поэтапное повышение

пенсионного возраста женщин до 63 лет, которое будет осуществляться в течение 10 лет с 1 января 2018 г. по шесть месяцев ежегодно. При этом пенсионный возраст мужчин не изменился – мужчины выходят на пенсию по достижению 63 лет.

В традиционном обществе старшее поколение всегда глубоко уважали и почитали. Их называли аксакалами (старцы), мудрецами. Аксакалы, имея большой жизненный опыт, знания, в кочевом обществе занимали почетное место. При осуществлении сезонных кочевок именно старшее поколение стояло во главе рода, направляя аул по верному маршруту: им были известны пути кочевания, маршруты, замаскированные в степи колодцы.

Отношение к старшему поколению не изменилось и в настоящее время: Республика Казахстан проводит социально ориентированную политику, основанную на принципах равных возможностей для всех граждан, гарантированного государством минимально необходимого уровня предоставления социальных услуг, адресности при оказании социальной помощи, ответственности государства, общества для улучшения качества жизни, взаимосвязи экономического роста и социального развития [17, с. 3 – 4]. Указанные принципы определяют решения, принимаемые Правительством и иными органами власти страны по проблемам старения населения. В связи с этим в республике принят ряд важных документов и утверждены государственные программы по улучшению качества жизни пожилого населения. Среди них нужно отметить следующие документы: «Стратегия "Казахстан – 2050": новый политический курс состоявшегося государства» [18]; Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Денсаулық» на 2016 – 2019 гг., утвержденная Указом Президента Республики

Казахстан от 15 января 2016 г. № 176; Государственная программа развития здравоохранения Республики Казахстан «Саламатты Қазақстан» на 2011 – 2015 гг., утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 29 ноября 2010 г. № 1113; Концепция дальнейшей модернизации пенсионной системы Республики Казахстан до 2030 г., утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 18 июня 2014 г. № 841; Концепция социального развития Республики Казахстан до 2030 г., утвержденная Постановлением Правительства Республики Казахстан от 24 апреля 2014 г. № 396; План мероприятий по обеспечению прав и улучшению качества жизни инвалидов в Республике Казахстан на 2012 – 2018 гг.; Общенациональный план мероприятий по укреплению семейных отношений, морально-этических и духовно-нравственных ценностей в Республике Казахстан на 2015 – 2020 гг. и другие законодательные документы.

Так, в 2012 г. в Послании Президента Республики Казахстан, лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия “Казахстан – 2050”: новый политический курс состоявшегося государства» отмечен демографический дисбаланс как «вызов» человечеству, требующий решения вопроса в рамках создания «Общества Всеобщего Труда», предполагающего, что «безработные не будут просто получателями пособий, а будут осваивать новые профессии, ... люди с ограниченными возможностями смогут активно заниматься созидательной деятельностью, а корпорации и компании – создавать им достойные условия для труда» [18]. В «Концепции социального развития Республики Казахстан до 2030 г.», утвержденной Правительством РК 24 апреля 2014 г., в качестве одной из приоритетных сфер государственной социальной политики определено улучшение качества жизни пожилых людей [19].

Основные положения государственной политики в отношении пожилых людей юридически закреплены в Конституции Республики Казахстан, кодексах Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения», «О браке (супружестве) и семье», Трудовом кодексе Республики Казахстан, законах Республики Казахстан «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан», «О государственных социальных пособиях по инвалидности, по случаю потери кормильца и по возрасту в Республике Казахстан», «О специальном государственном пособии в Республике Казахстан», «О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан», «О специальных социальных услугах», «О занятости населения», «О льготах и социальной защите участников, инвалидов Великой Отечественной войны и лиц, приравненных к ним», «Об общественных объединениях» и др.

Нужно отметить, что проводимая государством демографическая политика позволяет регулировать демографическую ситуацию в регионе и поддерживать благоприятную возрастную структуру населения. В соответствии с Государственной программой «Серпін» с 2014 г. на конкурсной основе обладателями государственных образовательных грантов по образовательным программам педагогического и инженерного направлений подготовки с целью обучения в высших и средних специальных учебных заведениях северных областей

республики становились выпускники средних школ, молодежь из густонаселенных областей Южного и Западного Казахстана с дальнейшим трудоустройством в регионе. Помимо программы по предоставлению государственных образовательных грантов для студентов, в демографической политике государства важное место занимают переселенческая политика семей трудоспособного возраста из густонаселенных южных областей, а также политика по переселению кандасов (оралманов – этнических казахов-репатриантов, переселяющихся в республику из соседних стран). Нужно отметить, что при высших учебных заведениях для социальной реабилитации и подготовки к сдаче Единого национального тестирования для поступления были организованы подготовительные отделения, которые со временем в некоторых университетах реорганизовывали в факультеты Foundation.

• Заключение

Социально-экономическое развитие любого государства в решающей степени определяется количеством и качеством человеческих ресурсов. Процесс старения населения северного региона республики происходит территориально неравномерно. Большая доля лиц в возрасте 60 лет и старше наблюдается в Северо-Казахстанской области. Особенностью демографической ситуации в северных областях страны является устойчивая тенденция к увеличению доли молодежи в возрасте от 0 до 14 лет. Более того, старение населения – это в основном процесс, характерный для женщин, происходящий из-за высокой смертности мужчин трудоспособного возраста.

Есть достаточно оснований предполагать, что в ближайшие несколько лет люди, достигшие пенсионного возраста, будут профессионально более активны, чем в предыдущие годы. Это связано, во-первых, с опытом, накопленным в течение жизни; во-вторых, люди пожилого возраста имеют возможность оказывать влияние на общественно-политическую жизнь общества (в данном случае наглядным примером является Совет ветеранов – при областных, городских исполнительных органах, образовательных учреждениях региона, промышленных центрах). Также необходимо сказать о роли лиц пожилого возраста в семьях.

Нужно отметить, что посредством технологического, экономического и культурного развития, реализации демографической политики и государственных программ в регионе произошли положительные изменения во многих сферах: повышение уровня и качества жизни, а также расширение доступа к медицинским услугам, улучшение здоровья населения и, как следствие, увеличение продолжительности жизни, рождаемости, расширение возможности получения высшего образования, трудоустройства молодежи.

• Литература

1. Демографическая энциклопедия / под ред. А.А. Ткаченко. – Москва: ООО «Издательство “Энциклопедия”», 2013. – 944 с.
2. Резолюция 45 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/45/106>.

3. Сови, А. Общая теория населения. Т. 2. Жизнь населений / А. Сови; пер. с фр. Ф.Р. Окуневой. – Москва: «Прогресс», 1977. – 519 с.
 4. Ландри, А. Демографическая революция. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/nauka_02.php.
 5. Россет, Э. Процесс старения населения / Э. Россет. – Москва: Статистика, 1968. – 508 с.
 6. Омран, А. Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя / А. Омран // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 177 – 216.
 7. Вишневский, А.Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее / А.Г. Вишневский. – Москва: Финансы и статистика, 1982.
 8. Козыбаев, М.К. Формирование населения Республики Казахстан (1897 – 1996) / М.К. Козыбаев // Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). – Алматы: Гылым, 2006. – С. 241 – 256.
 9. Асылбеков, М.Х. Демографические процессы современного Казахстана / М.Х. Асылбеков, В.В. Козина. – Алматы, 1995; Асылбеков, М.Х. Народонаселение Казахстана в условиях суверенитета / М.Х. Асылбеков, В.В. Козина. – Алматы: Тарих тағылымы, 2009. – 152 с.
 10. Алексеенко, А.Н. Население Казахстана. 1920 – 1990 гг. / А.Н. Алексеенко. – Алма-Ата, 1993.
 11. Акшалов, М.А. Формирование самостоятельной демографической политики Республики Казахстан / М.А. Акшалов, М.Б. Татимов. – Алматы, 1997. – 113 с.
 12. Асылбеков, М.Х. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917 – 1980 гг.) / М.Х. Асылбеков, А.Б. Галиев. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 192 с.
 13. Население Республики Казахстан по полу и возрасту // Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: статистический сборник / под ред. А. Смаилова. – Алматы, 2000. – 184 с.
 14. Население Республики Казахстан // Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года: статистический сборник / под ред. А. Смаилова. Т. 2. – Астана, 2011. – 226 с.
 15. Асылбеков, М.Х. Народонаселение Казахстана в условиях суверенитета / М.Х. Асылбеков, В.В. Козина. – Алматы: Тарих тағылымы, 2009. – 152 с.
 16. Козыбаев, М.К. Формирование населения Республики Казахстан (1897 – 1996) / М.К. Козыбаев // Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). – Алматы: Гылым, 2006. – 272 с.
 17. Отчет о выполнении региональной стратегии осуществления Мадридского Международного плана действий по проблемам старения в Республике Казахстан. – Астана, 2016. – 43 с.
 18. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 г. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>.
 19. Концепция социального развития Республики Казахстан до 2030 г. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000396>.
- **References**
1. Demograficheskaja enciklopedija [Demographic Encyclopedia] / Ed. A.A. Tkachenko. – Moscow: Encyclopedia Publ., 2013. – 944 p.
 2. Rezolucija 45 sessii General'noj Assamblei OON [Resolution 45 of the UN General Assembly session]. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/45/106>.
 3. Sovi, A. Obshhaja teorija naselenija. T 2. Zhizn' naselenij [General theory of the population. Vol 2. The life of populations] / A. Sovi. – Moscow: Progress, 1977. – 519 p.
 4. Landri, A. Demograficheskaja revoljucija [Demographic revolution] / A. Landri. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/nauka02.php>.
 5. Rosset, E. Process starenija naselenija [The aging process of the population] / E. Rosset. – Moscow: Statistika, 1968. – 508 p.
 6. Omran, A. Teorija jepidemiologicheskogo perehoda: vzglyad 30 let spustja [The theory of epidemiological transition: point of view 30 years later] / A. Omran // Demographic review. – 2019. – Vol. 6. – № 1. – P. 177–216.
 7. Vishnevsky, A.G. Vosproizvodstvo naselenija i obshhestvo: istorija, sovremennost', vzglyad v budushhee [Reproduction of the population and society: history, modernity, view of the future] / A.G. Vishnevsky. – Moscow: Finance and Statistics, 1982.
 8. Kozybaev, M.K. Formirovanie naselenija Respubliki Kazahstan(1897-1996) [Formation of the population of the Republic of Kazakhstan (1897-1996)] / M.K. Kozybayev // Kozybaev, M.K. Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazakhstana [Problems of methodology, historiography and source studies of the history of Kazakhstan] (Selected works). – Almaty: Gylm, 2006. – P. 241 – 256.
 9. Asylbekov, M.Kh. Demograficheskie processy sovremennogo Kazahstana [Demographic processes of modern Kazakhstan] / M.Kh. Asylbekov, V.V. Kozina - Almaty, 1995; Asylbekov, M.Kh. Narodonaselenie Kazahstana v uslovijah suvereniteta [Population of Kazakhstan in conditions of sovereignty] / M.Kh. Asylbekov, V.V. Kozina. – Almaty: Tarikh tagylymy, 2009. – 152 p.
 10. Alekseenko, A.N. Naselenie Kazahstana. 1920–1990 gg. [Population of Kazakhstan. 1920 – 1990] / A.N. Alekseenko. – Alma-Ata, 1993.
 11. Akshalov M.A. Formirovanie samostojatel'noj demograficheskoy politiki Respubliki Kazahstan [Formation of an independent demographic policy of the Republic of Kazakhstan] / M.A. Akshalov, M.B. Tatimov. – Almaty, 1997. – 113 p.
 12. Asylbekov, M.Kh. Social'no-demograficheskie processy v Kazahstane (1917-1980 gg.) [Socio-demographic processes in Kazakhstan] / M.Kh. Asylbekov, A.B. Galiev. – Alma-Ata: Gylm, 1992. – 192 p.
 13. Naselenie Respubliki Kazahstan po polu i vozrastu / Itogi perepisi naselenija 1999 goda v Respublike Kazahstan. Statisticheskij sbornik [Population of the Republic of Kazakhstan by gender and age / Results of the 1999 popula-

- tion census in the Republic of Kazakhstan. Statistical collection] / Ed. A. Smailov. – Almaty, 2000. – 184 p.
14. Naselenie Respubliki Kazahstan // Itogi Nacional'noj perepisi naselenija Respubliki Kazahstan 2009 goda. Statisticheskij sbornik [Population of the Republic of Kazakhstan // Results of the National Population Census of the Republic of Kazakhstan in 2009. Statistical collection] / Ed. A.Smailov. Vol 2. – Astana, 2011. – 226 p.
 15. Asylbekov, M.Kh. Narodonaselenie Kazahstana v uslovijah suvereniteta [Population of Kazakhstan in conditions of sovereignty] / M.Kh. Asylbekov, V.V. Kozina. – Almaty: Tarih tagylymy, 2009. – 152 p.
 16. Kozybaev, M.K. Formirovanie naselenija Respubliki Kazahstan (1897 – 1996) [Formation of the population of the Republic of Kazakhstan (1897 – 1996)] / M.K. Kozybaev // Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedenija istorii Kazahstana (Izbrannye trudy) [Problems of methodology, historiography and source studies of the history of Kazakhstan (Selected works)]. – Almaty: Gylim, 2006. – 272 p.
 17. Otchet o vypolnenii regional'noj strategii osushhestvlenija Madridskogo Mezhdunarodnogo plana dejstvij po problemam starenija v Respublike Kazahstan [Report on the implementation of the regional strategy for the implementation of the Madrid International Plan of Actions on Ageing in the Republic of Kazakhstan]. – Astana, 2016. – 43 p.
 18. Strategija «Kazahstan-2050»: novyj politicheskij kurs sostojavshegosja gosudarstva. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan - Lidera Nacii N.A. Nazarbaeva narodu Kazahstana, g. Astana, 14 dekabrja 2012 goda [Strategy «Kazakhstan-2050»: a new political course of the established state. Message of the President of the Republic of Kazakhstan - Leader of the Nation N.A. Nazarbaev to the people of Kazakhstan, Astana, December 14, 2012] – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>
 19. Konceptcija social'nogo razvitija Respubliki Kazahstan do 2030 goda [The concept of social development of the Republic of Kazakhstan until 2030] – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000396>.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022
The Editorial Office received the paper on 07.02.2022

М.П. РОЩЕВСКИЙ *, **Л.П. РОЩЕВСКАЯ ****

**АКАДЕМИК В.Н. ОБРАЗЦОВ —
ДИРЕКТОР ПЕРВОЙ БАЗЫ
АН СССР, СОЗДАННОЙ
В АВТОНОМНЫХ
РЕСПУБЛИКАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

* Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

** ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

отдел гуманитарных междисциплинарных
исследований,

г. Сыктывкар

roshmp@mail.ru

lp38rosh@gmail.com

M.P. ROSHCHEVSKY *, **L.P. ROSHCHEVSKAYA ****

**ACADEMICIAN
V.N.OBRATZSOV — DIRECTOR
OF THE FIRST BASE OF THE
USSR ACADEMY OF SCIENCES,
ESTABLISHED IN THE
AUTONOMOUS REPUBLICS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

* Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

** Department of Interdisciplinary Humanities
Research, Federal Research Centre Komi Science
Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

В преддверии 300-летия Российской академии наук показаны важнейшие события в истории Научно-исследовательской базы АН СССР в Коми АССР, дана оценка деятельности директора базы академика В.Н. Образцова в 1944 – 1948 гг. Исследование проведено по сохранным в архивах документам, воспоминаниям, фотографиям и публикациям периодической печати в Коми АССР. База АН СССР в Коми АССР возникла первой среди автономных республик Российской Федерации. По словам академика В.Н. Образцова, ее опыт должен был облегчить развитие новых академических учреждений на всей территории СССР. Объективно в эти годы авторитет академической базы в жизни Коми АССР существенно возрос.

Ключевые слова:

База Академии наук СССР в Коми АССР, академик В.Н. Образцов, академик К.И. Скрябин, личность ученого, фотодокументы

Abstract

On the eve of the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences, the most important events in the history of the Research Base of the USSR Academy of Sciences in the Komi ASSR are shown, the activities of the Director of the Base, Academician V.N. Obratstov in 1944 – 1948 are evaluated. The study was carried out on documents, memoirs, photographs, and periodical publications preserved in archives in the Komi ASSR. The Base of the USSR Academy of Sciences in the Komi ASSR was the first among the autonomous republics of the Russian Federation. According to Academician V.N. Obratstov, its experience was supposed to facilitate the development of new academic institutions throughout the USSR. Objectively, during these years, the authority of the academic Base in the life of the Komi ASSR was significantly increased.

Keywords:

Base of the USSR Academy of Sciences in the Komi ASSR, Academician V.N. Obratstov, Academician K.I. Scryabin, the personality of a scientist, photo documents

Отечественная и мировая наука приближаются к 300-летию Российской академии наук в 2024 г. Предшествующая история Коми научного центра Уральского отделения РАН оказалась тесно связана с началом Великой Отечественной войны. На основе вынужденно эвакуированных академических учреждений из городов Кировска Мурманской области и Архангельска 30 сентября 1941 г. была создана База АН СССР по изучению Севера в г. Сыктывкаре во главе с академиком А.Е. Ферсманом (9 октября 1941 г. – июнь 1944 г.).

В июне 1944 г. в связи с эвакуацией части сотрудников на прежние места работы базу преобразовали в Базу АН СССР в Коми АССР, директором которой в 1944 – 1948 гг. был академик В.Н. Образцов. Важно оценить вклад ученых в восстановление экономики страны после Великой Отечественной войны.

Владимир Николаевич Образцов (6 [18] июня 1874 г. – 28 ноября 1949 г.) еще до революции 1917 г. приобрел авторитет крупного специалиста в области проектирования и работы железнодорожных станций, так как участвовал в строительстве Московско-Курской и Московско-Ярославской железных дорог, реконструкции железной дороги до Архангельска. Владимир Николаевич стал Заслуженным деятелем науки и техники РСФСР (1935 г.), избран академиком АН СССР (1939 г.), дважды лауреатом Сталинской премии (1942, 1943 гг.), был членом технического совета Днепростроя, участвовал в работах по проектированию «Уралмашзавода», являлся членом Госплана СССР.

Несмотря на достаточно хорошо изученную биографию ученого, его руководство академическим учреждением в г. Сыктывкаре не было исследовано.

Документы о деятельности академика В.Н. Образцова как директора Базы АН СССР в Коми АССР в тяжелые послевоенные годы сохранились в воспоминаниях, документах, фотографиях и публикациях местной периодической печати. Нами документы просмотрены в Архиве РАН, Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Национальном архиве и Национальном музее Республики Коми.

В Архиве РАН в личном архивном фонде академика В.Н. Образцова (Ф. 656) имеются документы о посещениях Коми АССР в 1945 и в 1946 гг., машинопись доклада «Ближайшие перспективы развития транспорта в СССР» на собрании партактива г. Сыктывкара в 1945 г.; статья «30 лет советской власти в Коми АССР» (1947 г.), поздравление Образцову по случаю 75-летия со дня рождения от Базы Академии наук СССР в Коми АССР и переписка с Советом Министров Коми АССР по научно-организационным вопросам [1. Ф. 656. Оп. 2. Д. 54, 57, 76 а; Оп. 3. Д. 18; Ф. 1659. Оп. 6. Д. 91]. Несколько фотографий в других фондах архива отражают приезд В.Н. Образцова в г. Сыктывкар 19 августа 1946 г. [1. Ф. 1659. Оп. 6. Д. 91].

В Национальном архиве Республики Коми в фондах Совета Министров Коми АССР (Ф. р-605) и Коми обкома ВКП(б) (2-е хранилище, Ф. р-1) имеются докладные записки и отчеты о работе Базы АН СССР в Коми АССР.

В Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН хранятся протоколы заседаний с участием В.Н. Образцова, текст упомянутого доклада на собрании партактива [2. Ф. 2. Оп. 9. Д. 53], стенограмма выступления на заседании Ученого совета Базы и отчет о работе Базы в 1946 г.

Публикации в местной периодической печати связаны с юбилейными торжествами в честь 25-летия Коми АССР и 75-летием В.Н. Образцова. Газета «За новый север» 18 июня 1949 г. опубликовала краткий обзор деятельности академика как исследователя Северной железной дороги и директора Базы.

Фотоснимки о приезде в г. Сыктывкар на 25-летний юбилей Коми АССР имеются в Науч-

ном архиве ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН» и Национальном музее Республики Коми.

Выявленные источники позволяют выделить важнейшие события в истории Базы АН СССР в Коми АССР в период руководства академиком В.Н. Образцовым.

По словам академика К.И. Скрябина, «База эта самостоятельно существовала с 1944 года», т. е. со времени вступления В.Н. Образцова на должность директора [3]. К осени 1946 г. научная база представляла собой коллектив из 96 чел., в том числе пяти докторов и 14 кандидатов наук [2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97а. Л. 45 – 50]. В с. Вильгорт располагался научно-экспериментальный пункт, переданный базе в мае 1946 г. Советом Министров СССР уже при участии Образцова [2. Ф. 1. Оп. 17. Д. 15. Л. 15].

В.Н. Образцов подчеркивал, что научные работы сотрудников имеют «теоретическое и большое прикладное значение». По его настоянию в сентябре 1945 г. Совет филиалов и баз АН СССР рассмотрел возможность увеличения финансирования базы на лабораторное оборудование, приборы, химическую посуду и «особо дефицитные реактивы», стекло для теплиц и дрова. Не менее важным было решение Президиума Академии наук о распространении на научных сотрудников Базы льгот, предусмотренных для работников Крайнего Севера.

Владимир Николаевич отстаивал интересы сыктывкарской базы на распорядительном заседании Президиума АН СССР в апреле 1946 г. В результате Президиум признал необходимым выполнить «заявки на лабораторное оборудование, материалы и экспедиционное снаряжение»; увеличить ассигнования на приобретение мебели и книг для библиотеки; обеспечить средствами и материалами строительство жилого дома и обустройство экспериментального пункта в с. Вильгорт [2. Ф. 1. Оп. 18. Д. 20. Л. 165].

В 1946 г. состоялась комплексная проверка Базы АН СССР в Коми АССР под руководством академика К.И. Скрябина [2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114. Л. 1]. Отметим, что после Печорской бригады АН СССР во главе с Президентом А.П. Карпинским в 1933 г., Сыктывкар впервые в 1945 и 1946 гг. посетили столь крупные научные авторитеты, как академики В.Н. Образцов и К.И. Скрябин.

«15 августа 1946 года, – вспоминал К.И. Скрябин, – я поехал в столицу Коми АССР г. Сыктывкар. Предстояло возглавить комиссию по обследованию базы АН СССР, директором которой был академик Образцов». «Кроме того, меня пригласили на торжество по случаю 25-летия Республики Коми».

Академик К.И. Скрябин добрался до г. Сыктывкара сначала по железной дороге, а затем по р. Вычегде на парохоме. Академик В.Н. Образцов прибыл тем же маршрутом, но позже – к юбилею Коми АССР.

С 20 августа 1946 г., по словам академика К.И. Скрябина, «два дня комиссия осматривала лаборатории базы, а я слушал отчетные доклады почвоведов, геологов, геоботаников и лингвистов» и сотрудников других отделов [2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90, 91, 93, 96].

22 августа Коми АССР торжественно начала отмечать свой 25-летний юбилей. В 11 часов было открыто новое здание выставки достижений Коми АССР.

В ее подготовке участвовало около 3 тыс. чел., в том числе 60 инженеров, 18 художников и ар-

хитекторов, было собрано более 7 тыс. экспонатов, которые разместили в пяти залах. За пять месяцев выставку посетили более 70 тыс. чел.

Выставку открыл заместитель председателя Госплана по Коми АССР Н.И. Трошев. Он слушал лекции В.Н. Образцова, когда учился в Московском институте инженеров транспорта.

В залах показали: «монолиты наиболее распространенных почв республики, оригинальные почвенные карты и сводную почвенную карту южной части Коми АССР [...], схематическую карту участков первоочередного освоения» [2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 2].

На заседании Ученого совета базы академик В.Н. Образцов высказал несколько критических замечаний о работе сотрудников по подготовке выставки. Главным, по его мнению, должны были стать пояснения посетителям целей научной работы и значение ее результатов. Он акцентировал внимание на задачах заселения территории вдоль Северо-Печорской железной дороги и советовал рассказывать посетителям, зачем База проводит почвенные исследования, о возможностях развития сельского хозяйства на юге республики, а в Полярной зоне – лугового земледелия, чтобы обеспечить животноводство местными кормами. Кроме того рекомендовал «усилить связь с местными научно-исследовательскими учреждениями ГУЛАГ НКВД по выполнению наиболее актуальных работ, в первую очередь по биологическому циклу».

В этот же день в 13 часов состоялась юбилейная сессия Верховного Совета Коми АССР. Газета «За новый Север» сообщала, что места в Президиуме заняли «лучшие из лучших достойные сыны и дочери коми народа, прославившие свою республику и мать-Родину боевыми и трудовыми подвигами» лауреаты Сталинских премий М.А. Налимов, В.М. Сенюков, Герои Советского Союза М.Г. Никишин, Г.Ф. Тимушев, В.И. Лобанов и М.А. Бабиков [...], «почетный гость коми народа академик В.Н. Образцов. Бурной овацией встречают его присутствующие. [...] Тепло встретили участники сессии выступившего с приветствием от имени ученых академика В.Н. Образцова».

На следующий день 23 августа в 11 часов на главной площади г. Сыктывкара состоялся митинг трудящихся. Участников митинга приветствовали руководители республики и академики В.Н. Образцов и К.И. Скрябин.

24 августа с утра состоялись физкультурная спортивная и футбольный матч.

Научные результаты деятельности коллектива были продемонстрированы 24 – 25 августа на итоговом заседании Ученого совета Базы АН СССР в Коми АССР, которое одновременно явилось официальным мероприятием в связи с 25-летием республики. В работе Ученого совета участвовали руководители республики, а также выдающиеся ученые Ухтокомбината: главный геолог А.Я. Кремс и главный технолог Водного промысла Ф.М. Торопов, лауреаты Сталинской премии доктор геологических наук В.М. Сенюков и уроженец с. Вильгорт инженер-физик М.А. Налимов.

В работе Ученого совета Базы участвовало более 100 чел. Президент АН СССР академик С.И. Вавилов отметил в телеграфном поздравлении, что коми народ «вырастил кадры национальной интеллигенции». Поступили телеграммы от заместителя председателя Совета

филиалов и баз академика С.Г. Струмилина, академиков В.Н. Сукачева и Д.В. Наливкина, членов-корреспондентов АН СССР С.В. Бахрушина и Л.С. Берга, доктора геологических наук В.А. Варсанофьевой, доктора биологических наук С.В. Герда, кандидатов наук Е.С. Кучиной, Е.Н. Ивановой и др. [2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 98. Л. 37 – 38, 60].

На заседании Ученого совета А.А. Чернов рассказал об итогах геологических исследований в Коми АССР, Н.А. Остроумов – об ихтиологических исследованиях р. Печоры [2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 98. Л. 62]. «На следующий день, – по словам К.И. Скрябина, – продолжались доклады по почвоведению, растительности, водоемам республики, а также по проблемам письменности и литературы руководителей других отделов и лабораторий».

Наибольший интерес вызвало выступление директора Базы академика В.Н. Образцова. Отметив бурный рост республики, Владимир Николаевич подчеркнул, что «наука не всегда поспевает за этим бурным ростом, но с другой стороны, она обязана помогать ему, насколько может, а главное – делать прогноз на дальнейший рост». Академик рассказал, что База АН СССР в Коми АССР является первой в автономных республиках и, значит, ее опыт, переданный в другие регионы, облегчит развитие новых академических учреждений на всей территории СССР. Расширение кадров к 1946 г. произошло за счет местных жителей, составляющих примерно 30 %. «База все же довольно высоко стоит по научной квалификации». Образцов выделил основные направления исследований сотрудников: «проблема изучения и освоения минеральных богатств республики, установление закономерностей в геологическом строении территории Коми АССР; почвы Коми АССР и перспективы их освоения и использования, растительность Коми АССР; биологическое обоснование возделывания сельскохозяйственных растений Севера; рыбные ресурсы Коми АССР и пути наиболее рационального использования их; поверхностные воды и водоемы Коми АССР и их характеристика, а также современный коми язык».

Высоко оценив исследования д. г.-м. н. А.А. Чернова о месторождениях угля и нефти, Образцов высказал пожелание, чтобы «Александр Александрович мог бы иметь [...] школу [геологов], делая упор на местных работников. В этом направлении нам нужно будет провести большую работу». В.Н. Образцов акцентировал внимание на «химическом использовании угля, нефти и в особенности получаемого сейчас в большом количестве естественном газе». Лестный отзыв был дан исследованию лингвиста к. филол. н. А.С. Сидорова, который с коллегами, «по сути говоря, создает основы письменности коми языка. Они сделали очень много. Они разработали коми-русский словарь, разработали грамматику, словарь естественно-географических терминов».

Далее Образцов подчеркнул, что «буквально на голом месте» выяснены «площади, пригодные для сельского хозяйства», «составлены геоботанические обзорные карты кормовых угодий в районе р. Выми» [2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 98].

Предваряя доклад академика К.И. Скрябина, Владимир Николаевич отметил, что Скрябин как директор Киргизского филиала АН СССР «на-

ходит много общего между нами и тем филиалом: там также мало работников из местного населения. Очевидно, тут придется принимать одинаковые меры».

Он предложил провести в Сыктывкаре научную конференцию по производительным силам, чтобы привлечь внимание Правительства республики и населения к работам Базы по освоению природных богатств республики.

Владимир Николаевич призвал к перспективным направлениям научных исследований и подчеркнул необходимость развития межотраслевых связей.

Как вспоминал К.И. Скрыбин, «в последний день пребывания в Коми АССР мы с Образцовым посетили первого секретаря обкома, которому я, как председатель комиссии, доложил о результатах нашего обследования, о нуждах базы и о претензиях ее работников к руководителям республики. В итоге состоялась очень интересная и полезная для дела разговор».

Приезд директора Базы академика В.Н. Образцова, его участие в торжествах и выступлениях возвысили авторитет Базы АН СССР в Коми АССР, как одного из значимых учреждений республики, показали, что Базе принадлежит видное место в развитии социокультурной среды Коми АССР и г. Сыктывкара.

После того, как на заседании бюро Совета филиалов и баз АН СССР заслушали заключение комиссии АН СССР [2. Ф. 1. Оп. 18. Д. 20. Л. 30], в Базе произошли существенные преобразования, и главным стало создание аспирантуры, т. е. подготовка собственных научных кадров высокой квалификации. Была выдвинута задача создания серьезного научного коллектива Базы АН СССР в Коми АССР.

Как член Совета филиалов и баз АН СССР академик В.Н. Образцов участвовал в обсуждении и подготовке структурных реорганизаций периферийных учреждений академии, придания им единых функций и подразделений. Эти преобразования были ориентированы на создание более оптимальных условий для коллективных научно-исследовательских работ.

30 октября 1946 г. на заседании Совета филиалов АН СССР по настоянию В.Н. Образцова принято решение о выделении сыктывкарской академической библиотеке дублетной литературы из Библиотеки АН СССР.

В 1947 г. База АН СССР в Коми АССР получила статус научно-исследовательской. Академик В.Н. Образцов, находясь в Москве, стремился укрепить кадры научных сотрудников Базы. 11 ноября 1947 г. в Сыктывкаре получили телеграмму, что с переездом кандидата биологических наук А.А. Баева (будущего академика!) «все улажено с Образцовым» [5]. Когда с августа 1948 г. искал работу репрессированный доктор биологических наук П.Ф. Рокицкий, его переводу в Сыктывкар содействовали члены Совета филиалов и баз АН СССР академики А.А. Курсанов и В.Н. Образцов.

К этому времени в Базе АН СССР в Коми АССР защитили диссертации несколько человек. Для биологических исследований Вильгортский научно-экспериментальный пункт был передан в состав Базы. Расширялись научные контакты Базы с разными учреждениями республики. На заседании Ученого совета Базы заслушали доклад начальника Воркутинской мерзлотной

станции к. г.-м. н. Л.А. Братцева. Летом 1947 г. широко отметили 70-летие со дня рождения заведующего геологическим сектором, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР и Коми АССР А.А. Чернова. В 1948 г. в Сыктывкаре состоялась 3-я геологическая конференция, в числе организаторов которой была База АН СССР в Коми АССР. Ученый совет Базы принял решение о вступлении сотрудников во Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний и об организации Коми филиала Всесоюзного географического общества СССР.

Еще в 1930-х гг. академик В.Н. Образцов помогал Л.М. Кагановичу организовать реконструкцию Московского транспортного узла и создавать первый отечественный метрополитен (1931 – 1935 гг.).

Сказанное объясняет тот факт, что академик В.Н. Образцов 8 октября 1948 г. обратился к председателю Государственного Комитета Совета Министров СССР Л.М. Кагановичу с просьбой улучшить материальное снабжение Базы АН СССР в Коми АССР. Он писал: «Посылаю при сем просьбу академической Базы в Коми АССР, в которой я являюсь директором, очень прошу Вас, если возможно, удовлетворить ее. Для научной работы базы, крайне, нужен гусеничный трактор для научно-экспериментальной работы по сельскому хозяйству. Мы уже имеем большие достижения по продвижению ряда Мичуринских достижений на Крайнем севере, и было бы очень жаль их замедлить» [7].

Академик В.Н. Образцов как член Совета филиалов и баз включился в крупную реорганизацию внутреннего устройства Академии наук. В составе филиалов и баз к этому времени работало более 40 институтов и свыше 40 самостоятельных отделов, музеи, ботанические сады, заповедники, астрономическая обсерватория и сейсмические станции. Требовалось привести в единство это разнообразие и преобразовать научно-исследовательские базы в филиалы АН как комплексные академические научные учреждения. 6 октября 1949 г. Президиум АН СССР принял постановление «Об установлении для филиалов и научно-исследовательских баз Академии наук СССР единого наименования “Филиалы Академии наук СССР”». 26 октября 1945 г. Ученый совет научно-исследовательской базы в Сыктывкаре постановил преобразовать Базу в филиал, и началась подготовка к созданию отраслевых научно-исследовательских институтов.

В июне 1949 г. в день своего 75-летия среди других поздравлений Владимир Николаевич получил приветственный адрес от Научно-исследовательской базы Академии наук СССР в Коми АССР [1. Ф. 656. Оп. 2. Д. 54].

Во главе будущего Коми научного центра УрО РАН в 1944 – 1948 гг. стоял организатор, способный увидеть будущее развитие науки в Коми республике.

За возможность использования фотографий благодарим: исполняющую обязанности директора Архива РАН к.и.н. Н.М. Осипову; заведующего сектором документальных источников отдела фондов Национального музея Республики Коми С.А. Родова; сотрудников отдела гуманитарных междисциплинарных исследований ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН» А.Г. Оседах и К.А. Попову.

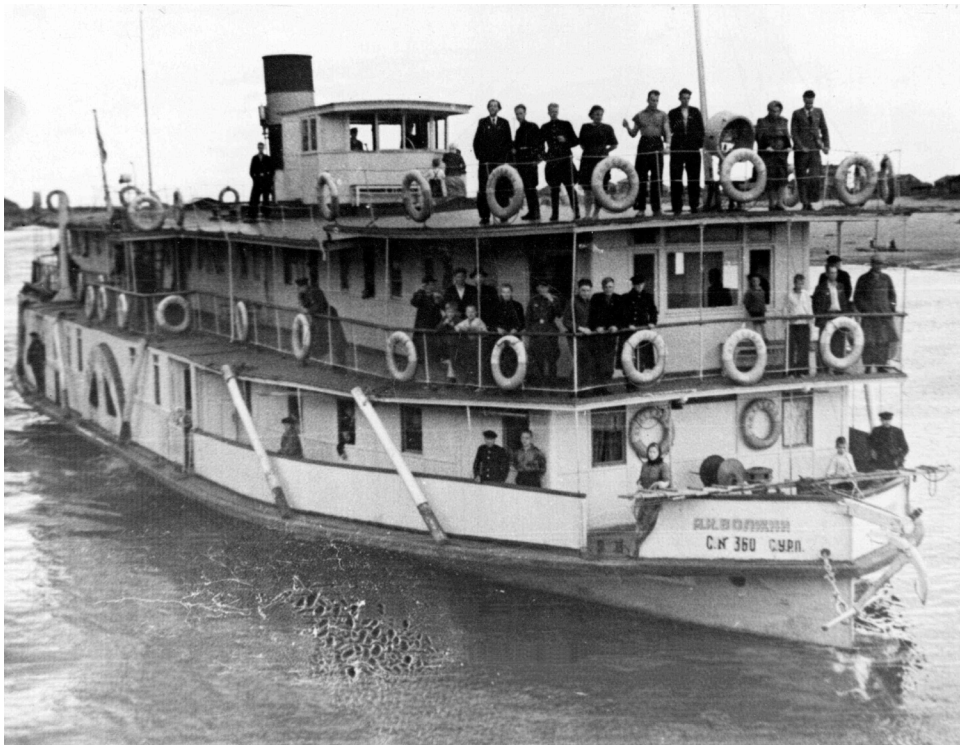

Фото 1. Комиссия АН СССР по проверке деятельности Базы АН СССР в Коми АССР во главе с академиком К.И. Скрябиным на пароходе у г. Сыктывкара (август 1946 г. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5).
Photo 1. Commission of the USSR Academy of Sciences for the verification of activities of the Base of the USSR Academy of Sciences in the Komi ASSR headed by Academician K.I. Scryabin on a steamship near Syktyvkar. (Date of the event: August 1946. Sci. Archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. F. 18. Op. 1. D. 5).

Фото 2. Приезд академика В.Н. Образцова в г. Сыктывкар на празднование 25-летия Коми АССР (август 1946 г. Национальный музей Республики Коми (НМ РК). НМРК КП-9909/3).
Photo 2. Academician V.N. Obraztsov in Syktyvkar at the celebration of the 25th anniversary of the Komi ASSR. (Date of the event: August 1946. National Museum of the Komi Republic (NM RK). NMRK KP-9909/3).

Фото 3. Академик В.Н. Образцов. Комиссия АН СССР по проверке деятельности Базы АН СССР в Коми АССР во главе с академиком К.И. Скрябиным на пароходе у г. Сыктывкара (1946 г. НМ РК. РКМ КП-6393/108. Ф-180/1).
Photo 3. Academician V.N. Obraztsov. Commission of the USSR Academy of Sciences to verify activities of the Base of the USSR Academy of Sciences in the Komi ASSR headed by Academician K.I. Stryabin on a steamship near Syktyvkar. (Date of the event: 1946. National Museum of the Komi Republic. RKM KP-6393/108. F-180/1).

Фото 4. Академик В.Н. Образцов у причала на пристани г. Сыктывкара (август 1946 г. АРАН. Ф. 656. Оп. 2. Д. 120. Л. 3).
Photo 4. Academician V.N. Obraztsov at the pier of the Syktyvkar marina. (Date of the event: August 1946. ARAN. F. 656. Op. 2. D. 120. L. 3).

Фото 5. Академик В.Н. Образцов при выходе с пристани в г. Сыктывкаре (август 1946 г. АРАН. Ф. 656. Оп. 2. Д. 120. Л. 4).
Photo 5. Academician V.N. Obraztsov at the exit from the pier in Syktyvkar. (Date of the event: August 1946. ARAN. F. 656. Op. 2. D. 120. L. 4).

Фото 6. Встреча директора Базы АН СССР в Коми АССР академика В.Н. Образцова с молодежью г. Сыктывкара (август 1946 г. НА Коми НЦ УРО РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4).
Photo 6. Meeting of the Director of the Base of the USSR Academy of Sciences in the Komi ASSR academician V.N. Obraztsov with the youth of Syktyvkar. (Date of the event: August 1946. Sci. Archive of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. F. 18. Op. 1. D. 4).

Фото 7. Встреча перед открытием юбилейной выставки «25 лет Коми АССР». Слева направо: академик В.Н. Образцов – директор Базы Академии наук СССР в Коми АССР, А.Г. Тараненко – первый секретарь Коми обкома ВКП(б), П.Р. Харин – второй секретарь Коми обкома ВКП(б) (22 августа 1946 г. НМ РК. РКМ НВ-805-5).
 Photo 7. Meeting before the opening of the anniversary exhibition «25 years of the Komi ASSR». From left to right: Academician V.N. Obraztsov – Director of the Base of the USSR Academy of Sciences in the Komi ASSR, Taranenko A.G. – First Secretary of the Komi Regional Committee of the CPSU (b), Kharin P.R. – Second secretary of the Komi Regional Committee of the CPSU (b). (Date of the event: August 22, 1946. National Museum of the Komi Republic. RKM NV-805-5.)

Фото 8. Беседа перед входом в павильон юбилейной выставки «25 лет Коми АССР». Слева направо: П.Р. Харин – второй секретарь Коми обкома ВКП(б), А.Г. Тараненко – первый секретарь Коми обкома ВКП(б), академик В.Н. Образцов – директор Базы Академии наук СССР в Коми АССР (22 августа 1946 г. Фото из Сыктывкарского краеведческого музея. РКМ НВ-805-6).
 Photo 8. Conversation in front of the pavilion of the anniversary exhibition «25 years of the Komi ASSR». From left to right: P.R. Kharin – Second Secretary of the Komi Regional Committee of the CPSU (b), Taranenko A.G. – First Secretary of the Komi Regional Committee of the CPSU (b), Academician Obraztsov V.N. – Director of the Base of the USSR Academy of Sciences in the Komi ASSR. (Date of the event: August 22, 1946. Photo from Syktyvkar Museum of Local Lore. RKM NV-805-6).

Фото 9. На трибуне во время митинга трудящихся г. Сыктывкара, посвященного празднованию 25-летия Коми АССР. Слева направо: третий (без головного убора) А.Г. Тараненко – первый секретарь Коми обкома ВКП(б) (23 августа 1946 г. Автор – Ф.И. Почкин. НМ РК. КРИКМ КП-9005/31).
 Photo 9. On the podium during the meeting of Syktyvkar workers dedicated to the celebration of the 25th anniversary of the Komi ASSR. From left to right: the third (without a hat) A.G. Taranenko – First secretary of the Komi Regional Committee of the CPSU (b). (Date of the event: August 23, 1946. Photo made by F.I. Pochkin. National Museum of the Komi Republic. KRIKM KP-9005/31).

Фото 10. Президиум юбилейной сессии Верховного Совета Коми АССР. Слева направо: в первом ряду третий – академик В.Н. Образцов, в третьем ряду первый – профессор А.А. Чернов (22 августа 1946 г. Фотолетопись Республики Коми. Строками судеб. Кн. 1. 1921 – 1970 годы. – Сыктывкар: ООО Коми республиканская типография, 2011. – 399 с. – С. 216).
 Photo 10. The Presidium of the jubilee session of the Supreme Council of the Komi ASSR. In the first row from left to right: the third is Academician V.N. Obratsov, in the third row the first is Professor A.A. Chernov. (Date of the event: August 22, 1946. Photo chronicle of the Komi Republic. Lines of fate. Book 1. 1921 – 1970. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House LLC, 2011. – 399. – P. 216).

Фото 11. Академик В.Н. Образцов на трибуне юбилейного заседания Восьмой сессии Верховного Совета Коми АССР в честь 25-летия АССР (22 августа 1946 г. НМ РК. КП-9909/4).
Photo 11. Academician V.N. Obraztsov on the podium of the anniversary meeting of the 8th session of the Supreme Council of the Komi ASSR. (Date of the event: August 22, 1946. National Museum of the Komi Republic. KP-9909/4).

Фото 12. Академик В.Н. Образцов на трибуне юбилейного заседания Восьмой сессии Верховного Совета Коми АССР в честь 25-летия Коми АССР (22 августа 1946 г. Автор – Е.И. Явно. НМ РК. РКМ КП КП-6392/693. Ф-112/114).
Photo 12. Academician V.N. Obraztsov on the podium of the jubilee meeting of the 8th session of the Supreme Council of the Komi ASSR in honor of the 25th anniversary of the Komi ASSR. (Date of the event: August 22, 1946. Photo made by E.I.Yavno. National Museum of the Komi Republic. RKM KP KP-6392/693. F-112/114).

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0011.

• Литература

1. Архив Российской Академии наук (АРАН).
2. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН (НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 2. Оп. 9. Д. 53. 20 л.
3. Скрябин, К.И. Моя жизнь в науке (О жизни и о себе) / К.И. Скрябин. – Москва: Политиздат, 1969. – 464, [24] с. – URL: <https://knigogid.ru/books/974375-moya-zhizn-v-nauke/toread/page-152>
4. Фотолетопись Республики Коми строками судеб: [90 лет Республике Коми]. Кн. 1. 1921 – 1970 годы / науч. ред. А.А. Попов, И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Коми республиканская тип., 2011. – 399 с. – С. 216.
5. Академик Александр Александрович Баев. Очерки. Переписка. Воспоминания / отв. ред. А.Д. Мирзабеков. – Москва: Наука, 1998. – 520 с. – С. 470 – 471.
6. Семенов, Н.М. Образцов Владимир Николаевич (06(18).06.1874 – 28.12.1949) / Н.М. Семенов // Архив РАН. Электронные коллекции. Ученые академии (1920 – 1950-е гг.): Коллекция фотопортретов М.С. Наппельбаума. Биографии ученых (1920 – 1950-е гг.). ИСА-РАН-web
7. Документальная история Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук: Коми филиал АН СССР в 1944 – 1964 гг. / сост. Л.П. Рошчевская, А.А. Бровина, А.В. Самарин, Э.Г. Чупрова. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2009. – 456 с. – С. 229.

• References

1. Arhiv Rossiiskoi Akademiinauk (ARAN) [Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS)].
2. Nauchnii arhiv Komi Nauchnogo centra Uralskogo otdeleniya RAN (NA Komi NTs UrO RAN) [Sci-

entific archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (SA Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS)]. Ф. 2. Оп. 9. Д. 53. 20 п.

3. Skryabin, K.I. Moya zhizn' v nauke (O zhizni i o sebe) [My life in science (About life and about myself)] / K.I.Skryabin. – Moscow: Politizdat, 1969. – 464, [24] p. – URL: <https://knigogid.ru/books/974375-moya-zhizn-v-nauke/toread/page-152>
4. Fotoletopis' Respubliki Komi strokami sudeb : (90 let Respubliki Komi) [Photo chronicle of the Komi Republic with lines of fate: (90 years of the Komi Republic)]. – Book 1. 1921 – 1970 / Sci. Eds. A.A. Popov, I.L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2011. – 399 p. – P. 216.
5. Akademik Aleksandr Aleksandrovich Bayev. Ocherki. Perepiska. Vospominaniya [Academician Alexander Alexandrovich Baev. Essays. Correspondence. Memories] / Ed. A.D. Mirzabekov. – Moscow: Nauka, 1998. – 520 p. – P. 470 – 471.
6. Semenov, N.M. Obratstov Vladimir Nikolayevich (06(18).06.1874 – 28.12.1949) / N.M. Semenov // Arkhiv RAN. Elektronnyye kolektsii. Uchenyye akademii (1920 – 1950-e gg.): Kolleksiya fotoportretov M.S. Nappel'bauma. Biografii uchenykh (1920 – 1950-e gg.) [RAS Archives. Electronic collections. Scientists of the Academy (1920 – 1950s): Collection of photo portraits by M.S. Nappelbaum. Biographies of scientists (1920 – 1950s)]. ISARAN-web
7. Dokumental'naya istoriya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk : Komi filial AN SSSR v 1944 – 1964 gg. [Documentary history of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences: Komi Branch of the USSR Academy of Sciences in 1944 – 1964] / Compiled by L.P. Roshchevskaya, A.A. Brovina, A.V. Samarina, E.G. Chuprova. – Syktyvkar : Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2009. – 456 p. – P. 229.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022

The Editorial Office received the paper on 21.02.2022

М.Н. ШАКИЕВ

НАСЛЕДИЕ КЕМЕЛЯ ТОКАЕВА И ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ

Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан, г. Нур-Султан

madiyar.shakiev@mail.ru

M.N. SHAKIEV

THE LEGACY OF KEMEL TOKAEV AND THE MEMOIRS OF CONTEMPORARIES

L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan

Аннотация

В статье рассматриваются личность и писательский образ Кемеля Токаева, одного из первых авторов произведений детективного жанра в казахской литературе. Стоит отметить, что в казахской литературе мало внимания отведено изучению данного жанра. Жизненный опыт и писательский талант Кемеля Токаева, закаленного в суровых трудностях войны, послужили ярким примером для последующих поколений. Главной целью исследования является изучение личности и творчества Кемеля Токаева, заложившего основу нового направления в казахской литературе. После обретения Казахстаном независимости имя писателя стало чаще упоминаться как в средствах массовой информации, так и в интеллигентных кругах. В данной статье сделан акцент на воспоминаниях современников, коллег, последователей писателя. Несмотря на то, что детективный жанр не получил широкого распространения в казахской литературе, произведения Кемеля Токаева пользовались успехом. Коллеги писателя, говоря об этом феномене, заключают, что эффект такой популярности произведений литературного деятеля – результат огромного труда и усидчивости, правдивости историй, основанных на архивных материалах.

Ключевые слова:

детектив, писатель, проза, война, фронт, роман, личность

Abstract

The paper examines the personality and the writer's image of Kemel Tokaev. Kemel Tokaev is one of the first authors of detective genre works in Kazakh literature. It is worth noting that little attention is paid to the study of this genre in Kazakh literature. The life experience and writing talent of Kemel Tokaev, hardened in the harsh hardships of the war, served as a vivid example for subsequent writers. The main purpose of the research is to study the work of Kemel Tokaev, who laid the foundation for a new direction among writers, and transfer it to the younger generation. After gaining independence, the name of the writer began to be mentioned more often both in the media and in intellectual circles. This paper places great emphasis on the memoirs of contemporaries, colleagues, and followers of the writer. Despite the fact that the detective genre was not widely spread in Kazakh literature, the works of Kemel Tokaev enjoyed success. Colleagues of the writer, speaking about this phenomenon, conclude that the effect of such popularity of the work of a literary figure is the result of great work and perseverance, the truthfulness of stories based on archival materials.

Keywords:

detective, writer, prose, war, front, novel, personality

«Чтобы понять настоящее и представить будущее, люди должны взглянуть на прошедший период, – сказал первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. – Независимость – это то, что открыло новую эпоху в истории нашего народа и придало новый импульс всей нашей общественной жизни» [1, с. 1]. С новым призывом к независимости в казахской истории были возрождены имена великих личностей и национальных интеллектуалов. Значит, пропаганда светлого дела наших предков – главная гарантия вечности нашей колыбели, нашей земли, нашего языка и менталитета, в конечном счете нашей независимости. Благодаря правильной пропаганде нынешнему поколению лучших добрых качеств наших национальных личностей, самоотверженно отдавших свою жизнь за независимость казахстанского народа, можно взрастить достойное новое поколение. Особый вклад в тенденции развития истории внесли уникальные таланты в области науки, техники, философии, литературы, искусства, религиозной мысли. Это имена таких выдающихся личностей, как Фараби и Яссауи, Коркыт и Асанкайгы, Шокан и Ибрай, Абай и Жамбыл, Курмангазы и Таттимбет, Акан и Биржан, Асет и Мухит, Каныш и Акжан, Мухтар и Жусупбек, Мукан и Нургиса, Шакен и Кемель. Люди, занявшие свое место на страницах истории, дают достойную оценку тому, что они делают самостоятельно. Можно считать, что в последнее время изучение личности становится все более актуальным. Однако на сегодняшний день по разным причинам недостаточно изучены личности, заслуживающие уважения своего народа. В этой связи немаловажно вспомнить имя Кемеля Токаева и дать соответствующую оценку его наследию.

Начало всего сущего лежит в истории. «Опыт истории подталкивает людей к поиску, от вчерашнего – к сегодняшнему, от сегодняшнего – к завтрашнему. Даже сама философия, которая является основой наук, питается исторической наукой. Что касается вопроса о том, когда, с чего началась эта история, то ответ на него один – с момента появления человека начинается настоящая история, и с получением знаний из истории люди узнают как себя, так и других» [2, с. 44]. В энциклопедиях дано множество определений понятию «личность». Философские, социологические науки, в основе изучения которых лежит личность, человеческое бытие, выдвигают различные объяснения. В «Национальной энциклопедии Казахстана», при определении понятия «личность» говорится: «...личность формируется с младенчества, в процессе всего взросления и воспитания» [3, с. 25].

В отечественной истории по теме личности ученые провели исследования, написали много научных трудов. Известный ученый, историк Х.М. Абжанов дает следующее определение: «... личность – социальный субъект, решивший (осуществивший) или правильно обозначивший путь решения (осуществления) практически-прикладной, теоретико-творческой новизны (эко-

номической, научной, политической, производственной и т.п.) потребности в объективном мире (среде), не зависящем от него» [4, с. 186].

Ход оценки личностных качеств Кемеля Токаева основывается на воспоминаниях из периодических изданий. Большая часть из них вышла в печать после 2000 г. Опубликованные в 2003 – 2004 гг. статьи в основном были посвящены 80-летию, в 2013 – 2014 гг. – 90-летию писателя.

Кемель Токаев родился 2 октября 1923 г. в с. Калпе Каратальского района Алматинской области. Писатель, ветеран Великой Отечественной войны, дважды обладатель медали «За отвагу», драматург, продолживший путь предков батыра, считающийся сердцем Жетысу. С приходом советской власти, в результате осуществления политики коллективизации мирного населения, начался трудный период для народа Казахстана. Отец К. Токаева с целью сохранения семьи пошел на большой риск и перевез семью во Фрунзе, чтобы переждать тяжелое время. Вскоре Кемель Токаев лишился отца, а затем – матери и сестры. Единственный оплот – брат, который воспитывался вместе с ним в Шымкентском детском доме, куда они с братом попали после смерти родных. В 1942 г. на страшную войну, потрясшую мир и унесшую миллионы жизней, первым из братьев отправился и, к сожалению, не вернулся старший брат Касым. Кемель Токаев, потерявший единственного брата в 18 лет, остался круглым сиротой. «Самый трудный момент, когда я получил известие о смерти брата», – вспоминает он. Это было самое непростое время, но впереди будущего писателя ждало еще много испытаний и потрясений в жизни [5, с. 3].

После окончания средней школы Кемеля призвали в армию, он учился в военном училище г. Бишкека. Вступил в Великую Отечественную войну будучи командиром отделения 226 стрелковой дивизии и отправился на Сталинградскую битву. Позднее в составе 7-й гвардейской танковой дивизии принимал участие в боях на Сталинградском, Юго-Западном, 1-м Украинском, 2-м Белорусском фронтах. Кемель Токаев в ходе боевых действий несколько раз был ранен, но возвращался в ряды Советской армии для защиты Родины. И лишь после тяжелого ранения на польской земле достойно закончил свой воинский путь.

Кемель Токаев вернулся с войны инвалидом 2 группы. В 1945 г. будущий писатель поступил на филологический факультет Казахского государственного университета имени Кирова. В это время у него не было ни образования, ни работы, ни близкого человека, на которого можно положиться. В послевоенное время отличившиеся в бою солдаты и офицеры Красной армии зачислялись в учебные заведения без экзаменов. В годы обучения студенты слушали лекции мастеров письма литературных произведений, в том числе Мухтара Ауэзова. Возможно, это тоже повлияло на решение Кемеля Токаева выбрать путь писателя.

В 1948 г. он успешно окончил университет, затем, с 1949 по 1953 г., К. Токаев руководил отделом молодежи в газете «Ленинская молодежь» и набирался опыта. Первые повести, рассказы были опубликованы в эти годы и стали первыми шагами по творческой лестнице. «В 50-е годы наша семья жила в одной узкой комнате ком-

мунальной квартиры. Когда я просыпался ночью, отец работал за столом, со слабым светом настольной лампы. В левой руке дымящаяся папироса, в правой – ручка, оставявшая одно слово за другим на бумаге), – вспоминает сын писателя. В 1956 – 1960 гг. К. Токаев посвятил себя редакторскому делу в газете «Қазақстан пионері», в 1956 – 1960 гг. был ответственным секретарем газеты «Социалистік Қазақстан». До увольнения по собственному желанию в течение 17 лет работал секретарем, ответственным редактором в «Вестнике Верховного Совета Казахской ССР». В те годы из-под пера писателя вышли яркие произведения: «Таинственный след», «Ночной выстрел», «Заговор», «Спецзадание», «Зимняя Ласточка», «Последний удар», «Солдат уходит на войну», «Птица без гнезда», «Инцидент в Саргабране» и др. [5, с. 3]. Художественные произведения Кемеля Токаева начали издавать внушительными тиражами. За короткое время писатель-герой занял свое место в жанре приключенческого детектива в казахской литературе и стал одним из основателей данного направления. Кемель Токаев, благодаря упорному труду и усидчивости, превратился в известного человека в Казахстане. Его личные качества, такие как открытость, простота, уравновешанность в семье, среди своих соратников, учеников и читателей, отличали Кемеля Токаева от других. Доказательством тому могут служить памятные записки, интервью, статьи его современников.

«Кемель Токаев время от времени звонит кому-то. Один общий для нас обоих телефонный аппарат. Он сначала посмотрел на меня, тепло улыбнулся, потом пошел и позвонил. “Какой порядочный человек”, – подумал я про себя. А Беркаир Аманшин грубоват, наверное, сказывается мой молодой возраст. Как-то, приехав на работу, заметил, что за моим столом сидит тот самый грубоватый человек. У двери за своим столом, где сидел еще один коллега Куандык, кучка бумаг. Бер ага совсем не обращал на меня внимания, не ответив на мое приветствие, сидел без эмоций. “Извини, айналайын ... Ты ведь еще молод. Я надеюсь, поймешь Беркайыра”, – сказал Кемель Токаев, почувствовавший себя виноватым в этой ситуации, он растерялся и пожал плечами. Несмотря на свой возраст, он был весьма вежлив со мной. Я улыбнулся в ответ. “Кемел ага, не волнуйтесь, все в порядке”. Писатель ответил мягким, сердечным голосом: “Не хотелось бы, чтобы ты беспокоился из-за Аманшина, он хороший человек, просто он отвлечен своей работой, поэтому замер, как каменная скульптура, и не обращает внимания на то, что происходит вокруг”» [6, с. 22].

Как бы то ни было, в своих произведениях писатель сформировал образ интересной личности, прошедшей страшную войну, видевшей весь ужас собственными глазами. Пережив в детстве и юности множество невзгод, К. Токаев не утратил человечности и любви к жизни.

Поэт и писатель Кадыр Мырза Али поделился своими воспоминаниями о личности Кемеля Токаева: «После окончания государственного университета я устроился на работу. Вскоре перешел в журнал “Звезда”. Потом посчастливилось поработать в издательстве “Писатель”. В это время я познакомился со многими интересными людьми. Эта работа очень помогла мне с определением моего будущего ремес-

ла. Главное, я обрел круг хороших знакомых, друзей, наставников, которые мне во многом помогали. Усердно учился работать у мастеров своего дела. Один из них – Кемель Токаев. Очень коммуникабельный, умеющий быстро уживаться с окружающими его людьми. Мы сразу стали единомышленниками, коллегами. В то время он уже был автором таких произведений, как “Меченое золото”, “Последний удар”. В 1980 – 1984 гг. я работал литературным консультантом в Союзе писателей. Я сразу убедился, что это серьезный и спокойный человек, не дававший себя и других в обиду. За многие годы работы не раз убеждался в этом. Он был старше меня, пережил войну, побывав в самом пекле сражений, был настоящим фронтовиком с орденами на груди. Немногословный, в меру сдержанный, одним словом большая личность, человек творчества. Я на тот момент был молодым поэтом, начинающим журналистом, который недавно окончил школу, университет, а он – уже известный писатель, автор нескольких книг. Придя в художественную литературу, только что выпустив первые книги, я тоже шел по следам своих старших братьев, наставников. Замечу, что наша схожесть в характерах стала основой для нашей многолетней дружбы» [7, с. 4].

О жизненном пути, огромном труде писателя оставлено много добрых слов и положительных отзывов. Среди них можно отметить памятное мнение известного писателя Когабая Сарсекеева «Происхождение». В газете «Независимый Казахстан», «лауреат Международной премии Алаш» Когабай Сарсекеев отметил, что «писатель, который положил начало приключенческого детективного жанра в казахской литературе о деятельности чекистов, милиционеров, старался не отступать от своей интересной темы». В сборник рассказов вошла две повести: «Заговор», «Ночной выстрел». В обеих повестях речь идет о жизни представителей правоохранительных органов, о народной защите, подвигах сотрудников милиции в разоблачении преступников. В 1965 – 1969 гг. Кемель Токаев написал повесть «Покушение», потратив четыре года на эту работу. Такое долгое время у него в основном уходило на построение ключевых моментов, разбор фактов, формирование образов героев, связанных с событиями. Опять же хорошая черта для писателя, особенно такого жанра, который требует объемную работу в построении сюжета [8, с. 4].

Не секрет, что когда мы изучаем произведения писателя, то раскрываются черты характера Кемеля Токаева, которые многие не замечают, не обращают внимания в свое время, и создается впечатление, что образ перекликается с новыми произведениями. Кемель Токаев – прославленный солдат, писатель. Он внес большой вклад в нашу духовную сокровищницу. Нравственный жизненный путь, трудолюбие и человеческие качества писателя достойны подражания. А его произведения станут достоянием истории литературы и бессмертным наследием Казахстана. Мы не в состоянии реально оценить честный, самоотверженный труд людей прошлого века на благо страны и Родины.

Личность, которая столкнулась с большими трудностями в жизни и не свернула с верного пути, сохранив человеческое лицо и воспитав достойное поколение, несомненно, достойна

уважения. В ряды таких личностей входит Кемель Токаев. Было бы не справедливо, с точки зрения истории молодого государства, если бы имя такого писателя пропало со страниц национальной истории.

В последнее время в Казахстане возник огромный интерес к жанру детективных фильмов, сериалов, основанных на реальных событиях. К таким сериалам можно отнести проект «5:32», выстреливший на стриминговых площадках. В связи с этим с уверенностью можно сказать, что актуальность имени основателя детективного жанра будет только расти. Будет замечательно, если деятели кино обратят внимание на произведения Кемеля Токаева, создавшего интересные повести и романы приключенческого жанра.

• Литература

1. Назарбаев, Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания / Н.А. Назарбаев // Акмолинская правда. – 2017. – № 41. С. 1 – 3.
2. Абжанов, Х. Казахстан: история, язык, нация / Х. Абжанов // Родной язык – родная история. – 2007. – 272 с.
3. Нысанбаев, А. Казахстан. Национальная энциклопедия / А. Нысанбаев; отв. ред. М.К. Каратаев // Казахская энциклопедия. – Алматы, 1999. – Т. 7. – 525 с.
4. Абжанов, Х. Казахстан: национальная история, идея, методология / Х. Абжанов. – Алматы: Изд-во Елтаным, 2014. – 215 с.
5. Жайлаубаев, Ж. Тагылым / Ж. Жайлаубаев // Жетысу. – 2008. – № 131 (17 113)7. – С. 3.
6. Мукай, Б. Загадочная личность / Б. Мукай // Журнал Парасат. – 2003. – № 4. сәуір 2003. – С. 22 – 23.

7. Кадыр Мырза, А. Мечта писателя / А. Кадыр Мырза // Независимый Казахстан. – 2009. – № 97 (25494). – С. 4.
8. Когабай Сарсекеев. Происхождение / Когабай Сарсекеев // Независимый Казахстан. – 2001. – № 236 (22 839). – С. 4.

• References

1. Nazarbaev, N.A. Vzgljad v budushchee: modernizaciya obshchestvennogo soznaniya [A look into the future: modernization of public consciousness] / N.A. Nazarbaev // Akmolinskaya pravda. – 2017. – № 41. – P. 1 – 3.
2. Abzhanov, Kh. Kazakhstan: istoriya, yazyk, naciya [Kazakhstan: history, language, nation] / Kh. Abzhanov // Rodnoj yazyk – rodnaya istoriya [Native language - native history], 2007. – 272 p.
3. Nysanbaev, A. Kazakhstan. Nacional'naya enciklopediya [Kazakhstan. National Encyclopedia] / A. Nysanbaev // Kazakh Encyclopedia. – Almaty, 1999. – Vol. 7. – 525 p.
4. Abzhanov, Kh. Kazakhstan: nacional'naya istoriya, ideya, metodologiya [Kazakhstan: national history, idea, methodology] / Kh. Abzhanov. Almaty: Eltanym Publ., 2014. – 215 p.
5. Zhailaubayev, Zh. Tagylym / Zh. Zhailaubayev // Zhetysu. – 2008. – № 131(17113)7. – P. 3.
6. Mukai, B. Zagadochnaya lichnost' [A mysterious person] / B. Mukai // J. Parasat. – 2003. – № 4. – P. 22 – 23.
7. Kadyr Myrza, A. Mechta pisatelya [A writer's Dream] / A. Kadyr Myrza // Nezavisimyj Kazakhstan [Independent Kazakhstan]. – 2009. – № 97(25494). – P. 4.
8. Kogabai Sarsekeev. Proiskhozhdenie [Origin] // Nezavisimyj Kazakhstan [Independent Kazakhstan]. – 2001. – 236 (22839). – P. 4.

Статья поступила в редакцию 17.02.2022
The Editorial Office received the paper on 17.02.2022

А.С. ТЕМИРХАНОВА *, **Т.С. САДЫКОВ ****

ТРУДЫ МАНАША КОЗЫБАЕВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

* Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан, г. Нур-Султан
** Академия истории и общественных наук
Республики Казахстан; Евразийский
национальный университет
им. Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан, г. Нур-Султан

asema_sko@inbox.ru
sadykov_ts@enu.kz

A.S. TEMIRKHANOVA *, **T.S. SADYKOV ****

THE WORKS OF MANASH KOZYBAEV IN THE CONTEXT OF MODERN HISTORICAL SCIENCE

* L.N.Gumilyov Eurasian National University,
Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan
** Academy of History and Social Sciences
of the Republic of Kazakhstan;
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan

Аннотация

В статье рассматриваются жизнь и труды организатора исторической науки Республики Казахстан, ученого-энциклопедиста, историка-исследователя, академика, профессора, автора 800 научных и научно-публицистических работ, в том числе многотомных трудов – Манаша Кабашевича Козыбаева. Успешное продвижение по иерархической лестнице советской научно-образовательной системы позволило Манашу Козыбаеву реализовать не только свои организаторские способности, но и расширить формат изысканий как в чисто академическом, так и в публицистическом жанрах. Последнее 20-летие существования СССР характеризовалось духом этнического возрождения в союзных республиках. Неортодоксально мыслящая национальная интеллигенция стала декларировать идеи не аморфного советского патриотизма, а умеренного и просвещенного национализма. Публикации Манаша Козыбаева того периода нацелены на популяризацию реальных исторических знаний о казахском народе. Здесь интересы интеллектуалов совпали с устремлениями нового поколения политической и деловой элиты Казахстана.

Ключевые слова:

Манаш Козыбаев, академик, современная история, наука, методология, изучение, исследование, труды, историк, развитие

Abstract

The life and works of the organizer of historical science of Kazakhstan, scientist-encyclopedist, historian-researcher, Prof. Manash K. Kozybaev are considered. Academician Manash Kozybaev is the author of 800 scientific, scientific-journalistic works, including multi-volume works. The successful promotion on the hierarchical ladder of the Soviet scientific and educational system allowed Manash Kozybaev to realize not only his organizational abilities, but also to expand the format of research both in the purely academic and journalistic genre. The last twenty years of the existence of the USSR were characterized by the spirit of ethnic revival in the Union republics. The non-orthodox thinking national intelligentsia began to declare the ideas not of amorphous Soviet patriotism, but of moderate and enlightened nationalism. The publications of Manash Kozybaev of that period are aimed at popularizing real historical knowledge about the Kazakh people. Here the interests of intellectuals coincided with the aspirations of a new generation of Kazakhstan political and business elite.

Keywords:

Manash Kozybayev, academician, modern history, science, methodology, study, research, works, historian, development

Манаш Кабашевич Козыбаев родился 16 ноября 1931 г. в ауле Тазкуль Мендыгаринского района Костанайской области. В 1947 г. окончил Мендыгаринское педучилище им. И. Алтын-сарина, а 1953 г. – исторический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. Доктор исторических наук (1969), профессор (1970), заслуженный деятель науки Казахской ССР (1986), член-корреспондент АН Казахской ССР (1989), действительный член НАН Казахской ССР (1989), народный депутат Верховного Совета КазССР XII созыва (1990 – 1993), лауреат Государственной премии Республики Казахстан (1995), лауреат Президентской премии мира и духовного согласия (1997), почетный гражданин Мендыгаринского района г. Костаная, почетный профессор Костанайского университета им. Ахмета Байтурсынова, Семипалатинского университета им. Ш. Кудайбердиева, Кызылординского университета им. Коркыт Ата, Карагандинской медицинской академии (1999), Атырауского университета им. Халела Досмухамедова, академии «Казгор» и др. [1, с. 25].

Начав трудовую деятельность в годы Второй мировой войны 11-летним мальчиком в далекой глубинке Костанайской лесостепи, он всегда стремился к получению классического образования. Жажде знаний во многом способствовало домашнее воспитание в духе почитания народных традиций и обычаев. Окончив Мендыгаринское педагогическое училище, проработал учителем Ульгулинской семилетней школы в Узункульском районе Костанайской области (1947 – 1948). Его выбор пал на изучение наук в исторической школе Казахского государственного университета, который он успешно закончил в 1953 г.

Затем Манаш Кабашевич работал старшим преподавателем Костанайского учительского института, преобразованного в педагогический институт (1953 – 1958); старшим научным сотрудником, ученым секретарем, заведующим сектором в Казахском филиале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1958 – 1974); заведующим кафедрой Алма-Атинского Зооветеринарного института, а затем Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при КазГУ им. С.М. Кирова (1974 – 1979); главным редактором Казахской советской энциклопедии (1979 – 1986); заведующим отделом историографии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова академии наук КазССР (1986 – 1988).

С июня 1988 г. Манаш Кабашевич Козыбаев плодотворно работал директором Костанайского государственного педагогического института. В 1998 г. он основал и являлся главным редактором первого в истории Казахстана профессионального исторического научного журнала «Отан тарихы». Из 53 лет трудовой деятельности Манаша Козыбаева 40 – посвящены науке [2].

Цель историка – добыть историческое знание. Историческое знание – это знание об исторической реальности. Посредником между историческим знанием и исторической реальностью служит исторический источник. Лаппо-Данилевский отмечал: «...в области эмпирических наук, а, значит, и истории, предлагаемое определение включает понятие о реальности данного объекта и понятие о его пригодности для позна-

ния другого объекта, – и далее, – ... данный объект становится источником лишь в той мере, в какой он может служить пригодным средством для познания другого объекта» [3, с. 29].

Время выбора своего жизненного кредо совпало у М. Козыбаева с завершением правления одной из самых жестоких диктатур – сталинизма. Это наложило свой отпечаток на мировоззрение молодого ученого. Начав свой научно-профессиональный рост с изучения проблем вклада Казахстана в победу во Второй мировой войне, он постепенно расширяет круг своих научных интересов, стремясь создать целостную картину истоков казахского народа, его этнической неповторимости и трагической судьбы в XX столетии. Одновременно им велась напряженная работа по отстаиванию интересов казахского языка и культуры, поднятию престижа исконно казахской истории и распространению исторических знаний в условиях тотальной унификации советского общества. К началу 1970-х гг. доктор исторических наук, профессор Манаш Кабашевич начинает занимать одно из ведущих мест среди гуманитариев, формирующих общественное мнение в Казахстане. Его компетенция была подтверждена рядом фундаментальных академических и научно-популярных работ по проблемам войны и мира, социалистическим формам модернизации края, а также структуре организации власти на регионально-республиканском уровне.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда формирование суверенного государства Казахстана, рост национального самосознания народа, крах советской государственной системы и коммунистической идеологии коренным образом изменили положение исторической науки в обществе, возглавляемый академиком Манашем Козыбаевым Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова внес огромный вклад в разработку актуальных проблем истории Республики Казахстан. В результате произошел отход от идеологизации, евроцентристских принципов изложения и трактовки событий и фактов, изменилась методология исторических исследований с отказом от ущербной ориентации на классово-групповые приоритеты и однопартийность. При этом непреложным фактом развития исторической науки Казахстана стал принцип о том, что государственное единство, национальное и духовное согласие должны формироваться под воздействием глубокого изучения исторических процессов.

С этого времени под руководством академика Манаша Козыбаева главными приоритетными направлениями исторической науки Казахстана стали проблема методологии исторических исследований и переоценка накопленных исторических знаний, проблема этногенеза и этнической истории казахского народа, проблема национальной государственности и национальной безопасности, актуальные проблемы социально-политической и экономической истории Казахстана, проблемы всеобщей истории в плане взаимосвязей и взаимоотношений Казахстана с Россией, Китаем, государственности СНГ со странами дальнего зарубежья и др. [4].

Академик Манаш Козыбаев в разработке этих проблем принимал личное участие. Ны-

не всем известны обстоятельства трагедии, постигшей Казахстан в период насильственной коллективизации сельского хозяйства. В ноябре 1988 г. по инициативе Манаша Козыбаева и Института истории и этнологии была создана Всесоюзная научная конференция, посвященная этой проблеме. В результате из публикаций М. Козыбаева и других ученых еще в 1989 г. со страниц журнала «Вопросы истории» мир впервые узнал о масштабах казахстанской трагедии 1930–1940-х гг. А в 1991–1992 гг. под его руководством работала специальная Парламентская комиссия, изучавшая обстоятельства голода 1930-х гг. и массовых политических репрессий. Академик М.К. Козыбаев – автор 800 научных и научно-публицистических работ, из них 30 монографий, свыше 50 коллективных, в том числе многотомных трудов.

В 1970–1980-х гг. были востребованы личности, которые, обладая обширными и универсальными знаниями, способствовали бы поднятию духа нации и направлению его в русло конструктивного партикуляризма. В этот период выходит ряд книг М. Козыбаева, содержащих в себе идеи о потенциальных возможностях Казахстана к самостоятельному и суверенному развитию. Так, монография «Золотой фонд партии» (1973) впервые затронула проблему так называемых казахских национал-коммунистов, репрессированных в сталинский период, об одно-стороннем движении руководящих кадров от центра к регионам. Серия научно-популярных фильмов сделала доступными читателям ранее преданные забвению имена и судьбы героев национально-освободительного движения казахов. К 1985 г. под научным руководством М. Козыбаева выходит 40-серийный документальный фильм «Казахстан в Великой Отечественной войне: 1941–1945 гг.», где раскрываются реальная роль и значение республики в одном из самых переломных моментов мировой истории.

Целый пласт жизни Козыбаева посвящен распространению энциклопедических знаний. Подготовленные им материалы легли в основу справочно-информационных публикаций о Казахстане как отечественных, так и мировых издательств. Он являлся главным редактором многотомного издания «Казахской энциклопедии», 5-томного собрания сочинений Ч.Ч. Валиханова (2-издание), а многочисленные энциклопедические, документальные издания, осуществленные под его руководством и при непосредственном участии, являются результатом новых научно-теоретических изысканий. Его работа «Казахстан – арсенал фронта» заняла лидирующую позицию в Советском Союзе как одно из ярких произведений научно-публицистического жанра [5, с. 52].

За этим научным открытием по цепной реакции последовали и другие историко-философские откровения. В проблемном плане были поставлены вопросы о цивилизационной значимости Евразии, истории российских колониальных захватов, последствиях социалистического опыта модернизации, роли и мест казахской национальной элиты в утрате и обретении независимости, об экологической истории края и многие другие. Реальным воплощением годов интенсивного труда явилась серия исторических учебников и учебных пособий для средних школ и университетов республики.

С другой стороны, многосторонность научных интересов позволила М. Козыбаеву подготовить новую генерацию ученых, свободных от политической конъюнктуры и идеологической зашоренности. Тут важную роль сыграли его инновационные инициативы по совершенствованию методических и методологических подходов, а также по широкому внедрению мирового опыта в отечественные исторические исследования.

Активно участвовал Манаш Козыбаев и в становлении массового исторического сознания, как одной из основ демократического общества. В этом плане его энергия как общественного деятеля направлена на идейное противостояние имперским стереотипам постсоветского мышления, так и крайним формам казахского национализма. Публичные выступления в средствах массовой информации и участие в политических дискуссиях обнаруживают в нем ярого поборника идей нового евразийства, как полиэтнического сожительства с равными возможностями и терпимыми взглядами. Он стоял у истоков новых концептуальных разработок истории казахской государственности, истории Казахстана в условиях колониализма и советского тоталитаризма, реабилитации жертв массовых политических репрессий. В качестве члена Государственной комиссии им проведена большая работа по реализации Указов Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева «Об объявлении 1997 года Годом общенационального согласия и памяти жертв массовых политических репрессий», «Об объявлении 1998 года Годом народного единства и национальной истории», «Об объявлении 1999 года Годом единства и преемственности поколений».

Манаш Кабашевич Козыбаев – видный государственный и общественный деятель. В 1990–1993 гг., будучи народным депутатом, входил в состав Комитета по национальной политике, культуре и развитию языков, был членом Комитета национальной безопасности Верховного Совета Республики Казахстан. С 1993 г. являлся членом Национального совета по государственной политике при Президенте Республики Казахстан, в 1994–1998 гг. – членом Республиканской комиссии по правам человека, в 1993–1999 гг. – членом Президиума ВАК, с 1992 г. – членом Комитета по Государственным премиям Республики Казахстан в области науки, техники и образования при Провитательстве Республики Казахстан, членом государственной комиссии по памятникам и монументам. М.К. Козыбаев был также президентом республиканского историко-просветительского общества «Адилет». Большую работу он проводил и в качестве председателя научно-методического совета Комитета культуры Министерства культуры, информации и общественного согласия [6].

Труды академика М.К. Козыбаева изданы в России, Армении, Белоруссии, Украине, Китае, Турции, Кореи, США, Иране и других странах. Только за последние 10 лет число докладов и научных сообщений ученого на научных семинарах, конференциях, международных форумах и симпозиумах превысило 200. М.К. Козыбаев огромное внимание уделял и научно-педагогической работе. Им подготовлена целая плеяда талантливых ученых, в том числе около 90 кандидатов и докторов наук, создана научная

школа по исследованию актуальных проблем истории суверенного Казахстана. Среди его учеников есть видные ученые Китая, Монголии, Узбекистана, России. В числе его учеников есть министр, ректор университета, начальник Военной академии, профессора вузов, заведующие отделами и кафедрами, Чрезвычайные и Полномочные Послы, ответработники Аппарата Президента.

Самый плодотворный этап творчества ученого совпал с ярким и сложным историческим этапом в жизни Республики Казахстан, с этапом, который закладывает начало подлинной истории независимого Казахстана. Историкам нового поколения и нового мышления, несомненно, повезло, что у истоков процесса восстановления исторической памяти и развития исторической науки стоял академик Манаш Кабашевич Козыбаев.

• Литература

1. Библиографический указатель докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам / сост. и подг. к изд. Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. – Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2003. – 168 с.
2. Козыбаев, М.К. Актуальные проблемы изучения Отечественной истории / М.К. Козыбаев // Материалы Научной сессии ученых Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан. – Алматы, 1998.
3. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: пособие к лекциям, читанным студентам Санкт-Петербургского университета в 1910/11 году / А.С. Лаппо-Данилевский. – Санкт-Петербург, 1913. – Вып. II. – С. 356, 368 – 369.
4. Козыбаев, М.К. История России есть история страны, которая колонизируется / М.К. Козыбаев // Столичное обозрение. – 1998. – 8 мая. – С. 18.
5. Козыбаев, М.К. Ключ и врата к азиатским странам / М.К. Козыбаев // Казахстанская правда. – 1991. – 16 мая.
6. Козыбаев, М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В двух книгах. Кн. 1. / М.К. Козыбаев. – Алматы: Ғылым, 2000. – С. 220.

7. Козыбаев, М.К. Откуда есть-пошла казахская земля / М.К. Козыбаев // Мысль. – 1996. – № 1. – С. 4.

• References

1. Bibliograficeskii ukazatel doctorskih i kandidat-skih dissertassii po istoriceskim naukam [Bibliographic index of doctoral and candidate dissertations in historical sciences] / Compiled and prepared for publication by Ch.Ch. Valikhanov Inst. of History and Ethnology. – Almaty: Ch.Ch. Valikhanov Inst. of History and Ethnology, 2003. – 168 p.
2. Kozybaev, M.K. Aktualnie problemy izucheniya Otechestvennoi istorii [Actual problems of studying National history] / M.K. Kozybayev // Materials of the Scientific session of scientists of the Ministry of Science-Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. – Almaty, 1998.
3. Lappo-Danilevsky, A.S. Metodologiya istorii: posobie k lekciyam chitannym studentam S.-Peterburgskogo universiteta v 1910/11 godu [Methodology of history: A guide to lectures given to students of St. Petersburg University in 1910/1911]. – St. Petersburg, 1913. – Issue II. – P. 356, 368–369.
4. Kozybaev, M.K. Istoriya Rossii est' istoriya strany. kotoraya kolonizuetsa [The history of Russia is the history of a country that is being colonized] / M.K. Kozybaev // Metropolitan Review. – 1998. – May 8. – P. 18.
5. Kozybaev, M.K. Klyuch i vrata k aziatskim stranam [The key and the gate to Asian countries] / M.K. Kozybaev // Kazakhstanskaya pravda. – 1991. – May 16.
6. Kozybaev, M.K. Kazakhstan na rubezhe vekov: razmishleniya i poiski [Kazakhstan at the turn of the century: reflections and searches] In 2 books. Book 1. / M.K. Kozybaev. – Almaty: Gylm, 2000. – P. 220.
7. Kozybaev, M.K. Otkuda est'-poshla kazakhskaya zemlya [Where did the Kazakh land come from] / M.K. Kozybaev // Mysl' [Thought]. – 1996. – No. 1. – P. 4.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022
The Editorial Office received the paper on 07.02.2022

А.В. САМАРИН

КОМПЛЕКСНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

samarin@frc.komisc.ru

A.V. SAMARIN

COMPREHENSIVE SCIENTIFIC RESEARCH OF THE RUSSIAN ARCTIC IN THE CONTEXT OF THE GEOPOLITICAL INTERESTS OF RUSSIA

Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

В связи с изменением климата и усилением спроса на углеводородное сырье происходит переоценка мирового геополитического значения Арктики. Ключевым условием развития Российской Арктики является превращение сектора фундаментальной и прикладной науки в целостную национальную научно-техническую систему, которая в долгосрочной перспективе ответит на «Большие вызовы». В 20-е гг. XX в. СССР развернул беспрецедентную по своим масштабам программу освоения Арктики. Для поддержания высоких темпов освоения природно-ресурсного потенциала арктических регионов была сформирована сеть научно-исследовательских организаций. Вскоре арктические районы оказались вовлечены в развитие народного хозяйства. В 1990-е гг. началось резкое снижение роли государства в Арктике, а экономические аспекты стали преобладающими.

Расширение ресурсной базы Арктики, способной обеспечить потребности страны в минеральных и углеводородных видах сырья, невозможно без единой государственной политики. Нормативная база обозначила болевые места Российской Арктики и точки роста. Выявлены наиболее актуальные направления исследований, в которых Север и Арктика рассматриваются как объект комплексных междисциплинарных исследований. Основным объемом арктических исследований должны взять на себя научно-образовательные учреждения, расположенные на этой территории. Государство предлагает механизмы организации комплексных междисциплинарных исследований ФНТП, КПНИ, НОЦ, «Приоритет–2030». Все они направлены на концентрацию усилий исследователей на приоритетные задачи развития науки и важнейших отраслей экономики страны. В статье обозначены научные проблемы, которые оказывают существенное влияние как на Арктическую геополитическую, так и глобальную научную повестку, но пока не стали приоритетными для наших научных институтов.

Ключевые слова:

Арктика, история, научные исследования, государство в Арктике, «Большие вызовы», инструменты сетевого взаимодействия

Abstract

Due to climate change and increased demand for hydrocarbons, the global geopolitical importance of the Arctic is being re-evaluated. The key condition for the development of the Russian Arctic is the transformation of the sector of fundamental and applied science into an integral national scientific and technical system, which in the long term will meet the «Grand Challenges». In the 20s.

XX century. The USSR launched an unprecedented program for the development of the Arctic. To maintain high rates of development of the natural resource potential of the Arctic regions, a network of research organizations has been formed. Soon, the Arctic regions became involved in the development of the national economy. In the 1990s, due to the economy, a sharp decline in the role of the state in the Arctic began.

Expanding the resource base of the Arctic, capable of meeting the country's needs in mineral and hydrocarbon raw materials, is impossible without a unified state policy. The regulatory framework has identified challenges and growth points in the Arctic. The bulk of Arctic research should be carried out by scientific and educational institutions located in this area. The state offers mechanisms for organizing complex interdisciplinary research. All of them are aimed at concentrating the efforts of researchers on the priority tasks of the development of science and the most important sectors of the country's economy. The article identifies scientific issues that have a significant impact on both the Arctic geopolitical and the global scientific agenda, but have not yet become a priority for our scientific institutions.

Keywords:

Arctic, history, scientific research, polity in the Arctic, networking, Grand challenges

Арктика на протяжении веков оставалась территорией особенных экономических и политических интересов России. Богатейшие запасы углеводородов и других природных ресурсов, возможность появления новых транспортных коридоров привели к переоценке глобального геополитического значения этого региона и привлекли к нему внимание не только приполярных, но и многих других государств мира. В новой «Стратегии развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года» поставлена задача «превратить ресурсный потенциал российской арктической зоны в материальную основу решения актуальных проблем социально-экономического развития страны и сделать Северный морской путь постоянно действующей национальной транспортной артерией, открытой для международного судоходства». Выполнение этого и других масштабных проектов в Арктике невозможно без использования новых сквозных технологий. Миссия академической науки – обеспечить научное сопровождение развития западного сегмента Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗРФ).

Ключевым условием развития Российской Арктики является превращение сектора фундаментальной и прикладной науки в целостную национальную научно-техническую систему, которая в долгосрочной перспективе ответит на «Большие вызовы», стоящие перед обществом и государством. Российская наука, изучая Арктику, накопила значительные результаты, которые необходимо в рамках междисциплинарных комплексных исследований актуализировать на

новом уровне знаний. В данной статье мы проведем краткую ретроспективу научных исследований арктических территорий от начала XX в. до наших дней с тем, чтобы показать, какие исследования, по нашему мнению, являются приоритетными и требуют дальнейшего развития, в том числе при помощи новых форм научной кооперации.

Экспедиционные исследования сухопутной и морской частей Российской Арктики начались еще в XV в. Русские поморы исследовали акватории Баренцева моря в XV – XVI вв. К середине XVII в. русские мореплаватели практически нашли проход из Северного Ледовитого океана в Тихий [1]. Однако арктические исследования на регулярной основе в Российской империи не проводились [2 – 6]. Лишь в 20-е гг. XX в. СССР развернул беспрецедентную по своим масштабам программу освоения Арктики [7]. Внимание советского правительства к проблемам Севера было продиктовано, прежде всего, сложной экономической и политической ситуацией (экономическая блокада, острота продовольственного вопроса, отсутствие собственной полноценной сырьевой базы, значимость незамерзающего Мурманского порта, Северного морского пути (далее – СМП) и т.д.). Советское правительство сделало изучение и освоение Арктики одним из приоритетных направлений. В 1920-е гг. был принят ряд нормативных актов, определяющих правовые и хозяйственные вопросы государственного регулирования, активизировались научные исследования региона как в части всестороннего изучения, так и хозяйственного освоения. Как отмечает А.И. Тимошенко, «советское правительство в своих стратегических намерениях по отношению к Арктике основывалось на общегосударственных планах социально-экономического развития. Главное внимание по-прежнему уделялось Северному морскому пути, который был признан необходимым для полноценного государственного развития, так как являлся кратчайшим расстоянием между портами Мурманска и Владивостока, полностью проходил вдоль границ государства и не зависел от международных отношений в тот или иной период времени по сравнению, например, с южным проходом через Суэцкий канал...» [8].

А.И. Татаркин отмечал: «Кроме развития СМП объектом всестороннего научного изучения и последующего хозяйственного освоения становятся природные ресурсы Арктической зоны. При этом научные, экономические и регулирующие функции, как уже отмечалось, концентрируются в Главном управлении Северного морского пути. Вначале была принята концепция «очагового» освоения, которая была наиболее рациональной с позиции ограниченности материальной и финансовой базы государства» [9]. 4 марта 1920 г. при ВСНХ была учреждена Северная научно-промысловая экспедиция (далее – СНПЭ), в состав которой вошли крупнейшие ученые и исследователи того времени, в том числе и от Академии наук. СНПЭ предписывалось проводить научно-исследовательские и промысловые работы, а также координировать любые изыскания, предпринимаемые другими организациями на всем пространстве к северу от 60-й параллели. Только в 1921 г. на приарктических и арктических территориях работали 23 отряда СНПЭ с общей численностью более 400

чел. Исследованиями было охвачено около 40 % площади Советской России – Белое, Карское, Баренцево моря, Большеземельская тундра, район р. Печоры, берега Оби, Кольский полуостров, хребет Пай-Хой. Важное народнохозяйственное значение приобрели работы СНПЭ на Кольском полуострове, где располагалась одна из двух ее хозяйственно-административных баз. При руководстве акад. А.Е. Ферсмана положено начало систематическим геолого-минералогическим изысканиям в центральной части Кольского полуострова. В результате работы экспедиции обнаружены многочисленные месторождения полезных ископаемых. Открыты крупнейшие в мире запасы апатитов. В 1921 г. СНПЭ привлекла проф. А.А. Чернова к поиску полезных ископаемых на европейском Северо-Востоке. В 1924 г. в отчете о работе Печорского геологического отряда А.А. Чернов впервые сформулировал вывод о наличии большого каменноугольного бассейна, который предложил назвать «Печорский». Успехи научных исследований СНПЭ оказались настолько значительны, что в марте 1925 г. она была реорганизована в Институт по изучению Севера (в дальнейшем преобразованный в Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт).

Открытия, сделанные научными экспедициями на Севере, легли на благодатную почву. В 1930-е гг. были заложены три крупнейших промышленных предприятия советской Арктики: трест «Апатит» (1929 г.), шахты № 1 и № 2 комбината «Воркутауголь» (1931 г.), Норильский никелевый комбинат (1935 г.). Характерно, что строительство предприятий и обеспечение их профессиональными кадрами, а также освоение регионов в значительной мере осуществлялось силами репрессированного населения. Тем не менее в годы войны молодая северная промышленность внесла существенный вклад в победу над врагом и в очередной раз подтвердила правильность выбранных приоритетов.

В 1930 – 1940-е гг. для поддержания высоких темпов освоения природно-ресурсного потенциала арктических регионов была сформирована сеть научно-исследовательских баз Академии наук СССР: Кольская база (1930 г.) в Кировске, а с 1944 г. – в Апатитах, Северная база (1936 г.) – в Архангельске, а с 1944 г. – в Сыктывкаре, с названием База АН СССР в Коми АССР. За короткий срок удаленные, малонаселенные районы страны из отсталой аграрной периферии превратились в индустриальные, динамично развивающиеся территории.

Арктическая политика государства в 1950 – 1980-е гг. требовала от северных республик и областей расширения промышленной и минерально-сырьевой баз. Все большие объемы капитальных вложений, человеческих и других ресурсов направлялись на поиск и разведку полезных ископаемых в Арктике. Важнейшими вехами в освоении минерально-сырьевой базы Российской Арктики во второй половине XX в. стали открытие Тимано-Печорской нефтегазовой провинции (1960-е гг.), на шельфе Карского и Баренцева морей – Баренцево-Карской нефтегазовой провинции (1970 – 1980-е гг.). В разведке первой существенную роль сыграли геологи Коми филиала, в открытии второй – ученые Кольского филиала АН СССР [10]. С деятельностью Кольского филиала связано также открытие

крупнейших в мире слюдяных месторождений. Разрабатывались комплексные проблемы, связанные с организацией горно-обогатительного производства в специфических условиях Севера. Учеными Карельского филиала было открыто Костомукшское железорудное месторождение. Для его разработки построен одноименный горно-обогатительный комбинат, на котором проведены технологические промышленные и полупромышленные испытания пород и внедрены малоотходные технологии [11]. Экономисты Коми филиала АН СССР активно работали по проблеме комплексного развития производительных сил Севера (1950-е гг.). Исследования проводились в рамках разработки предложений к Генеральным схемам развития и размещения производительных сил и РСФСР, и СССР.

1970-е гг. – период начала массовой индустриализации Севера. В этих условиях требовались новые энергетические и транспортные коммуникации. Возросло значение обрабатывающих отраслей. Перед исследователями стояли задачи научного обеспечения организации новых отраслей промышленности. Три северных филиала – Кольский, Карельский и Коми – научно обосновали необходимость формирования Тимано-Печорского территориально-производственного комплекса (далее – ТПК) в Коми АССР, Кольского горнопромышленного комплекса (далее – КГПК). На основе комплексного использования минерального сырья Кольского полуострова разработан прогноз комплексного освоения природных ресурсов с обоснованием принципиальных направлений производительных сил европейского Севера СССР на период 1981 – 2000 гг.

1990-х гг. – кризисный период. В эти годы началось резкое снижение роли государства в Арктике, что было следствием приватизации крупнейших промышленных предприятий. Инициатива индустриального развития северных и арктических территорий оказалась в руках у коммерческих структур. Созданная на Севере инфраструктура поддерживалась с трудом. Коммерческая выгода диктовала иную, отличную от советской модель развития экономики регионов Крайнего Севера. Для сокращения издержек и увеличения чистой прибыли бизнес начал отказываться от низкорентабельных производств, сокращать социальную нагрузку (отказывая в содержании социальных объектов и инфраструктуры). В итоге субарктические и арктические территории по всему Российскому Северу («обезлюдели»), а предметом научной дискуссии стал вопрос перевода арктических предприятий на вахтовый метод работы [12, 13].

За 1990 – 2000-х гг. в Российской Арктике «сданы» многие позиции, достигнутые предыдущими поколениями. В то же время в глобальном циркумполярном масштабе Российский арктический сектор обладает колоссальным ресурсным потенциалом. Арктика, являясь одним из лидеров по производству и экспорту углеводородов, уже в ближайшие годы может стать главным источником в масштабах страны. В российской части Баренц-региона богатейшей топливной провинцией мирового значения становится Ненецкий автономный округ (НАО). Велики запасы открытых в 1930-е гг. редкоземельных металлов, хромитовых и марганцевых руд (Мурманская область и Карело-Кольский район). В европей-

ской части РФ самые высокие прогнозные показатели по углю (190 млрд. т) имеет Печорский угольный бассейн. С другой стороны, страны Западной Европы и США все активнее выступают за прекращение хозяйственной деятельности в Арктике и превращение ее в своеобразный заповедник. Таким образом, научные разработки академической и отраслевой науки являются базисом для дальнейшего промышленного развития Крайнего Севера России и практически единственным инструментом по отстаиванию российских интересов в повестках рационального природопользования и декарбонизации.

В настоящее время мы наблюдаем взрывное развитие и распространение новых технологий, их проникновение во все сферы человеческой деятельности, что приводит к быстрым и глубоким изменениям архитектуры рынков, бизнес-моделей и организационных структур, действующих в том числе и в Арктике. Современная геополитическая ситуация диктует России дальнейшее расширение ресурсной базы, способной обеспечить ее потребности в минеральных и углеводородных видах сырья. Дальнейшее освоение высокоширотных территорий позволит решать прежде всего стратегические задачи социально-экономического развития страны. При этом становится совершенно очевидно, что дальнейшее освоение обширных пространств Российского Севера и Арктики, их социально-экономическое и технологическое развитие невозможно без единой государственной политики. Этим объясним небывалый «всплеск» в последнее десятилетие законодательной инициативы в сфере арктической тематики¹. В этих документах обозначен перечень актуальных проблем и вопросов в стратегическом развитии Арктического региона. Как отмечают исследователи, «Государственная программа "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации" разработана при активном участии и экспертной оценке научного сообщества. Она предусматривает создание крупных проектов федерального значения для решения первоочередных задач в масштабах макрорегиона, а не отдельных отраслей хозяйствования. Подобный подход на всех этапах планирования, целеполагания и финансирования предполагает создание в АЗРФ "опорных зон развития Арктики", которые будут объединены морскими портами Северного морского пути и оказать влияние на развитие "тяготеющих территорий"» [14]. Реализация этих и многих других программных документов невозможна без участия науки, которая должна обеспечить мониторинг, прогноз, а при необходимости сформирует предложения по развитию принципиально новых высокотехнологичных секторов, глубокой техноло-

гической модернизации традиционных отраслей и производств, сохраняя экологию и традиционную культуру малочисленных народов Севера. Перечислим лишь некоторые направления для развития комплексных исследований.

В результате происходящих климатических изменений будет возрастать значение Северного морского пути как транспортного коридора мирового значения, используемого для перевозки национальных и международных грузов. Перед регионами, имеющими выход на СМП, могут открыться обширные перспективы для развития: это и обеспечение деятельности самого СМП, и обеспечение объемов обратной грузовой базы (в восточном направлении), и создание транспортных коридоров с южными регионами России [15].

С другой стороны, активное освоение ресурсов и глобальное потепление климата оказывают негативное влияние на экологическую ситуацию. Именно с этой причиной многие исследователи связывают таяние многолетних льдов в регионе: «Арктический регион полон объектов, которые являются потенциально опасными в радиационном отношении. Работают предприятия горнодобывающей, тяжелой и перерабатывающей промышленности. Остро стоит вопрос об утилизации промышленных отходов, в огромном количестве накапливающихся вокруг промышленных предприятий. Из-за особенностей циркуляции воздушных масс в Арктике загрязняющие вещества, газовые и аэрозольные примеси скапливаются в ее атмосфере» [16]. «В связи с этим необходимо актуализировать проблематику мониторинга природных процессов и оценки их влияния на социально-экономическое развитие Арктики и других регионов Севера» [17]. Такие природные характеристики, как климатический дискомфорт, недостаток ультрафиолета, многолетнемерзлые грунты, заболоченность, сложная ледовая обстановка, геомагнитная активность, слабый потенциал восстановления биоценозов тундры и тайги – необходимо экономически отразить как условия формирования среды жизнедеятельности и ввести в систему зонального (арктического) проектирования природно-технических и социальных комплексов.

В Арктической зоне проживает 19 малочисленных народов, располагаются объекты их историко-культурного наследия, имеющие историческую и культурную ценность общепланетарного значения. Проблема изучения и сохранения историко-культурного наследия не потеряла своей остроты. Проблемы гуманитарного развития Арктики надо решать в комплексе, так как они тесно взаимосвязаны и акцентирование усилий на решении каких-то отдельных конкретных задач без решения сопутствующих проблем не даст необходимого эффекта, а способно лишь усугубить проблемы развития данной территории [18]. Следствие – массовый исход населения, а численность жителей некоторых стратегически важных поселений даже на Европейском Севере, освоение которого началось еще в XI в., сократилось с 1989 г. в несколько раз [19, 20].

Вопрос улучшения демографической ситуации тесно пересекается с вопросом повышения качества жизни человека. Изучение условий проживания на северных территориях имеет фундаментальное значение для обеспечения и сохранения популяции населения в регионе.

¹ «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (2008 г.); государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (2013 г.) (обновленная редакция 2021 г.), «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (2020 г.), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2020 г.), «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (2020 г.).

На организм человека на Севере действует комплекс неизбежных экстремальных природно-климатических факторов, что ведет к ухудшению показателей здоровья, снижению функциональных резервов организма, развитию ряда заболеваний. Такая постановка вопроса требует создания современных технологий здоровьесбережения населения северных регионов и профилактики («северной патологии»), обусловленной влиянием неизбежных природно-климатических факторов Севера [21].

В последнее время в глобальной научной повестке поднимается ряд проблем, которые оказывают существенное влияние на геополитическую повестку и напрямую связаны с Арктикой, но до сих пор не нашли достойного места в программах исследований научно-образовательных организаций (далее – НОО). Глобальное потепление – одна из проблем «больших вызовов». В северном полушарии температура повысилась в среднем на 1,5 °С, в Арктике – на 3 °С. В связи с этим одной из приоритетных тем является изучение вечной мерзлоты. В России сконцентрированы самые большие площади вечной мерзлоты. В предыдущие годы в нашей стране, в академических и ведомственных институтах, университетах, эта тематика широко изучалась. Возможный экономический ущерб от деградации мерзлоты оценивается триллионами рублей. В этих условиях необходимо на современном уровне знаний актуализировать мерзлотные исследования, предложить практические решения: точные карты и круглогодичный мониторинг, а также прогноз ситуации.

Другая глобальная проблема – углеродный след. В условиях ужесточения требования к эмиссии парниковых газов задача снижения углеродного следа в нашей стране приобретает особое звучание. Россия, благодаря своим природным экосистемам, один из главных мировых экологических и климатических доноров. Понимая геозкономические интересы ряда европейских стран, которые будут требовать от России более радикального снижения эмиссии и игнорировать поглощающие способности российских природных экосистем, нашей стране в ближайшие годы потребуются динамические карты распределения парниковых газов, позволяющие отслеживать изменение ситуации, подтверждать объемы поглощения газа и искать способ дополнительного депонирования углерода.

Особое звучание научным исследованиям придает геополитическая экологическая повестка. США и Евросоюз требуют от Северных членов Евросоюза введения новых ограничений на добычу природных ископаемых в Арктической зоне, приостановки разработки проектов и говорят о формировании из этого региона своеобразного заповедника. В сложившихся условиях перед российскими учеными стоит задача по отстаиванию геополитических интересов России, изучению вопросов компенсации нанесенного экологического ущерба, создания комфортных условий для населения, сохранения традиционной культуры малых народов и формирования новой (отличительной от советской) экономической стратегии развития АЗРФ. В европейской части Российской Арктики функционируют четыре Федеральных исследовательских центра (Архангельский, Кольский, Карельский и Коми), а так-

же пять университетов (Северный (арктический) федеральный университет, Вологодский, Петрозаводский, Сыктывкарский и Ухтинский университеты). Они должны взять на себя научное обеспечение стратегии развития западного сегмента АЗРФ. Для этого необходимо скоординировать их исследования в рамках единой комплексной программы развития Арктики.

Сегодня государство предлагает несколько механизмов организации комплексных междисциплинарных исследований. Верхнеуровневым инструментом являются Федеральные научно-технические программы (далее – ФНТП), с их помощью предполагается сконцентрировать отрасли экономики, корпорации и ведомства на научно-технические задачи, решение которых необходимо для обеспечения национальной безопасности, в том числе и в АЗРФ. В рамках подпрограмм ФНТП формируются комплексные научно-технические проекты (далее – КНТП), объединяющие научно-исследовательские организации, вузы и представителей реального сектора экономики (заказчиков). КНТП включают в себя все этапы инновационного цикла: от получения новых фундаментальных знаний до их практического использования, создания технологий, продуктов и услуг и их выхода на рынок.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 января 2018 г. № 16 создано семь Советов по приоритетным направлениям научно-технологического развития, которые отбирают и формируют наиболее перспективные проекты и программы. В связи с утверждением «Основ государственной политики...» и «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации...» возникла необходимость разработки единого плана их реализации. Советом по приоритетному направлению СНТР 20 («е») «Связанность территории Российской Федерации ...» подготовлено предложение о включении в данный план мероприятий по разработке и реализации ФНТП «Устойчивое развитие российской Арктики», в основу которого положены ранее одобренные заявки на разработку КНТП «Платформенные решения для комплексного освоения территорий» и «Разработка технологий, систем проектирования, мониторинга и управления тепловым состоянием промышленных и гражданских объектов в условиях Арктики» [22]. Внедрение данной КНТП должно осуществляться посредством сетевого взаимодействия, в форме консорциумов, участникам которых, помимо НОО, обязательно должны стать корпорации или промышленные партнеры, заинтересованные в результатах научных исследований, а также государственные регуляторы (Минобрнаука РФ РАН и др.).

Второй механизм (являющийся логическим продолжением ФНТП и КНТП), способный интегрировать НОО СЗРФ – научно-образовательные центры международного уровня (далее – НОЦ). Один из них, «Российская Арктика, новые материалы, технологии и методы исследования», был создан в САФУ в 2020 г. Организаторами НОЦ выступили губернаторы Архангельской, Мурманской областей, а также Ненецкого автономного округа. Исполнителями проектов – вузы и НИИ СЗРФ и крупнейшие предприятия регионов. Цель НОЦа – интеграция учреждений высшего образования, научных организаций и предприятий реального сектора экономики, для

реализации научного потенциала, реализации исследований полного цикла и внедрения инновационных технологий в производство. С помощью реализуемых проектов у реального сектора экономики появится возможность, с одной стороны, занять ведущие позиции на новых высокотехнологичных рынках, а с другой – создать условия для глубоких технологических и организационных трансформаций в экономике арктических регионов. Проектное финансирование позволяет формировать межинститутские творческие коллективы под конкретные задачи, а личное участие губернаторов гарантирует возможность в ручном режиме преодолевать административные барьеры. Проект уже реализуется и приносит первые плоды. Пока в форме патентов и высокорейтинговых статей, но вскоре появятся первые технологии, специально созданные под нужды предприятий, работающих в Арктике.

Наконец, третий интеграционный инструмент, который призван придать энергию системе высшего образования в стране, форсировать развитие науки в сильнейших вузах – программа стратегического академического лидерства («Приоритет – 2030»), флагман национального проекта («Наука и университеты»). Основными участниками проекта стали консорциумы крупнейших вузов и научных организаций, которые помимо развития университетов должны сосредоточиться на проведении прорывных научных исследований и создании наукоемкой продукции и технологий, наращивании кадрового потенциала сектора исследований и разработок, создании условий для социально-экономического развития территорий, технологическом развитии отраслей.

Петрозаводский государственный университет выступил с инициативой создания Северо-европейского открытого научно-образовательного консорциума, в состав которого также вошли большинство НОО СЗРФ [23]. К сожалению, в конкурсе 2021 г. этот проект не попал в число финалистов. Однако у консорциума есть большой потенциал и, безусловно, он найдет свою нишу либо в будущих мероприятиях проекта «Приоритет – 2030», либо в других механизмах, направленных на консолидацию научных работ.

Таким образом, систематическое научное освоение Российской Арктики началось лишь в конце XIX – начале XX вв. и было связано с необходимостью защитить территориальные интересы государства. Научные исследования открыли богатство северных территорий и благодаря созданию на Севере сети научных организаций уже в 1930-е гг. здесь была сформирована мощная промышленная база, снабжающая Россию и Европу минерально-сырьевыми ресурсами. В конце XX в., когда роль государства стала неуклонно сокращаться, а вопросы экономической целесообразности вышли на первый план, облик Российской Арктики изменился. Она обезлюдела. При этом геополитическая и экономическая важность присутствия России в Арктике только возросла. Очевидно, что в ближайшее десятилетие, в условиях смягчения климата в Арктике, конкуренция за влияние в этом регионе, за минерально-сырьевые ресурсы будет ужесточаться, и Россия должна быть готова к новым политическим, экономическим и технологическим вызовам.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0011.

• Литература

1. Булатов, В.Н. Наука на Архангельском севере: исторический очерк / В.Н. Булатов. – Архангельск: Поморский университет. – Москва, 2007. – 280 с.
2. Белов, М.И. История открытия и освоения Северного морского пути с древнейших времен до середины XIX века / М.И. Белов. – Москва: Морской транспорт, 1956. – 592 с.
3. Проблемы Северного морского пути / отв. ред. А.Г. Гранберг, В.И. Пересыпкин. – Москва: Наука, 2006. – 581 с.
4. Самарин, А.В. Предпосылки и истоки организации стационарных академических учреждений на Европейском Севере России (XVIII – XX вв.) / А.В. Самарин // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2014. – № 3(19). – С. 6 – 15.
5. Тимошенко, А.И. Россия в Арктике: проблемы изучения исторического опыта освоения региона / А.И. Тимошенко, А.Х. Элерт // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23, № 3. – С. 5 – 12.
6. Филиппова, Т.П. Изучение европейского Севера России Геологическим комитетом в 1882 – 1918 гг. / Т.П. Филиппова // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 3. – С. 160 – 177.
7. Сабуров, А.А. Организация советских арктических исследований в 1920-х годах: планирование и координация научной деятельности / А.А. Сабуров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2016. – № 3. – С. 41 – 48.
8. Тимошенко, А.И. Российская региональная политика в Арктике XX – XXI вв.: проблемы стратегической преемственности / А.И. Тимошенко // Арктика и Север. – 2011. – № 4. – С. 1–13.
9. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. акад. А.И. Татаркина. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – 844 с.
10. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 34. Д.144. Л. 34 – 36.
11. Архив Карельского НЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4. Л. 29.
12. Журавель, В.П. Вопросы социального развития в Арктической зоне РФ: состояние и перспективы / В.П. Журавель // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник, Курск, 05 – 06 июня 2020 года. – Москва, 2020. – С. 447 – 450.
13. Approaches to Nordifikation of High-Latitude Construction Engineering / I. S. Inzhutov, V. I. Zhadanov, A. Falk [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Engineering and Technologies. – 2019. – Vol. 12. – No 2. – P. 222 – 230. – DOI 10.17516/1999-494X-0131.
14. Формирование опорных зон в Арктике: методология и практика / О. О. Смирнова, С. А. Липина, Е. В. Кудряшова [и др.] // Арктика и Север. – 2016. – № 25. – С. 148 – 157.
15. Бурцев, И.Н. Перспективы индустриально-транспортного развития Республики Коми / И.Н. Бурцев, Т.Е. Дмитриева, И.Г. Бурцева //

- Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2016. – № 3(27). – С. 121 – 128.
16. Горлышева, К.А. Экологические проблемы арктического региона / К.А. Горлышева, В.Н. Бердникова // *Международный студенческий научный вестник*. – 2018. – № 5. – С. 288.
 17. Striking the balance: challenges and perspectives for the protected areas network in north-eastern European Russia / S. V. Degteva, V. I. Ponomarev, S. W. Eisenman, V. Dushenkov // *Ambio*. – 2015. – N 2. – P. 1 – 18.
 18. Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски / Ю. П. Шабаяев, В. Н. Бирин, Н. П. Миронова [и др.]. – Москва, 2021. – 388 с.
 19. Фаузер, В.В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, А.В. Смирнов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 158 – 174.
 20. Berman, M. Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movements in the Arctic / M. Berman, H. Lance // *Proceedings of the International Conference on Urbanisation of the Arctic*. – Stockholm: Nordregio, 2012. – P. 108 – 122.
 21. Солонин, Ю.Г. Медико-физиологические аспекты жизнедеятельности в Арктике / Ю.Г. Солонин, Е.Р. Бойко // *Арктика: экология и экономика*. – 2015. – № 1 (17). – С. 70 – 75.
 22. Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными / Информационно-аналитический центр «Наука». – Москва, 2021. – 190 с. – URL: <https://www.inr.ru/rus/2021/doclad-ran.pdf>. (дата обращения: 09.09.2021).
 23. Вузы Северо-Запада и других регионов России объединились в научно-образовательный консорциум – URL: <http://rk.karelia.ru/social/science/vuzy-severo-zapada-i-drugih-regionov-rossii-obedinilis-v-nauchno-obrazovatelnyj-konsortsium/> (дата обращения: 09.09.2021).
- **References**
1. Bulatov, V.N. Nauka na Arkhangel'skom severe: istoricheskiy ocherk [Science in the North of Arkhangelsk: a historical sketch] / V.N. Bulatov. – Arkhangelsk: Pomor Univ. – Moscow, 2007. – 280 p.
 2. Belov, M.I. Istoriya otkrytiya i osvoyeniya Severnogo morskogo puti s drevneyshikh vremen do serediny XIX veka. [The history of the discovery and development of the Northern Sea Route from ancient times to the middle of the XIX century] / M.I. Belov. – Moscow: Sea transport, 1956. – 592 p.
 3. Problemy Severnogo morskogo puti [Problems of the Northern Sea Route]. – Moscow: Nauka, 2006. – 581 p.
 4. Samarin, A.V. Predposylki i istoki organizatsii statsionarnykh akademicheskikh uchrezhdeniy na Yevropeyskom Severe Rossii (XVIII – XX vv.) [Preconditions and origins of the organization of stationary academic institutions in the European North of Russia (XVIII – XX centuries)] / A.V. Samarin // *Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS*. – 2014. – № 3(19). – P. 6 – 15.
 5. Timoshenko, A.I. Rossiya v Arktike: problemy izucheniya istoricheskogo opyta osvoyeniya regiona [Russia in the Arctic: problems of studying the historical experience of the development of the region] / A.I. Timoshenko, A.Kh. Elert // *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], – 2016. – Vol. 23. – № 3. – P. 5 – 12.
 6. Filippova, T.P. Izucheniye evropeyskogo Severa Rossii Geologicheskim komitetom v 1882 – 1918 gg. [Study of the European North of Russia by the Geological Committee in 1882 – 1918] / T.P. Filippova // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya* [Historical Journal: scientific research]. – 2020. – № 3. – P. 160 – 177.
 7. Saburov, A.A. Organizatsiya sovetских arkticheskikh issledovaniy v 1920-kh godakh: planirovaniye i koordinatsiya nauchnoy deyatel'nosti [Organization of Soviet Arctic research in the 1920s: planning and coordination of scientific activities] // *Bull. of the Northern (Arctic) Federal Univ. Series Humanities and Social sciences*. – 2016. – № 3. – P. 41 – 48.
 8. Timoshenko, A.I. Rossiyskaya regional'naya politika v Arktike XX – XXI vv.: problemy strategicheskoy preyemstvennosti [Russian regional policy in the Arctic in the XX – XXI centuries: problems of strategic continuity] / A.I. Timoshenko // *The Arctic and the North*. – 2011. – № 4. – P. 1 – 13.
 9. Rossiyskaya Arktika: sovremennaya paradigma razvitiya [The Russian Arctic: a modern development paradigm] / Ed. acad. A.I. Tatarin. – St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. – 844 p.
 10. Arkhiv RAN [Archives of the RAS]. F.2. Op. 34. D.144. L. 34 – 36.
 11. Arkhiv Karelskogo NTs RAN [Archive the Karelian Sci. Centre, RAS]. F.2. Op. 2. D.4. L. 29.
 12. Zhuravel', V.P. Voprosy sotsial'nogo razvitiya v Arkticheskoy zone RF: sostoyaniye i perspektivy [Issues of social development in the Arctic zone of the Russian Federation: state and prospects] / V.P. Zhuravel' // *Russia: Trends and prospects of development: Yearbook, Kursk, June 5 – 6, 2020*. – Moscow, 2020. – P. 447 – 450.
 13. Approaches to Nordifikation of High-Latitude Construction Engineering / I.S. Inzhutov, V.I. Zhadanov, A. Falk et al. // *J. of Siberian Federal Univ. Engineering and Technologies*. – 2019. – Vol. 12. – No 2. – P. 222 – 230. – DOI 10.17516/1999-494X-0131.
 14. Formirovaniye opornykh zon v Arktike: metodologiya i praktika [Formation of support zones in the Arctic: methodology and practice] / O.O. Smirnova, S.A. Lipina, E.V. Kudryashova et al. // *The Arctic and the North*. – 2016. – № 25. – P. 148 – 157.
 15. Burtsev, I.N. Perspektivy industrial'no-transportnogo razvitiya Respubliki Komi [Prospects for industrial and transport development of the Komi Republic] / I.N. Burtsev, T.E. Dmitrieva, I.G. Burtseva // *Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS*. – 2016. – № 3(27). – P. 121 – 128.
 16. Gorlysheva, K.A. Ekologicheskiye problemy arkticheskogo regiona [Ecological problems of the Arctic region] / K.A. Gorlysheva, V.N. Berdnikova // *Intern. Student Scientific Bull.* – 2018. – № 5. – P. 288.
 17. Striking the balance: challenges and perspectives for the protected areas network in north-eastern European Russia / S.V. Degteva, V.I. Ponomarev, S.W. Eisenman, V. Dushenkov // *Ambio*. – 2015. – No. 2. – P. 1 – 18.

18. Molodezh' v politicheskom i kul'turnom prostranstve respublik s finno-ugorskim naseleniyem: pozitsii, nastroyeniya, riski [Young people in political and cultural space of the republics with finno-ugric population: attitudes and risks] / Yu.P. Shabaev, V.N. Birin, N.P. Mironova et al. – Moscow, 2021. – 388 p.
19. Fauzer, V.V. Naseleniye Mirovoy Arktiki: rossiyskiy i zarubezhnyy podkhody k izucheniyu demograficheskikh problem i zaseleniyu territoriy [The population of the World Arctic: Russian and foreign approaches to the study of demographic problems and the settlement of territories] / V.V. Fauzer, T.S. Lytkina, A.V. Smirnov // Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. – 2020. – Vol. 13. – № 3. – P. 158 – 174.
20. Berman, M. Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movements in the Arctic / M. Berman, H. Lance // Proc. of the Intern. Conference on Urbanisation of the Arctic. – Stockholm: Nordregio, 2012. – P. 108 – 122.
21. Solonin, Yu.G. Mediko-fiziologicheskiye aspekty zhiznedeyatel'nosti v Arktike [Medical and physiological aspects of life in the Arctic] / Yu.G. Solonin, E.R. Bojko // Arktika: ekologiya i ekonomika [The Arctic: Ecology and economics]. – 2015. – № 1 (17). – P. 70 – 75.
22. Doklad o realizacii gosudarstvennoi nauchno-tehnicheskoi politiki v Rossiiskoi Federacii i vazhneishih nauchnih dostizheniyah, poluchennyh rossiiskimi uchenymi [Report on the implementation of the state scientific and technical policy in the Russian Federation and the most important scientific achievements obtained by Russian scientists] / Information and Analytical Center "Science". – Moscow, – 2021. – 190 p. Available at: <https://www.inr.ru/rus/2021/doklad-ran.pdf>. (accessed: 09.09.2021).
23. Vuzy Severo-Zapada i drugih regionov Rossii obyedinilis' v nauchno-obrazovatelnyy konsorcium [The universities of the North-West and other regions of Russia have united in a scientific and educational consortium]. Available at: <http://rk.karelia.ru/social/science/vuzy-severo-zapada-i-drugih-regionov-rossii-obedinilis-v-nauchno-obrazovatelnyj-konsortsium> (accessed: 09.09.2021).

Статья поступила в редакцию 21.02.2022
The Editorial Office received the paper on 21.02.2022

С.А. СИМАКОВА

СТАНОВЛЕНИЕ ХИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОМИ ФИЛИАЛЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1940 – 1960-Е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
отдел гуманитарных междисциплинарных
исследований,
г. Сыктывкар
simakova74@list.ru

S.A. SIMAKOVA

FORMATION OF CHEMICAL RESEARCH IN THE KOMI BRANCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE 1940s – 1960s IN THE CONTEXT OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE REGION

Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS, Department of Interdisciplinary
Humanities Research,
Syktyvkar

Аннотация

В статье рассмотрен период становления химических исследований в академическом учреждении, организованном в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Определено, что основным фактором, обусловившим организацию и развитие научных исследований в области химии в республике, является промышленное освоение природно-ресурсного потенциала этого региона. Показаны основные достижения ученых химиков, сыгравших большую роль в развитии химической науки в северном академическом учреждении.

Ключевые слова:

химические исследования, Коми филиал Академии наук СССР, лесохимия, Республика Коми, промышленное развитие

Abstract

The paper considers the period of formation of chemical research in an academic institution organized in the Komi ASSR during the Great Patriotic War. It was determined that the main factor that caused the organization and development of scientific research in the field of chemistry in the republic was the industrial development of the natural resource potential of this region. The main achievements of chemists who played a major role in the development of chemical science in the northern academic institution are shown.

Keywords:

chemical research, Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, wood chemistry, Komi Republic, industrial development

The study based on a wide range of archival and published sources examines the history of the formation of chemical research in the Komi branch of the USSR Academy of Sciences as part of the industrial development of the republic. The source base of the study consists of the documents of the Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Documents on this issue are introduced into scientific circulation for the first time. It was defined that the impetus for the development of this scientific direction was the need to solve practical problems for the processing industry of the region. In the 1940s these problems had to be solved by scientists evacuated from the central regions. The development of chemical research during this period was hindered by the weak material and technical base of the newly created institution, the distance from the center of the country, and, as a result, the lack of specialists, scientific and methodological literature. In fact, these problems stopped the work begun in the field of chemistry in the academic institution in 1946. A new stage in the development of chemical research occurred in the second half of the 1960s and was associated with the formation of pulp and paper production, which was unfolding during this period in the region and required scientific solutions

and developments in this field. During this period, systematic and planned research on the chemistry and chemical technology of wood began in the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. One of the most important events for the development of chemical science in the republic in the 1960s was the implementation of government measures aimed at intensifying scientific research in the country, in particular, organizing definitive training and strengthening the material and technical base of scientific institutions. The work of chemists of the academic institution in the 1940–1960s was aimed at improving existing methods and creating new ones for the processing of oil shale and chemical processing of wood.

Химическая наука оказывает влияние на многие сферы общественной жизни, создавая условия для их развития. Особенно ярко этот процесс проявляется в производственной сфере. Как наука о веществах и их превращениях, в результате которых из исходных материалов получают продукты с иными свойствами, необходимыми человеку, химия играет одну из основных ролей в функционировании практически всех отраслей промышленности. Успехи химической науки приводят к появлению высокотехнологичных наукоемких производств, что является условием развития современного государства. Включение науки в народнохозяйственную систему советского государства началось в конце 1920-х гг., работа ученых в этот период была направлена на осуществление индустриализации в СССР – развитие машиностроения, энергетики, химической промышленности, металлургии. В связи с необходимостью расширения данных отраслей промышленности правительство обратило внимание на перспективные для их создания районы СССР, обеспеченные природным сырьем, в числе которых была Автономная область Коми (с 1936 г. – Коми АССР). В результате в 1930-е гг. на территории республики открыты месторождения угля, нефти и газа, и началось их промышленное освоение. В 1930 – 1940-е гг. в республике основаны угольная, нефтяная отрасли промышленности, в конце 1960-х гг. – целлюлозно-бумажное производство. Создание этих наукоемких отраслей в регионе способствовало становлению и успешному развитию исследований в области химии и химической технологии древесины и горючих ископаемых. В период современного реформирования научной сферы, создания новых механизмов ее функционирования, в том числе взаимодействия с государственными структурами и производственной сферой, перед наукой встала острая необходимость обеспечить сохранение и дальнейшее развитие ее потенциала. В этой связи полезно взглянуть на предыдущий период и проанализировать опыт становления научных исследований в регионе в 1940 – 1960-е гг., характеризующийся интенсивным развитием науки и производства.

Работы по истории химических исследований в северном академическом учреждении немногочисленны. Основные исследования посвящены военному периоду, научным работам по горючим сланцам Айювинского месторождения доктора химических наук Д.Н. Курсанова, а также деятельности лаборатории химии древесины Базы АН СССР по изучению Севера в г. Сыктывкаре Коми АССР в 1941 – 1946 гг. [1; 2]. Краткая

история формирования основных направлений химических исследований, наиболее значимые результаты работы Отдела химии Коми филиала АН СССР отражены в ряде юбилейных изданий [3; 4]. История химических исследований в послевоенный период освещена недостаточно. Между тем этот период в регионе характеризуется интенсивным развитием наукоемких отраслей промышленности – нефте- и газоперерабатывающей, а также целлюлозно-бумажного производства. Происходила модернизация предприятий по переработке нефти и газа, организованных в 1930-х – начале 1940-х гг. – вводили в строй новые основные установки, осваивались современные технологии переработки сырья, что давало возможность расширить ряд выпускаемой продукции, повысить экологическую безопасность производства. В 1969 г. начал работу Сыктывкарский лесопромышленный комплекс, одно из крупнейших предприятий страны по комплексной химической переработке древесины. Расширение и рост производства способствовали развитию химических исследований в академическом учреждении, отраслевых институтах и вузах региона. В связи с этим является необходимым изучение истории химических исследований в контексте индустриального развития региона.

Цель данной работы – изучение истории развития химических исследований в Коми филиале Академии наук СССР, выявление региональных особенностей этого процесса. Историю химической науки в северном академическом учреждении отражают документы Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Это нормативные документы: постановления Президиума Академии наук СССР о деятельности Коми филиала и Отдела химии; делопроизводственная документация: протоколы заседаний Бюро Отделения химических наук АН СССР, Президиума Коми филиала АН СССР и отчетные документы – отчеты о научной и научно-организационной деятельности Коми филиала АН СССР, научные отчеты Отдела химии и его сотрудников. Анализ этих документов позволил решить ряд задач: определить основные этапы развития научных направлений; роль партийно-государственных структур в истории химической науки в учреждении; основные факторы, повлиявшие на становление химических исследований в Коми филиале АН СССР; наиболее значимые достижения ученых химиков в развитии химической науки и технологии.

Научное освоение региона началось в 1920-е гг. В это время несколько центральных научно-исследовательских организаций и учреждений, таких как Академия наук СССР, Геологический комитет ВСНХ СССР, Северная научно-промысловая экспедиция, Управление северных лагерей особого назначения ОГПУ СССР, организовали работу комплексных экспедиций, подготовивших обоснования для освоения запасов угля, нефти и других природных ресурсов Автономной области Коми (Зырян). В 1924 г. А.А. Чернов сделал важный научный вывод о существовании в Северо-Восточной части СССР «большого каменноугольного бассейна», который позднее был назван Печорским. В 1930 г. открыто первое месторождение с промышленными запасами нефти – Чибьюское, в том же году Г.А. Черновым в бассейне на р. Воркута были обнаружены коксующиеся угли. Результа-

ты научно-исследовательских работ послужили основанием для промышленного освоения региона. В 1931 г. Президиумом ВСНХ СССР принято Постановление «О развитии топливной базы в Северном крае» [5, с. 34], ставшее отправной точкой осуществления интенсивных геологоразведочных работ и становления промышленности на территории области. В 1932 г. началась разработка Чибьюского месторождения легкой нефти и Ярегского месторождения тяжелой нефти. В 1934 г. в г. Воркуте введена в строй первая угольная шахта, затем новая мощная шахта «Капитальная», в 1940 – 1941 гг. заложены еще пять угольных шахт [6, с. 51, 64]. В 1935 г. открыто Седьельское месторождение газа. Так, в 1930 – 1940-е гг. в регионе началось развитие угольной, нефтяной и газодобывающих отраслей промышленности.

С организацией добывающего производства в республике строились предприятия по переработке нефти и газа. В 1934 г. пущена в эксплуатацию первая нефтеперерабатывающая установка на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе, предприятии по первичной переработке нефти, добываемой в регионе. К началу Великой Отечественной войны на заводе налажен выпуск продукции топливного назначения (бензин, керосин, солярка и мазут) [7, т. 3, с. 229]. В 1941 г. в пос. Сосновка было построено предприятие газоперерабатывающей отрасли – газоперерабатывающий (сажевый) завод на базе Седьельского месторождения газа. Уже к концу 1941 г. на сажевой установке завода были получены первые образцы газовой канальной сажи – важного компонента при изготовлении резины [7, т. 1, с. 194].

Другой приоритетной народнохозяйственной задачей, связанной с индустриализацией, в конце 1920-х гг. стало промышленное освоение лесных ресурсов региона. В марте 1929 г. на Седьем съезде Советов Коми АО был утвержден первый пятилетний план хозяйственно-культурного строительства области. В нем намечался значительный рост объема лесозаготовок (большей частью для экспорта с целью накопления валютного фонда) [6, с. 52]. Заготовки деловой древесины для экспорта за рубеж преобладали до начала Великой Отечественной войны [8, с. 19]. А в годы войны древесину доставляли из Коми АССР оборонным предприятиям страны, на снабжение топливной промышленности и транспорта. Отсутствие лесохимической промышленности было причиной нерационального использования лесных ресурсов, недостаточного освоения отходов лесозаготовок, что приводило к их порче.

Развитие нефтегазоперерабатывающей и лесной отраслей в республике нуждалось в улучшении существующих технологий и новых научных разработках. Однако заводские лаборатории, организованные на предприятиях, не могли обеспечить необходимого уровня исследований, и вопрос создания химического научно-исследовательского учреждения в регионе стал актуальным уже в 1940-е гг.

В годы Великой Отечественной войны процесс эвакуации научных учреждений вглубь страны способствовал концентрации квалифицированных кадров в отдаленных регионах, в том числе и в Коми АССР. В республику в 1941 г. эвакуированы Кольская база АН СССР из г. Кировска Мурманской области и Северная база

АН СССР из г. Архангельска. На их основе создано академическое учреждение База Академии наук СССР по изучению Севера. Научное учреждение было сразу ориентировано на решение вопросов, связанных с поиском, изучением и внедрением в производство местных сырьевых ресурсов, необходимых для нужд обороны [9, с. 3].

В структуре учреждения была создана химическая лаборатория для решения задач по переработке древесины. В 1941 – 1942 гг. лабораторией руководил ученый, эвакуированный из г. Москвы, химик-органик Д.Н. Курсанов¹. Первую проблему для исследований предложил Промысловый союз кооперативов Коми АССР, который объединял и контролировал деятельность промартелей республики, снабжал их сырьем и материалами, занимался сбытом их продукции. С началом Великой Отечественной войны перед предприятиями промышленной кооперации региона встал вопрос о необходимости расширения производств и увеличения выпуска продукции из местного сырья в связи с прекращением поставок из-за пределов республики. Однако уровень технического оснащения предприятий местной промышленности был низким. Он обеспечивался в меньшей степени за счет завоза новых установок, в большей – за счет демонтажа неиспользованного оборудования. Для расширения лесохимического производства по получению сухоперегонного скипидара, осуществляющегося силами небольших артелей Промсоюза Коми АССР, перед организацией была поставлена задача – подобрать оборудование и спроектировать ряд смоло-скипидарных заводов, которые бы выпускали продукт максимально высокого качества.

Для решения этой технической задачи в лаборатории химии древесины исследовали свойства и состав сухоперегонного скипидара, полученного при разных условиях [10, л. 2]. Лаборатория Базы в этот период только организовывалась, оборудования и реактивов было недостаточно для глубокого исследования, поэтому ученым пришлось ограничиться физико-химическим анализом образцов. Сотрудники базы проанализировали несколько видов скипидара – живичного (получаемого перегонкой натуральной хвойной живицы) и несколько образцов сухоперегонного (продукта перегонки кусков древесины с высоким содержанием смол), изготовленного на различных установках [10, л. 6, 6 об., 7 об.]. В результате исследований, проведенных в 1941 – 1942 гг., Д.Н. Курсановым был сделан вывод об оптимальном технологическом режиме и условиях, при которых можно получить скипидар наиболее высокого качества на предприятиях местной промышленности.

В годы Великой Отечественной войны в стране остро встала проблема снабжения горючими материалами, в связи с чем возникла необходимость в научных работах по поиску и изуче-

¹ Курсанов Дмитрий Николаевич, доктор химических наук (1944 г.), член-корреспондент АН СССР (1953 г.), лауреат Ленинской премии (1963 г.). Окончил Московский государственный университет в 1924 г. Ученик химика-органика и нефтехимика академика С.С. Наметкина. Научная деятельность Дмитрия Николаевича была посвящена изучению механизмов реакций и реакционной способности органических соединений [1].

нию топливных ресурсов. Решению этой задачи были посвящены работы лаборатории горючих ископаемых Базы Академии наук СССР по изучению Севера, которой с 1942 г. руководил Д.Н. Курсанов. Благодаря накопленным знаниям ученый определил перспективное направление – использование горючих сланцев для получения из них искусственного жидкого топлива. Проблемы переработки горючих сланцев с получением ценных продуктов в стране разрабатывались в период Первой мировой войны, в связи с плохим топливным обеспечением Петрограда. В результате научных исследований к 1917 г. была заложена основа науки о сланцах и сланцеперерабатывающей промышленности (получены первые научные представления о физико-химических свойствах горючих сланцев, начата их добыча, организованы опытные работы по их термической переработке и изучению полученных продуктов) [11]. В Коми АССР уже к началу Великой Отечественной войны в результате геологических исследований открыты большие запасы горючих ископаемых (угля, нефти, горючих сланцев). В 1942 г. геологами объединения «Ухтижемстрой» дана достаточно полная характеристика месторождения горючих сланцев в долине р. Айюва в Коми АССР, доказана его перспективность на этот вид полезного ископаемого. В том же году на полузаводской установке лаборатории Северного железнодорожного исправительно-трудового лагеря НКВД была проведена первичная переработка горючих сланцев Айювинского месторождения. Из продукта первичной переработки горючих сланцев – сланцевой смолы – в лаборатории горючих ископаемых Базы Академии наук СССР по изучению Севера выделен неочищенный сланцевый бензин, определен его химический состав, исследованы жидкие продукты перегонки горючих сланцев. Однако эта тема не была продолжена. В 1943 г. Дмитрий Николаевич принят на работу в Институт органической химии им. Н.Д. Зелинского АН СССР (г. Москва) [1]. Переезд Д.Н. Курсанова остановил актуальные и перспективные работы по изучению горючих сланцев в Базе Академии наук СССР по изучению Севера. Так, проблема обеспечения исследований кадрами, оборудованием, помещениями, всегда остро стоявшая для северного научного учреждения, сыграла свою роль в развитии этого направления исследований. Изучение горючих сланцев впоследствии было продолжено во второй половине 1970-х гг. сотрудниками Отдела химии Коми филиала АН СССР.

Другим актуальным направлением химических исследований в военное время было изучение возможности использования продуктов лесозаготовок, лесопильных и деревообрабатывающих предприятий для получения заменителей горюче-смазочных материалов. Его разрабатывали сотрудники лаборатории химии древесины. В 1942 г. на должность заведующего лабораторией принят специалист в области органического синтеза М.А. Грехнев², эвакуи-

² Грехнев Михаил Александрович, кандидат химических наук (1937 г.). Окончил в 1930 г. химический факультет Ленинградского государственного университета. В 1930 – 1940 гг. работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте гидролизной и сульфитной спиртовой промышленности. В 1941 г. совместно с учеными акад. В.Е. Тищенко, С.Я. Коро-

ированный из Ленинграда в г. Сыктывкар. Под его руководством были проведены опыты по сухой перегонке древесины лиственных и хвойных пород с целью определения возможности использования продуктов их перегонки (неконденсирующиеся газы, уголь, смола, метиловый спирт), изучены химический состав двух видов сухоперегонных смол, продукты их физико-химической обработки при различных условиях. В результате исследований М.А. Грехневым даны рекомендации по использованию продуктов сухой перегонки древесины, осуществлена разработка новой методики получения заменителей моторного топлива и смазочных масел из сухоперегонной смолы хвойных пород деревьев. Изучение химического состава полученного топлива показало, что продукт требует тщательной очистки, мало стабилен (быстро окисляется и темнеет). По результатам исследований ученый предложил условия очистки, которые могли бы оказать влияние на увеличение выхода продукта, и сделал вывод о необходимости дальнейшего изучения. Второе направление – разработка технологии получения смазочных масел на базе лесохимического сырья – дало хорошие результаты: в лаборатории был получен солидол, успешно прошедший испытания на грузовом автотранспорте Автоуправления Коми АССР [13, л. 2; 14, л. 2 – 5, 24; 15, л. 1 – 3, 5 – 9]. Таким образом, методика, предложенная М.А. Грехневым, способствовала решению проблем снабжения горюче-смазочными материалами автотранспорта и комплексной переработки отходов лесозаготовительной промышленности. И в этом направлении опыт ученого был важен для определения перспективных направлений химических исследований в академическом учреждении республики.

Необходимость разработки этого научного направления осознавали и местные органы власти. В 1943 г. Совнарком Коми АССР поручил Базе Академии наук им. С.М. Кирова организовать за счет республиканского бюджета технологическую лабораторию. В число основных задач лаборатории входили выявление и изучение местного сырья и отходов промышленности; разработка технологий получения новых видов изделий; помощь по их внедрению на предприятиях [2, с. 266].

В 1944 г. База Академии наук СССР по изучению Севера была преобразована в Базу Академии наук в Коми АССР (с 1949 г. – Коми филиал АН СССР) [16, с. 20]. В условиях военного времени координацию научно-исследовательских работ учреждения осуществляли центральные и местные органы государственной власти. В Постановлении от 19 сентября 1944 г. Совнарком Коми АССР утвердил первоочередные задачи академического учреждения: поиск и изучение природных ресурсов, разработка методов их промышленного освоения. Главным направлением химических исследований стала организация изучения химического состава древесины и дикорастущих растительных ресурсов в целях

товым и Г.А. Рудаковым Михаил Александрович был удостоен Сталинской премии за изобретение метода синтеза камфоры из скипидара, внедрение которого позволило заменить импортное сырье. В 1941 – 1942 гг. – старший научный сотрудник Ленинградской лесотехнической академии им. С.М. Кирова [12, л. 17, 21].

их хозяйственного использования [9, с. 52]. В 1944 г. в составе агробиологического отдела Базы АН в Коми АССР организована лаборатория химии древесины, которую возглавил М.А. Грехнев. Работа лаборатории была направлена на изучение возможности промышленного использования продуктов лесохимической промышленности. В рамках этого направления проведено исследование химического состава живичных скипидаров [17, л. 69]. Химический состав скипидара, продукта лесохимических предприятий, к тому времени был недостаточно хорошо изучен, что негативно сказывалось на технологических процессах предприятий, на которых осуществлялись его переработка и синтез более ценных веществ. Проведение химических исследований осложняло то обстоятельство, что после эвакуации Кольской базы АН СССР в г. Кировск в молодом учреждении ощущалась острая нехватка оборудования и реактивов, поэтому М.А. Грехневу в работе пришлось ограничиться физико-химической характеристикой образцов. Ученым впервые была дана характеристика скипидара из живицы, выделенной из деревьев, произрастающих в районах Крайнего Севера. Он определил химический состав и реакционную способность образцов скипидаров, выделенных из живицы, собранной в Сысольском и Кожвинском районах республики. В результате исследований сделаны выводы о том, что по качественному и количественному составу северный скипидар близок к скипидарам других географических районов СССР и может использоваться в промышленности. Выводы были отражены в таких работах, как «К вопросу о пирогенетическом разложении смолы», «Изучение химического состава живичного скипидара» [18; 19].

Проблемы, над которыми пришлось работать М.А. Грехневу в Сыктывкаре, носили технологический характер, и, поскольку он являлся специалистом в области органического синтеза, ученому было сложно заниматься вопросами лесохимии. В докладной записке заместителю директора Базы АН по изучению Севера им. С.М. Кирова И.И. Оплеснину 3 июня 1943 г. ученый пишет о работе лаборатории: «Чтобы работу лаборатории химии древесины в будущем 1944 году развернуть с учетом требований военного времени, необходимо быть знакомым с производственно-практическим состоянием лесохимии последнего дня; необходимо ознакомиться как с требованиями, предъявляемыми лесохимии военной промышленностью и народным хозяйством, так и с последними научными достижениями и производственными направлениями. В Сыктывкаре нет ни специалистов, ни учреждений, где можно было ознакомиться со всеми этими вопросами. В библиотеке Базы Академии наук и других библиотеках города нет совершенно никакой литературы по лесохимии» [12, л. 27]. Работу лаборатории также осложняла недостаточная материально-техническая оснащенность. Об этом свидетельствует, в частности, докладная записка М.А. Грехнева руководителю Базы от 21 августа 1945 г.: «Будучи в Техснабе Академии наук, я выяснил, что перспективы снабжения лаборатории оборудованием и реактивами очень неутешительны. Следовательно, в ближайшие годы нет никакой надежды на улучшение условий работы в лаборатории Базы» [12, л. 17]. Ученый неоднократ-

но заявлял руководству учреждения о том, что ему сложно проводить лесохимические исследования, о своем желании уволиться из Базы АН в Коми АССР [12, л. 8 – 9 об., 17, 17 об.]. В 1946 г. М.А. Грехнев был переведен на работу в Ленинград по ходатайству Наркомата лесной промышленности СССР [12, л. 29].

Недостаток финансирования, отсутствие необходимого оборудования и реактивов, научной литературы, и, главное, нехватка специалистов привели к тому, что в 1946 г. лаборатория была расформирована [2, с. 270], и лесохимические исследования в Базе Академии наук СССР в Коми АССР приостановлены.

В 1949 г. в связи с преобразованием Базы в Коми филиал АН СССР в коллективе активно обсуждались штатные и структурные изменения. Итоги были подведены на заседаниях Ученого совета 26 октября 1949 г. и Бюро Коми обкома ВКП (б) 6 декабря 1949 г. [16, с. 132]. В составе утвержденной структуры Коми филиала АН СССР оказались: Институт истории и культуры, Институт леса, Институт сельского хозяйства, промышленно-экономический сектор, секторы химии и энергетики, комплексные стационары в городах Ухте и Воркуте [20, л. 3, 8 – 9]. Для развития научных направлений в области химии в структуру Коми филиала АН СССР, направленную в Совет филиала АН СССР 26 декабря 1949 г., были включены сектор лесохимии с лабораторией лесохимии в составе института леса и сектор химии при Президиуме филиала [20, л. 9]. Структуру Коми филиала Президиум АН СССР утвердил 31 мая 1950 г., однако фактическое финансирование и недостаток научных кадров не позволили в 1950 г. ее реализовать. Более того, сектор химии, созданный ранее, в 1949 г., путем объединения геохимической, биохимической лабораторий, лаборатории химии почв и лесохимии [21, л. 21], в 1950 г. был расформирован ввиду недостатка специалистов и материально-технической базы. Для проведения лабораторно-аналитических исследований в рамках гео-, био- и агрохимических направлений созданы химические лаборатории при секторах геологии и сельскохозяйственной биологии [16, с. 420].

К 1951 г. Коми филиал АН СССР сконцентрировал свою деятельность на обобщении результатов работ по изучению производительных сил Коми АССР; созданию Урало-Печорской угольно-металлургической базы; повышении производительности сельского хозяйства региона. В числе приоритетных задач было развертывание исследований по проверке и улучшению известных методов и разработке новых способов лесохимической переработки лесосечных отходов для дальнейшего развития лесной промышленности и рационального использования лесных ресурсов, в частности лесохимического использования лесосечных отходов. Для их решения в структуре Коми филиала АН СССР в 1951 г. была запланирована лаборатория по исследованию древесины [22, л. 4, 11, 12, 72]. Однако этот проект также не был реализован ввиду недостаточного финансирования и отсутствия специалистов.

Новый импульс развитию химических исследований в Коми филиале Академии наук СССР был дан после принятия в 1958 г. Постановления Пленума ЦК КПСС «Об ускорении развития химической промышленности и особенно производ-

ства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства». Для реализации этого Постановления было решено разработать комплекс мер, направленных на развитие химического производства, в частности, капиталовложения в химическую промышленность, проведение научно-исследовательских работ в широких масштабах, теоретических исследований в области химии по созданию высокопроизводительных экономических процессов получения и переработки синтетических материалов и других химических продуктов, и включить их в новый (семилетний) план развития народного хозяйства страны на 1959 – 1965 гг. [23].

Семилетний план экономического развития страны на 1959 – 1965 гг. корректировал и дополнял ранее принятый шестой пятилетний план на 1956 – 1960 гг. Его разработка была вызвана необходимостью не допустить отставания страны в экономическом развитии от уровня капиталистических стран в Западной Европе, а также США и Японии. Подготовкой нового плана развития народного хозяйства страны на 1959 – 1965 гг. занимались организованные Госпланом СССР многочисленные комиссии, в работе которых принимали участие ученые Академии наук СССР. Для решения основных экономических проблем ученые признали необходимость всестороннего развития производительных сил, мощного подъема всех отраслей народного хозяйства на базе преимущественного развития тяжелой промышленности. План экономического развития страны на 1959 – 1965 гг. предусматривал дальнейшую химизацию народного хозяйства, как одно из важнейших условий для выполнения намеченных задач. Широкое внедрение новых методов химической технологии, химического сырья, материалов в производство должно было обеспечить расширение сырьевой базы промышленности, экономию природных ресурсов, снижение затрат на производство и эксплуатацию оборудования и материалов, применяемых в производственной сфере. Задачи семилетнего плана были подтверждены решениями XXI съезда КПСС, который состоялся в начале 1959 г.

Курс на развитие всех отраслей народного хозяйства, основанный на всемерном содействии и активном участии ученых, принятый на XXI съезде КПСС, открывал новые перспективы развития научных исследований в регионе. Коми АССР уже в 1950-е гг. являлась крупной топливной и сырьевой базой для развития народного хозяйства страны, однако из-за недостаточной изученности природные ресурсы региона использовались не полно и не рационально. Для дальнейшего промышленного развития региона было необходимо создание новых предприятий по переработке нефти, газов, горючих сланцев, отходов древесины и т.д. Организация этих производств нуждалась в научном сопровождении, и, прежде всего, изучении природного сырья республики, возможности его переработки и дальнейшего использования полученных продуктов в народном хозяйстве.

Во второй половине 1950-х гг. Коми обкомом КПСС, Советом Министров, Советом народного хозяйства Коми АССР, а также Коми филиалом АН СССР был поднят вопрос о создании Отдела химии в Коми филиале [24, л. 5, 6]. Это предло-

жение поддержал Президиум АН СССР. В его Постановлении от 27 июня 1958 г. указано о необходимости организовать в Коми филиале АН СССР отдел химии для решения вопроса рациональной и комплексной переработки топливного и минерального сырья [25, л. 4 – 6]. После принятия этого решения Коми филиалом АН СССР совместно со специалистами центральных институтов АН СССР, Уральского филиала АН СССР и рядом отраслевых научно-исследовательских институтов разработаны задачи и структура будущего Отдела химии. 19 мая 1959 г. председатель Президиума Коми филиала АН СССР П.П. Вавилов представил структуру и основные направления исследований Отдела химии на заседании Бюро Отделения химических наук АН СССР. В обсуждении приняли участие академик А.П. Виноградов, чл.-корр. АН СССР Н.М. Жаворонков и др. В результате в составе Коми филиала АН СССР принято решение организовать три лаборатории. Деятельность лаборатории химии горючих ископаемых была направлена на изучение состава, возможностей химической переработки газов, нефтей, каменных углей и других горючих ископаемых. Основными направлениями исследований лаборатории химии минерального сырья являлись физико-химическое изучение редкоземельного сырья (титана, германия, лития и др.), минерального строительного сырья и оказание помощи промышленности строительных материалов в его использовании, изучение месторождений солей и разработка способов их комплексной переработки. Приоритетные направления лаборатории химической технологии древесины: выбор наиболее рациональной схемы энергохимической переработки различного рода отходов; разработка оптимальной технологии древесных смол для получения связующих при производстве буровых работ, литейных крепителей и т.п.; изучение возможностей подсочки сосны и переработки соснового пневого осмолла с целью получения канифольных продуктов; разработка технологии производства целлюлозы; изучение возможностей переработки лесосечных отходов методами пиролиза и гидролиза древесины [26, л. 2, 3].

Приказ о создании Отдела химии в Коми филиале АН СССР был издан 20 декабря 1960 г. Однако планомерные химические исследования, направленные на реализацию поставленных задач, в Отделе начались позднее. Основной причиной стало отсутствие специалистов, способных возглавить актуальные для региона химические направления исследований.

Во второй половине 1960-х гг. в Отделе химии начались планомерные работы в области химии древесины и целлюлозы. Необходимость в развитии данного направления была подчеркнута уже в 1944 г., когда при создании северного академического учреждения Совнарком Коми АССР главным направлением химических исследований признал изучение химического состава древесины и дикорастущих растительных ресурсов для их хозяйственного использования. Коми АССР всегда была важной лесосырьевой базой страны. Однако из-за отсутствия предприятий по комплексной переработке древесины огромное ее количество не находило сбыта и пропадало. В послевоенный период в лесозаготовительной промышленности были построены

десятки новых леспромпхозов, возросли мощности лесозаготовительных предприятий Коми АССР [27, с. 508]. В связи с увеличением объемов лесозаготовок и отсутствием предприятий по переработке отходов лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности в республике назрела необходимость организации производства по комплексной переработке древесины. В 1955 г. по предложению местных органов власти Министерство бумажной промышленности РСФСР включило в план шестой пятилетки (1955 – 1960 гг.) строительство в Коми АССР бумажных комбинатов в городах Сыктывкаре и Печоре. В 1958 г. Совет Министров СССР по предложению Областного комитета КПСС Коми и Правительства Коми АССР утвердил идею сооружения Сыктывкарского лесопромышленного комплекса (далее – СЛПК). В конце 1950-х гг. начались работы по строительству основных объектов индустриальной базы предприятия. В 1961 г. издано Постановление Совета Министров РСФСР, конкретизирующее план возведения СЛПК. В 1969 г. лесопромышленный комплекс – одно из крупнейших в стране предприятий по комплексной химической переработке древесины, был введен в эксплуатацию. Новая для республики наукоемкая отрасль промышленности нуждалась в научном сопровождении. Это обстоятельство способствовало развитию исследований по химии древесины в Коми филиале АН СССР в 1960-е гг.

Во второй половине 1960-х гг. планомерные научные работы в области химии древесины возглавил Вениамин Дмитриевич Давыдов. В Отделе химии Коми филиала АН СССР он работал с 1960 г. Выпускник Ивановского химико-технологического института (1958 г.). В 1963 – 1966 гг. В.Д. Давыдов обучался в аспирантуре Коми филиала АН СССР по специальности «органический синтез», был прикомандирован к Институту органической химии им. Н.Д. Зелинского АН СССР. Его научным руководителем была доктор химических наук, профессор Е.Д. Каверзнева. В 1967 г. он защитил диссертацию «Синтез и характеристика полипептидов, содержащих аминокислоты основного характера» на соискание ученой степени кандидата химических наук. В том же году был назначен заведующим Отделом химии Коми филиала АН СССР [28, л. 44]. Окончив аспирантуру в одном из ведущих научно-исследовательских институтов органической химии Академии наук СССР, Вениамин Дмитриевич возвратился в Сыктывкар с большим научным багажом, который позволил определять и разрабатывать актуальные темы научно-исследовательских работ в рамках плановых направлений. В 1967 г. сотрудники Отдела химии приступили к комплексному исследованию древесины. В результате изучения литературных данных по химии древесины (химия лигнина, химия целлюлозы и гемицеллюлоз) Отделом выбрана для исследований химическая структура древесины [29, л. 172, 173]. Изучение химического строения, физических и химических свойств древесины, химического поведения ее структурных компонентов было необходимо в первую очередь для управления технологическими процессами при ее химической переработке. На основании литературных данных и результатов предварительных исследований была выдвинута гипотеза о химической структуре древеси-

ны [30, л. 1а]. Проблему поделили на две взаимосвязанные темы исследований: «Химическая структура и взаимосвязь лигнина с углеводной частью» и «Химическая структура углеводной части. Связь целлюлозы и гемицеллюлоз. Надмолекулярная структура. Связь с лигнином» [30, л. 2, 4]. В результате была исследована возможность разрушения древесины в мягких условиях с последующим извлечением ее фрагментов, содержащих часть компонентов; выделен лигнин-гемицеллюлозный комплекс, содержащий 1/3 лигнина и все легкогидролизуемые гемицеллюлозы; показана возможность двух типов связей между лигнином и легкогидролизуемыми углеводами; освоены новые методики анализов [31, л. 220]. Результаты работы, опубликованные [32], имели как теоретическую ценность, так и практическое значение, поскольку были направлены на улучшение технологий целлюлозно-бумажного производства, развивающегося в республике. Исследования в области химии древесины и целлюлозы стали одним из перспективных научных направлений отдела, получивших дальнейшее развитие в Коми филиале АН СССР и в современных исследованиях ученых Института химии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Подводя итог анализа периода становления химических исследований в северном академическом учреждении, отметим, что толчком к развитию этого направления послужила необходимость решения практических задач для перерабатывающей промышленности в регионе. В 1940-е гг. эти задачи пришлось решать ученым, эвакуированным из центральных регионов, так как собственных кадров в республике не было. Развитие химических исследований в этот период тормозила слабая материально-техническая база только что созданного учреждения, удаленность от центра страны, и, как следствие, недостаток специалистов, научной и научно-методической литературы. Фактически эти проблемы остановили начатые работы в области химии в Коми филиале АН СССР в 1946 г. Новый этап развития научных работ по проблемам химии древесины пришелся на вторую половину 1960-х гг. и был связан со становлением целлюлозно-бумажного производства, разворачивающегося в этот период в регионе и требовавшего научных решений и разработок в данной области. В этот период в Коми филиале АН СССР начались планомерные исследования по химии и химической технологии древесины. Большое значение для развития химической науки в республике в 1960-е гг. имела реализация государственных мер, ориентированных на интенсификацию научных исследований в стране, в частности, организация целевого обучения и укрепление материально-технической базы научных учреждений. Работа химиков академического учреждения в 1940 – 1960-е гг. была направлена на совершенствование существующих и создание новых методов переработки горючих сланцев и химической переработки древесины. Достижения ученых решали актуальные проблемы рациональной и комплексной переработки сырья, оперативно внедрялись в производство и тем самым способствовали промышленному освоению региона.

• Литература

1. Бровина, А.А. Исследования горючих сланцев в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: опыт профессора Д.Н. Курсанова / А.А. Бровина, Л.П. Рошчевская, М.П. Рошчевский // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 6. – С. 85 – 100.
2. Рошчевская, Л.П. Исследования химии древесины в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны / Л.П. Рошчевская // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. – 2016. – Вып. 217. – С. 260 – 275.
3. Коми научному центру Уральского отделения Российской академии наук 50 лет / ред. Н.И. Тимонин. – Сыктывкар, 1994. – 159 с.
4. Коми научному центру УрО РАН – 60 лет / отв. ред. А.Ф. Сметанин. – Сыктывкар, 2004. – 208 с.
5. Угольная сокровищница Севера: сборник документов и материалов / ред.-сост. В.Д. Захаров. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 312 с.
6. Идущие впереди. Геологическая служба Республики Коми: история и современность / авт. кол.: А.П. Боровинских [и др.]. – Сыктывкар: Коми респ. тип., 2014. – 576 с.
7. Республика Коми: энциклопедия / УрО РАН, Коми науч. центр; гл. ред. М.П. Рошчевский. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. – Т. 1. – 469 с.; – 2000. – Т. 3. – 423 с.
8. Северный лес на все времена: из истории лесопромышленного комплекса Республики Коми / отв. ред.-сост. Н.В. Мельникова. – Сыктывкар: Коми респ. тип., 2011. – 432 с.
9. Академический центр в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: ученый и война (1941 – 1945 гг.): сборник документов и материалов / Коми НЦ УрО РАН; авт.-сост. Л.П. Рошчевская, А.А. Бровина, Э.Г. Чупрова [и др.]. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 2. – 102 с.
10. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 31. 25 л.
11. Усова, Т.В. Переработка горючих сланцев с получением химических продуктов: Автореферат дис. канд. технических наук / Т.В. Усова. – Москва, 2010. – URL: <https://www.disscat.com/content/pererabotka-goryuchikh-slantsev-s-polucheniem-khimicheskikh-produktov> (дата обращения: 23.06.2021).
12. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 19. Д. 40. 31 л.
13. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 36. 4 л.
14. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. 34 л.
15. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 42. 9 л.
16. Документальная история Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Коми филиал в 1944 – 1964 гг. / авт.-сост. Л.П. Рошчевская [и др.]. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2009. – 456 с.
17. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 69.
18. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 44. 21 л.
19. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 48. 10 л.
20. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128 а. 16 л.
21. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. 377 л.
22. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. 78 л.
23. «Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства». Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу товарища Н.С. Хрущева, принятое 7 мая 1958 года // Советская культура. – 10 мая – 1958. – № 56 (770).
24. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 533. 8 л.
25. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 479 а. 6 л.
26. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 533 а. 5 л.
27. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. – 704 с.
28. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 16. Оп. 3. Д. 17. 183 л.
29. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 901. 254 л.
30. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 939. 6 л.
31. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 984. 248 л.
32. Давыдов, В.Д. О связи углеводов с полисахаридами древесины. I выделение лигнино-гемиллюлозного комплекса / В.Д. Давыдов, Л.Н. Веселова, Ю.М. Фролов // Химия природных соединений. – 1970. – № 2. – С. 120 – 123.

• References

1. Brovina, A.A. Issledovanija gorjuchih slancev v Komi ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: opyt professora D.N. Kursanova [Studies of oil shale in the Komi ASSR during the Great Patriotic War: the experience of Prof. D.N. Kursanov] / A.A. Brovina, L.P. Roshchevskaya, M.P. Roshchevsky // Genesis: istoricheskie issledovanija [Genesis: Historical research]. – 2020. – №6. – P. 85 – 100.
2. Roshchevskaya, L.P. Issledovanija himii drevesiny v Komi ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Studies of wood chemistry in the Komi ASSR during the Great Patriotic War] / L.P. Roshchevskaya // Izvestija Sankt-Peterburgskoj lesotekhnicheskoy akademii [Proc. of St.Petersburg Forest Technical Academy]. – 2016. – Issue 217. – P. 260 – 275.
3. Komi nauchnomu centru Ural'skogo otdelenija Rossijskoj Akademii nauk 50 let [Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences, is 50] / Ed. N.I. Timonin. – Syktyvkar, 1994. – 159 p.
4. Komi nauchnomu centru UrO RAN – 60 let [Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences, is 60] / Ed. A.F. Smetanin. – Syktyvkar, 2004. – 208 p.
5. Ugol'naja sokrovishhnica Severa: Sbornik dokumentov i materialov [Coal Treasury of the North: Collection of documents and materials]. - Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1984. - 312 p.
6. Idushhie vpered. Geologicheskaja sluzhba Respubliki Komi: istorija i sovremennost' [The foregoers. Geological Survey of the Komi Republic:

- history and modernity] / Group of authors: A.P. Borovinskih [et al.]. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2014. – 576 p.
7. Respublika Komi: enciklopedija [The Komi Republic: encyclopedia] / Ural Branch, RAS. Komi Sci. Centre; Ch. Ed. M.P. Roshchevsky. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1997. – Vol. 1. – 469 p.; – 2000. – Vol. 3. – 423 p.
 8. Severnyj les na vse vremena: iz istorii lesopromyshlennogo kompleksa Respubliki Komi [The northern forest for all time: from the history of the timber industry of the Komi Republic] / Ed.-Comp. N.V. Mel'nikova. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2011. – 432 p.
 9. Akademicheskij centr v Komi ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: uchenyj i vojna (1941 – 1945 gg.): sbornik dokumentov i materialov [Academic Center in the Komi ASSR during the Great Patriotic War: scientist and war (1941 – 1945): collection of documents and materials] / Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS; Comp. by L.P. Roshchevskaya, A.A. Brovina, E.G. Chuprova et al. – Syktyvkar, 2005. Issue 2. – 102 p.
 10. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Sci. archive of the Federal Research Centre Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. F. 1. Op. 4. D. 31. 25 L.
 11. Usova, T.V. Pererabotka gorjuchih slancev s polucheniem himicheskikh produktov. [Processing of oil shale to produce chemical products] / Abstract of diss... Cand. Sci. (Techn.) / T.V. Usova. – Moscow, 2010. URL: <https://www.disscat.com/content/pererabotka-goryuchikh-slantsev-s-polucheniem-khimicheskikh-produktov> (accessed: 23.06.2021).
 12. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Sci. archive of the Federal Research Centre Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. F. 1. Op. 19. D. 40. 31 l.
 13. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 4. D. 36. 4 L.
 14. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 4. D. 41. 34 L.
 15. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 4. D. 42. 9 L.
 16. Dokumental'naja istorija Komi nauchnogo centra Ural'skogo Otdelenija Rossijskoj akademii nauk. Komi filial v 1944 – 1964 gg. [Documentary history of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Komi Branch in 1944 – 1964] / Comp. by L.P. Roshchevskaya et al. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2009. – 456 p.
 17. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Sci. archive of the Federal Research Centre, Ural Branch, RAS]. F.1. Op. 1. D. 70. L. 69.
 18. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F.1. Op. 4. D. 44. 21 L.
 19. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 4. D. 48. 10 L.
 20. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 1. D. 128 a. 16 L.
 21. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 1. D. 133. 377 L.
 22. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 1. D. 205. 78 L.
 23. «Ob uskorenii razvitija himicheskoi promyshlennosti i osobenno proizvodstva sinteticheskikh materialov i izdelij iz nih dlja udovletvorenija potrebnostej naselenija i nuzhd narodnogo hozjajstva». Postanovlenie Plenuma CK KPSS po dokladu tovarishha N.S. Hrushheva, prinjatoe 7 maja 1958 goda [“On accelerating the development of the chemical industry and especially the production of synthetic materials and products from them to meet the demands of the population and the needs of the national economy”. Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU on the report of Comrade N.S. Khrushchev, adopted on May 7, 1958] // Soviet Culture. – May 10, – 1958. – № 56 (770).
 24. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Sci. archive of the Federal Research Centre Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. F. 1. Op. 1. D. 533. 8 l.
 25. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 1. D. 479 a. 6 L.
 26. Nauchnyj arhiv Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 1. D. 533 a. 5 L.
 27. Istorija Komi s drevnejshih vremen do konca XX veka [The history of Komi from ancient times to the end of the XX century]. – Vol. 2. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 2004. – 704 p.
 28. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Sci. archive of the Federal Research Centre Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS]. F. 16. Op. 3. D. 17. 183 l.
 29. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 1. D. 901. 254 L.
 30. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 1. D. 939. 6 L.
 31. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. F. 1. Op. 1. D. 984. 248 L.
 32. Davydov, V.D. O svjazi uglevodov s polisaharidami drevesiny. I vydelenie lignino-gemicelljuloznogo kompleksa [On the relationship of carbohydrates with polysaccharides of wood. 1 isolation of the lignin-hemicellulose complex] / V.D. Davydov, L.N. Veselova, Yu.M. Frolov // Himija prirodnyh soedinenij [Chemistry of natural compounds]. – 1970. – № 2. – P. 120 – 123..

Статья поступила в редакцию 17.02.2022
The Editorial Office received the paper on 17.02.2022

И.Л. ЖЕРЕБЦОВ

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЧУПРОВ: ПУТЬ ИСТОРИКА

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

I.L. ZHEREBTSOV

VLADIMIR IVANOVICH CHUROV: THE PATH OF THE HISTORIAN

Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

В статье раскрывается творческий путь видного ученого-историка, педагога и общественного деятеля Владимира Ивановича Чупрова (1942 – 2015). Освещен его вклад в изучение истории Севера России, в развитие высшего образования в Республике Коми и в популяризацию народных традиций и историко-культурных знаний, указаны основные публикации.

Ключевые слова:

отечественная история, Европейский Север, классовая борьба, политические партии, высшее образование, Усть-Цильма

Abstract

The paper reveals the creative path of the prominent scientist-historian, teacher and public figure Vladimir Ivanovich Chuprov (1942 – 2015). His contribution to the study of the history of the North of Russia, to the development of higher education in the Komi Republic and to the popularization of folk traditions and historical and cultural knowledge is highlighted, the main publications are given.

Keywords:

Russian history, the European North, class struggle, political parties, higher education, Ust-Tsil'ma

29 июля 2022 г. исполняется 80 лет со дня рождения известного ученого-историка, педагога и общественного деятеля Владимира Ивановича Чупрова (1942 – 2015). Он родился в с. Усть-Цильма, в 1959 г. закончил усть-цилемскую среднюю школу. Еще будучи школьником, В.И. Чупров решил связать свою жизнь с исторической наукой. Позднее он с улыбкой вспоминал, как незадолго до выпускных экзаменов написал письмо в Академию наук СССР, рассказав о своей мечте и попросив совета, как стать ученым. Видимо, было в том послании нечто такое, что заставило академиков не отложить письмо в сторону, как забавный курьез, а дать на него вполне серьезный ответ. Ученые мужи объяснили усть-цилемскому школьнику, что сперва надо получить высшее образование, доказать свою склонность к исследовательской работе, затем можно поступить в аспирантуру... Бог весть, как удалось ученым определить, что обратившемуся к ним парнишке суждено со временем стать их коллегой, однако же будущее Владимира Чупрова было отныне определено, дорога к достижению цели указана [1].

Путь в науку оказался, однако, не так прост и прям, как поначалу казалось будущему профессору. В вуз он попал не сразу, вначале год проработал лаборантом в родной школе и лишь в 1960 г., собравшись с силами, отправился в столицу республики, где поступил в Коми государственный педагогический институт – естественно, на историко-филологический факультет. Учился В.И. Чупров хорошо, но сразу

после вуза попасть на научную работу не удалось, и он, получив диплом преподавателя русского языка, литературы и истории, уехал назад на север республики – в соседний с родным Усть-Цилемским Ижемский район. С 1964 по 1967 г. Владимир Иванович учительствовал в с. Мохча, увлекательно рассказывая сельской детворе про далекое и недавнее прошлое разных стран и народов. Но все это время его не покидала мечта – не черпать знания из уже написанных учебников и книг, а самому находить новые сведения по истории своей родины, издавать собственные работы [2].

Вскоре представилась возможность попробовать свое перо в деле – В.И. Чупрова пригласили в г. Сыктывкар – поработать литсотрудником в главной газете республики «Красное знамя». Журналистика была для Владимира Ивановича, можно сказать, наследственным делом – его родители трудились в усть-цилемской газете «Красная Печора». Еще мальчишкой В.И. Чупров имел возможность познакомиться (увидеть вочию и услышать рассказы бывалых журналистов) с тем, как, собственно, газеты «появляются на свет»: откуда берутся материалы, и как они становятся газетными статьями и заметками (например, отец Иван Назарович, литсотрудник, в годы войны целыми ночами слушал в наушниках радиосообщения ТАСС, дабы успеть ни свет, ни заря подготовить информацию о последних событиях для своей газеты), как печатается очередной номер (мама работала наборщицей). Кто знает, как сложилась бы карьера Чупрова-журналиста, поработай он в газете подольше. Но не успел Владимир Иванович еще как следует войти в новое амплуа, окунуться в жизнь столичной прессы, как получил новое предложение. На сей раз его позвала наука, в которую он так стремился еще восемь лет назад. И вот 20 декабря 1967 г. в судьбе В.И. Чупрова произошел решающий поворот – он стал младшим научным сотрудником Отдела истории Коми филиала Академии наук СССР. Путь в большую науку открылся [3].

Владимир Иванович принял участие в разработке проблем истории коми (а затем и всего северного) крестьянства – научного направления, ставшего важнейшим для историков республики в 1960–1980 гг. Исследования по аграрной истории начинали такие специалисты, как Л.И. Сурина, В.Н. Давыдов, Д.Д. Балуева, к которым незадолго до появления в Отделе В.И. Чупрова присоединились историки Л.С. Шабалова, В.В. Шаньгина и др. [4]. Но начинающий историк не потерялся в этом высокопрофессиональном творческом коллективе – он быстро учился у коллег азам исследовательской работы – анализу научной литературы, поиску новых исторических документов в архивах, тщательному изучению материалов дореволюционной периодической печати, теоретическому обобщению собранных сведений, подготовке публикаций и выступлений на научных конференциях. В 1969 г. появилась первая, пока еще небольшая, научная работа В.И. Чупрова «Деятельность политических ссыльных Печорского уезда», опубликованная в сборнике материалов 3-й Коми республиканской молодежной научной конференции [5].

В 1970 г. в Коми филиале АН СССР был создан Институт языка, литературы и истории, в состав которого вошел и Отдел истории. Расшири-

лись возможности работы ученых-гуманитариев. Владимир Иванович определился с выбором собственного направления научных исследований, решив изучать социально-политические аспекты жизни коми деревни, историю политической ссылки и политических организаций в Коми крае конца XIX – начала XX в. В 1972 г. В.И. Чупров поступил в заочную аспирантуру Коми филиала АН СССР и стал работать над диссертацией, посвященной классовой борьбе в Коми крае в 1895 – 1917 гг. Его научным руководителем являлся видный ученый, доктор исторических наук Б.Г. Литвак, старший научный сотрудник московского Института истории СССР Академии наук СССР [6]. В науке нет торных путей, каждый настоящий исследователь сам прокладывает себе дорогу, а это всегда непросто. Поднятые в диссертации вопросы оказались довольно сложными и весьма слабо изучены. После окончания аспирантуры в 1976 г. Владимиру Ивановичу потребовалось еще дополнительное время для сбора многочисленных новых материалов в архивах Сыктывкара, Вологды, Архангельска, Ленинграда и Москвы, изучения подшивок самых разнообразных газет и журналов, выходивших в России и, в частности, на Севере в начале XX столетия, обобщения всех собранных сведений, наконец, для окончательного оформления работы и определения места защиты. В 1979 г. он с успехом защитил в Петрозаводском государственном университете диссертацию «Классовая борьба в Коми крае в конце XIX – начале XX вв. (1895 – февраль 1917 гг.)» и получил ученую степень кандидата исторических наук [7]. С этого времени В.И. Чупров безоговорочно стал ведущим специалистом в изучении социально-политических процессов в Коми крае той исторической эпохи.

Ко времени защиты в активе исследователя было уже 16 работ, опубликованных в Москве [8], Кишиневе [9], Вологде [10], Кирове [11] и Сыктывкаре [12, 13], среди которых особо следует выделить крупную работу «Политическая ссылка в Коми крае» [14] и соавторство в обобщающем труде «История Коми АССР с древнейших времен до наших дней» [15, 16], доклады на нескольких научных конференциях (3-я, 4-я и 6-я Коми республиканские молодежные научные конференции в 1970 и 1974 гг., зональная научная конференция, посвященная 50-летию Коми АССР в 1971 г., XV сессия симпозиума по проблемам аграрной истории в Вологде и др.). Через год после защиты была издана важная книга «История Сыктывкара», одним из авторов которой также являлся Владимир Иванович [17]. А в 1985 г. Коми книжное издательство опубликовало первую его монографию «Коми край в трех русских революциях», в которой подробно проанализированы общественно-политические аспекты истории региона в начале XX столетия [18]. В том же году в Архангельске был издан второй том коллективной обобщающей работы «История северного крестьянства», соавторство в которой стало признанием того, что известность В.И. Чупрова как ученого вышла далеко за пределы республики [19].

Наряду с подготовкой диссертации и публикацией научных работ В.И. Чупров выступал на различных научных конференциях, а в 1985 г. принял участие в подготовке и проведении VI Международного конгресса финно-угроведов

в Сыктывкаре, где также выступил с докладом. Это было первое выступление ученого на научном форуме такого уровня. Опыт организационной работы в дальнейшем очень пригодился В.И. Чупрову при организации других научных и научно-практических конференций. Одновременно с повышением квалификации Владимира Ивановича как исследователя рос и его авторитет в коллективе. В.И. Чупров был избран в Ученый совет Института языка, литературы и истории. Не случайно именно Владимиру Ивановичу доверено было в 1985 г. возглавить сектор (с 1990 г. – отдел) истории периода феодализма и капитализма Института языка, литературы и истории после выхода на пенсию В.Н. Давыдова. В качестве заведующего В.И. Чупров не только определял основные направления научных исследований сотрудников сектора, руководил выполнением плановых тем, но и занимался подготовкой научных кадров, редактировал статьи своих коллег, возглавлял подготовку к изданию сборников научных трудов [20, 21].

Наряду с исследовательской и организационной работой В.И. Чупров немало сил отдавал и популяризации знаний – как научных, так и общественно-политических, часто выступал с лекциями, объездил почти всю республику, публиковался в журналах [22 – 29] и газетах, научно-популярных сборниках [30] и заслуженно был удостоен почетного знака «За активную работу» Всесоюзного общества «Знание». Заметным результатом популяризаторской деятельности стали подготовленные под его руководством книги «Борцы за Советскую власть» [31] и «Юные герои гражданской войны» [32], которые в конце 1980-х гг. выпустило Коми книжное издательство. Разумеется, в них, как и во всех работах советских историков того времени, можно найти явный отпечаток господствовавшего тогда официального подхода к освещению этих исторических сюжетов – история, особенно политическая и тем более адресованная широким кругам читателей, являлась важным звеном в государственной идеологии. Однако фактический материал, собранный и опубликованный авторами, и сегодня представляет немалый интерес. Кроме того, В.И. Чупров активно участвовал в подготовке ряда учебных пособий по истории родного края для школ республики [33 – 35].

Постепенно научные интересы В.И. Чупрова расширились. Его исследования вышли за пределы Коми края и охватили весь европейский Север России. Владимир Иванович начал активно работать над докторской диссертацией. Обширнейшая территория, разнообразие протекавших на ней социально-политических процессов, различные типы исторических источников и особенно подходов к их анализу потребовали тесных и длительных контактов с главными специалистами страны в этой области, и в 1989 г. В.И. Чупров прошел годичную стажировку в Институте истории СССР АН СССР в Москве. В 1990 г. ему было присвоено ученое звание «старший научный сотрудник» по специальности «История СССР», он был награжден Почетной грамотой Совета Министров Коми АССР. Это, а также Почетная грамота Президиума Верховного Совета Коми ССР, врученная В.И. Чупрову в 1992 г., стали признанием значительного вклада ученого в научно-исследовательскую и научно-организационную деятельность [1, 36].

Важнейшим результатом напряженной плодотворной работы Владимира Ивановича стал выход в 1991 г. в Москве в авторитетнейшем научном издательстве страны «Наука» новой монографии «Социально-политическая жизнь северной деревни в конце XIX – начале XX вв.», где обстоятельно исследованы политические аспекты истории крестьян европейского Севера России в один из сложнейших периодов русской истории. Наиболее существенным научным результатом исследований В.И. Чупрова, обобщенных в этом труде, является то, что им впервые осуществлен количественный подсчет крестьянских выступлений в северной деревне, предложены свои подходы к выработке единой методики изучения крестьянского движения, заключающиеся, в первую очередь, в обращении к статистическому методу и созданию хроники крестьянских выступлений. Применение такой методики позволило поставить и решить ряд научных задач: показать закономерности развития социально-политической жизни на Севере как составной части общероссийского процесса и определить значение политической ссылки, внесшей свой вклад в этот процесс, представить масштабы крестьянских выступлений в северной деревне, выявить наиболее характерные для Севера формы движения, его динамизм, степень организованности и результативности крестьянской борьбы [37].

В 1992 г. отдел истории периода феодализма и капитализма и отдел истории советского периода были объединены в сектор (с 1994 г. – отдел) отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Владимир Иванович стал ведущим научным сотрудником сектора – ведущим не только по должности, но и по сути. Он возглавил группу, занимавшуюся проблемами истории Коми дореволюционного периода [2, 38].

В январе 1993 г. произошло событие, которого давно ожидали коллеги и знакомые В.И. Чупрова: в Институте российской истории РАН (Москва) состоялась защита его диссертации «Социально-политическая жизнь северной деревни в конце XIX – начале XX вв. (1895 – февраль 1917 гг.)» на соискание ученой степени доктора исторических наук [39]. При доработке диссертации, подготовке ее к защите ученому пришлось нелегко – подобная тематика в связи с политическими переменами в стране на время «вышла из моды», и Владимиру Ивановичу пришлось отстаивать свою правоту в дискуссиях (порой весьма острых) с другими исследователями. Впрочем, как вспоминал сам В.И. Чупров, некоторые замечания и предложения коллег он счел справедливыми, и это позволило сделать работу еще лучше. Так в ходе научных споров родилась истина. Защита прошла успешно, и 21 мая 1993 г. Президиум ВАК присудил Владимиру Ивановичу ученую степень доктора исторических наук. Летом того же года В.И. Чупров как ученый получил и международное признание, успешно выступив с докладом на I Международном конгрессе финно-угорских историков в г. Оулу (Финляндия). Год спустя он был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Коми». Позднее к числу наград добавилась и Почетная грамота Российской академии наук [1, 3].

В 1994 г. В.И. Чупров решил одновременно с научными исследованиями заняться и педагогической работой и стал заведующим кафедрой гуманитарных дисциплин, профессором Сыктывкарского лесного института Санкт-Петербургской лесотехнической академии. На его плечи легло множество забот, связанных с организацией работы многочисленных преподавателей кафедры, с подготовкой курса лекций по истории России и культурологии. В 2000 г. ВАК России присвоил ему ученое звание профессора [2, 6, 38].

Органично влившись в вузовский коллектив, В.И. Чупров подготовил ряд учебных пособий, в которых рассмотрены вопросы землевладения, землепользования, сельскохозяйственного производства, неземледельческие занятия крестьян, показано крестьянское движение, материальная и духовная культура коми крестьян, показана история развития лесной промышленности республики, даются методические указания по оформлению контрольной работы, изложены основные требования к контрольной работе, принципы выявления литературы и правила оформления библиографии и т.д. [40 – 44]. В 2002 г. вышла обстоятельная книга «Сыктывкарский лесной институт», посвященная полувековой истории развития этого вуза [45]. Наряду с работой в Сыктывкарском лесном институте В.И. Чупров находил время и для преподавательской деятельности в других учебных заведениях Сыктывкара.

Педагогическую работу В.И. Чупров успешно сочетал с академическими научными исследованиями, оставаясь ведущим, а затем и главным научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Он выступал на научных конференциях (в Вологде, Сыктывкаре, Яренске), участвовал в разработке инициативных научных проектов (например, в проекте «Политические партии в национальной российской провинции в переломный период: исторический опыт формирования и развития (на материалах Коми края 1905 – 1919 гг.)», поддержанном Российским фондом гуманитарных исследований – ведущим научным фондом России, осуществлявшим в то время финансовую поддержку гуманитарной науки) [1, 2].

Владимир Иванович продолжал редактировать труды историков института (например, в 1995 г. под его редакцией был издан содержательный сборник «Крестьяне Европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура» [46]), публиковать свои новые научные работы; в частности, в 1996 г. в Финляндии появилась первая его зарубежная публикация, посвященная социально-политической активности финно-угорских народов России в начале XX в. [47]. Владимир Иванович – соавтор таких крупных, вызвавших огромный интерес работ, как «Связь времен» [48], «Атлас Республики Коми» [49], энциклопедия «Республика Коми» [50]. В 2002 г. вышла его книга «Крестьянское движение на Севере в конце XIX – начале XX вв.», в которой ученый опубликовал чрезвычайно интересные и важные хроники, охарактеризовал источники для их составления и методику исследования [51]. В 2011 г. ученый совместно с В.В. Шаньгиной выпустил монографию, посвященную крестьянской общине в Коми крае [52].

Всего В.И. Чупров опубликовал около 200 монографий, брошюр, статей и других работ [1, 2].

Чрезвычайно важным научным результатом стала подготовка фундаментального двухтомного обобщающего труда «История Республики Коми», вышедшего двумя изданиями. В нем на основе большого количества разнообразных источников (часть которых впервые введена в научный оборот) по-новому освещен ряд важных проблем политической и социально-экономической истории Республики Коми, показаны общие закономерности и региональные особенности демографических процессов, хозяйственного освоения, административно-территориального деления и национально-государственного строительства, дана оценка исторического опыта решения важнейших социально-экономических, политических и культурных проблем региона с древнейших времен до современности. В.И. Чупров выступил здесь не только как автор ряда глав и крупных разделов, но и как руководитель работы над историей Коми дореволюционного периода, как научный редактор первого тома, в котором освещена история региона со времени появления на Европейском Северо-Востоке первых людей до конца XIX столетия. Создание этого труда – важный этап в научном творчестве В.И. Чупрова [53 – 56].

Владимир Иванович пользовался заслуженным авторитетом в республике и за ее пределами: не зря он являлся заместителем председателя Вологодского проблемного объединения по аграрной истории, членом диссертационного совета по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Вологодском государственном пединституте, членом диссертационного совета в Сыктывкарском государственном университете, членом Ученого и методического советов Сыктывкарского лесного института, членом Совета Общества изучения Коми края. В 2001 г. общее собрание Академии военно-исторических наук в Санкт-Петербурге избрало В.И. Чупрова своим действительным членом (академиком), он стал одним из учредителей Коми отделения этой Академии. Владимира Ивановича хорошо знали и высоко ценили коллеги-историки в Петрозаводске и Архангельске [3].

Особое место в жизни и творчестве Владимира Ивановича занимала его родина – Усть-Цильемский район, его деревни и села и прежде всего сама Усть-Цильма. В 1991 г. В.И. Чупров как истинный представитель своей этноконфессиональной группы стал инициатором создания общества «Русь Печорская», объединившего устьцилемов – как живущих в самой Усть-Цильме, так и за ее пределами – для сохранения их своеобразной традиционной культуры. Его идею поддержали, и вот уже более десяти лет «Русь Печорская» успешно развивается. Большой известностью пользуется устьцилемский хор, выступавший в разных регионах России и за рубежом. Сам Владимир Иванович являлся заместителем председателя «Руси Печорской» и руководителем сыктывкарского отделения общества, организатором и непременным и активнейшим участником всех культурных мероприятий [2].

В 1991 г. В.И. Чупров в соавторстве с коллегами-историками А.Ф. Сметаниным и А.А. По-

повым опубликовал научно-популярную книгу «Усть-Цильма – край печорский» [57], в которой ему принадлежат главы об истории села с XVI в. до начала XX столетия. А в следующем году, к 450-летию Усть-Цильмы, Владимир Иванович выступил в неожиданной для всех роли составителя уникальной книги – сборника усть-цилемских сказок [58]. Перу Владимира Ивановича принадлежат и другие работы, посвященные различным сторонам истории Усть-Цильмы [59 – 65].

Вероятно, последней книгой, над которой вместе со своим коллегой Д.А. Несанелисом начал работать В.И. Чупров, было исправленное и дополненное переиздание «Усть-цилемских сказок» [66]. Владимир Иванович являлся составителем этой книги. Увы, ее выхода в свет ученый не дождался. Он ушел из жизни 18 октября 2015 г. В послесловии к «Усть-цилемским сказкам» я написал: «Мне бы очень хотелось, чтобы... составитель и научный редактор, мои добрые друзья и уважаемые коллеги Владимир Иванович Чупров и Дмитрий Александрович Несанелис могли взять в руки эту книгу, издание которой они задумывали вместе с нами, перелистать страницы, полюбоваться замечательными иллюстрациями, улыбнуться, читая заветные сказки, и с удовлетворением сказать: “А ведь мы сделали хорошее дело!” <...> Но не сложилось... Наша книга осиротела, не успев родиться – ее главные отцы-вдохновители ушли из жизни, оставив после себя множество написанных книг и статей, организованных конференций и семинаров, прочитанных докладов и лекций, выступлений в газетах, на радио и ТВ... <...> Эта книга – последнее Слово, сказанное вами обоими» [3].

В заключение уместно привести образную характеристику В.И. Чупрова из книги «Портрет интеллекта»: «Владимир Иванович, профессор и один из руководителей общества “Русь Печорская” – яркий пример того, насколько естественно научная основательность, можно даже сказать – степенность при написании книг по истории Севера и преподавательской деятельности могут сочетаться с удивительной живостью и темпераментом, проявляющимися в сохранении и приумножении богатейшей традиционной культуры усть-цилемов. Ученый за кафедрой и артист на сцене – это две взаимодополняющие грани его личности» [67].

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0011.

• Литература

1. Чупров Владимир Иванович. Библиографический указатель. – Сыктывкар, 2002.
2. Владимиру Ивановичу Чупрову – 70 лет / науч. ред. и сост. И.А. Жеребцов. – Сыктывкар, 2012.
3. Жеребцов, И.А. В.И. Чупров (29.07.1942 – 18.10.2015) / И.А. Жеребцов // Усть-цилемские сказки в собрании Н.Е. Ончукова. – Сыктывкар: Анбур, 2018.
4. Жеребцов, И.А. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: основные вехи истории (к 50-летию создания) / И.А. Жеребцов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. История и филология. – 2020. – № 2 (42). – С. 5 – 27.
5. Чупров, В.И. Деятельность политических ссыльных Печорского уезда (1903 – 1910 гг.) / В.И. Чупров // Материалы 3-й Коми республиканской молодежной научной конференции. – Сыктывкар, 1969.
6. Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: Библиографический справочник. – Сыктывкар, 2000.
7. Чупров, В.И. Классовая борьба в коми деревне в конце XIX – начале XX веков (1895 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.И. Чупров. – Петрозаводск, 1979.
8. Чупров, В.И. Классовая борьба в коми деревне в годы первой русской революции / В.И. Чупров // Тезисы докладов и сообщений XV сессии межреспубл. симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вып.1. – Москва, 1974.
9. Чупров, В.И. Историография крестьянского движения периода империализма на Северо-Востоке Европейской России / В.И. Чупров // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). – Кишинев, 1978.
10. Чупров, В.И. Крестьянское движение в Коми крае в годы первой русской революции / В.И. Чупров // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории. Вып. 2. – Вологда, 1976.
11. Чупров, В.И. Крестьянское движение в Коми крае в годы реакции и нового революционного подъема / В.И. Чупров // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции. – Киров, 1979.
12. Чупров, В.И. Крестьянское движение в годы первой русской революции / В.И. Чупров // Вопросы истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1975. – (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 16).
13. Чупров, В.И. Приговоры и прошения коми крестьян как источник по изучению их экономических требований накануне и в годы революции 1905 – 1907 гг. // Археография и источниковедение. – Сыктывкар, 1977. – (Северный археографический сборник. Вып. 4).
14. Чупров, В.И. Политическая ссылка в Коми крае / В.И. Чупров. – Сыктывкар, 1974. – (Научные доклады на заседании Президиума Коми филиала АН СССР. Вып. 12).
15. Чупров, В.И. Классовая борьба трудящихся Коми края в годы первой буржуазно-демократической революции. Классовая борьба трудящихся Коми края в 1907 – 1914 гг. / В.И. Чупров // История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. – Сыктывкар, 1978.
16. Чупров, В.И. Классовая борьба трудящихся Коми края в годы первой буржуазно-демократической революции. Классовая борьба трудящихся Коми края в 1907 – 1914 гг. / В.И. Чупров // История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. (2-е изд.). – Сыктывкар, 1981.
17. Чупров, В.И. Усть-Сысольск в период промышленного капитализма (60 – 90-е годы XIX в.). Город в начале XX века / В.И. Чупров // История Сыктывкара. – Сыктывкар, 1980.
18. Чупров, В.И. Коми край в трех русских революциях / В.И. Чупров. – Сыктывкар, 1985.

19. Чупров, В.И. Крестьянство в первой народной революции эпохи империализма / В.И. Чупров // История северного крестьянства. Т. 2. – Архангельск, 1985.
20. Доктора наук Республики Коми. – Сыктывкар, 2004.
21. Жеребцов, И.А. Историка / И.А. Жеребцов // Связь времен. – Сыктывкар, 2000. – С. 580.
22. Чупров, В.И. Влияние политических ссыльных на местное население / В.И. Чупров // Войвыв кодзув. – 1970. – № 11.
23. Чупров, В.И. II съезд РСДРП / В.И. Чупров // Войвыв кодзув. – 1973. – № 7.
24. Чупров, В.И. Выступления коми крестьян в 1907 – 1914 // Войвыв кодзув. – 1975. – № 3.
25. Чупров, В.И. Счастье добывали в борьбе / В.И. Чупров // Войвыв кодзув. – 1981. – № 4.
26. Чупров, В.И. Юные герои гражданской войны / В.И. Чупров // Войвыв кодзув. – 1988. – № 10.
27. Чупров, В.И. За лучшую долю (о борьбе в коми деревне в годы первой русской революции) / В.И. Чупров // Вестник политической информации. – 1975. – № 9.
28. Чупров, В.И. Первомай в Коми крае / В.И. Чупров // Вестник политической информации. – 1986. – № 8.
29. Чупров, В.И. Медь Цильмы / В.И. Чупров // Вестник культуры Коми АССР. – 1991. – Вып.2.
30. Чупров, В.И. Борцы за Советскую власть / В.И. Чупров // Там, где течет Печора. – Москва, 1988.
31. Борцы за власть Советов / С.В. Вайровская, М.П. Дмитриков, Е.М. Савельева, А.Ф. Сметанин, В.В. Чупров. – Сыктывкар, 1988.
32. Вайровская, С.В. Юные герои гражданской войны / С.В. Вайровская, Е.М. Савельева, В.И. Чупров. – Сыктывкар, 1989.
33. Наш край в истории СССР: учеб. пособие. – Сыктывкар, 1987.
34. История Коми края в документах и материалах. Хрестоматия. Дореволюционный период. Учеб. пособие для средних и средне-специальных учеб. заведений Коми АССР. – Сыктывкар, 1991.
35. История родного края. Учеб. пособие для учащихся средних школ, профтехучилищ и средних специальных учебных заведений Республики Коми. – Сыктывкар, 1994.
36. Доктора наук Коми научного центра УрО РАН / Отв. ред. А.М. Асхабов. – Сыктывкар, 2009.
37. Чупров, В.И. Социально-политическая жизнь северной деревни в конце XIX – начале XX вв. (1895 – февраль 1917 гг.) / В.И. Чупров. – Москва, 1991.
38. Жеребцов, И.А. Чупров Владимир Иванович / И.А. Жеребцов // Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 2000. – С. 292.
39. Чупров, В.И. Социально-политическая жизнь северной деревни в конце XIX – начале XX вв. (1895 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / В.И. Чупров. – Москва, 1992.
40. Чупров, В.И. Лесной комплекс Республики Коми: история и современность. Спецкурс для студентов дневного, вечернего и заочного отделений всех факультетов Сыктывкарского лесного института / В.И. Чупров, Л.П. Заборцева. – Сыктывкар, 1998.
41. Чупров, В.И. Коми деревня в начале XX века (1900 – 1917 гг.): учеб. пособие по истории родного края / В.И. Чупров. – Сыктывкар, 1999.
42. Чупров, В.И. История России. Тематика контрольных работ и методические указания для студентов заочного отделения всех факультетов / В.И. Чупров, Л.П. Заборцева. – Сыктывкар, 1999.
43. Чупров, В.И. Лесной комплекс Республики Коми: история и современность: методич. пособие / В.И. Чупров, Л.П. Заборцева, О.В. Золотарев. – Сыктывкар: Изд-во СЛИ, 2003.
44. Чупров, В.И. Лесной комплекс Республики Коми: история и современность. Курс лекций по спецкурсу «История лесной промышленности Республики Коми» для студентов всех форм обучения. / В.И. Чупров, Л.П. Заборцева. – 2-е изд. перераб. и доп. – Сыктывкар: Изд-во СЛИ, 2005.
45. Чупров, В.И. Сыктывкарский лесной институт (1952 – 2002 гг.) / В.И. Чупров. – Сыктывкар, 2002.
46. Крестьяне Европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура / Отв. ред. В.И. Чупров. – Сыктывкар, 1995. – (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 59).
47. Чупров, В.И. Socio-political activity of the Finno-Ugric peoples at the Beginning of the 20th century (1900 – 1917) / В.И. Чупров // Historia fennougricae. Congress primus Historiae fennougricae. 1:1. – Оулу, 1996.
48. Связь времен / Ред.-сост. И.А. Жеребцов, М.И. Курочкин. – Сыктывкар, 2000.
49. Атлас Республики Коми / Науч. рук. Э.А. Савельева. – Сыктывкар, 2001.
50. Республика Коми. Энциклопедия / Гл. ред. М.П. Рошевский. – Сыктывкар. 1997, 1999, 2000. – Т. 1 – 3.
51. Чупров, В.И. Крестьянское движение на Севере в конце XIX – начале XX вв. (1895 – февр. 1917 гг.). Источники. Методика исследования. Хроника / В.И. Чупров. – Сыктывкар, 2002.
52. Чупров, В.И. Крестьянская община в Коми крае во второй половине XIX – начале XX вв. / В.И. Чупров, В.В. Шаньгина. – Сыктывкар, 2011.
53. История Коми с древнейших времен до конца XX века / под общ. ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2004. – Т. 1.
54. История Коми с древнейших времен до конца XX века / под общ. ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2004. – Т. 2.
55. История Коми с древнейших времен до современности / под общ. ред. И.А. Жеребцова, А.А. Попова, А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Анбур, 2011. – Т. 1.
56. История Коми с древнейших времен до современности / под общ. ред. И.А. Жеребцова, А.А. Попова, А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Анбур, 2011. – Т. 2.
57. Чупров, В.И. Усть-Цильма – край печорский / В.И. Чупров, А.Ф. Сметанин, А.А. Попов. – Сыктывкар, 1991.
58. Усть-Цилемские сказки / Сост. В.И. Чупров. – Сыктывкар, 1992.
59. Чупров, В.И. Крестьянская семья Усть-Цилемской волости Печорского уезда в начале XX века / В.И. Чупров // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: сб. науч. тр. Вып. 3. Ч. 3. – Москва – Сыктывкар, 2005.
60. Чупров, В.И. Этнокультурные процессы в Усть-Цилемском районе Республики Коми в современных условиях / В.И. Чупров // Материалы V Всеросс. Науч.-теоретич. конф.

- «Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере». – Сыктывкар, 2006.
61. Чупров, В.И. Социально-культурное развитие Усть-Цилемского района Республики Коми в конце XX – начале XXI в. (1985 – 2006 гг.) / В.И. Чупров // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации. Материалы республ. научн. конф. – Сыктывкар, 2006.
 62. Чупров, В.И. Социальный протест крестьян с. Усть-Цильмы во второй половине XIX века / В.И. Чупров // Первые Мяндинские чтения. Материалы республ. науч.-практ. конф. – Сыктывкар, 2009.
 63. Чупров, В.И. Вклад трудящихся Усть-Цилемского района Коми АССР в победу в Великой Отечественной войне / В.И. Чупров, А.Ф. Сметанин // Советский тыл в годы Великой Отечественной Войны (по материалам Коми АССР). – Сыктывкар, 2010. – (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 67).
 64. Чупров, В.И. Промышленность Усть-Цильмы во второй половине XIX – начале XX вв. / В.И. Чупров // Вторые Мяндинские чтения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2011.
 65. Чупров, В.И. Развитие сельского хозяйства Усть-Цилемской волости Печорского уезда в конце XIX – начале XX веков и А.В. Журавский / В.И. Чупров // Проблемы и пути развития сельскохозяйственной науки Севера XXI века: сб. научн. тр. – Сыктывкар, 2011.
 66. Усть-цилемские сказки в собрании Н.Е. Ончукова / Сост. В.И. Чупров. – Сыктывкар: Анбур, 2018.
 67. Портрет интеллекта. Ученые Республики Коми. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 330.
- **References**
1. Vladimir Ivanovich Chuprov. Bibliograficheskii ukazatel' [Bibliographic index]. – Syktyvkar, 2002.
 2. Vladimir Ivanovich Chuprov is 70 / Sci. Ed. and Comp. I.L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2012.
 3. Zherebtsov, I.L. V.I. Chuprov (29.07.1942-18.10.2015) / I.L. Zherebtsov // Ust-Tsilma fairy tales in the collection of N.E. Onchukov. – Syktyvkar: Anbur, 2018.
 4. Zherebtsov, I.L. Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo centra UrO RAN: osnovnie vchi istorii (k 50-letiyu sozdaniya) [Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS: the main milestones of history (to the 50th anniversary of its creation)] / I.L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. History and philology. – 2020. – No. 2 (42). – P. 5 – 27.
 5. Chuprov, V.I. Deyatelnost' politicheskikh ssylnyh Pechorskogo uyezda (1903 – 1910) [Activity of political exiles of the Pechora uyezd (1903 – 1910)] / V.I. Chuprov // Materials of the 3rd Komi Republican Youth Sci. Conf. – Syktyvkar, 1969.
 6. Uchenyye Instituta yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo centra UrO RAN [Scientists of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]: Bibliographic reference book. – Syktyvkar, 2000.
 7. Chuprov, V.I. Klassovaya bor'ba v komi derevne v konce XIX – nachale XX vekov (1895 – fevral' 1917 g. [Class struggle in the Komi village in the late XIX – early XX centuries (1895 – February 1917)] / V.I. Chuprov. Abstract of diss...Cand. Sci. (History). – Petrozavodsk, 1979.
 8. Chuprov, V.I. Klassovaya bor'ba v komi derevne v gody pervoi russkoi revoliucii [Class struggle in the Komi village during the first Russian Revolution] / V.I. Chuprov // Theses of reports and contributions of the XV session of the inter-republican symposium on agrarian history of Eastern Europe. – Issue 1. – Moscow, 1974.
 9. Chuprov, V.I. Istoriografiya krestyanskogo dvizheniya perioda imperializma na Severo-Vostoke Evropeiskoi Rossii [Historiography of the peasant movement of the period of imperialism in the North-East of European Russia] / V.I. Chuprov // Soviet historiography of the agrarian history of the USSR (before 1917). – Kishinev, 1978.
 10. Chuprov, V.I. Krestyanskoe dvizhenie v Komi krae v gody pervoi russkoi revoliucii [Peasant movement in the Komi territory during the first Russian Revolution] / V.I. Chuprov // Materials of the XV session of the Symposium on problems of agrarian history. – Issue 2. – Vologda, 1976.
 11. Chuprov, V.I. Krestyanskoe dvizhenie v Komi krae v gody reakcii i novogo revoliucionnogo pod'ema [The peasant movement in the Komi region during the years of reaction and the new revolutionary upsurge] / V.I. Chuprov // Problems of the history of agriculture and the peasantry of the European North, the Upper Volga region and the Pre-Urals before the Great October Socialist Revolution. – Kirov, 1979.
 12. Chuprov, V.I. Krestyanskoe dvizhenie v gody pervoi russkoi revoliucii [Peasant movement during the First Russian Revolution] / V.I. Chuprov // Problems of the history of the Komi ASSR. – Syktyvkar, 1975. (Proc. of the Inst. of Language, Liter. and History. Issue 16).
 13. Chuprov, V.I. Prigovory i prosheniya komi krestyan kak isrochnik po izucheniyu ih ekonomicheskikh trebovaniy nakanune i v gody revoliucii 1905 – 1907 gg. [Sentences and petitions of Komi peasants as a source for the study of their economic requirements on the eve and during the revolution of 1905 – 1907] / V.I. Chuprov // Archeography and source studies. – Syktyvkar, 1977. (Northern Archeographic Collection. Issue 4).
 14. Chuprov, V.I. Politicheskaya ssylka v Komi krae [Political exile in the Komi Region] / V.I. Chuprov. – Syktyvkar, 1974. (Sci. reports at the meeting of the Presidium of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. Issue 12).
 15. Chuprov, V.I. Klassovaya bor'ba trudyaschihhsya Komi kraya v gody pervoi burzhuazno-demokraticheskoi revoliucii. Klassovaya bor'ba trudyaschihhsya Komi kraya v 1907 – 1914 gg. [The class struggle of the workers of the Komi Region during the first bourgeois-democratic revolution. The class struggle of the workers of the Komi Region in 1907 – 1914] / V.I. Chuprov // History of the Komi ASSR from ancient times to the present day. – Syktyvkar, 1978.
 16. Chuprov, V.I. Klassovaya bor'ba trudyaschihhsya Komi kraya v gody pervoi burzhuazno-demokraticheskoi revoliucii. Klassovaya bor'ba trudyaschihhsya Komi kraya v 1907 – 1914 gg. [The class struggle of the workers of the Komi Region during the first bourgeois-democratic revolution. The class struggle of the workers of the Komi Region in 1907 – 1914] / V.I. Chuprov // History of

- the Komi ASSR from ancient times to the present day. (2nd ed.). – Syktyvkar, 1981.
17. Chuprov, V.I. Ust-Sysolsk v period promishlennogo kapitalizma (60 – 90-e gody XIX v.). Gorod v nachale XX veka [Ust-Sysolsk in the period of industrial capitalism (1960 – 1990s of the XIX century). The city at the beginning of the XX century] / V.I. Chuprov // The history of Syktyvkar. – Syktyvkar, 1980.
 18. Chuprov, V.I. Komi kraï v treh russkikh revoluciyah [Komi Region in three Russian revolutions] / V.I. Chuprov. – Syktyvkar, 1985.
 19. Chuprov, V.I. Krestyanstvo v pervoi narodnoi revolucii epohi imperializma [The peasantry in the first people's revolution of the era of imperialism] / V.I. Chuprov // History of the Northern peasantry]. – Vol. 2. – Arkhangelsk, 1985.
 20. Doktora nauk Respubliki Komi [Doctors of Sciences of the Komi Republic]. – Syktyvkar, 2004.
 21. Zherebtsov, I.L. Istoriki [Historians] / I.L. Zherebtsov // Connection of times. – Syktyvkar, 2000. – P. 580.
 22. Chuprov, V.I. Vliyanie politicheskikh ssylnih na mestnoe naselenie [The influence of political exiles on the local population] / V.I. Chuprov // Voivyyv kodzuv. – 1970. – № 11.
 23. Chuprov, V.I. II s'ezd RSDRP [II Congress of the RSDLP] / V.I. Chuprov // Voivyyv kodzuv. – 1973. – № 7.
 24. Chuprov, V.I. Vystupleniya komi krestyan v 1907 – 1914 [Speeches of Komi peasants in 1907 – 1914] / V.I. Chuprov // Voivyyv kodzuv. – 1975. – № 3.
 25. Chuprov, V.I. Schastye dobyvali v bor'be [Happiness was obtained in the struggle] / V.I. Chuprov // Voivyyv kodzuv. – 1981. – No. 4.
 26. Chuprov, V.I. Yunie geroi grazhdanskoi voiny [Young heroes of the Civil War] / V.I. Chuprov // Voivyyv kodzuv. – 1988. – No. 10.
 27. Chuprov, V.I. Za luchshuyu dolyu (o bor'be v komi derevne v gody pervoi russkoi revolucii [For the best life (about the struggle in the Komi village during the first Russian Revolution)] / V.I. Chuprov // Bull. of Political Information. – 1975. – № 9.
 28. Chuprov, V.I. Pervomai v Komi krae [May Day in Komi region] / V.I. Chuprov // Bull. of Political information. – 1986. – No. 8.
 29. Chuprov, V.I. Med' Tsylymy [Tsilma copper] / V.I. Chuprov // Bull. of Culture of the Komi ASSR. – 1991. – Issue 2.
 30. Chuprov, V.I. Bortsy za Sovetskuyu vlast' [Fighters for Soviet power] / V.I. Chuprov // Where the Pechora flows. – Moscow, 1988.
 31. Bortsy za Sovetskuyu vlast' [Fighters for the power of the Soviets] / S.V. Vairovskaya, M.P. Dmitrikov, E.M. Savelyeva, A.F. Smetanin, V.I. Chuprov. – Syktyvkar, 1988.
 32. Vairovskaya, S.V. Yunie geroi grazhdanskoi voiny [Young heroes of the Civil War] / S.V. Vairovskaya, E.M. Savelyeva, V.I. Chuprov. – Syktyvkar, 1989.
 33. Nash kraï v istorii SSSR [Our region in the history of the USSR]. Study guide. – Syktyvkar, 1987.
 34. Istoriya Komi kraja v dokumentah i materialah. Hrestomatiya. Dorevolucionnii period. Uchebnoe posobie dlya srednih i sredne-specialnyh uchebnyh zavedenii Komi ASSR [History of the Komi region in documents and materials. Textbook. The pre-revolutionary period. Study guide for secondary and secondary specialized educational institutions of the Komi ASSR]. – Syktyvkar, 1991.
 35. Istoriya rodnogo kraja. Uchebnoe posobie dlya uchashihsya srednih shkol, proftehuchilisch i srednih specialnyh uchebnyh zavedenii Respubliki Komi [History of the native land. Study guide for students of secondary schools, vocational schools and secondary specialized educational institutions of the Komi Republic]. – Syktyvkar, 1994
 36. Doktora nauk Komi nauchnogo centra UrO RAN [Doctors of Sciences of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS] / Ed. A.M. Askhabov. – Syktyvkar, 2009.
 37. Chuprov, V.I. Socialno-politicheskaya zhizn' severnoi derevni v konce XIX – nachale XX vv. [Socio-political life of the northern village in the late XIX – early XX centuries (1895 – February 1917)] / V.I. Chuprov. – Moscow, 1991.
 38. Zherebtsov, I.L. Chuprov Vladimir Ivanovich / I.L. Zherebtsov // Komi Republic. Encyclopedia. – Syktyvkar, 2000. – P. 292.
 39. Chuprov, V.I. Socialno-politicheskaya zhizn' severnoi derevni v konce XIX-nachale XX vv. [Socio-political life of the northern village in the late XIX - early XX centuries (1895 – February 1917)] Abstract of diss....Dr. Sci. (History). / V.I. Chuprov. – Moscow, 1992.
 40. Chuprov, V.I. Lesnoi kompleks Respubliki Komi: istoriya i sovremennost'. Speckurs dlya studentov dnevno, vechernego i zaochnogo otdelenii vseh fakult. Syktyvkar. lesnogo instituta [Timber complex of the Komi Republic: history and modernity. A special course for students of full-time, evening and correspondence departments of all faculties of Syktyvkar Forest Institute] / V.I. Chuprov, L.P. Zabortseva. – Syktyvkar, 1998.
 41. Chuprov, V.I. Komi derevnya v nachale XX veka (1900 – 1917 gg.). Uchebnoe posobie po istorii rodnogo kraja [Komi village at the beginning of the XX century (1900 – 1917): Study guide on the history of the native land] / V.I. Chuprov. – Syktyvkar, 1999.
 42. Chuprov, V.I. Istoriya Rossii. Tematika kontrolnyh rabot i metodicheskie ukazaniya dlya studentov zaochnogo otdeleniya vseh fakultetov [History of Russia. Topics of control works and methodological guidelines for students of the correspondence department of all faculties] / V.I. Chuprov, L.P. Zabortseva. – Syktyvkar, 1999.
 43. Chuprov V.I. Lesnoi kompleks Respubliki Komi: istoriya i sovremennost'. Metodich. posobie [Forest complex of the Komi Republic: history and modernity. Methodical study guide] / V.I. Chuprov, L.P. Zabortseva, O.V. Zolotarev. – Syktyvkar, Syktyvkar Forest Inst. Publ., 2003.
 44. Chuprov, V.I. Lesnoi kompleks Respubliki Komi: istoriya i sovremennost' [Forest complex of the Komi Republic: history and modernity] / V.I. Chuprov, L.P. Zabortseva. A course of lectures on the special course "History of the timber industry of the Komi Republic" for students of all forms of education, 2nd ed. revised and updated. / V.I. Chuprov, L.P. Zabortseva. – Syktyvkar: Publishing house of Syktyvkar Forest Inst., 2005.
 45. Chuprov, V.I. Syktyvkarskii lesnoi institute [Syktyvkar Forest Institute (1952 – 2002)] / V.I. Chuprov. – Syktyvkar, 2002.
 46. Krestyane Evropeiskogo Severa Rossii v dorevolucionnii period: ekonomika, demografiya,

- kultura [Peasants of the European North of Russia in the pre-revolutionary period: economy, demography, culture] / Ed. V.I. Chuprov. – Syktyvkar, 1995. (Proc. of the Inst. of Lang., Liter. and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Issue 59).
47. Chuprov, V.I. Socio-political activity of the Finno-Ugric peoples at the Beginning of the 20th century (1900 – 1917) / V.I. Chuprov // *Historia fenno-ugrica*. Congress primus Historiae fenno-ugricae. 1:1. – Oulu, 1996.
 48. Svyaz' vremen [The connection of times] / Ed.-comp. I.L. Zherebtsov, M.I. Kurochkin. – Syktyvkar, 2000.
 49. Atlas Respubliki Komi [Atlas of the Komi Republic] / Sci. Superv. E.A. Savelyeva. – Syktyvkar, 2001.
 50. Respublika Komi. Enciklopedia [Komi Republic. Encyclopedia] / Ch. Ed. M.P. Roshchevsky. – Syktyvkar, 1997, 1999, 2000. – Vol.1 – 3.
 51. Chuprov, V.I. Krestyanskoe dvizhenie na Severe v konce XIX – nachale XX vv. (1895 – fevr. 1917 g. Istochniki. Metodika issledovaniya. Hronika [Peasant movement in the North in the late XIX – early XX centuries (1895 – February 1917). Sources. Research methodology. Chronicle] / V.I. Chuprov. – Syktyvkar, 2002.
 52. Chuprov, V.I. Krestyanskaya obshina v Komi krae vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The peasant community in the Komi Region in the second half of the XIX – early XX centuries] / V.I. Chuprov, V.V. Shangina. – Syktyvkar, 2011.
 53. Istoriya Komi s drevneishih vremen do konca XX veka [The history of Komi from ancient times to the end of the XX century] / Ed. A.F. Smetanin. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2004. – Vol. 1.
 54. Istoriya Komi s drevneishih vremen do konca XX veka [The history of Komi from ancient times to the end of the XX century] / Ed. A.F. Smetanin. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2004. – Vol. 2.
 55. Istoriya Komi s drevneishih vremen do nashih dnei [The history of Komi from ancient times to the present day]. – Syktyvkar: Anbur, 2011. – Vol. 1.
 56. Istoriya Komi s drevneishih vremen do nashih dnei [The history of Komi from ancient times to the present day] / Eds. I.L. Zherebtsov, A.A. Popova, A.F. Smetanin. – Syktyvkar: Anbur, 2011. – Vol. 2.
 57. Chuprov, V.I. Ust-Tsilma – kraj pechorskii [Ust-Tsilma – Pechora territory] / V.I. Chuprov, A.F. Smetanin, A.A. Popov. – Syktyvkar, 1991.
 58. Ust-Tsilemskie skazki [Ust-Tsilma fairy tales] / Comp. V.I. Chuprov. – Syktyvkar, 1992.
 59. Chuprov, V.I. Krestyanskaya semya Ust-Tsilemskoi volosti Pechorskogo uyezda v nachale XX veka [Peasant family of Ust-Tsilma volost of Pechora uyezd at the beginning of the XX century] / V.I. Chuprov // *Ethnodemographic processes in the North of Eurasia*. Collected sci. papers.- Issue.3. – Part 3. – Moscow – Syktyvkar, 2005.
 60. Chuprov, V.I. Etno-kulturnie processy v Ust-Tsilemskom raione Respubliki Komi v sovremennykh usloviyakh [Ethnocultural processes in the Ust-Tsilma region of the Komi Republic in modern conditions] / V.I. Chuprov // *Materials of the V All-Russian sci.-theor. conf. "Political, economic and socio-cultural aspects of the regional management in the European North"*. – Syktyvkar, 2006.
 61. Chuprov, V.I. Socialno-kulturnoe razvitiye Ust-Tsilemskogo raiona Respubliki Komi v konce XX – nachale XXI v. (1985 – 2006 gg.) [Socio-cultural development of the Ust-Tsilma region of the Komi Republic at the end of the XX – beginning of the XXI century (1985 – 2006)] / V.I. Chuprov // *History and modern development of the Komi Republic as part of the Russian Federation*. Materials of the Republican sci. conf. – Syktyvkar, 2006.
 62. Chuprov, V.I. Socialnii protest krestyan s Ust-Tsilmy vo vtoroi polovine XIX veka [Social protest of Ust-Tsilma peasants in the second half of the XIX century] / V.I. Chuprov // *The first Myandin readings*. Materials of the Republican Sci.-Pract. Conf. – Syktyvkar, 2009.
 63. Chuprov, V.I. Vklad trudyaschihsya Ust-Tsilemskogo r-na Komi ASSR v pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine [Contribution of the workers of the Ust-Tsilma region of the Komi ASSR to victory in the Great Patriotic War] / V.I. Chuprov, A.F. Smetanin // *Soviet rear during the Second World War (according to materials of the Komi ASSR)*. – Syktyvkar, 2010. (Proc. of the Inst. of Lang., Liter. and History. Issue 67).
 64. Chuprov, V.I. Promyshlennost' Ust-Tsilmy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Ust-Tsilma industry in the second half of the XIX – early XX centuries] / V.I. Chuprov // *Second Myandin readings*. Materials of the All-Russian Sci.-Pract. Conf. – Syktyvkar: Kola Publishing House, 2011.
 65. Chuprov, V.I. Razvitiye selskogo hozyaistva Ust-Tsilemskoi volosti Pechorskogo uyezda v konce XIX – nachale XX vekov i A.V. Zhuravsky [Development of agriculture of Ust-Tsilma volost of Pechora uyezd in the late XIX – early XX centuries and A.V. Zhuravsky] / V.I. Chuprov // *Problems and ways of development of agricultural science of the North in the XXI century*. Collection of sci. papers. – Syktyvkar, 2011.
 66. Ust-Tsilemskie skazki v sobranii N.E. Onchukova [Ust-Tsilma fairy tales in the collection of N.E. Onchukov] / Comp. V.I. Chuprov. – Syktyvkar: Anbur, 2018.
 67. Portret intellekta. Uchenye Respubliki Komi [Portrait of intelligence. Scientists of the Komi Republic]. – St. Petersburg, 2001. – P. 330.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022
The Editorial Office received the paper on 14.03.2022

А.Г. БЕЛЯЕВ *, А.Г. МУСАНОВ **

ОНОМАСТИКОН НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «ЮГЫД ВА»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

* Национальный парк «Югыд ва»,
г. Вуктыл

** Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

musanov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В публикации впервые репрезентируются наименования памятников культуры особо охраняемой природной территории «Югыд ва»: охарактеризованы экстралингвистические факторы, произведены этнокультурная и семантическая дифференциации. Взаимосвязь объектов природы и культуры актуализирует туристический потенциал этой территории. Особую значимость в туристическом дискурсе приобретают ономастические материалы, дающие возможность эксплицировать особенности духовного и материального развития конкретной нации на определенном этапе ее развития. На территории парка в течение многих веков происходили перемещения народов, которые оставили уникальное наследие культуры – исторические ономастические реалии. Собранные материалы позволяют верифицировать топонимическую систему, связанную с финно-угорскими и русским языками.

Ключевые слова:

уральские языки, Национальный парк «Югыд ва», история, лексика, топонимическая система, географические названия, семантика, фонетика

A.G. BELYAEV *, A.G. MUSANOV **

ONOMASTICON OF THE NATIONAL PARK «YUGYD VA»: LINGUOCULTUROLOGICAL POTENTIAL

* Federal State Budgetary Institution National
Park «Yugyd Va», Vuktyl

** Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Abstract

The «Yugyd Va» National Park is one of the unique and largest natural reserves in the world, with the largest array of virgin taiga forests in Europe. Crystal clear natural water is the main value of the park, perhaps its name comes from here - «Yugyd va», in the Komi language means "(lit.) light water". The originality of natural landscapes, ecologically clean water and air attract travelers. Of particular importance in the tourist discourse are onomastic materials that make it possible to explicate the features of the spiritual and material development of a certain nation at a certain stage of its development. Tribes that have left a unique cultural heritage – historical onomastic realities - have long lived in the specially protected natural territories of the national park.

The richness and diversity of the landscape of the studied region, its flora and fauna are reflected in the geographical vocabulary, the formation of which was strongly influenced by related and unrelated languages and dialects. The collected materials allow us to verify the toponymic system associated with the Finno-Ugric and Russian languages.

Onomastic material contains a huge socio-cultural potential. Therefore, when studying proper names, one of the main approaches should be to study them as socio-cultural signs that store a significant layer of historical and cultural information.

Until recently, researchers underestimated the importance of the socio-cultural component of the proper name, mainly focusing on the study of purely linguistic features, historical and compara-

tive analysis, the presence of a conceptual national component in onyms was practically excluded.

Along with the ability to transmit information that is significant to the recipient, onyms representing signs and symbols remain closed to the «uninitiated» or foreign cultural recipients. The identification of the national and cultural specifics of a proper name has an undoubted significance in terms of familiarization with someone else's culture.

Keywords:

Ural languages, «Yugyd Va» National Park, history, vocabulary, toponymic system, geographical names, semantics, phonetics

• **Введение**

Известно, что топонимообразование происходит в конкретных исторических условиях, в тесной связи с общественной жизнью и языками населяющих данную территорию народов. Топонимическая система создается в течение длительного времени, поэтому она всегда состоит из разновременных и разноязычных элементов, субстратных пластов и, соответственно, разнообразной географической номенклатуры. Не является исключением и топонимия территории Национального парка «Югыд ва», на формирование которой сильно повлияли родственные и неродственные языки и диалекты. Здесь представлена топонимическая система, легко интерпретируемая из коми, русского, мансийского, ненецкого языков, фиксируются единичные вкрапления топонимов хантыйского происхождения. Всего собраны сведения о 895 названиях географических объектов¹.

Источниками для сбора информации послужили современные топографические карты масштабов 1:25 000, 1:50 000, 1:100 000, 1:200 000, древние карты, исторические документы различных экспедиций, литературные свидетельства, отчеты туристических групп, сообщения местных жителей. При интерпретации топонимов использовались диалектологические, этимологические словари финно-угорских языков, словари русского языка прошлых столетий, топонимическая научная литература, консультации специалистов и носителей языка. Результатирующие топонимические материалы демонстрируются на картах по руслам основных рек, протекающих по территории парка: с юга на север – Подчерем, Щугор, Большая Сыня, Косью и Кожым; вдоль русел – от устья к истоку. В случае рек вне границ национального парка – от линии парка к истоку.

• **Ономастические реалии Национального парка «Югыд ва»**

Топонимическая система территории представляет собой очень разнородный материал: фиксируются различные по происхождению пласты лексики, реликты языков народов, ранее населявших данную территорию, суб-

¹ В силу ограниченности жанра значительная часть названий в исследовании не представлена. Орфография наименований географических объектов в статье соответствует эмпирическим источникам.

стратная топонимия, лексика языка нынешнего населения, параллельное функционирование разноязычных топонимов и т.д. Собранные материалы позволяют верифицировать топонимию, связанную с коми, русским, мансийским и ненецким языками.

Для репрезентативности при картографировании топонимических данных территория национального парка дифференцирована на северную и южную части. Южная часть включает в себя бассейны рек Подчерем и Щугор, северная, соответственно, верховья рек Большая Сыня, Косью и Кожым.

Анализируемые материалы обнаруживают, что топонимы коми (пермского) происхождения преимущественно локализируются в таежной зоне, наиболее плотно они распределены вдоль течения рек Подчерем, Щугор и Большой Паток. Интересно отметить, что в бассейнах рек Щугор и Большой Паток на расстоянии 10 – 15 км от их устьев коми топонимия практически не сохранилась. В горной местности они немногочисленны, к главному водораздельному хребту, в районе хребта Перна-Из, фиксируется небольшая группа топонимов коми происхождения.

Русские географические названия локализованы в руслах рек Подчерем и Щугор, в направлении – Торговая и Волоковка. Подавляющая часть составных топонимов с русским компонентом группируется в горной части бассейна р. Щугор, в верховьях р. Большой Паток и его притоков. Значительная их доля является топонимическими новообразованиями, появившимися во время интенсивного освоения этого района.

Топонимы с мансийским компонентом тяготеют к южной части горных массивов [1; 2], становясь редкими севернее верховьев р. Малый Паток. Ненецкий компонент в топонимах бассейнов рек Щугор и Подчерем немногочислен (рис. 1).

Совершенно иная ситуация дифференциации топонимической системы по языку происхождения в северной части парка. Показательно, что топонимы с коми компонентом в составе распространяются в русле р. Косью, в значительной мере равномерно распределены по всей горной части парка. Аналогичное наблюдается с составными географическими названиями с русским компонентом, образованными в период интенсивного освоения Приполярного Урала (рис. 2). Визуализируется незначительная фиксация топонимов мансийского происхождения, сохранение ненецких названий (рис. 3).

В целом топонимические системы южной и северной частей парка по языку происхождения не тождественны. В бассейнах рек Подчерем и Щугор доминирует коми топонимия (около 40%), далее – русские названия – 24, топонимы мансийского происхождения – более 7, ненецкого – 2,4%. Фиксируется незначительный стратонимов хантыйского происхождения, к примеру, Хатемалья, хант. хӧтэмэӧ «скатывающийся», я «река» и др. В северной части парка наблюдается значительная концентрация названий русского языка, их около 40%. Это, безусловно, обеспечивается большим количеством топонимических новообразований (см. рис. 3). Коми топонимов фиксируется больше 30%. Существенно меньше на севере географических названий мансийского языка, напротив, визуализируется увеличение топонимов ненецкого происхождения.

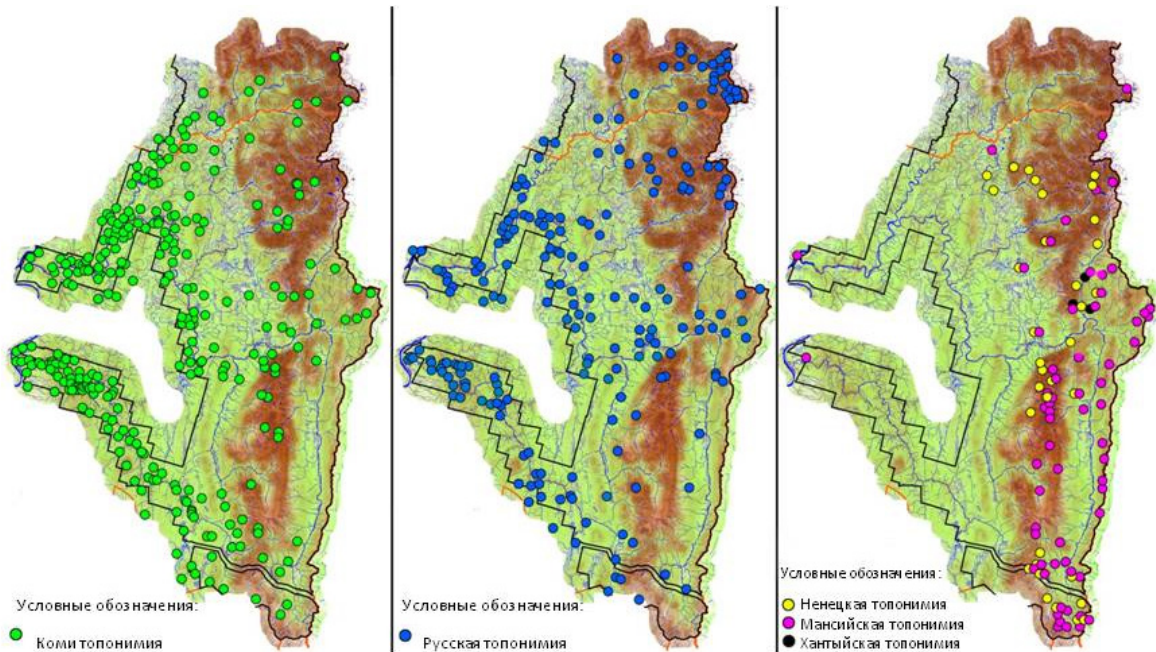

Рис. 1. Локализация названий по языку происхождения на территории южной части парка.
 Fig. 1. Localization of names by language of origin in the southern part of the park.

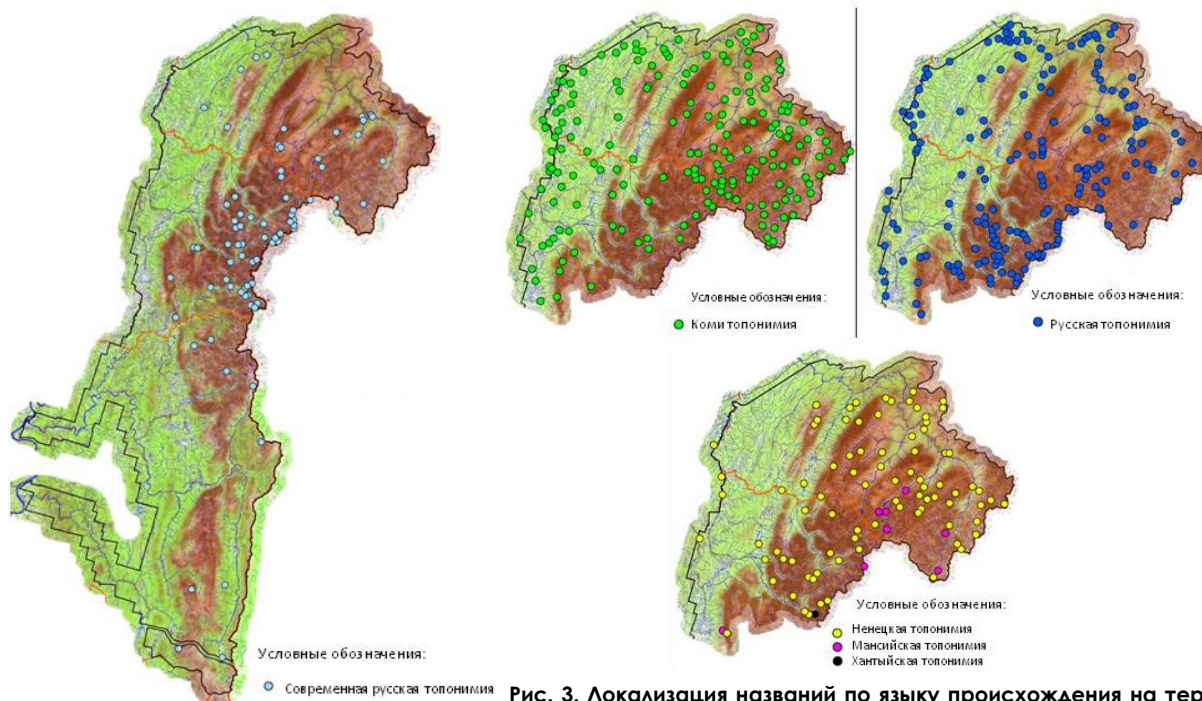

Рис. 2. Современная русская топонимия.
 Fig. 2. Modern Russian toponymy.

Рис. 3. Локализация названий по языку происхождения на территории северной части парка.
 Fig. 3. Localization of names by language of origin in the northern part of the park.

Исключительно представлена топонимия гибридного происхождения. Появление гибридных названий в зоне непосредственных контактов двух и более языков неизбежно, например, коми-мансийские названия: Пон-Я, к. *пон* «собака», манс. я «река»; Саран-Из, к. *saran* («зырянин»), из «гора»; Чомбок-Я, к. *чомбок* «около чума», манс. я «река» и др. Аналогично выглядят коми-ненецкие топонимы, ср., Хыдэ-Ёль, ненец. *хыдя* «чаша», к. *ёль* «лесной ручей»; Лепта-Из, ненец. *лепта* «равнина, плоский», к. *из* «гора»; ман-

сийско-ненецкие – Варьян-Сале-Я, ненец. *Варьян-Сале* «безлесная возвышенность около воды», манс. я «река», Пелеу-Я, ненец. *пелеу* «каменистый», манс. я «река». Все гибридные топонимы на этих языках локализованы в горных и предгорных районах, они не встречаются в лесной зоне.

Несмотря на общую структурную схожесть этих топонимов, между ними есть одно существенное различие: в коми-ненецких и мансийско-ненецких топонимах, отмеченных на этой территории, топооснова всегда представлена

на ненецком языке, а тип именуемого объекта – на коми или мансийском языках соответственно². Коми и манси восприняли существовавшую до их прихода ненецкую топонимию и адаптировали ее.

По-иному структурированы гибридные коми-мансийские топонимы. В этих названиях топооснова может быть как на коми, так и на мансийском языках, что говорит о совместном существовании этих народов в горах Уральско-го хребта, об их близких контактах.

Гибридные коми-русские топонимы локализованы преимущественно в таежной зоне, ср., Выдра-Ёль, Камчатка-Ди, Скала Морчанов и др. Коми-русские топонимы представлены двумя типами образований:

1) такие топонимы, как Кедровый-Шор (к. шор «ручей»), Мертвый-Ёль (к. ёль «лесной ручей»), Рублевый-Кос (к. кось «(зд.) пороп») и др. Эти названия построены аналогично топонимам уральских языков – собственно название объекта на русском языке + тип объекта (река, гора, озеро) на коми языке.

2) топонимы, где только один компонент названия, это обычно определение (атрибут), переведен на русский язык. Таковых на территории парка отмечено 45 наименований. Топонимы, включающие в себя определения *ыджыд-ичёт*, *веськыд-шуйга*, *вевдор-шёр-увдор*, *вой-лун* освоены русским языком – большой-малый, правый-левый, верхний-средний-нижний, северный-южный, ср., Большой и Малый Паток на Щугоре, Большой и Малый Емель на Подчереме; Ыджыд-Паток – Ичёт-Паток, Ыджыд-Емель – Ичёт-Емель и др. Рассматриваемые транс-

формации происходили в основном в первой половине XX в. и связаны, по всей вероятности, с картографированием. По крайней мере, еще в 1932 г. в некоторых литературных источниках названия зафиксированы только на коми языке, к примеру, Большой Емель именовался Ыджыд-Емель [4, с. 117]. В отчетных материалах экспедиции Гофмана используются коми и русские наименования этих рек, вероятно, что двуязычные варианты существовали параллельно [5, с. 47].

В северной и южной частях Национального парка «Югыд ва» фиксируется значительное количество антропонимических названий, на юге из 51 антропонима 48 имеют коми топооснову. На севере из 35 антропонимов – 20 русскоязычных, в основном это оронимические названия, сформированные в последние десятилетия. Коми топонимы, образованные от личного имени или прозвища, существенно реже фамилии, как правило, обозначают принадлежность объекта к конкретному человеку или роду. Подавляющее большинство русских и современных коми имен имеют христианское происхождение, однако структурно различаются, например, Изба Пинягина и Пиле-Керка, Васильевский остров и Васька-Ди и др.

Широко представлены зоонимы – топонимы, образованные от нарицательного названия видов животных. На севере таковых 43, на юге – 24, т.е. доля зоонимов на севере существенно выше. Их структура как в целом, так и конкретно по коми топонимам, представлена на рис. 4. В какой-то степени видовое богатство отзоонимических названий в северной части парка является результатом освоения этих территорий русскоязычным населением. Здесь наблюдается практически полное отсутствие названий с топоосновой олень, возможно, что единственное исключение – ручей Хоршор, к. (диал.) хора «некастрированный олений бык в возрасте свыше двух лет». При этом если рассматривать топонимы, прямо или косвенно связанные с оленеводством, то таковых на севере 19 наименований, на юге – 11.

Названия, с признаками, указывающими на наличие тех или иных видов растений, представлены на рис. 5. Здесь фиксируется доминирование названий с коми топоосновами *бадь* и *пача* («ива»). В этом случае, в отличие от зоонимов, наблюдается существенно более широкое флористическое представительство в южной части парка. Сравнивая флито- и зоонимику можно сказать, что в южной части парка эти группы топонимов легко определяются с помощью лексических средств коми языка как в отношении количества упомянутых видов, так и по частоте встречаемости.

В северной части парка состав названий существенно

² Еще А. Регули в 40-х гг. XIX в. писал, что «по всей длине Уральского хребта едва можно насчитать от 6 до 8 семейств» ненцев [3, с. 164].

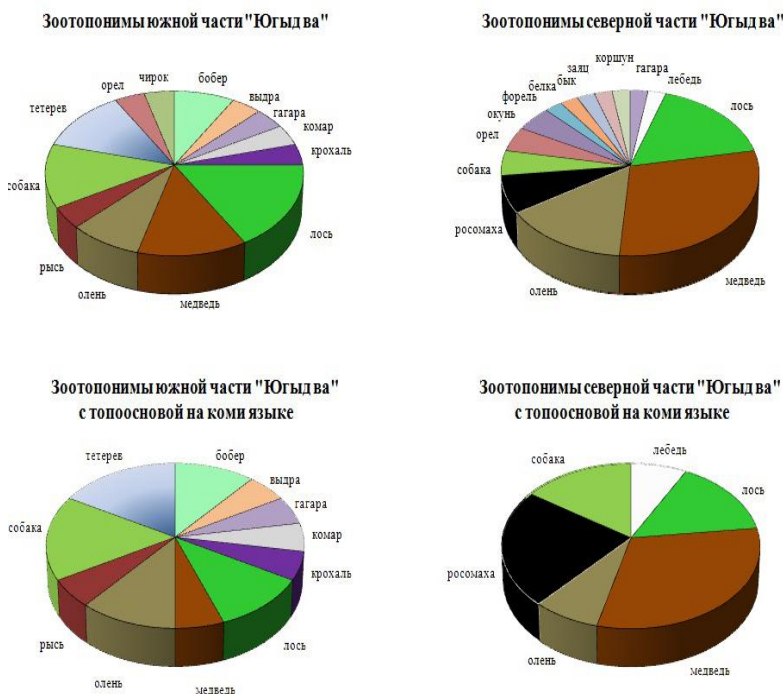

Рис. 4. Топонимы, образованные от нарицательного названия видов животных. Fig.4. Toponyms formed from the common name of animal species.

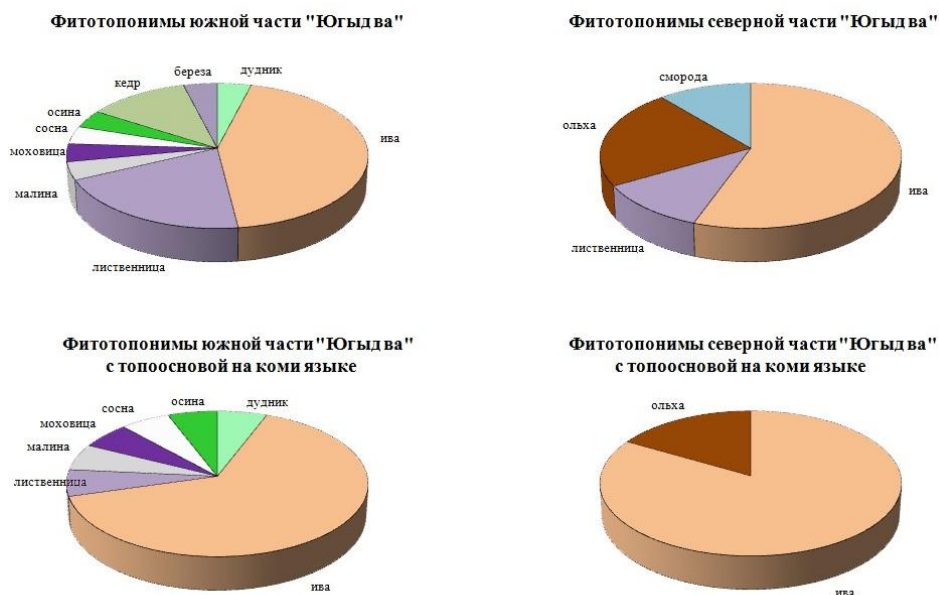

Рис. 5. Названия с признаками, указывающими на наличие тех или иных видов растений.
Fig. 5. Names with signs indicating the presence of certain plant species.

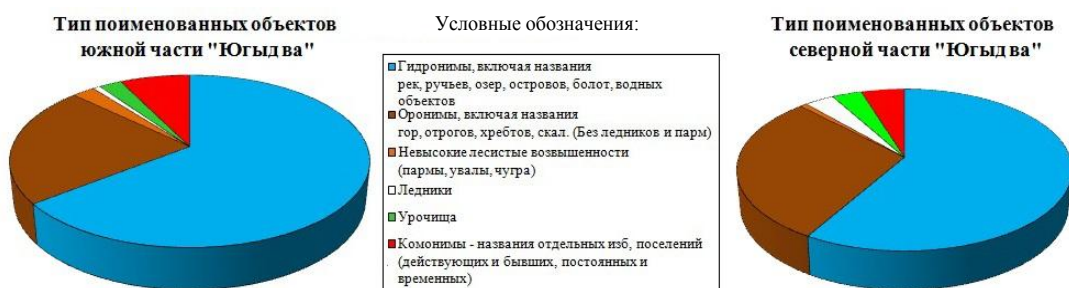
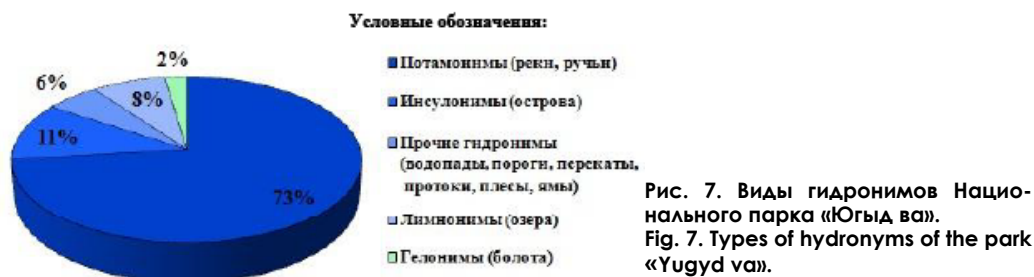

Рис. 6. Дифференциация гидронимии на основе отношения их к типу географического объекта.
Fig. 6. Differentiation of hydronymy based on their relation to the type of geographical object.

отличается. Возможно, это связано со значительными ландшафтными изменениями северной и южной частей.

Названия на основе отношения их к типу географического объекта представлены на рис. 6. Наблюдается различие в топонимике севера и юга, что объясняется неоднородностью географических реалий. В обеих частях фиксируется доминирование гидронимов (рис. 7), но тем не менее в южной части их доля значительно больше. В северной, гористой, части существенно больше оронимов, интересно отметить, что здесь отсутствуют названия возвышенностей с апеллятивом парма, но распространены они с термином чугра.

В мансийской и ненецкой гидронимии представлены только названия рек и озер. Существенно шире представлены русскоязыч-

ные гидронимы, кроме речных наименований и лимнонимов фиксируются названия болот, островов, порогов и перекатов. Самую большую долю составляют гидронимы с топоосновой на коми языке.

В коми гидронимии³, представленной в парке, распространены названия рек с апеллятивом *ю* («река»), *эль* («небольшой лесной ручей»), *шор* («ручей»), *вис* («протока»), *кось* («порог и перекат»), *кос* («отмель»), *ты* («озеро»), *вад* («лесное озеро с топкими берегами»); для обозначения ям в коми языке усвоено русское слово *яма*

³ Для древних коми была характерна развитая система гидронимации. Они отмечали различные дифференцирующие признаки водных объектов (например, отличалось название реки, текущей по открытой местности, от реки, протекающей по лесной чаще; название озера лесного от лугового и т.д.).

(ср. в коми языке термины – *гобльӧг*, *джум*). Присвоение собственных имен речным ямам имеет свой смысл. Большинство рек на территории парка носят полугорный или горный характер. В таких реках относительно большие глубины встречаются обычно в ямах, которые образуются в местах схождения нескольких сильных течений, около крутых излучин, в местах впадения достаточно больших притоков, ниже по течению за островами. Именно в таких местах локализованы рыбные ресурсы, являющиеся основным объектом промысла местных жителей, поэтому такие географические объекты имеют свои собственные имена.

• Выводы

На территории Национального парка «Югыд ва», согласно современным и историческим картам, историческим, документальным и литературным свидетельствам, зафиксировано 895 топонимов. Из приведенного количества топонимов больше всего представлено на коми языке – 336, русском – 271, мансийском – 46, ненецком – 41. Необходимо отметить, что к русским топонимам отнесены, в том числе и образованные от нерусских слов, но принесенные в регион посредством русского языка. Например, гора Кварцитная происходит от немецкого слова *quarzit* «кварцит». Остальные топонимы гибридные, включающие в себя компоненты разных языков: больше всего коми-русских топонимов – 102. Несколько топонимов имеют топооснову на хантыйском языке.

1. Из представленных коми топонимов, четверть описывают какое-либо качество называемого объекта, например, Сочем-Парма «Горелая Парма», Кэздидь-Ель «холодный лесной ручей» и др.; приблизительно 10 % указывают на пространственные отношения объектов, ориентации по сторонам света, например, Вочаёльди «остров напротив лесного ручья», Лунвож «южный приток», Вылыс-Кыртади «остров у Верхней скалы» и др.; около 7,5 % коми топонимов с признаками, указывающими на наличие животных, обитающих рядом, например, Варкан-Ёль «рысий ручей», Крохаль-Позди «остров с гнездовьем крохалея» и др. Фиксируется незначительное количество названий, отражающих наличие растений, например, Пачамыльк «холм, поросший ивняком», Омудзя-шор «ручей с малинником» и др. С хозяйственной деятельностью человека, чаще всего охотой или рыболовством, дифференцированы 6,5 % топонимов, например, Езя-Яма-Ди «остров, рядом с которым в яме ловят рыбу загородками» и др.

2. Русские по происхождению названия географических объектов разновременны: одни более позднего происхождения, другие возникли буквально в последние десятилетия в связи с притоком рабочей силы из регионов с русским населением. Первые упоминания о русских топонимах этого региона содержит карта, составленная Федором Молчановым по итогам его исследований в 1720 – 1721 гг. ⁴ [6, с. 5]: это притоки р. Щугора: р. Торговая и старые назва-

⁴ На карте бассейна реки верхней Печоры, составленной в 1722 г. геодезистом Федором Молчановым, показаны южный участок Печоры длиной 550 км, от ее истока в Камне, и ее верхние притоки: левый – Унья, правые – Подчерем и Ильч.

ния рек Большой и Малый Патоки – Большой и Малый Падуны. В топографических источниках середины XIX в. на территории бассейна р. Подчерем отмечены такие русские топонимы, как Дыроватница (ныне – Большая Древатница), реки Орловка и Летник. В XX в. на Подчереме и Щугоре появились новые русские топонимы: Междуречный, Кварцитная, Самоцветный, Звонкий и др.

3. Мансийские топонимы подробно отражают описание места, например, озеро Тара-сори-Тур «озеро у прохода через седловину», Хальмер-Сале-Нумпал-Тур «верхнее озеро под отрогом, где умер (был похоронен) человек», Нанк-сори-Я «лиственничная река, текущая по седловине» и др. Фиксируются названия, указывающие на какой-либо один характерный признак объекта: Кургал-Я «гремящая река», Оссора «узкая гора», Янытуйтнёр «большая снежная гора» и др. Ряд топонимов у манси несут сакральное значение, например, мансийское название горы Тел-Поз-Из – Не-пубы-нёр «гора бабы идола», Нёр-Ойка «хозяин гор», Хоса-Ял-пынг-Нёр «длинный священный хребет» и др. Как и у коми, имеются ситуативные названия, отражающие связанное с объектом событие: Салыт-Сакватым-Ур «гора, (где были) разбиты олени (лавиной)», Хурумненцати-Тайем-Я «река, возле которой были съедены три важенки» и др.

4. Ненецкие топонимы, связанные с традиционным для ненцев оленеводством (Лепта-Нидерма «река (по которой идет дорога) к летним пастбищам») народными обычаями и верованиями, религиозными обрядами и мифологическими представлениями (Пыртиндырма «место, где переходят (через реку) обратно»; название горы Не-хэхэ «(гора) духа-покровительницы»; Сивьяха «река семи рек (притоков)»).

В целом, ономастическая система национального парка «Югыд ва» составляет пласт оригинальной лексики коми, русского, мансийского, ненецкого языков, содержащей ценную информацию о внутренней структуре, происхождении и истории развития. Отчасти это объясняется тем, что рассматриваемый регион исторически был зоной взаимодействия различных этносов и этнографических групп. Топонимия национального парка неоднородна в отношении внутренней структуры названий, их лексико-семантических связей, места в языковой системе, происхождения и функционирования.

На основе описания структурно-функциональных свойств наименований географических объектов продемонстрированы семантические особенности, определяющие их роль в репрезентации туристического дискурса.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008.

• Используемые сокращения

- К. – коми язык
- Манс. – мансийский язык
- Ненец. – ненецкий язык
- Диал. – диалектное

• Abbreviations used

K. – Komi language;
Mans. – Mansi language;
Nenets. – Nenets language;
Dial. – dialect.

• Литература

1. Мусанов, А.Г. Заселение Верхней Печоры по топонимическим данным / А.Г. Мусанов // Актуальные вопросы коми и пермского языкознания. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – С. 38 – 52. – (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77).
2. Мусанов, А.Г. В поисках топонимии летописной печеры / А.Г. Мусанов // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия: сб. ст. по итогам Всероссийской научной конференции (9 – 13 октября 2017 г., Сыктывкар). – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. – С. 116 – 119.
3. Перевод письма венгерского путешественника г-на Регули к члену Русского географического общества академику П.И. Кеппену от 21 января 1847 г. // Записки Императорского Русского географического общества. – Санкт-Петербург, 1849. – Кн. 3. – С. 159 – 175.
4. Горбунов, В. Гнездо ветров / В. Горбунов. – Свердловск, 1934. – 159 с.
5. Магидович, И.П. Очерки по истории географических открытий. Т. 4. Географические открытия и исследования нового времени (XIX – начало XX в.) / И.П. Магидович, В.И. Магидович; 3-е изд. – Москва: Просвещение, 1985. – 335 с.
6. Магидович, И.П. Очерки по истории географических открытий. Т. 3. Географические открытия и исследования нового времени (XVII – начало XVIII в.) / И.П. Магидович. – Москва: Просвещение, 1984. – 406 с.

• Referenes

1. Musanov, A.G. Zaselenie Verkhney Pechory po toponimicheskim dannym [Settlement of the Upper Pechora by toponymic data] / A.G. Musanov // Aktual'nye voprosy komi i permskogo yazykoznaneya [Current issues of Komi and Permian linguistics]. – Syktyvkar: Inst. of Lang., Liter.

and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2019. – P. 38 – 52. – (Proc. of the Inst. of Lang., Liter. and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS. Issue 77).

2. Musanov, A.G. V poiskakh toponimii letopisnoy pechery [In search of the toponymy of the chronicle pechera] / A.G. Musanov // Filologicheskie issledovaniya – 2017. Fol'klor, literatury i yazyki narodov evropeyskoy chasti Rossii: formy, modeli, mekhanizmy vzaimodeystviya: Sbornik statey po itogam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (9 – 13 oktyabrya 2017 g., Syktyvkar) [Philological studies – 2017. Folklore, literature and languages of the peoples of the European part of Russia: forms, models, mechanisms of interaction: collected papers on the results of the All-Russian Sci. Conf. (October 9-13, 2017, Syktyvkar)]. – Syktyvkar: Inst. of Lang., Liter. and History, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2017. – P. 116 – 119.
3. Perevod pis'ma vengerskogo puteshestvennika g-na Reguli k chлену Russkogo geograficheskogo obshchestva akademiku P.I. Keppenu ot 21 yanvarya 1847 g. [Translation of the letter of the Hungarian traveler Mr. Reguli to a member of the Russian Geographical Society, academician P.I. Köppen dated January 21, 1847] // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. – St. Petersburg, 1849. – Book 3. – P. 159 – 175.
4. Gorbunov, V. Gnezdo vetrov [Nest of winds] / V. Gorbunov. – Sverdlovsk, 1934. – 159 p.
5. Magidovich, I.P. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytij [Essays on the History of Geographical Discoveries] - Vol. 4. Geograficheskie otkrytiya i issledovaniya novogo vremeni (XIX – nachalo XX v.) [Geographical discoveries and studies of modern times (XIX – early XX century)]. 3rd edition / I.P. Magidovich, V.I. Magidovich. – Moscow: Prosveshchenie, 1985. – 335 p.
6. Magidovich, I.P. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytij [Essays on the History of Geographical Discoveries] – Vol. 3. Geograficheskie otkrytiya i issledovaniya novogo vremeni (XVII – nachalo XVIII v.) [Geographical discoveries and studies of modern times (XVII – early XVIII century)] / I.P. Magidovich. – Moscow: Prosveshchenie, 1984. – 406 p.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022
The Editorial Office received the paper on 16.03.2022

С.М. ЕЛЕМЕСОВ, Т.С. САДЫКОВ

НЕКОТОРЫЕ ТОПОНИМЫ МОНГОЛО-ОЙРАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева,
Республика Казахстан, г. Нур-Султан
sancho-94@mail.ru

S.M. ELEMESOV, T.S. SADYKOV

SOME TOPONYMS OF MONGOL-OIRAT ORIGIN

L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan

Аннотация

Статья посвящена истории и историографии топонимов в Акмолинской области. Казахско-джунгарская война принесла казахскому народу большие страдания. Различная информация о судьбах этих судьбоносных лет записана и рассказана на страницах истории по сей день. Однако есть много неисследованных аспектов этой войны. Зло, которое совершили джунгары для своих целей, никогда не будет забыто в сознании казахского народа. Поэтому главная цель в этом плане – понять реальность мира рассматриваемого исторического периода. На казахской земле существует множество джунгарских или монгольских топонимов. Однако задача исторической науки (топонимики) – определить когда и в каких исторических событиях появились эти топонимы. Конечно, чтобы изучить два кочевых народа и показать отношения между соседними государствами, необходимо проанализировать источники того времени или исторические труды царского, советского и независимого периодов.

Ключевые слова:

топоним, этимология, Ерейментау, Коргалжын, Силети, география, история

Abstract

The paper deals with the history and historiography of toponyms in the Akmola region. The Kazakh-Dzungarian war brought great suffering to the Kazakh people. Various information about the fate of these fateful years is recorded and given on the pages of history to this day. However, there are many unexplored aspects of this war. The evil that the Dzungars committed to achieve their goals will never be forgotten in the minds of the Kazakh people. Therefore, the main goal in this regard is to understand the reality of this historical period. There are many Dzungarian or Mongolian toponyms on the Kazakh land. However, the task of historical science (toponymy) is to determine when and in what historical events these toponyms appeared. Of course, in order to study two nomadic peoples and show the relations between neighboring states, it is necessary to analyze the sources of that time or historical works of the tsarist, Soviet and independent periods.

Keywords:

toponym, etymology, Ereimentau, Korgalzhyn, Sileti, geography, history

Этимология некоторых топонимов казахской земли сохранилась в языке этого народа до наших дней во время джунгарского нашествия. Это связано с тем, что языкам свойственна идентичность или приспособленность заимствованных слов к казахскому языку (Баянаул, Кордай, Коргалжын), влияние национальных обычаев и

традиций и политической ситуации в стране имеет большое значение в постановке названий земель и вод. Поэтому происхождение географических названий (топонимов), причины их названия с давних времен привлекают человечество. Изучая историю происхождения казахских степей, можно определить понятия казахской нации того времени. Например, в результате нашествия джунгар в XVIII в. название некоторых земель вошло в монгольский (калмыцкий) язык.

В последнее время в социальной сети все чаще упоминаются названия некоторых административных территорий, сел, населенных пунктов. В частности, в Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Павлодарской и Алматинской областях обсуждаются предложения о приведении районов, областных центров в прежнее состояние. Ученые отмечают наличие на казахской земле более 200 топонимических названий, связанных с уйгурским, монгольским, татарским, калмыцким языками. Например, Шемолган, Каскелен, Кеген, Нарынкол, Арганаты, Зайсан, Шалкар и др.

Топонимы монгольского происхождения, образовавшиеся в результате монгольского нашествия, можно найти и сегодня на карте Казахстана. Какими бы фонетическими, структурными изменениями эти топонимы не подвергались, они хранят информацию о природе, жизни, духовности. Например, слово Коргалжын означает 'свинец' на монгольском языке. В Кокшетауском манеэ Зеренда (дзерен) – 'антилопа, косуля'. Или Зер 'сайгак' и энд 'здесь' это может означать 'место, где сайгак был найден'.

Нура – происходит от монгольского слова нураа 'скала', часто встречается в монгольском языке как географический термин в составе составных «сложных» топонимов 'озеро Цагаан нуур'.

Несмотря на то, что территория Республики Казахстан огромна, некоторые топонимы повторяются. Удивительный факт, что названия рек ойрат-джунгарского периода находятся далеко друг от друга, такие названия, как Селеты, Уленты, Шидерты встречаются на западе и севере. Это не случайно.

Во-первых, топонимы Оленты, Булдырты, Анкаты, Калдыгайты, Жымпиты, Шидерты расположены в пределах одного региона; во-вторых, все они имеют эквиваленты на монгольском языке; в-третьих, все эти топонимы являются древними топонимами. Можно предположить, что на севере данные топонимы были распространены джунгарами, а на западе – калмыками. Какое значение имеет слово селета? Ученые, занимавшиеся этимологией казахского языка, выводят слово Селеты из монгольского слова чулуты, т. е. тасты по-казахски. По мнению Г. Конкашпаева, «причиной этому послужило глубокое ущелье, скалистое начало реки» [1]. А. Абдрахманов говорит: «Кроме того, названия Чулууты // Селеты-древняя версия слова ташты // тасты в других тюркских языках» [2].

Известный географ, топонимист Э.М. Мурзаев не совсем согласен с топонимическими определениями вышеупомянутых географических терминов. Например, все сомневаются в том, что названия, на которых стоит древний топоним, не являются заимствованными из монгольского языка. «Точно так же названия животных, птиц (зоонимы), населявших этот регион,

отражаются в географических названиях территории области. Например: чайки, змеи, лося, зайцы, щуки, шошканы, малые малыки и т.д.» [3].

Глубоко анализируя название населенного пункта Ерейментау в Акмолинской области, можно разобрать подробные теории и мнения истории происхождения топонима. Ерейментау – населенный пункт, расположенный в восточной части Акмолинской области и система гор. Ученый-географ Г. Конкашпаев в работе «Монгольские топонимы в Казахстане» [1] отмечает, что название состоит из двух монгольских слов эрэ 'мужской' и эмэ 'женский', и некоторые камни горы похожи на мужские и женские статуи [1, с. 91]. Г.А. Абдрахманов согласен с выводом Конкашпаева, в котором звук [е] в казахском языке переходит в цепь [е], а звук [н] в древнетюркско-монгольском языке указывает на явление произвольное. В то время как в народе слово Ермен, 'как легенда', не имеет языкового значения для перехода к Ереймскому типу, это утверждение обозначается как «народная этимология» [2, с. 104].

Телгожа Жанузак, ссылаясь на приведенные выше определения, делает свой вывод: «Это старое название по происхождению, по условию постановки. Поэтому его происхождение и значение пока не совсем ясны. Мы предполагаем, что это имя должно быть составлено не из общих именных слов, а от имени известного героя или известного рода (этноним). Первая строчка названия-ер - "батыр", Ейская и ман – дополнительные личности. Сравни: Коб+Эй, Кер+Эй, Ер+ман, Бек+ман и т.д.» [4, с. 165].

Историк, почетный гражданин г. Ерейментау Манап Бектасович Абдрашев сообщает, что на казахском языке нет слова ереймен из легенд, объясняющих его происхождение ближе, чем в творчестве Асана Кайгы. Народный певец XV в. выразил свое восхищение извилистостью гор: «...как таяла гора! – я не знаю, – сказал он». Таким образом он дал первоначальное название области. А легенды утверждают, что в ходе переписи населения допущена ошибка в документе [5].

Среди местных масс также существуют три различных мнения, связанных с этимологией слова Ерейментау. Первый, Ерейментау-горы Ереймен, названные в честь человека, когда-то жившего здесь. Второе мнение, сочетание двух слов 'седло' и 'дуб' дает словосочетание 'седло из дуба'. По словам аксакалов, береза Ерейментау отличается исключительным качеством, прочна, как дуб. Корни березы использовались казахскими мастерами для изготовления деревянной части седла. Третья легенда гласит, что слово имеет в связи с борьбой ерейментауских гор с джунгарскими захватчиками. Батыр Богенбай когда-то преследовал врага до этих гор. В одном из ущелий прошел бой Богенбая с джунгарским началом. После разгрома противника бойцы Богенбая бросились ловить вражескую лошадь. Вскоре в горах послышалось: «Ермен, ермен!» ('Мужчина с седлом! С седлом!'). С тех пор народ стал называть эти горы Ерейментау.

Библиотека «Каролина» в Упсальском университете в Швеции, считавшаяся старейшей библиотекой в Скандинавии, содержит оригинал ценной карты, подаренной в апреле 1743 г. известным артиллеристом Юханом Густавом Ренатом (1682 – 1744). Эту же карту переводили

с джунгарского на русский язык А.В. Контев, В.Б. Бородаев [6]. На карте можно проследить горную систему под названием иерей чжидор. В русских географических произведениях данные этого хребта приводятся в книге Алексея Ираклиевича Левшина (1797 – 1879), опубликованной в 1832 г.: «...иремейские горы, простирающиеся с севера на юг, западные притоки примыкают к боковым ветвям ильдигского хребта, а с востока – к Бугульменским горам... В горах иремея протекает река Ишим» [7]. Петр Андреевич Словоцов (1767 – 1843) объяснил, что Ишим «идет от гор Якши и Джаман-Нияза или от хребтов Иремея и Илдиги» [8]. Истоки Ишима действительно находятся в горах Нияз, которые Левшин рассматривал как южную часть иремейских гор, так как бухта расположена еще южнее.

Зеттисты, по мнению Мурата Уали и марала Томпиева [9], утверждают, что на казахской земле от джунгар осталось гораздо больше следов, чем известно. Однако с некоторыми примерами в своих исследованиях ученые не очень согласны. Например, название Тургай происходит от джунгарского слова торгхэ, а слово Сарыарка – от слова Сээр ар тал – 'Северная каменистая сторона' и в названиях рек-озер, в конце концов, почти все Тин - Тин-бары остались от ойратского языка.

На территории Республики Казахстан в числе земельно-водных названий, оставшихся непосредственно от джунгарского нашествия, – Шемолган, Боралдай и Каскелен. Если предположить, что топонимы Нарын, Маканжан и т.п. результат монгольского нашествия или общее одноименное название тюрко-монгольских народов, то топонимы Каскелен, Боралдай и Шемолган образованы в честь двух джунгарских батыров. Против них воевал знаменитый батыр Шапырашты Наурызбай Куттымбетулы.

Шамал хан (Т. Ж. Б. – 1729) – джунгарский Хан (1723 – 1729), правивший в регионе Жетысу. Стремясь к освобождению нации баскин, жестоко истреблял местных казахских жителей, выступавших против власти. Например, 90 казахов были погружены в реку с камнями на шее. В 1729 г., напав с 10 тыс. солдат на полчища хана Шапырашты (ныне – Карасайский район, с. Шамалган), убили Наурызбай батыра Шамала [10].

Каскелен батыр (Т. Ж. б. – 1729) – главный герой Джунгарского правителя Шамал хана, тысяча голов. В 1723 г. участвовал в завоевании Семиренья. Во времена Актабан шубырынды, Алаколь суламы стал правителем интервала на восток от города Каскелен (здесь стояла крыша) до Нарынкола. Каскелен был застрелен в 1729 г. южнее озера Балхаш в бою из лука Наурызбай батыра [10].

Приведенные выше примеры взяты из энциклопедии «Жетысу». Однако в ней нет определения топонимов Боралдай, Мукуры. А по легенде в боях на кровавом фронте казахских и калмыцких рук в Боралдае сражаются батыр Калмыки Боралдай и герой казахского Каскара. В борале батыра называют «бык Калмак» как калмыки, так и казахи. Соперник боралды молодой казахский батыр Каскары, несмотря на то, что он намного моложе «быка калмыка» по возрасту и телосложению, в поединке победил Боралду и поставил там свой флаг.

Кеген в Алматинской области, в энциклопедии нет надписи «Жонгар Батыр», но и в народе,

и среди ученых Кеген должен быть связан с именем Джунгарского батыра Гегена (Гэгэн).

В число названных джунгарами входят Шонджи, Мукуры, Кордай и т.д. топонимы – это названия эпохи Актабан шубырынды, Алаколь Сулама. Очевидно, что со временем имена адаптировались к языку местного населения и остались в устах страны. Иногда звучат предложения об изменении топонимов, названных джунгарскими именами. Подобные предложения принимаются не всеми коренными массами. К примеру, переименовывавшая ономастический комитет, местные жители выступают против этого. Под предлогом, что нужно переименовать место, где жители родились и выросли, как эквивалент слова Мукуры.

Как пишет Казыбек Бек Тауасарович [11] из Шапырашты, подвергшийся сильному скрежету среди ученых: «Суан Батыр Багай убил Калмыцкого батыра Мукура и отомстил ему. Теперь место, где убили того же Багая Мукура, было названо сегодня Мукуром».

В ходе анализа топонимов было обнаружено, что монголо-казахско-джунгарские языки близки друг другу. Даже в настоящее время существует немало топонимов, встречающихся как у народов Монголии и монгольского происхождения, так и у нас. На фоне каких исторических событий они появились неизвестно.

В своей работе «монголо-казахский словарь» [12], опубликованной в 1984 г., монгольский казахский ученый Базылхан Бухатович, затрагивает идею о том, что корни монгольского языка имеют тюркское происхождение. Значение труда Базылхана Бухатовича в том, что он научно обосновал исторические корни казахского и монгольского языков. Например: если сравнить слова в данном словаре, то получается, что 3 тыс. слов в двух языках имеют один и тот же корень, а 1 500 слов в казахском и монгольском языках – общий корень. Количество слов, корень которых образован одним словом, составляет около 24 тыс. И хотя корень не одинаковый, в названии не так много слов, близких по звучанию, сходству, одному способу выражения. Следовательно, существует 60 %-ное сходство, присущее древним тюркам.

Доктор исторических наук, выдающийся ученый Зардыхан Кинаятулы также высказывает сходные с идеей Б. Букатулы идеи: «...в структуре предложения "Тайная история" ("Тайная хроника монгола" – ред.) прочно сохранилась древнетюркско-монгольская стилистика. История обсуждаемых названий земель и вод глубока, не все можно назвать ни монгольскими, ни ойратскими, ни тюркскими. Ученые областей ономастики, топонимики до настоящего времени не могут прийти к общему консенсусу по некоторым именам».

В заключение можно утверждать, что есть множество географических местностей, происхождение которых идет от монголо-ойратских слов. На это повлияли разные исторические события. Менять их названия на родной язык или нет – это выбор каждой местности. Но важно знать историческое происхождение названия родного города, страны. В статье написан только исторический и историографический анализ, авторы не призывают менять наименования местности.

• Литература

1. Конкашпаев, Г. Географические названия монгольского происхождения / Г. Конкашпаев // Известия АН КазССР. Сер. филол. Вып. (II) 1. – Алма-Ата, 1959.
 2. Абдрахманов, С.А. Топонимика Казахстана: транслитерация и этимология названий / С.А. Абдрахманов. – Алматы, 2012. – 182 с.
 3. Мурзаев, Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. – Москва: Изд-во «Мысль». – 1974.
 4. Жер-су атаулары (этимологиялық анықтамалық) / Т.Жанұзақ. – Алматы: «Өнер», 2011. – 496 б.
 5. Газета «Акмолинская правда». Ерейментауский район. – 2016 г.
 6. Контев, А.В. Верхнее Обь-Иртышье на ойратской карте Джунгарии первой трети XVIII века / А.В. Контев, В.Б. Бородаев // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII – XX веках: сборник материалов Международной научной конференции. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 5 – 11.
 7. Левшин, А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей / А.И. Левшин. – Алматы, 1996. – С. 49.
 8. Соловцов, П.А. Историческое обозрение Сибири / П.А. Соловцов. – Новосибирск, 1995. – С. 434.
 9. Газета «Ветер Странствий», № 53 / Мурат Уали, Марал Томпиев «Живые свидетели прошлого». – URL: <http://veters.kz/zhivye-svideteli-proshlogo/>
 10. Энциклопедия Жетісу. – Алматы: Издание «Арыс», 2004. – 712 с.
 11. Түп-тұқыйаннан өзіме шейін / Шапырашты, Қазыбек бек Тауасарұлы. – Алматы: Жалын, 2008. – 108 с.
 12. Базылхан, Б. Монголо-казахский словарь / Б. Базылхан. – Улан Баатар, 1984. – С. 444.
- // Proc. of Kazakh SSR Academy of Sciences. Series Philology. Issue (II) 1. – Alma-Ata, 1959.
2. Abdrakhmanov, S.A. Toponimika Kazakhstana: transliteraciya i etimologiya nazvanii [Toponymy of Kazakhstan: transliteration and etymology of names] / S.A. Abdrakhmanov. – Almaty, 2012. – 182 p.
 3. Murzaev, E.M. Oчерki toponimiki [Essays on toponymy] / E.M. Murzaev. – Moscow: Mysl' Publ. – 1974.
 4. Zhanuzak, T. Zher-su ataulary (etimologiyalyk anyktamalyk [Land and water names (etymological reference)]) / T. Zhanuzak. – Almaty: Oner, 2011. – 496 p.
 5. Akmolinskaya Pravda newspaper. Ereimentau region. – 2016.
 6. Kontev, A.V. Verhnee Ob-Irtyshye na oiratskoj karte Dzhungarii pervoi treti XVIII veka [Upper Ob-Irtysh area on the Oirat map of Dzhungaria of the first third of the XVIII century] / A.V. Kontev, V.B. Borodaev // Socio-economic and ethnocultural processes in the Upper Irtysh area in the XVII – XX centuries: Collection of materials of the Intern. Sci. Conf. – Novosibirsk: Parallel, 2011. – P. 5 – 11.
 7. Levshin, A.I. Opisanie Kirgiz-kazachih ili Kirgiz-kaisatskih gor i stepei [Description of Kirghiz-Cossacks or Kirghiz-Kaisats mountains and steppes] / A.I. Levshin. – Almaty, 1996. – P. 49.
 8. Solovtsov, P.A. Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical review of Siberia] / P.A. Solovtsov. – Novosibirsk, 1995. – P. 434.
 9. "Veter stranstviy" gazeta ["The wind of wandering" Newspaper], No. 53 / Murat Uali, Maral Tompiev "Living witnesses of the past". – URL: <http://veters.kz/zhivye-svideteli-proshlogo/>
 10. Zhetysu encyclopedia. – Almaty: Arys publishing house, 2004. – 712 p.
 11. Shapyrashty, Kazybek bek Tauasaruly [From the source to the source]. – Almaty: Zhalyyn, 2008. – 108 p.
 12. Bazykhan, B. Mongolian-Kazakh dictionary / B. Bazykhan. – Ulan Bator, 1984. – P. 444.

• References

1. Konkashpaev, G. Geograficheskie nazvaniya mongolskogo proishozhdeniya [Geographical names of Mongolian origin] / G. Konkashpaev

Статья поступила в редакцию 07.02.2022
The Editorial Office received the paper on 07.02.2022

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ (научно-популярные очерки) / отв. ред. и сост. И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2021. – 288 с.: ил.

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE KOMI REPUBLIC (popular science essays) / Ed. and Compiler I.L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2021. – 288 p.: il.

Столетний юбилей Коми государственности оживил интерес республиканской общественности к истории и культуре коми народа. Способствовало этому и усилившееся в последнее время внимание властных структур к проблеме патриотического воспитания молодежи, основой которой является историческая память. В итоге в преддверии юбилейных торжеств вышло несколько любопытных изданий, посвященных различным аспектам истории Коми.

Это радует. Ведь не секрет, что родная история является базисом национального самосознания. И понимать, и любить свой народ может только тот, кто хорошо знаком с прожитым и пережитым им. Поэтому отечественная история всегда привлекает внимание людей самого широкого круга: от ученых до рядовых граждан. Особенно интересна для человека история малой родины. Ведь она знакомит с прошлым знакомых тебе мест, земли, где ты родился и вырос. Данное умозаключение вполне справедливо и для Коми края. Свидетельство этому – немалая популярность краеведческих, справочных и иных изданий как о древней, так и о близкой нам по времени истории нашей республики.

Надо признать, что научная общественность края в силу своих возможностей пытается удовлетворить растущий интерес населения к родной истории. Так, только в последние годы вышел целый ряд научно-популярных изданий по истории коми народа: двухтомная «История Коми» [1], энциклопедия «Город Сыктывкар» [2], «Сыктывкар в прошлом и настоящем» [3] и др.

К сожалению, из-за ограниченных тиражей они оказались малодоступными не только для массового читателя, но и для специалистов. Хотя в этих изданиях содержатся новые любопытные сведения по истории Коми края.

Нельзя забывать и о том, что и в самой жизни страны за последние три десятилетия произошли серьезные перемены, которые заставили ученых пересмотреть некоторые устоявшиеся оценки, выявили «белые пятна» отечественной истории. Все это вызвало острую необходимость подготовки и издания новых работ, в особенности научно-популярного характера, по истории Коми республики. В значительной степени это касается истории культуры коми народа. Ведь подготовленный в 1997 г. «Историко-культурный атлас Республики Коми» [4], страдающий к тому же многими недостатками, далеко не в полной мере восполнил эту лауну.

Поэтому выход в свет книги «Историко-культурное достояние Республики Коми (научно-популярные очерки)» оказался вполне ко времени. Авторы издания – известные в республике ученые (И.Л. Жеребцов, О.И. Азаров, И.О. Васкул, Б.Р. Колегов, С.Е. Павлюшин, Э.А. Савельева, М.Б. Рогачев, М.В. Таскаев, Е.А. Цыпанов и др.), которые имеют несомненные заслуги в воссоздании культурного наследия нашего региона. Стоит заметить, что написанные ими страницы основаны не только на их собственных исследо-

ваниях. Они широко используют и работы других ученых-историков, археологов, этнографов, филологов. Что в значительной мере позволило учесть опыт научных открытий последних лет.

К сожалению, к изданию было привлечено только несколько ученых из вузов республики. А между тем, вузовская историческая наука республики имеет весьма серьезный потенциал. И, наверное, если бы авторский коллектив пополнился представителями высшей школы, то издание от этого только выиграло бы.

Если обратиться к содержанию книги, то оно обладает целым рядом несомненных достоинств. Прежде всего, хотелось бы отметить внимание авторов к самым различным сторонам культурного развития региона. Здесь можно встретить страницы, рассказывающие о религиозной жизни населения (весьма любопытны сюжеты о коми иконописцах XVIII – XIX вв., ранее широкой публике об этом было известно немного). Чрезвычайно информативны сюжеты о традиционном домостроении, гражданской и религиозной архитектуре края.

Не обошло издание вниманием и архивное дело, историю библиотек, музеев и многие другие стороны развития коми культуры.

Очень любопытны и иллюстрации. Они тщательно подобраны и прекрасно передают характерные черты культурной жизни края в определенные периоды его истории: каковы были культурные запросы его населения, характерные черты, условия развития культуры. Весьма помогают читателю страницы, посвященные предметам быта, представленным в музейных коллекциях. Без иллюстративного материала книга была бы заметно суше и менее информативна.

В целом содержание свидетельствует о тщательном подборе материалов, позволяющем отразить все стороны развития культуры региона. Это говорит о серьезной и кропотливой работе, проделанной авторами.

Особенно, на наш взгляд, удалась та часть материалов, в которой весьма подробно и интересно описываются повседневная культура и жизнь коми народа (как одевались, что читали, как организовывали досуг и т.д.). Любопытны зарисовки, касающиеся бытовых сторон жизни. Они сочно передают колорит эпохи, помогают воссоздать социокультурную атмосферу различных временных периодов, характерные для них особенности (например, оптимизм, стремление к переменам советского времени). Такой подход заметно оживляет издание, помогает представить (причем довольно наглядно) жизнь республики в то не столь уж далекое время.

Немалым достоинством издания является и то, что книга написана простым и понятным языком, что делает ее чтение не только полезным, но и интересным.

Примечательно хорошее полиграфическое исполнение: высокое качество печати и изображений, большой удобный формат, прекрасная

бумага и т.д. Все это усиливает впечатление от богатого иллюстративного материала.

Интересным и полезным представляется и заключающий книгу список литературы по истории коми культуры. Но следует признать, что он страдает серьезными лакунами.

Конечно, мы понимаем, что в таком большом деле нельзя обойтись без определенных недостатков.

Не будем касаться досадных опечаток и неточностей, которые прокрались в издание. Если же касаться более серьезных просчетов, то, прежде всего, хотелось бы заметить, что нередко авторы увлекаются описанием развития собственно коми культуры как части региональной истории, забывая, что она является неотъемлемой частью культуры российской. В результате читателю не виден общий фон культурного развития страны, поэтому ему могут быть не понятны определенные моменты истории собственно коми культуры (особенно советского периода).

Нельзя не отметить, что в «Историко-культурном достоянии...» очень мало материалов, касающихся народного образования. Есть только небольшие сюжеты о первых учебных заведениях, зырянизации и развитии высшего образования в республике. В то же время, например, практически не затронуты вопросы, связанные с культурно-просветительной работой в крае в 1920 – 1930-е гг. Между тем, данная сфера деятельности властей, которой уделялось пристальное внимание, весьма способствовала подъему культурного уровня населения. Итогом ее стала ликвидация неграмотности, создание широкой сети библиотек, клубов, раскрепощение коми женщины. И эти важные процессы прошли мимо внимания авторов.

Неоправданно малое внимание авторов к биографическим материалам. А ведь история (особенно история культуры) складывается, прежде всего, из действий людей: писателей, художников, архитекторов... В книге же мы найдем только сюжеты (весьма, кстати, любопытные) о возглавлявших долгое время ведомства управления культурой в регионе С.М. Поповой и В.К. Колегове.

Оформление тома также выполнено на высоком уровне: книга имеет шубер. Единственное, в чем можно упрекнуть редакцию: в издании мало карт. А ведь они помогли бы дать более выпуклое представление как об истории, так и о географии культурного развития. Еще одним минусом можно считать отсутствие твердой обложки (возможно, это вызвано соображениями экономического характера).

Еще стоит отметить (далеко не в положительном плане) ограниченный (даже для сегодняш-

них непростых времен) тираж («Историко-культурного достояния...»), всего 1 тыс. экземпляров.

Но главная цель, которую ставил перед собой авторский коллектив, достигнута – культурное развитие региона получило новое прочтение своей истории. Надеемся, что эта книга займет подобающее место среди исторических изданий Республики Коми. Она любопытна и интересна. Остается сделать ее доступной для широкого круга читателей. Хотелось бы, чтобы эту примечательную книгу можно было найти в самой отдаленной библиотеке региона: городской, районной, сельской, школьной...

• Литература

1. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т.1 / под. общ. ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 560 с.; Т.2 / под. общ. ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар, Коми книжное издательство, 2004. – 704 с. Второе издание двухтомника переиздано в 2011 г.
2. Город Сыктывкар. Энциклопедия / науч. ред. М.П. Рошчевский. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. – 408 с.
3. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки) / отв. ред. И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар, 2020. – 664 с.
4. Историко-культурный атлас Республики Коми / отв. ред. А.Л. Окатова; науч. рук. и сост. Э.А. Савельева. – Москва, 1997. – 384 с.

• References

1. The history of Komi from ancient times to the end of the XX century. Vol.1 / Ed. A.F. Smetanin. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 2004. – 560 p.; Vol.2 / Ed. A.F. Smetanin. – Syktyvkar, Komi Book Publishing House, 2004. – 704 p. The second edition of the two - volume book was reprinted in 2011 .
2. Syktyvkar city. Encyclopedia / Sci. Ed. M.P. Roshchevsky. – Syktyvkar: Komi Sci.Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – 408 p.
3. Syktyvkar in the past and present (historical essays) / Ed. I.L. Zherebtsov. – Syktyvkar, 2020. – 664 p.
4. Historical and cultural Atlas of the Komi Republic / Ed. A.L. Okatov; Supervisor and comp. E.A.Savelyeva. – Moscow, 1997. – 384 p.

д. и. н. О.В. Золотарев,
Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина
oleg-zolotarev@mail.ru

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

УДК 930.2:94(470.13)"04/14"
DOI 10.19110/1994-5655-2022-1-163-168

В.В. ПОНАРЯДОВ

СВЕДЕНИЯ О КОМИ КРАЕ В КНИГЕ «RUSSIA SEU MOSCOVIA ITEMQUE TARTARIA. COMMENTARIO TOPOGRAPHICO ATQUE POLITICO ILLUSTRATÆ», НАПЕЧАТАННОЙ В ГОРОДЕ ЛЕЙДЕНЕ В 1630 ГОДУ

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

vadim.ponaryadov@yandex.ru

V.V. PONARYADOV

INFORMATION ABOUT THE KOMI REGION IN THE BOOK «RUSSIA SEU MOSCOVIA ITEMQUE TARTARIA. COMMENTARIO TOPOGRAPHICO ATQUE POLITICO ILLUSTRATÆ» PRINTED IN LEIDEN IN 1630

Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

Аннотация

В статье вводится в научный оборот новый западноевропейский исторический источник XVII в., описывающий географию Коми края, этническую ситуацию и особенности хозяйственной деятельности местного населения, а также ту роль, которую он играл на транзитном пути в Сибирь. Рассматривается связь этого источника с более ранними западными свидетельствами о Коми крае, приводится оригинальный латинский текст, его русский перевод и комментарии, обеспечивающие более полное понимание текста. Изучение источника позволяет заключить, что хотя часть сведений его заимствована у более ранних авторов XVI в., другие части приводимой в нем информации являются оригинальными, нигде более не встречающимися.

Ключевые слова:

исторические источники о Коми крае, западноевропейские письменные источники, Пермь Вычегодская, Пермь Великая, Бабиновская дорога

Abstract

The paper introduces into scientific circulation a new West European historical source of the XVII century describing the geography of the Komi region, the ethnic situation and peculiarities of the economic activity of the local population, as well as the role the region played in the transit route to Siberia. The connection of this source with earlier Western evidence about the Komi region is considered; the original Latin text, its Russian translation and comments providing a more complete understanding of the text are given. The study of the source allows us to conclude that although some of the information in it is borrowed from earlier authors of the XVI century, other parts of the information are original, not found anywhere else.

Keywords:

historical sources about the Komi region, West European written sources, Vycheгда Perm, the Great Perm, Babinov road

Средневековая и относящая к раннему Новому времени история Коми края освещена письменными источниками недостаточно подробно. Помимо очень лаконичных описаний исторических событий в Вычегодско-Вымской (Мисаило-Евтихиевской) летописи – единственном раннем литературном памятнике, имеющем местное происхождение – и разрозненных сведений в нескольких других средневековых русских летописях и грамотах, важное значение имеют иностранные свидетельства, которые хотя и содержат отрывочную и нередко включа-

ющую неверные элементы информации, часто рассказывают о подробностях, отечественными источниками не упоминаемых. Большинство известий иностранных географов и путешественников о Коми крае собрано, наряду с извлечениями из отечественных источников, в книге К.С. Королева и Э.А. Савельевой «Древние рукописи о Перми Вычегодской» [1]. Однако время от времени продолжают находиться новые описания, ранее в научный оборот не вводившиеся.

Настоящая статья имеет целью познакомить читателя со сведениями о Коми крае и прилегающих к нему территориях, содержащимися в книге под названием «*Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Commentario topographico atque politico illustratae*» («Россия или Московия, а также Татария. Обрисованные с топографическим и политическим комментарием»), которая была издана на латинском языке в голландском городе Лейдене (на титульном листе место издания указано в латинизированной форме *Lugd[uni] Batavorum*) в 1630 г. Автор или составитель книги не указан. На титульном листе написано лишь «*Ex officina Elzevieriana*». Это позволяет сделать вывод, что ее издателем был Бонавентура Эльзевир (1583–1652) – один из наиболее заметных представителей издательской династии Эльзевиров, выпускавшей высококачественную и отнюдь не недорогую литературу в XVI – XVIII вв. Особую популярность имели малоформатные страноведческие издания серии «*Республика*» – предтеча современных путеводителей. К ним принадлежит и рассматриваемая книга о Московии.

В самой книге указывается, что некоторые сведения в ней взяты из хорошо известных, но несколько устаревших ко времени ее издания описаний дипломатов Сигизмунда Герберштейна и Джильса Флетчера, посетивших Россию в предшествующем XVI в. В ней содержатся два имеющих отношение к Коми краю отрывка.

В первом из них описываются области Пермь, Сибирь (которая здесь не имеет отношения к зауральской Сибири, а представляет собой область, примыкающую к р. Каме с включением более южных частей Приуралья), Югра и Печора. Упоминаются крещение коми народа Стефаном Пермским и создание письменности для коми языка, некоторые особенности местной этнографии и хозяйственной деятельности. Дается краткое, но, судя по всему, вполне достоверное и, вероятно, основанное на сообщениях упоминаемых в тексте посетивших Печору английских мореплавателей описание села Усть-Цильма и города Пустозерска, но также говорится о баснословном (?) припечорском городе Папиновгороде и обитающем вокруг него народе папинов. Как источник информации в отношении Югры упоминается С. Герберштейн; однако сличение с различными более ранними источниками показывает, что многое в приводимых сведениях почти дословно заимствовано из «*Описания Московии*» образованного итальянского рыцаря и польского государственного деятеля Александра Гваньини [2, с. 44 – 49]. В то же время определенная часть приводимой информации (в том числе описания Пустозерска и Усть-Цильмы, включая результаты инструментальных измерений их географической широты) носит оригинальный характер и не встречается в других источниках.

• Текст

Permia regio.

Amplissima provincia, distans à Moscua ccc. miliar. In ea est urbs eiusdem nominis ad Vischorae flu. ripam sita; qui decem milliaria inde emensus in Camam se condit. Indiginae huius provinciae pane rarissimae utuntur, ferina fere omnis generis victitantes. Idioma peculiare, litterasque à Ruthenicis habent diversas, à Stephano Episcopo inter Sanctos à Russis relato, qui hosce ad fidem Christianam convertit, inventas. Plurimi illorum nihilominus hodieque sunt pagani & idolatrae, passim in sylvis degentes. Hyeme traheis iter super nives faciunt, quas aut canes aut cervi albi (quos in hunc usum cicurant et domi alunt) ducunt. Pedites vero nartis suis (quemadmodum & in aliis plurimis Russiae locis consuetudo est) celerrime super nives feruntur. Sunt autem hae nartae, lignae soleae, duos tresve cubitos longae, quibus pedibus subligatis & baculo oblongo atque acuminato suffulti tanta celeritate feruntur, & et colliculos, truncos, foveasque transiliunt, ut nullus equus, licet agillis, eos cursu consequi possit: hocque modo feras omnis generis capere & telis configere solent.

Sibir provincia.

Haec provincia ad Camam fluvium jacet, inter Permiam atque Viatkam; videtur urbibus & castris omnino vacua: Regio tota palustris & sylvis opaca, & ob vicinitatem Tartarorum magnam partem deserta. Indiginae proprio idiomate utuntur; panis usum nesciunt; ferina carne vescuntur. Mercimonia aspreolorum pellibus (qui apud illos praestantissimi reperiuntur) exercent, easdemque magno Russiae Duci pro tributo pendunt. In hac provincia layczk ingens fluvius oritur, qui per Tartarorum campestria Caspium mare petit.

Iugra provincia.

Iugra, sive Iuhra, cujus indiginae Iuhri vel Iugrici appellantur, ad oceanum septentrionalem sita est: ex ea Hungaros ob sterilitatem soli olim emigrasse & ad Maeotidis paludes consedisse volunt; atque inde postea in Pannoniam ingressos, à suo nomine Iuhariam dixisse, quae jam Hungaria audit. Indiginae hujus regionis magno Russiae Duci tributum pendunt, & pene eodem cum Hungaris idiomate utuntur, uti ferunt; nam Herbersteinius sibi comperit negat.

Petzora regio.

Haec provincia secundum mare glaciale longo tractu se extendit versus arctum atque orientem. Nomen capit à flumine Petzora, qui à meridie descendens juxta oppidum & castellum Pusteozero, sex amplis ostiis in mare glaciale se exonerat. ad utramque fluminis ripam jacent montes, quos Russi Ziemnoipoias vocant, id est, cingulum terrae: quorum juga ob continuos ventorum flatus nihil herbi di sortiuntur, sed fere perenni nive rigent: crescunt tamen ibidem ingentes cedri, circa quas nigerrimi zibellini reperiuntur: multae quoque aves rapaces, praecipue accipitres albi, aucupio aptissimi, quibus Duces Russiae plurimum utuntur. Hos montes ab antiquis Riphaeos & Hyperboreos dictos volunt. Qui Russia Petzoram petunt, iis per Vstingam, & Dvvinam, Permiamque iter est. Incolae hujus regionis simplicissimi sunt: Idioma habent proprium; & panis usum ignorant: Anno demum cix. io xviii. fide Christi-

ana imbuti & baptizati fuerunt. Ad ostium fluminis situm est oppidum & arx Pustezoro. Ultra quod secus mare degunt Samoeidae, qui Russis Samogedz, id est, seipsos comedentes, appellantur: Hae gentes advenarum consortia fugiunt; avibus & feris omnis generis, adeoque pretiosis pellibus, supra modum abundant; & vicinum mare multis piscibus foetum est; & beluis quas Mors vocant Russi; quarum dentibus utuntur ad manubria ensium atque cultellorum. Ad eundem fluvium jacet Papinovgorod oppidum & castrum; cujus accolae Papini vocantur, & diverso à Russis, utuntur idiomate: tributum pendunt Russiae Duci. Pustosera oppidum (prout ab Anglis observatum fuit) exiguum est, & circiter centum domiciliis ligneis constans. Hibernis mensibus intensissimus hic est frigus, quum & mense Augusto flumen glacie constringatur, & raro ante medium Majum solvatur. Distat ab aequatore lxviii grad. & 30 scrupul. Ad ejusdem flu. ripam jacet Vstzilma pagus, constans triginta aut quadraginta aedibus; lxxvi grad. & 30 scrupul. ab aequatore abjunctus.

• Перевод

Область Пермь.

Обширнейшая провинция, отстоящая от Москвы на 250 миль. В ней есть город того же имени¹, расположенный на берегу реки Вишеры, которая в десяти милях отсюда впадает в Каму. Жители этой провинции очень редко пользуются хлебом, обычно питаются всевозможной дичью. Со своим особым языком, они имеют отличающиеся от русских буквы, изобретенные относимым русскими к числу святых епископом Стефаном, который обратил их в христианскую веру². Тем не менее, многие из них и сегодня являются язычниками и идолопоклонниками, обитающими разрозненно в лесах. Зимой они путешествуют по снегу на санях, которые влекут или собаки, или белые олени (которых они приручают для этого использования и воспитывают дома). Пешие же на своих нартах (как привычно и во многих других местах России) очень быстро несутся по снегам. А эти нарты суть деревянные

¹ Упомянутый здесь город под названием Пермь явно не имеет отношения к современной Перми, которая расположена гораздо южнее и была основана в 1723 г. и получила статус города только в 1780 г. В русских источниках XVI – XVII вв., в частности в «Книге большому чертежу», представляющей собой комментарий к составленной для Ивана Грозного и не сохранившейся до нашего времени географической карте, упоминается еще Старая Пермь на правом берегу р. Вычегды, в 70 верстах выше Еренска (Яренска) по течению [3, с. 163, 164, 168, 181]. Старая Пермь современными исследователями отождествляется с Усть-Вымью [4, с. 239]. Сведения о Перми на Вишере – притоке Камы в «Книге большому чертежу» отсутствуют, но об этом городе говорят также С. Герберштейн [1, с. 114] и А. Гваньини [2, с. 44, 45].

² Про обращение пермян в христианскую веру и создание для них особой письменности епископом Стефаном Пермским было к этому времени довольно хорошо известно в Европе. Сведения об этом встречаются у С. Герберштейна [1, с. 115], А. Гваньини [2, с. 44, 45] и в других источниках. Исследования последнего времени показали, что среди русских книжников XVI – XVII вв. существовал гораздо больший интерес к коми письменности и языку, чем это предполагалось ранее [5 – 7]. Данное обстоятельство, несомненно, облегчало проникновение в европейские интеллектуальные круги соответствующей информации.

подошвы длиною в два или три локтя, подвязав которые под ноги и отталкиваясь длинным и заостренным посохом, они с такой скоростью несутся и перепрыгивают кочки, пни и ямы, что никакая сколь угодно быстрая лошадь за ними не угонится³. И в их обыкновении этим способом ловить и поражать метательным оружием всевозможных зверей.

Провинция Сибирь.

Эта провинция лежит при реке Каме, между Пермью и Вяткой. Она совершенно лишена городов и крепостей. Вся область покрыта болотами и лесами, и по причине соседства с татарами большей частью пустынна. Жители пользуются собственным языком, не знают употребления хлеба, кормятся мясом дичи. Товары выменивают за шкурки белок⁴ (которые у них бывают самыми лучшими), и их же отправляют в качестве дани российскому Великому Князю. В этой провинции начинается большая река Яик, которая через татарские равнины устремляется к Каспийскому морю.

Провинция Югра.

Югра, или Юхра, жители которой называются юграми, или югричами, расположена по направлению к северному океану. Говорят, по причине бесплодности земли венгры (Hungari) некогда решили уйти из нее и поселиться у болот Меотиды⁵, и оттуда вступив позже в Паннонию⁶, назвали [ее] по своему имени Югарией (Iuharia), что уже слышится [почти как] Венгрия (Hungaria). Жители этой области отправляют дань российскому Великому Князю и [якобы] пользуются почти одинаковым с венграми языком, но это слухи, ибо Герберштейн отрицает, что ему удалось это выяснить⁷.

Область Печора.

Эта провинция далеко простирается вдоль ледовитого моря в сторону севера и востока. Имя она получает от реки Печора, которая, спускаясь с юга около города и крепости Пустозеро, впадает в ледовитое море шестью широкими устьями. По обоим берегам реки лежат горы, которые русские называют «Земной пояс», то есть «пояс Земли». Их склоны из-за постоянных ветров не наделены никакой травой, но их покрывают почти вечные снега. Однако там же

³ Очень похожие описания использования пермским населением лыж имеются у С. Герберштейна [1, с. 115] и А. Гваньини [2, с. 44 – 47]. При этом лыжи у Герберштейна и в латинском, и в немецком текстах называются *artach* [8, с. 279], что в русском переводе передано как «арты» [1, с. 115], исходя, видимо, из предположения, что Герберштейн передал русскую форму предложного падежа множественного числа. У Гваньини и в нашем тексте – нарты (*naratae*).

⁴ Это известие можно сопоставить с тем фактом, что в пермских языках слова со значением «белка» (коми *ур*, удмуртское *коньы*) стали обозначать также название денежной единицы «копейка».

⁵ Меотида – древнее название Азовского моря.

⁶ Паннония – древнее название территории Венгрии.

⁷ С. Герберштейн пишет, что, имея среди своих спутников человека, владевшего венгерским языком, он специально старался разыскать жителя Югры, чтобы проверить, смогут ли они понимать друг друга, но поиски не увенчались успехом [8, с. 280 – 281].

растут могучие кедры, вокруг которых водятся самые черные соболи; а еще многочисленные хищные птицы, особенно белые ястребы, очень подходящие для охоты на пернатых, которыми предпочитают пользоваться русские князья. Говорят, древними эти горы назывались Рифейскими и Гиперборейскими. Тем, кто из России едут на Печору, путь лежит через Устюг, Двину и Пермь⁸. Жители этой области простейшего нрава; у них свой язык, и они не знают употребления хлеба. В 1518 году они были обращены в христианскую веру и крещены. Около устья реки располагается город и крепость Пустозеро. За ним у берега моря обитают самоеды, которые русскими называются «самоядь», то есть «сами себя поедающие». Эти народы избегают общения с чужестранцами, необыкновенно изобилуют всевозможными птицами и зверями, и также ценными шкурами, а ближе море богато множеством рыб и чудовищ, которых русские называют «морж». Их зубы используют для рукояток мечей и ножей. У этой же реки лежит город и крепость Папиновгород⁹; соседние жители называются «папины» и пользуются отличающимся от русских языком. Дань отправляют русскому князю. Город Пустозера (как было замечено англичанами) небольшой и состоит примерно из сотни деревянных домов. В зимние месяцы здесь сильнейший мороз, из-за которого река сковывается льдом в августе и редко освобождается раньше середины мая. Он находится на широте 58° 30' от экватора. На берегу той же реки лежит село Усть-Цильма, состоящая из тридцати или сорока строений и отстоящая от экватора на 56° 30'¹⁰.

Второй касающийся Коми края отрывок посвящен описанию пути из европейской России в Сибирь по рекам Вычегда, Нем, Вишера, Кама и далее наземным путем от Соликамска через Урал до первого сибирского города Верхотурья по Бабиновской дороге, построенной в 1595 – 1597 гг. и с 1598 г. заменившей ранее использовавшийся более длинный путь в Сибирь через Чердынь. В книге указывается, что все эти сведения получены в 1612 г. от некоего Исаака Масса, обитателя нидерландского города Гарлема (сейчас столица провинции Северная Голландия). Можно предположить, что Исаак Масса был голландским купцом, посещавшим Россию по торговым делам. Едва ли он сам ездил по описываемому пути в Сибирь; вероятнее, его сведения были получены от русских информантов. Тем не менее они выглядят весьма точными,

⁸ Описываемый маршрут позволяет заключить, что речь идет о Старой Перми на Вычегде.

⁹ Город Папиновгород (Папин) на Печоре упоминается также у С. Герберштейна и А. Гваньини, но неизвестен русским источникам. Э.А. Савельева и К.С. Королев предполагают, что так ошибочно могло быть передано название «Канин» [1, с. 116], но в «Книге большому чертежу» город с подобным названием в указанном районе тоже отсутствует.

¹⁰ Сведения о количестве домов в Пустозерске и Усть-Цильме ни в каких других источниках того времени не встречаются и, видимо, были сообщены автору посещавшими эти города английскими мореплавателями, которыми могли быть осуществлены и инструментальные измерения географической широты этих населенных пунктов.

хотя при описании сухопутного перемещения от Нема к Вишере, возможно, имеет место некоторая путаница.

• Текст

Itinerum & fluviorum à Moscovia in Siberiam, Samoiediam & Tingoësiam ducentium, itemque oppidorum à Russis in illis regionibus conditorum descriptio.

Ex urbe Soil ad Witsogdam oppidum (situm ad flumen ejusdem nominis, quod influit in flumen Dvvinam; quod centesimo à confluyente milliari prope fanum Michaëlis archangeli exoneratur in mare album,) contendunt adverso flumine, dum perveniant laviniscum, oppidulum à Moscic conditum, & Soila septendecim ferè dierum itinere dissitum. quo priusquam deveniant, multa flumina, multas sylvas pertranseunt. profluit autem Witsogda è montibus loëgoriis, Tartariae ad austrum conterminis, atque hinc, boream versus ad ipsum usque Oceanum procurrentibus. ex iisdem montibus oritur & Pezora, qui cis fretum Weygats Oceano se commiscet. lavinisco digressi, post trium hebdomadam iter deveniunt ad Neemum, Quod tam leni per sylvis fluit agmine flumen, ut inde sibi invenerit nomen. Neem namque Latinis significat mutum. In eo quinque propemodum dies ratibus suis vel scaphis navigant. postea verò, compendii causa, properante videlicet aliorum Ne emo, sarcinas suas ad unam duntaxat leucam terram terra portandas curent necessum est. Quo facto, Wiseram devenitur, flumen è quibusdam rupibus loegiorum montium appendicibus profluens. eas Moschi Camenas vocant. feruntur hinc novem continuos dies secundo VVisera, donec perveniant Soil Camscoy, oppidulum refocillandis aliquantisper viatoribus, terrestri deinceps itinere perrecturis, ab Moscic exstructum. VVisera verò continuato aliquantenus cursu, tandem Camo se miscet, Viatcam Moscoviae oppidum praerterfluenti, & immenso flumini Rha, quod & Volga dicitur, illabenti. qui quidem Volga lxx ostiis exoneratur in mare Caspium, ut ex iis accepi, qui coram id arbitrati sunt.

Oppidum Soil Camscoy mediocriter habitatum est, & pagis compluribus cinctum. Incolae Russi fere aut Tartari. Pecoris, & praesertim equorum, hic magna copia. Viatores itaque paululum recreati, sarcinas suas equis imponunt, & per montes ferè contendunt, abietibus, pinis, & raris quibusdam arboribus consitos. Trajiciunt verò inter hos ipsos montes flumen Soibam: hinc Cosnam, utrumque ad aquilonem procurrens. Distribuuntur autem hi montes in partes tres, quarum duae priores singulae bidui, tertia quadridui itinere superantur. Ac primae quidem nomen est Coosvinscoy Camen, alteri Cirginscoy Camen, tertiae Podvinscoy Camen. Et sunt sane haec ipsa montana, ab iis unde egressi sunt terris multum diversa. Pulchriores in iis & arboribus densiores sylvae, varias passim gignentis stirpes. Frequentantur autem haec tria deserta à Tartaris fere & Samojedis, nihil quam pretiosas pelles, Imperatori Moscorum/Moschorum pendendas, in iisdem venantibus. Montes Podvinscoy Camen, caeteris altiores, ac nivibus passim & nubibus cooperti, ideoque viatoribus superatu difficiles. Fiunt tamen paullatim declives. Hinc Vergateriam devenitur, in quo oppidulo subsistendum est, usque dum appetat ver, idque ob flumen Taeram, quod vicinis illic locis exortum, reliquo anni tempore

perquam vadosum est. At verò, Vere novo, gelidus canis cum montibus humor Liquitur, & magnis accrescunt auctibus amnes, scaphis & lembis trajicitur.

• Перевод

Описание путей и рек, ведущих из Московии в Сибирь, Самоедию и Тунгузию, а также городов, построенных русскими в этих областях.

Из города Соль к городу Вычегда (расположенному у реки того же названия, которая впадает в реку Двину, которая на сотой миле от слияния около святилища Михаила архангела изливается в Белое море) движутся против течения, пока не придут в Яренский городок, основанный московитами и удаленный от Соли на семнадцать дней обычного пути. Прежде чем попадают туда, преодолевают много рек и лесов. Вычегда же течет из Югорских гор, на юге пограничных с Тартарией и оттуда устремляющихся к северу до самого Океана. Из этих же самых гор начинается и Печора, которая смешивается с Океаном по сию сторону пролива Вайгач. Выехав из Яренского, через три недели пути добираются к Нему¹¹, реке, столь тихо текущей по лесам, что отсюда она получила себе имя. Ибо «Нем» по-латыни значит «немой». По ней плывут почти пять дней на своих судах или лодках. Затем же, ради кратчайшей дороги, поспешая, конечно, в другую сторону от Нема, необходимо только на расстояние одной лиги¹² пронести свои грузы по земле. Проложив это, добираются до Вишеры – реки, вытекающей из неких скал, относящихся к Югорским горам¹³. Их московиты¹⁴ называют Каменьями. Отсюда сплавляются девять полных дней по Вишере, пока не придут в Соликамский, городок, на некоторое время оживляемый путешественниками, следующими отсюда дальше наземным путем, и построенный московитами. Вишера же, еще сколько-то продолжая свой путь, в конце концов соединяется с Камой, протекающей около московитского города Вятки и впадающей в огромную реку Ра, которую также называют Волгой. Она же Волга семьюдесятью устьями изливается в Каспийское море, как я узнал от тех, которые видели это своими глазами.

Город Соликамский населен средне и окружен многочисленными деревнями. Жители в основном русские или татары. Здесь много скота, и особенно коней¹⁵. Поэтому путешественники,

¹¹ В «Книге большому чертежу» название этой реки передается как «Немь».

¹² Употребленное в тексте латинское слово *leuca* в античную эпоху обозначало галльскую милю протяженностью около 2,25 км [9, с. 587]. Однако в Средние века и позднее оно могло соответствовать более длинным мерам длины, от 3 км и больше.

¹³ Современная топография верховьев Нема и Вишеры (впадающей в Каму и отличающейся от одноименной реки – притока Вычегды) едва ли позволяет двигаться по описанному маршруту. Ближе всего к Нему из притоков Камы подходит р. Пильва, по которой, вероятно, на самом деле и осуществлялось путешествие.

¹⁴ В тексте *Mosci*, что в русском переводе мы, здесь и далее передаем через «московиты».

¹⁵ С. Герберштейн сообщает, что пермские жители выплачивали ежегодную дань государю лошадьми и мехами [1, с. 115].

немного отдохнув, выючат¹⁶ свои грузы на лошадей и движутся через горы, заросшие елками, соснами и всякими необычными деревьями. Между этими самыми горами переходят реку Сойба¹⁷, а затем Косма¹⁸; обе текут на север¹⁹. Разделяются же эти горы на три части, из которых две первые преодолеваются каждая за два дня, а третья за четыре дня пути. Название первой есть Косвинский камень, второй – Циргинский камень, третьей – Подвинский камень. И действительно, это нагорья, сильно отличающиеся от тех мест, откуда они поднимаются. Красивее и гуще в них леса, повсюду рождающие разнообразные стволы деревьев. Посещаются же обычно три этих пустыни татарами и самоедами, не посылающими императору московитов ничего иного, кроме драгоценных мехов, и там же охотящихся. Горы Подвинский камень выше других и местами покрыты снегами и облаками, из-за чего их трудно преодолевать путешественникам. Однако постепенно они становятся понижающимися. Отсюда приходят в Верхотурье, городок, в котором делают остановку до тех пор, пока не наступит весна, и это из-за реки Туры, которая, поднимаясь около этого времени, в остальное время года чрезвычайно опасна из-за порогов. С новой весной холодные потоки текут с серебристо-серых гор²⁰, реки сильно наполняются, и совершаются перевозки на челнах и лодках.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья.»

• Литература

1. Савельева, Э.А. Древние рукописи о Перми Вычегодской / Э.А. Савельева, К.С. Королев. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1997. – 128 с.
2. Гваньини, А. Описание Московии / А. Гваньини; перевод с латинского, вводная статья и комментарий Г.Г. Козловой. – Москва: Гре-

¹⁶ Буквально «накладывают», что, вероятно, подразумевает перевозку во выюках. В царской грамоте 1597 г. отмечается, что «которые ѳздать съ Москвы въ Сибирь и изъ Сибири къ Москвъ воеводы, и головы, и дѣти боярскія, и всякіе служилые люди, и про ту про новую, про сибирскую дорогу намъ сказываютъ, что та новая дорога чищена и мосты мощены худо, пень сѣчено не изъ кореня, и заломы по дорогѣ великіе, и чищена дорога уско, мосты, которые были мощены на рѣчкахъ и на ручьяхъ, и въ бояракахъ вешнею водою поносило, а на грязьхъ и на болотахъ мосты испроломались» [10, с. 120]. Вероятно, несмотря на указание «тое новыя дороги изнова чиститъ и мосты моститъ», чтобы «ѳзда тою дорогою, въ грязьхъ и недомостьхъ нужи не было», из-за последовавших событий Смутного времени в ближайшие годы ситуация мало изменилась, и плохое состояние дороги препятствовало движению по ней колесного транспорта.

¹⁷ Вероятно, современная р. Яйва.

¹⁸ Вероятно, р. Косьва.

¹⁹ Направление указано ошибочно. На самом деле реки в указанном районе текут на юго-запад.

²⁰ Фраза заимствована из «Георгик» древнеримского поэта Вергилия.

- ко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. – 176 с.
3. Книга большому чертежу / Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. – Москва – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 232 с.
 4. Игнатов, М.Д. Вопросы происхождения топонимов -ым, -им, -ум, -ом, -вом, -вум в коми топонимии / М.Д. Игнатов // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 1. – С. 226 – 241.
 5. Грищенко, А.И. Новые находки памятников древнепермского языка и письма / А.И. Грищенко, В.В. Понарядов // Урало-алтайские исследования. – 2021. – № 4 (43). – С. 7 – 34.
 6. Савельева, Н.В. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года / Н.В. Савельева, И.И. Муллонен, Г.В. Федюнева // Linguistica Uralica. – 2021. – № 4. – С. 250 – 276.
 7. Федюнева, Г.В. Новооткрытый рукописный словарь коми-зырянского языка в истории коми лексикографии / Г.В. Федюнева // Вопросы лексикографии. – 2021. – № 21. – С. 87 – 104.
 8. Herberstein, S. von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung / Redigiert und herausgegeben von H. Beyer-Thoma. – München: Osteuropa-Institut, 2007. – 584 S.
 9. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь. / И.Х. Дворецкий; изд. 2-е, переработанное и дополненное. – Москва: Изд-во «Русский язык», 1976. – 1096 с.
 10. Шишонко, В.Н. Пермская летопись. Первый период. 1263 – 1613 / В.Н. Шишонко. – Пермь: Типография губернской земской управы, 1881. – 238 с.
- **References**
1. Savelyeva, E.A. Drevnie rukopisi o Permi Vychegodskoj [Ancient manuscripts about Vycheгда Perm] / E.A. Savelyeva, K.S. Korolev. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1997. – 128 p.
 2. Gvan'ini, A. Opisanie Moskovii [Description of Muscovy] / A. Gvan'ini. – Moscow: The Greek-Latin cabinet of Yu.A. Shichalin, 1997. – 176 p.
 3. Kniga bolshomu chertezhu [The book for the Big Map] – Moscow; Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1950. – 232 p.
 4. Ignatov, M.D. Voprosy proishozhdenija toponimantov -ym, -im, -um, -om, -vom, -vum v komi toponimii [Questions of origin of toponimants -ym, -im, -um, -om, -vom, -vum in the Komi toponimy] / M.D. Ignatov // Bull. of Chuvash University; – 2009. – № 1. – P. 226 – 241.
 5. Grishchenko, A.I. Novye nahodki pamjatnikov drevnepermskogo jazyka i pis'ma [New finds of the Ancient Permian language and writing] / A.I. Grishchenko, V.V. Ponaryadov // Ural-Altai Studies. – 2021. – № 4 (43). – P. 7 – 34.
 6. Savelyeva, N.V. Karelo-russkij i komi-zyrjansko-russkij slovarei-razgovorniki v rukopisnom sbornike 1668 goda [Karelian-Russian and Komi-Zyryan-Russian dictionaries in a handwritten volume dated 1668] / N.V. Savelyeva, I.I. Mullonen, G.V. Fedjuneva // Linguistica Uralica. – 2021. – № 4. – P. 250 – 276.
 7. Fedjuneva, G.V. Novoootkrytyj rukopisnyj slovar' komi-zyrjanskogo jazyka v istorii komi leksikografii [Newly found handwritten dictionary of the Komi-Zyryan language in history of Komi lexicography] / G.V. Fedjuneva // Problems of Lexicography]. – 2021. – № 21. – P. 87 – 104.
 8. Herberstein S. von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung / Redigiert und herausgegeben von H. Beyer-Thoma. – München: Osteuropa-Institut, 2007. – 584 p.
 9. Dvoretzky, I.Kh. Latinsko-russkij slovar' [Latin-Russian dictionary] / I.Kh. Dvoretzky; 2nd edition, revised and updated. – Moscow: "Russky yazyk" Publ., 1976. – 1096 p.
 10. Shishonko, V.N. Permskaja letopis'. Pervyj period. 1263 – 1613 [The Perm chronicle. The first period. 1263 – 1613] / V.N. Shishonko. – Perm: Tipografija gubernskoj zemskoj upravly [Printing house of the provincial zemstvo council], 1881. – 238 p.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022
The Editorial Office received the paper on 02.02.2022

В.И. СИЛИН

ПИСЬМО ИЗ 1959 ГОДА (МАТЕРИАЛ К ЖИЗНИ А.В. ЖУРАВСКОГО)

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
silinv@rambler.ru

Аннотация

В архиве Коми отделения Русского географического общества сохранилось письмо участника экспедиции 1907 г. под руководством А.В. Журавского М.А. Мжачиха. Автор письма описывает ход экспедиции, главные достижения и указывает причины быстрого окончания поездки на р. Колву.

Ключевые слова:

А.В. Журавский, М.А. Мжачих, р. Колва, Большеземельская тундра, археология, освоение Севера

Abstract

A letter from M.A. Mzhachikh, a participant of the 1907 expedition led by A.V. Zhuravsky, has been preserved in the archive of the Komi Branch of the Russian Geographical Society. The author of the letter describes the progress of the expedition, the main achievements and indicates the reasons for the quick end of the trip to the Kolva river.

Keywords:

A.V. Zhuravsky, M.A. Mzhachikh, Kolva river, Bolshezemelskaya tundra, archeology, development of the North

V.I. SILIN

A LETTER FROM 1959 (MATERIAL ON THE LIFE OF A.V. ZHURAVSKY)

Institute of language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

В архиве Коми отделения Русского географического общества сохранилось письмо М.А. Мжачиха – участника экспедиции в Большеземельскую тундру в 1907 г., известного ученого, основателя первой научной структуры на Европейском Северо-Востоке (Печорская естественно-историческая станция) Андрея Владимировича Журавского (22 сентября 1882 – 15 августа 1914).

М.А. Мжачих прислал в 1959 г. в Географическое общество (г. Ленинград) письмо «Мои воспоминания...». Это письмо было переадресовано на имя Председателя Коми Филиала ГО Союза СССР В.А. Витязевой с просьбой сообщить о решении вопроса.

*ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИ ФИЛИАЛА
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР
к-ту г.н. В.А. Витязевой
Глубокоуважаемая
Валентина Александровна !*

Направляем письмо тов. М.А. Мжачиха «Мои воспоминания о замечательном рус-ском ученом Андрее Владимировиче Журавском» на рассмотрение Совета филиала.

Ваше решение просим сообщить в Общество и тов. Мжачиху.

Ученый секретарь Общества /Е.Е. Воронов/

Рассматривалось ли письмо, был ли на него ответ, не известно, может быть, оно было переправлено куда-нибудь еще.

Несомненно, что письмо представляет исторический документ, который будет способствовать формированию более четкой картины жизни и деятельности великого исследователя Севера.

М.А. Мжачих участвовал в экспедиции А.В. Журавского на р. Колву в 1907 г. Андрей Владимирович результаты этой экспедиции доложил на заседании Отдела Математической и Физической географии Русского географического общества 2 декабря 1908 г. А.В. Журавский оставил комплексное географическое описание территории, но сам выделил важнейшие результаты: «... перейду к главному, по значению, открытию 1907 года, а именно к открытию двух становищ “до-исторического” человека, или вернее, – человека с доисторической индустрией, так как надо полагать каменный век на нашем крайнем севере завершился в эпоху, когда Европа уже имела свою определенную историю и далекую от кремневого ножа цивилизацию».

Дело в том, что в эпоху неолитической индустрии, к которой относятся останки орудий, открытые мною в центре Большеземельской Тундры, на ряду с кремнем видную роль, вне сомнения, играла и **кость** (выделено А.В. Журавским – В.С.), как материал для орудий, и мы, действительно, находим в бассейне Печоры своего рода “тамагавки” из костей мамонта, имеющих форму “молотков”.

Я, лично, склонен считать реальной переходную эпоху, когда преобладающим материалом в индустрии служила кость (“век костяной индустрии”).

Сам А.В. Журавский был удивлен тем, что один из первых исследователей Большеземельской тундры А. Шренк не заметил и не отразил в своей книге археологических находок. «Шренк, бывший здесь 75 лет назад, очень подробно описал область Сандивэя; но какими судьбами он не заметил массы кремневых орудий и черепков первобытной посуды, всюду торчащих здесь из песка, – этого я не могу постигнуть». Было найдено два археологических памятника – ярэя, как

называет их А.В. Журавский. Первый памятник был назван в честь А. Шренка: «Второй ярэй расположен на 130 верст выше по Колве в 448 верстах от устья Колвы, при ручье, названном нами “Мой-Шор” что значит “Бобровый ручей”»: здесь мой сотрудник М.А. Мжачих нашел поразительно хорошо сохранившийся (имея в виду песчаный грунт) череп европейского бобра».

В следующем году А.В. Журавский путешествовал по Сыне и оконтурил возвышенность – Адакь - Тальбей, названную по его инициативе кряж Чернышева. Надо отметить, что об археологических находках на Европейском Северо-Востоке многие авторы писали и до А.В. Журавского – это А.И. Антипов (находки на Средней Печоре), А.А. Штукенберг (находки на Севере Тимана), Е.С. Мельников (находки на Вычегде) и др.

Это комментарии к письму сотрудника экспедиции М.А. Мжачиха, полностью приведенному ниже.

- **Мои воспоминания о замечательном русском ученом Андрее Владимировиче Журавском**

Это было в 1907 году, когда я был сослан царским правительством в Архангельскую губернию в г. Мезень. За организацию забастовки на лесопильных заводах, за манифестацию и за призыв к вооруженному восстанию меня отправили в г. Архангельск по «болезни», но вместо лечения я был арестован, посажен в Архангельскую тюрьму, а потом выслан под особый надзор в отдаленную ссылку на Печору, в село Усть-Цильму, где я и имел счастье познакомиться с А.В. Журавским при следующих обстоятельствах:

Организовав коммуну из числа ссыльных, и все мы поместились в нижнем этаже одного

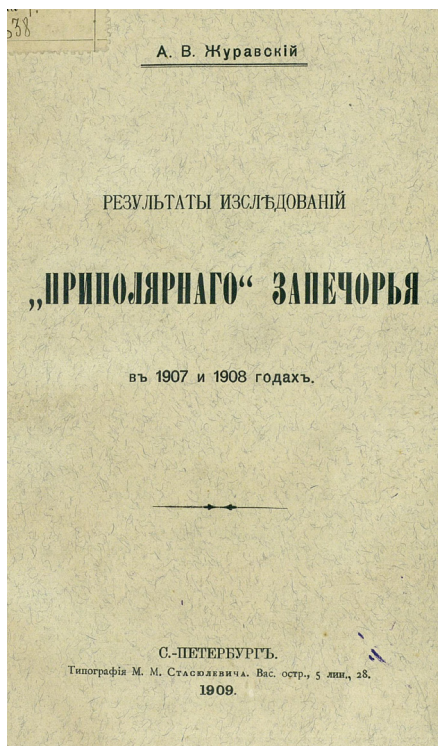

Фото. А.В. Журавский (22.09.1882 – 15.08.1914).
Photo. A.V. Zhuravskiy (22.09.1882 – 15.08.1914).

двухэтажного дома, а на верхнем этаже была квартира Журавского и т.н. Естественно Историческая станция, которой заведовал Андрей Владимирович.

Он был общительным человеком и среди ссыльных пользовался большой популярностью и, как говорят украинцы, «не цурался» их. Сначала мы с ним раскланивались, и при одном подходящем случае и познакомились.

Он интересовался нашей жизнью и коммунальной и я с удовольствием ему об этом рассказывал, что мы живем чисто коммунальной жизнью, все деньги (8 р. 30 к. в месяц на человека) мы отдаем выборному старосте, и он расходует на наши нужды.

Кроме того мы подрабатываем, лудим самовары, среди нас есть портные и сапожники, и поэтому мы материально жили неплохо, и даже помогали «привелегированным» товарищам, которые получали 11 руб. в месяц. На зиму в прок мы заготавливаем морошку, рыбу и т.д.

Тов. Журавский слушал все с большим вниманием и интересовался всеми подробностями.

В один из вечеров он пригласил меня к себе в дом. В его кабинете я увидел, что все стены, шкафы завешены и заполнены засушенными растениями, чучелами животных и птиц и значительное количество стеклянных банок, с спиртованными насекомыми, животными и т.д.

Особенно я обратил внимание на его письменный стол, на котором было много книг и ряд настольных медалей, награждаемых за научные труды и ряд экспедиций.

Он мне тщательно просто и подробно объяснял, и на все мои вопросы (а я был крайне пытливым), я получал исчерпывающие ответы.

Все это меня ошеломило, удивило, т.к. я до этого ничего в науке не понимал, имел низшее образование.

Передо мной открывался совершенно новый мир – мир науки и пути к знанию.

На столе был образчик найденного угля на Печоре, и в банках стояла мутная жидкость, наверху которой радужной окраской был слой найденной нефти.

Андрей Владимирович так увлекался, а я тем более и мы иногда долго засиживались. Он тогда еще пророчил о богатстве этого края и предсказывал о его будущем.

Он был из увлекающихся натур. Он очутился в этом далеком краю, после неполадок с учебкой в Университете, который он принужден был оставить и добровольно поселился в этом захолустье. Его рассказы о богатстве Большеземельской тундры доходили иногда до фантастики. Он планировал постройку целой сети тепловых электростанций, которые работали бы на дешевом топливе, торфе, которым покрыта вся площадь тундры, на глубину до одного метра. Все построенные электростанции дадут такое большое количество электроэнергии, которого хватит на все промышленные объекты и на отопление вечной мерзлоты тундровой почвы, и вся площадь покроется засеянными злаками, овощами, садами и т.д.

Мало этого, он строил свои планы и о изменении климатических условий. Весь Печорский край должен превратиться в цветущий край и источник снабжения всем необходимым всего населения этого края.

Обо всем этом он писал докладные записки Царской Академии, например, отчеты об экспедициях были полны ценных материалов, но царские чиновники и т.н. «ученые» не обращали никакого внимания, и лишь при советской власти, власти рабочих и крестьян Печорский край стал неузнаваемым. Советская власть как видно извлекла из архивов эти ценные документы и дала быстрый ход по использованию всех богатств этого края. За все научные труды и открытия царская власть временами награждала Журавского настольными медалями, но материальной помощи не оказывала, и ему приходилось вкладывать свои средства, которые он получил по наследству от своего умершего отца. Андрей Владимирович был скромным человеком, он не транжирил деньгами и старался, чтоб лишняя копейка была использована на научные цели и для пользы Родины.

Он глубоко верил в будущее и был убежден, что придет время, когда все его труды будут оценены народом.

В 1914 году 4-го октября в самом расцвете сил А.В. Журавского не стало. Подлая рука убийцы прекратила его жизнь и если бы не этот злополучный акт, то Журавский при советской власти смог бы принести в несколько раз больше пользы и многие его мечты осуществились. Еще в 1907 году он проектировал открыть опытную станцию по воспитанию, приучению и разведению диких ценных животных: песцов, лисиц и т.д.

В одно прекрасное время, я от посторонних людей узнал о том, что Журавский снаряжает новую экспедицию в Большеземельскую тундру по реке Колве (приток Печоры). Представьте себе мое положение, как мне захотелось принять участие в этом благородном деле. Сколько жажды знания проявили во мне научные беседы с Журавским и как мне захотелось пробить брешь из темноты к свету, к новой жизни, которая открыла мне новый совершенно путь. Я долго не решался заговорить с ним об этом, но набравшись смелости, я наконец-то спросил его. Я попросил его взять меня в эту экспедицию, хотя бы простым рабочим. Журавский улыбнулся и сказал: «Я, Михаил Алексеевич, думал об этом, но боюсь что организованная вами коммуна, распадется». Я убедил его в противном и нашел хорошего заместителя. Радости моей не было конца. Я представлял себе заранее, сколько я получу за это время знаний и как я полезно использую это время. Несмотря на особый надзор за мной, Журавский добился для меня разрешения через исправника и поручился за мою целостность, подкрепив это собственноручной подписью. Настало жаркое время сборов. Мы упаковывали весь необходимый инвентарь, наняли две больших лодки, в которые были погружены все наши запасы продовольствия и снаряжения, наняли 4 человека рабочих из самоедов и двинулись в путь. Лодки наши передвигались по бурлацкому методу, ее тянули рабочие с берега, накинув через плечо ямки.

Данная экспедиция, организованная Журавским, имела целью полное обследование Большеземельской тундры, изучения флоры и фауны, торфяного покрова почвы, глубины залегания торфа, глубины промерзаний почвы, полезных ископаемых, изучения быта кочевого населения тундры, снятия на карту притока Печоры, реки

Колвы и целый ряд других научных вопросов. Передвижение по реке было иногда трудным, т.е. встречались отмели и пороги, приходилось и нам впрягаться в лямки, а иногда и разгружали лодки.

Няные нами рабочие «самоеды» были очень трудолюбивы, честны, и они пользовались одинаковыми с нами правами. Все было бы хорошо, если бы не один злосчастный случай. Царское правительство и в тундру пустило свои разрушительные и развращенные щупальцы. Царские чиновники спаивали водкой самоедов и глубоко привили этот порок пьянства. За бесценнок, за водку самоеды меняли хорошие дорогие меха и часто совершенно разорялись.

Когда на одной из стоянок наши друзья выгружали из лодки вещи, в двух бидонах был спирт, и они сейчас же потребовали спирта. Несмотря на все наши объяснения, что спирт отравлен и его пить нельзя, самоеды с этим не соглашались и объявили, как говорят, забастовку. Наше положение оказалось безвыходным. Несмотря на целый ряд увещаний и даже угроз, ничего не помогло.

Посоветовавшись между собой, мы решили попробовать спирт, насколько он действительно отравлен, Журавский хлебнул один глоток и, пройдя некоторое время, мы убедились, что наш спирт только закрасен. Подсчитав все потребности в спирте для научных целей, мы нашли возможность отпустить самоедам по небольшой порции.

Все это настолько оказало благоприятное влияние, что мы быстро двигались вглубь тундры.

Река Колва, и ряд многочисленных больших озер, кишмя кишела рыбой. Тысячи диких гусей, уток и др. птиц в следствии линьки не могли летать, и мы были вполне обеспечены мясом и рыбой. На одной из стоянок под утро к нашей палатке подошел голодный и истощенный песец, которого мы без труда поймали. Он был так истощен, что не оказал никакого сопротивления. Этот ценный зверек, как видно, от голода вырождался и не мог существовать и размножаться.

На каждой стоянке мы с Журавским снаряженные сачками, банками, обследовали данную местность. На каждой стоянке мы рыли глубокие ямы, с целью распознавания глубины залегания верхнего покрова торфа, и глубины промерзания почвы. На одной из стоянок, после всех проведенных научных работ, я пошел пройти на одну из песчаных лужаек и вдруг увидел какую-то торчащую кость. Когда я тщательно разрыл, то это оказался череп какого-то животного. Не придавая никакого значения, я взял этот череп с собой и показал его Журавскому. Рассматривая этот череп, Журавский менялся в лице и вдруг закричал на всю тундру: «Это ценная находка, наша экспедиция оправдалась» и т.д. Оказалось, что это череп европейского бобра, и что эта находка имеет очень ценный материал для науки. В настоящее время этот череп хранится в зоологическом музее г. Ленинграда.

Не все благополучно обошлось в нашей экспедиции. У разведенного костра мы должны были обедать, подходя к костру, я бросил заряженную берданку, курок ударился о камень, произошел выстрел, и весь заряд из гусиной

дробин попал в руку одного рабочего. Он упал. Поднялась паника, и мы после тщательной перевязки должны были отправить его в Усть-Цильму. Освободив одну лодку и одного рабочего, лодка благополучно дошла до медпункта, где и оказали раненому необходимую помощь. Этот несчастный случай, безусловно, повлиял в плохую сторону на ход нашей экспедиции. Потеряв 2-х рабочих и лодку, мы принуждены были ускорить наше возвращение.

Кроме всех этих неприятностей была еще одна, которая не менее беспокоила нас, это несметная туча комаров.

Представьте себе, когда солнце иногда закрывалось от такой массы. И никакие средства не помогали. Они проникали в невидимые щели, прокусывали своим хоботком одежду и безжалостно пили нашу кровь. Несмотря на то, что мы работали в сетках, мазали руки и лицо гвоздичным маслом, наши руки, лица, были всегда в крови от раздавленных комаров, и все эти места были в волдырях и ранах от расчесывания. Наша еда была наполовину из комаров, когда мы варили кашу, макароны, то белый их цвет превращался в серый. Помню хорошо такую шутку Журавского. «Михаил Алексеевич, чтоб быть хорошим зоологом, надо съесть бутерброд из пауков и тарантулов».

Дикие олени, спасаясь от комаров, погружались целиком в воду и из воды торчали их ветвистые рога и ноздри для дыхания.

В общем целом наша экспедиция закончилась вполне успешно. Мы привезли много собранных растений из тундры и очень много различных насекомых, пресмыкающихся и этнографический материал.

В одном чуме мы приобрели изготовленную из ребра мамонта целую без соединения звеньев цепь, которая была изготовлена самоедом, имея один единственный инструмент – нож.

В то время вероисповедание самоедов было смешанным. Идолопоклонство и христианство, которое было навязано царским правительством, совмещалось. В чумах вы могли встретить икону и рядом Идола, их в одинаковой степени почитали. Если охота прошла удачно, самоеды мазали их маслом, украшали их, но если охота была неудачной, идолов беспощадно били и выбрасывали.

За все время знакомства с Журавским и главное в то время, которое мы с ним провели в экспедиции, я получил исчерпывающие знания по всем отраслям научного знания, и для меня это время было целым университетом. Я распознавал все научные знания с практическим применением этих знаний, и эта закалка осталась у меня на всю жизнь.

Просматривая прошлую литературу, я встретил один из некрологов, в котором писали, что убийство его, будто бы, было причиной его властолюбия. Это явная ложь, и, наверно, это исходит от лица тех людей, которые с завистью и с ненавистью смотрели на полезную, плодотворную, бескорыстную работу великого патриота Родины, который, как отшельник, отдал свою жизнь народу, науке и этим самым увековечил свою память.

Русский народ и Советская власть оценила работу Великого Ученого, и в настоящее время Печерский край, так же процветает как вся

наша страна, идущая по пути к коммунизму. Память о Журавском я глубоко храню, т.к. он первый открыл мне путь из мрака к свету.

М.А. Мжачих. г. Харьков п/о № 23 до востребования.

Я не знаю, увековечена ли память о Журавском в Усть-Цильме, имеется ли какой-либо музей.

Случайно я встретился с дочерью Андрея Владимировича, которая проживает в г. Харькове, и я обнаружил кое-какой материал о его жизни, одну серебряную настольную медаль и, возможно, ряд др. материалов, которые могли

бы быть полезными для увековечения памяти. Я с удовольствием помог бы собрать имеющиеся материалы или начать организовать музей. Прошу сообщить.

С тов. приветом Мжачих

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0011.

Статья поступила в редакцию 17.02.2022
The Editorial Office received the paper on 17.02.2022

ЮБИЛЕИ

ЭЛЕОНОРА НИКОЛАЕВНА ПОПОВА

В 2022 г. отмечает юбилей известный коми лингвист, специалист в области морфологии и синтаксиса коми языка, научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Элеонора Николаевна Попова.

Э.Н. Попова родилась 20 февраля 1952 г. в с. Маджа Корткеросского района Республики Коми. В 1969 г. закончила корткеросскую среднюю школу. С 1985 г. после окончания филологического факультета Сыктывкарского государственного университета в течение двух лет преподавала русский язык и литературу в Шошкской восьмилетней школе Сыктывдинского района.

С 1987 по 1989 г. Э.Н. Попова работала в должности лаборанта, затем старшего лаборанта на кафедре коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета с совмещением преподавательской деятельности на подготовительном и заочном отделениях. В ноябре 1989 г. Элеонора Николаевна поступила на работу в отдел языка ИЯЛИ на должность старшего лаборанта, с 1993 г. работала младшим научным сотрудником, с 1996 г. по настоящее время является научным сотрудником сектора языка ИЯЛИ.

Научные интересы юбиляра охватывают широкий круг лингвистических проблем: вопросы морфологии, синтаксиса, функциональной грамматики коми языка, проблемы контактирования коми и русского языков. Большую часть своей научной деятельности Элеонора Николаевна посвятила детальному изучению служебных частей речи коми языка. Исследователем подробно рассмотрены структура и семантика союзов и частиц, их роль в формировании смысла и структуры предложения, выявлены пути развития союзов, их диахронические изменения, определена роль русского языка в развитии и пополнении состава союзных средств в коми языке.

Э.Н. Попова является автором более 50 научных работ, соавтором энциклопедии «Коми язык» и первой научной грамматики, написанной на коми языке, «Ӧнія коми кыв. Морфология» (Современный коми язык. Морфология). В научной грамматике коми языка, авторы которой стали лауреатами премии Правительства Республики Коми в области образования (2004), ученым написаны разделы «Кывйитӧд (Союз)», «Кывтор (Частица)», «Междометие». В энциклопедии «Коми язык» опубликованы статьи по проблемам синтаксиса («Безличные предложения»), «Дополнение», «Назывные предложения», «Неопределенно-личные предложения», «Обобщенно-личные предложения», «Обстоятельство», «Определение», «Определенно-личные предложения», «Подлежащее», «Подчинение», «Примыкание», «Словосложение», «Согласование», «Сочинение», «Управление», «Члены предложения»).

Научные разработки ученого нашли отражение в многочисленных статьях, а также послужили основой монографической работы «Союзы и союзные средства в коми языке» (2015). В монографии исследованы наиболее важные эта-

пы в эволюции союзов в коми языке; выявлены пути и способы их образования, происхождения, семантики, структуры; проанализированы грамматическая семантика, функциональные особенности; определены взаимоотношения союзов с другими частями речи, роль влияния контактирующего русского языка на развитие и пополнение корпуса союзных средств в коми языке; раскрыто общее и специфическое в функционировании союзов в коми языке и севернорусских говорах; освещены вопросы о некоторых типах показателей связи в коми языке, функционально сближающихся с союзами; рассмотрена проблема разграничения союзов от несоюзов, союзных соединений от составных союзов.

Э.Н. Попова активно участвовала в организации и проведении многих научных мероприятий, неоднократно выступала на различных международных, всероссийских и региональных конференциях с докладами, вызвавшими неподдельный интерес участников этих форумов. В течение ряда лет Элеонора Николаевна проводила занятия по коми языку для учащихся школ г. Сыктывкара в Малой академии Института языка, литературы и истории; долгое время была секретарем отдела языка ИЯЛИ.

Элеонора Николаевна – неугомонный труженик. Нельзя не отметить ее стремление к профессиональному росту и развитию. В 2018 – 2021 гг. она проходила обучение в очной аспирантуре ФИЦ «Коми научный центр» УрО-РАН. Под руководством д. филол. н. Е.А. Цыпанова подготовила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Союзы и союзные средства в коми языке».

Добросовестный труд Элеоноры Николаевны отмечен множественными наградами раз-

ного уровня, в их числе Благодарственные письма Президиума Коми научного центра УрО РАН, Министерства образования Республики Коми, Министерства национальной политики Республики Коми; Почетные грамоты Министерства образования и высшей школы Республики Коми, Коми научного центра УрО РАН, Российской академии наук и Профсоюза работников РАН. Э.Н. Попова является лауреатом Государственной премии Республики Коми в области образования, имеет звание «Ветеран труда».

Э.Н. Попова – обязательный, целеустремленный человек, с большой ответственностью относящийся к своей работе. Ее личностные человеческие качества: энергичность, отзывчивость, справедливость, трудолюбие, оптимизм. Профессиональный подход к делу, активная

жизненная позиция, требовательность в работе, и в первую очередь к себе, доброе отношение к людям снискали ей заслуженный авторитет.

Юбилей Элеоноры Николаевны – это очередной этап на стезе жизни. Уже много сделано, многое достигнуто, но впереди ждут новые успехи и свершения! От всей души поздравляем нашу уважаемую коллегу с юбилеем! Желаем крепкого здоровья, неиссякаемой бодрости духа, плодотворной научной деятельности, успехов в реализации новых идей и проектов!

Кузь нэм да бур шуд!

Коллектив Института языка,
литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

ЕВГЕНИЯ АВЕНИРОВНА АЙБАБИНА

Евгения Авенировна Айбабина – видный деятель науки, ведущий специалист в области коми лексикологии, лексикографии, социолингвистики, кандидат филологических наук. Научная деятельность ученого получила высокую оценку как среди отечественных финно-угроведов, так и за рубежом. Ее добросовестный труд отмечен следующими наградами: Почетной грамотой администрации г. Сыктывкара (1994), Почетной грамотой Российской академии наук (1999), Почетной грамотой Уральского отделения РАН (1999), Почетной грамотой Министерства национальной политики Республики Коми (2002, 2010), Почетной грамотой Президиума Коми НЦ УрО РАН (2005), Почетной грамотой Республики Коми (2012). Е.А. Айбабина является лауреатом Государственной премии Республики Коми в области науки (2001), лауреатом премии Правительства Республики Коми в области научных исследований (2015).

Родилась Евгения Авенировна 9 марта 1952 г. в г. Сыктывкаре. После окончания сыктывкарской средней школы № 4 г. обучалась на филологическом факультете Ленинградского государственного университета, специализировалась по венгерскому языку и литературе. В период учебы, в 1972 – 1973 г., проходила языковую стажировку на гуманитарном факультете университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия). Свою трудовую деятельность начала в 1974 г. в должности старшего лаборанта на кафедре коми языка и литературы, затем на кафедре русского языка и литературы Сыктывкарского государственного университета (1974 – 1978). В период работы в СыктГУ преподавала венгерский язык для студентов и аспирантов. В 1978 г. перешла на работу в сектор социологических исследований Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР.

В 1980 г. Е.А. Айбабина была зачислена в очную аспирантуру Коми филиала АН СССР, а с января 1982 г. продолжила обучение в аспирантуре Института языкознания АН СССР по специальности 10.02.19. «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика». Ее научным руководителем был известный ученый, доктор филологических наук, профессор Ю.Д. Дешериев. В марте 1988 г. Евгения Авенировна успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Интерференция на лексическом уровне в условиях национально-русского двуязычия (на материале коми и русского языков)». С 1984 г. работает в секторе языка ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; прошла ступени от младшего научного сотрeдника до ведущего научного сотрудника.

Научные интересы Е.А. Айбабиной – лексикология, лексикография коми языка, проблемы контактирования коми и русского языков. В области лексикологии основное внимание исследователя уделено изучению различных типов отношений лексических единиц в системе коми языка, тенденций развития его словарного состава, вопросов контактирования коми и русского языков в различные исторические периоды. Направления лексикографической работы ученого, осуществляемой в составе группы ис-

следователей, определяются потребностью в создании лингвистических словарей различных типов, в том числе и тех, традиции составления которых в коми лексикографии отсутствуют.

Результаты изучения лексики коми языка нашли отражение в многочисленных публикациях ученого. Е.А. Айбабиной в России, Венгрии, Финляндии, Эстонии опубликовано около 90 научных работ общим объемом более 180 печ.л., с их появлением в научный оборот введен совершенно новый материал.

Юбиляр является автором четырех препринтов (1985, 1988, 1990, 2008), статей для энциклопедий «Коми язык» (Москва, 1998) и «Республика Коми» (1997, 1999, 2000), посвященных основополагающим понятиям лингвистической науки, содержащих результаты исследования современного состояния коми литературного языка. Вопросам функционирования коми языка в различных сферах человеческой деятельности и общения посвящен раздел «Коми-зырянский язык» в социолингвистической энциклопедии «Письменные языки мира. Т. 1. Языки Российской Федерации» (Москва, 2000), написанный в соавторстве с А.Г. Трошиным.

В научных статьях Евгении Авенировны рассматриваются важнейшие проблемы коми языкознания: развитие словарного состава коми языка; особенности адаптации фонетико-фонологической, морфологической и семантической структуры заимствованной из русского языка лексики в коми языке; функционирование неологизмов в коми языке; специфика системы образных, художественных определений в коми языке. В настоящее время основное внимание ученого сосредоточено на изучении тематических групп лексики коми-зырянских диалектов. Опубликовано статьи, посвященные космо-

мам, метеорологическим наименованиям, мифонимам, этнонимам, наименованиям болезней и др.

Одно из ведущих направлений в научной деятельности юбиляра – социолингвистические исследования, в частности, изучение проблем коми-русского билингвизма и функционального развития коми языка. Е.А. Айбабиной собран и проанализирован обширный материал, отражающий особенности русской речи носителей коми языка, принадлежащих к различным социальным и возрастным группам, находящихся на различных ступенях формирования двуязычия. В результате исследования выделены основные типы лексической и лексико-семантической интерференции в русской речи комиязычных билингвов в соотношении с четырьмя ступенями двуязычия, в нетрадиционном ракурсе рассматривается вопрос о соотношении лексического заимствования и интерференции.

Значительное место в научном творчестве Е.А. Айбабиной занимает лексикографическая деятельность. Ввиду необходимости дальнейшего развития коми лексикографии, получившей особую актуальность в результате юридического закрепления государственного статуса коми языка в республике, она в составе группы исследователей работала над созданием целого ряда фундаментальных лексикографических трудов. Евгения Авенировна является соавтором девяти словарей, в числе которых «Словарь омонимов коми языка» (1993), «Коми эпитетяслӧн кывчукӧр» (1994), «Школьный этимологический словарь коми языка» (1996), «Коми-роч кывчукӧр» (2000), «Коми синоним кывчукӧр» (2002, 2007), «Русско-коми словарь, Коми-роч кывчукӧр» (2009, 2011, 2013, 2015, 2016), «Коми сёрнисикасьясин рӧдвуж нимяслӧн кывчукӧр» (2011), «Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах» (2012, 2014). В настоящее время в составе группы исследователей Е.А. Айбабина осуществляет работу по составлению тематического диалектного словаря коми языка, материалы которого спо-

собствуют выявлению специфики лексического состава коми языка в его диалектных разновидностях, обусловленной как языковым сознанием его носителей, их историческим опытом и видением мира, так и контактированием с другими народами.

Научные изыскания Е.А. Айбабиной, получившие высокую оценку специалистов, вносят значительный вклад в разработку ряда теоретических проблем современной лингвистики, находят применение в практике преподавания коми и русского языков в учебных заведениях различных уровней.

Научно-исследовательскую работу Евгения Авенировна совмещала с преподавательской деятельностью. С начала 1990-х гг. вела занятия по венгерскому языку в Гимназии искусств при Главе Республики Коми и Малой академии при Коми филиале АН СССР. На различных культурных и научных мероприятиях Е.А. Айбабина выступает также и в качестве переводчика с венгерского и на венгерский язык, оказывает помощь в переводе документов для различных организаций республики. Она участвовала в организации многих научных форумов, в том числе и в проведении VI Международного конгресса финно-угроведов в г. Сыктывкаре (1985).

Евгения Авенировна пользуется заслуженным авторитетом среди коллег. Она талантливый ученый, энергичный и неутомимый труженик, добрый и отзывчивый человек. Ее отличают исследовательский дар и преданность своему делу, к которому она относится ответственно и со всей отдачей.

От всей души поздравляем многоуважаемую Евгению Авенирвну с юбилеем и желаем ей крепкого здоровья, творческого долголетия, неиссякаемой энергии и благополучия во всем!

Кузь нэм да бур шуд!

Коллектив Института языка,
литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

ВЯЧЕСЛАВ ИЛЬИЧ КАНИВЕЦ

(к 95-летию со дня рождения)

30 января 2022 г. исполнилось бы 95 лет Вячеславу Ильичу Канивцу, известному советскому ученому, стоявшему у истоков археологической науки на Европейском Северо-Востоке.

Вячеслав Ильич Канивец родился 30 января 1927 г. в г. Киеве. В начале Великой Отечественной войны его семья была эвакуирована в г. Алма-Ату, где Вячеслав окончил среднюю школу. После возвращения в Киев в 1945 г. он поступил на исторический факультет Киевского университета, который с отличием закончил в 1950 г. и в тот же год поступил в аспирантуру Института археологии Академии наук Украинской ССР. Его научным руководителем был выдающийся советский археолог – Петр Петрович Ефименко. В 1954 г. В.И. Канивец успешно защитил кандидатскую диссертацию и был зачислен на должность младшего научного сотрудника Института археологии АН УССР. В 1955 г. Вячеслав Ильич переехал в Дагестан и в течение двух лет проводил исследования памятников эпохи бронзы в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

Новый этап в его жизни наступил в 1958 г., когда он принял решение продолжить исследования на севере Европейской части СССР – в Коми АССР, на территории которой были открыты и исследованы единичные памятники. О перспективности археологического изучения региона ему сообщил молодой специалист Григорий Михайлович Буров, коллега по работе в Дагестане, приехавший в Республику Коми в 1957 г. и в первый же полевой сезон открывший десятки памятников древности в бассейне р. Вычегды. Эти открытия стали началом профессионального археологического изучения Европейского Северо-Востока. Перед В.И. Канивцом, кандидатом исторических наук, накопившим уже значительный опыт работы на Украине, в Дагестане, встала задача – разработать стратегию научного исследования обширной, археологически не изученной территории. Первоочередной задачей являлось сплошное первичное обследование региона и оперативное введение полученных материалов в научный оборот. Г.М. Буров продолжил успешно начатые им разведки и рекогносцировочные раскопки в бассейне р. Вычегды; Вячеслав Ильич начал разведочные работы в бассейне р. Печоры.

В научной литературе 1950-х гг. господствовало мнение, что Европейский Северо-Восток в эпоху плейстоцена не мог быть заселен. Однако к концу 1950-х гг. на основе данных палеогеографии было установлено, что в бассейне р. Печоры в эпоху плейстоцена длительные эпохи похолодания сменялись не менее продолжительными периодами значительного потепления, когда ледник полностью стаял, а леса продвигались далеко на Север, временами вплоть до побережья Ледовитого океана. Основываясь на этих материалах, В.И. Канивец и Б.И. Гуслицер приняли решение начать поиски палеолитических памятников.

С 1959 г. от трагической гибели в 1972 г. Вячеслав Ильич он ежегодно проводил полевые экспедиционные исследования, длившиеся три-четыре месяца. В первый полевой сезон, в 1959 г.,

Вячеслав Ильич совместно с геологом Борисом Исаакиевичем Гуслицером в Уньинской и Канинской пещерах в верховьях р. Печоры открыли богатейшие места жертвоприношений древних обитателей этого края, посещавших их с эпохи бронзы до средневековья. В 1960 г. исследование Канинской пещеры было завершено. Мировой сенсацией стало открытие в том же году В.И. Канивцом совместно с геологом Б.И. Гуслицером первого палеолитического памятника – Медвежьей пещеры, самого северного палеолитического памятника в мире. С 1963 г. начались раскопки второго палеолитического памятника на р. Печоре – стоянки Бызовая, в которых принимали участие геологи и палеозоологи. В.И. Канивец убедительно обосновал первоначальное заселение крайнего северо-востока Европы в эпоху верхнего палеолита и выделил два этапа заселения: к первому этапу относится стоянка Бызовая (около 29 тыс. лет тому назад), ко второму – стоянка в Медвежьей пещере (13 – 12 тыс. лет тому назад). Первая волна заселения связывалась с пришельцами из средней полосы Русской равнины, вторая – с выходцами из Северной Азии. Эти идеи нашли дальнейшее развитие в работах П.Ю. Павлова.

В процессе сплошного археологического обследования Вячеславом Ильичом были открыты памятники эпохи мезолита, энеолита, бронзового века, раннего железа, средневековья. Особенно значителен вклад В.И. Канивца в исследование памятников эпохи энеолита – бронзы и раннего железного века. Ученый в совершенстве владел методикой полевых работ. Свидетельством этого являются его полевые дневники, чертежи, отчеты по итогам полевых исследований, которые могут служить образцом

для современных археологов. Сохранились своеобразные «карточки» Канивца, содержащие информацию о ранее открытых археологических памятниках, сведения о которых он собрал из разных источников, сопровождающиеся рисунками вещей.

По итогам полевых исследований им было опубликовано более 40 работ, в том числе четыре монографии – в 1964 г. «Канинская пещера», в 1965 г. (в соавторстве с Б.И. Гуслицером) – «Пещеры Печорского Урала». Две монографии – «Печорское Приуралье. Эпоха раннего металла» (1974) и «Палеолит крайнего Северо-Востока Европы» (1976) – вышли в свет уже после трагической гибели ученого. Во всех его работах проявляются большая эрудиция и высокий профессионализм, отсюда – фундаментальность, аргументированность основных научных построений. Характерной особенностью публикаций В.И. Канивца являются привлечение и использование широкого круга источников, прежде всего письменных, а также данных других наук. Вячеслав Ильич Канивец относился к тому кругу ученых, которые видели назначение археологии как науки не только в источниковедческом анализе остатков материальной культуры, но в конечном итоге – в реконструкции социально-экономической и этнокультурной истории древних обществ. Хотя монография «Канинская пещера» посвящена конкретному памятнику, однако по содержанию она является первой обобщающей работой по древней истории населения Печорского Приуралья.

Нельзя не отметить научно-организаторские способности Вячеслава Ильича. К числу крупных заслуг ученого относится основание серийного издания научных журналов «Материалы по археологии Европейского Северо-Востока», первый его номер вышел в 1962 г. В.И. Канивец являлся членом редколлегии научного журнала «Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества», в котором регулярно появлялись статьи коми археологов. Публикации археологов, в первую очередь В.И. Канивца, в научных изданиях, на страницах местной и центральной печати, выступления с докладами на научных конференциях привлекали внимание научной общественности к археологии Республики Коми. По инициативе В.И. Канивца в 1967 г. впервые в Коми АССР было проведено V Уральское археологическое совещание. В его работе приняли участие такие видные ученые, как О.Н. Бадер, В.А. Оборин, Л.А. Голубева, А.Х. Халиков, В.Ф. Генинг, Г.А. Панкрушев и др., в том числе выдающийся финно-угровед, профессор, доктор исторических наук А.П. Смирнов, проводивший в 1920-е гг. первые профессиональные раскопки памятников эпохи средневековья на Вычегде и Выми. На совещании прозвучала высокая оценка деятельности коми археологов под руководством В.И. Канивца. И уже в следующем 1968 г. Коми филиалом АН СССР, Комиссией

по изучению четвертичного периода АН СССР и Всесоюзным институтом «Гидропроект» был создан региональный Полевой семинар по стратиграфии антропогена и палеолиту Печорского Приуралья. В работе семинара приняли участие археологи, геологи, геоморфологи, палеонтологи и историки из более чем 20 организаций, что было обусловлено открытием палеолитических памятников на р. Печоре.

В годы руководства В.И. Канивцом коллективом археологов отдела истории Коми филиала АН СССР кандидатские диссертации защитили: Григорий Михайлович Буров, исследовавший десятки археологических памятников в бассейне р. Вычегды, среди которых уникальные Висские торфяники возле дер. Синдор; аспирант Вячеслава Ильича Валерий Евгеньевич Лузгин, внесший весомый вклад в изучение эпохи неолита; Элеонора Анатольевна Савельева, исследователь древностей вычегодских пермлян, предков коми-зырян. Вячеслав Ильич был первым наставником и учителем Клима Степановича Королева, ставшего в дальнейшем известным ученым, открывшим ранее не известные страницы древней и средневековой истории населения средней Вычегды, Эльвиры Серафимовны Логиновой, открывшей и исследовавшей интересные памятники эпохи неолита и раннего металла в бассейне р. Вычегды.

Оценивая сегодня вклад В.И. Канивца в отечественную археологию, следует, прежде всего, отметить связанные с его именем сенсационные открытия первых палеолитических памятников на Европейском Северо-Востоке, первое исследование пещерных святилищ Северного Урала, первичное сплошное археологическое обследование обширной территории Печорского Приуралья, разработка первой историко-культурной концепции древностей этого региона от эпохи палеолита до средневековья. Основные положения его концепции получили дальнейшее развитие в трудах П.Ю. Павлова, В.С. Стоколоса, А.М. Мурыгина, И.О. Васкула, К.С. Королева, Л.И. Ашихминой, А.В. Волокитина, В.Н. Карманова и др.

Этими исследователями открыты новые памятники, значительно пополнилась источниковедческая база, что позволило уточнить, скорректировать культурно-хронологические концепции, разработанные в 60-е гг. прошлого столетия, нашедшие отражение в коллективной монографии отдела археологии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Археология Республики Коми» (Москва, 1997) и в ряде других работ. Продолжается выпуск серийного издания научного журнала «Материалы по археологии Европейского Северо-Востока».

Э.А. Савельева,
д.и.н., главный научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

АННА НИКОЛАЕВНА ФЕДОРОВА

(к 110-летию со дня рождения)

Анна Николаевна Федорова вошла в коми литературоведение как ученый, посвятивший свою жизнь изучению творчества основоположника коми литературы И.А. Куратова.

Анна Николаевна Федорова родилась 22 января 1912 г. в дер. Троицк Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (ныне – Корткеросский район Республики Коми) в семье сельского учителя, уроженца дер. Кочпон (в настоящее время – пригород Сыктывкара), куда и переехала семья вскоре после рождения дочери. Закончив школу, педагогический техникум и учительские курсы, работала учительницей начальных классов в селах Лойма (1930 – 1931), Спаспурб (1931 – 1932) Прилузского района Республики Коми. В 1932 г. А.Н. Федорова поступила в только что открывшийся Коми государственный педагогический институт на общественно-литературный факультет. Будучи студенткой уже тогда проявляла интерес к коми литературе, печаталась в студенческом журнале. В 1936 г. с отличием закончила институт, затем работала в школе (1936 – 1937), Лесном техникуме (1938 – 1939), Сыктывкарском педучилище (1939 – 1944), Коми педагогическом институте (1944 – 1945). В 1946 г. поступила в аспирантуру Коми филиала АН СССР (по специальности «Литература народов СССР») и была прикреплена к Институту мировой литературы им. А.М. Горького в Москве. Закончив ее, 6 октября 1950 г. под научным руководством доктора филологических наук Н.Л. Бродского защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Поэзия И.А. Куратова». Крупнейшие исследователи в области литературоведения, такие как профессор Н.И. Розанов, член-корреспондент АН СССР К.Л. Зелинский, отметили значение работы А.Н. Федоровой для всей многонациональной советской литературы. С 1950 г. работала в должностях младшего, затем старшего научного сотрудника в отделе языка и литературы Коми филиала АН СССР.

Главное направление научных интересов А.Н. Федоровой – изучение биографии и творчества И.А. Куратова. Результатом ее исследований стал выход в свет в 1960 г. монографии «И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества». В 1975 г. вышло ее дополненное и переработанное издание, в него вошли новые главы – «И.А. Куратов и русская литература», «И.А. Куратов – переводчик русских и западноевропейских поэтов». Многолетняя кропотливая научно-исследовательская работа над архивными и литературными источниками в фондах музеев и библиотек Ленинграда, Москвы, Вологды, Казани, Алма-Аты и Ташкента позволила ученому по отрывочным материалам воссоздать объективную картину жизни поэта. Она проследила этапы становления его мировоззрения, развития творческой личности во взаимоотношениях с общественно-политическими и культурными явлениями эпохи. В золотой фонд куратоведения вошли открытые ею факты о жизни И.А. Куратова в Усть-Сысольске (доказана связь с такими ссыльными деятелями революционного движения, как, например, П.И. Войнаральский) и Средней Азии («Дело Эмана»), о духовно-просветитель-

ской деятельности братьев поэта – Василия и Афанасия Куратовых. В своей работе А.Н. Федорова показала, что творчество И.А. Куратова – это сложное единство, и адекватная интерпретация его художественных текстов невозможна без изучения подробностей биографии поэта, исторического контекста. Книга дает цельное представление о личности и литературном наследии основоположника коми литературы. И на сегодняшний день монография «И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества» является единственным академическим исследованием жизни и творчества И. Куратова.

А.Н. Федоровой принадлежит ряд статей об И.А. Куратове, опубликованных в научных журналах, сборниках материалов научно-практических конференций, посвященных коми поэту, – «Куратовских чтениях», а также обстоятельные предисловия к сборникам произведений И.А. Куратова, изданным на русском языке в Москве в 1958 и 1975 гг. Ею была написана глава «Основоположник коми литературы Иван Алексеевич Куратов» для крайне значимого труда коми академического литературоведения «История коми литературы» (Т. 2. – Сыктывкар, 1980).

Другой стороной исследовательской работы А.Н. Федоровой стал интерес к вопросам развития советской коми литературы. Ею рассматривались основные тенденции развития прозы, проблемы писательского мастерства, языка писателей и его влияния на формирование коми литературного языка. Исследователь является одним из авторов первого крупного коллективного труда литературоведов Коми филиала АН СССР «Очерки истории коми литературы» (1959), а также справочника «Коми советские писатели» (1968), для которого Анна Николаевна написала

творческие портреты крупнейших коми поэтов и писателей XX в. – В.А. Савина, В.Т. Чисталева, В.В. Юхнина, Я.М. Рочева. Ведущему литературоведу было доверено исполнение разделов «Коми проза» и «Коми поэзия» для «Истории советской многонациональной литературы» (Т. 4. – Москва, 1972).

А.Н. Федорова внимательно следила за современным литературным процессом, творчеством молодых коми писателей. Как литературный критик замечала новые явления в литературе. Она одна из первых обратила внимание на талант начинающего коми прозаика Н. Куратовой, поддержала ее статьями в журнале «Войвыв кодзув».

В 1959 г. литературовед и критик А. Федорова была принята в Союз писателей СССР.

В 1966 г. А.Н. Федорова и Е.С. Гуляев, языковед, исследователь истории коми литературного языка, приступили к подготовке издания

полного собрания сочинений И.А. Куратова. Учеными проведена беспрецедентная по сложности и кропотливости работа с рукописями поэта – текстологическое осмысление вариантов, анализ разночтений, установление текста «последней авторской воли».

К сожалению, Анне Николаевне не удалось завершить начатую работу: 2 ноября 1974 г. она скончалась. Ее муж, народный писатель Республики Коми, Геннадий Александрович Федоров передал в дар литературному музею И.А. Куратова архив ученого – 250 экземпляров рукописей – итог сорокалетней подвижнической работы.

Г.К. Лисовская,
научный сотрудник сектора
литературоведения
Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Журнал публикует научно-аналитические обзоры (объем до 1,5 печ.л.), оригинальные статьи (до 1,0 печ.л.) и краткие сообщения (до 0,3 печ.л.) теоретического и экспериментального характера по проблемам естественных, технических, общественных и гуманитарных наук. Статьи должны отражать результаты законченных и выполненных исследований. Изложение материала должно быть ясным и логически выдержанным. К публикации также принимаются комментарии к ранее опубликованным работам, информация о научных конференциях, рецензии на книги, хроника событий научной жизни.

Направляя статью в журнал, автор(-ы) соглашае(-ю)тся с **Положением о публикационной этике журнала** (<http://www.izvestia.komisc.ru/docs/Ethics.htm>). Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая новизну, научную значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются. При несоблюдении вышеперечисленных правил редколлегия оставляет за собой право отказать в публикации статьи.

Общие требования к оформлению рукописей

Авторская статья принимается к рассмотрению в электронном варианте в редакторе WinWord под Windows. Математические статьи могут подаваться в редакторе TEX. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичны. Электронный вариант рукописи может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии: journal@frc.komisc.ru. Текст должен быть набран на компьютере (шрифт Times New Roman, кегль 14) в одну колонку через 1,5 интервала на странице форматом А4. По всей статье шрифт должен быть одинаковым. Поля страниц оригинала должны быть не менее: левое – 25 мм, верхнее – 20 мм, правое – 10 мм, нижнее – 25 мм. Количество иллюстраций (таблицы, рисунки, фото) в статье не должно превышать 5 – 7 шт., количество иллюстраций в кратких сообщениях – 2 – 3 шт.

Первая страница рукописи оформляется следующим образом: в начале статьи указывается индекс Универсальной десятичной классификации (УДК); затем прописными буквами печатается название статьи, которое должно быть максимально кратким (информативным) и не содержать сокращений; далее следуют инициалы и фамилии авторов. Отдельной строкой дается название учреждения и города (для иностранных авторов – также страны). Ниже печатается электронный адрес для переписки.

Через один полуторный интервал следует аннотация на русском и английском языках (120 – 150 слов), в которой отражаются: актуальность, цель и объект исследования, методы, результаты и их значимость.

После аннотации через полуторный интервал приводятся ключевые слова (не более 8 – 10). Далее идут инициалы и фамилии авторов, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion):

- **введение** (проблема и ее актуальность, состояние ее изученности, цель (задача исследования, объект (Introduction),
- **методы и материалы** (Data and Methods),
- полученные **результаты** и их новизна (Results),
- **заключение и список литературы** (Conclusions or Discussion and Implication).

Во **введении** должны быть обоснованы цель, существо и новизна рассматриваемой задачи.

В разделе «**Методы и материалы**» должны быть четко и кратко описаны методы и объекты исследования.

Единицы измерения следует приводить по Международной системе единиц (СИ). Подробно описываются только оригинальные **методы исследования**, в других случаях указывают только суть метода и дают обязательно ссылку на источник заимствования, а в случае модификации – указывают, в чем конкретно она заключается. Необходимо перечислить использованные **материалы** с указанием их количества и характеристик.

При первом упоминании терминов, неоднократно используемых в статье (однако не в заголовке статьи и не в аннотации), необходимо давать их полное наименование и общепринятое сокращение в скобках, в последующем применяя только сокращение. Сокращение проводить по ключевым буквам слов в русском написании. Все используемые, включая общепринятые, аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом упоминании. Все названия видов флоры и фауны при первом упоминании в тексте обязательно даются на латыни с указанием авторов.

В разделе «**Результаты и обсуждение**» полученные данные приводят либо в табличной форме, либо на рисунках, без дублирования одной формы другой и краткого описания результатов с обсуждением в сопоставлении с данными литературы.

В **заключении** делаются выводы, оцениваются новизна полученных результатов, их научная и практическая значимость.

Таблицы должны быть составлены в соответствии с принятым стандартом, без включения в них легко вычисляемых величин. Все результаты измерений должны быть обработаны и оценены с применением методов вариационной статистики. Таблицы нумеруются по мере упоминания в статье, каждой дается тематический заголовок

(на русском и английском языках), и размещаются на отдельной странице. Таблицы призваны иллюстрировать текстовый материал, поэтому описывать их содержание в тексте не следует. Ширина таблицы должна быть либо 90 мм (на одну колонку), либо 185 мм (на две колонки). Текст в таблице набирается шрифтом Times New Roman, кегль 9 – 10, через два интервала. Сокращение слов в шапке таблиц не допускается. Пустые графы в таблицах не допускаются. Они должны быть заменены условными знаками, которые объясняются в примечании. Единицы измерения даются через запятую, а не в скобках: масса, г. Если таблица в статье одна, то ее порядковый номер не ставится, и слово «Таблица» не пишется.

Рисунки представляются пригодными для непосредственного воспроизведения, пояснения к ним выносятся в подрисовочные подписи (за исключением кратких цифровых или буквенных обозначений), отдельные фрагменты обозначаются арабскими цифрами или буквами русского алфавита, которые расшифровываются в подрисовочных подписях. Они прилагаются отдельно. Каждый рисунок должен сопровождаться подписью на русском и английском языках. Ширина рисунков должна быть либо 90 мм, либо 185 мм, высота – не более 240 мм. Шрифт буквенных и цифровых обозначений на рисунках – Times New Roman, кегль – 9 – 10. На рисунках следует использовать разные типы штриховок с размером шага, допускающим уменьшение, а не оттеночные заливки серого и черного цветов. Каждый рисунок должен быть выполнен на отдельной странице. На обратной стороне рисунка простым карандашом или ручкой указывается фамилия первого автора статьи и номер рисунка.

Карты должны быть выполнены на географической основе ГУГК (контурные или бланковые). Транскрипции географических названий должны быть сверены с последней редакцией Государственного каталога географических наименований Росреестра.

Математические символы, которые набираются прямым, а не курсивным шрифтом, типа \log , \lim , \max , \min , \sin , tg , R_i , I_m , числа Релея (Re), Россби (Ro), Кибеля (Ki) и другие, а также химические символы, отмечаются снизу квадратной скобкой. Необходимо также дать расшифровку всех используемых в статье параметров, включая подстрочные и надстрочные индексы, а также всех аббревиатур (условные сокращения слов). Следует соблюдать единообразие терминов. Нумерация формул (только тех, на которые есть ссылка в тексте) дается в круглых скобках с правой стороны арабскими цифрами.

В тексте цитируемую литературу необходимо приводить только цифрами в квадратных скобках. Список литературы должен быть представлен на отдельной странице и составлен в порядке упоминания источников в тексте в соответствии с примером (см. ниже). Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

После списка литературы размещается References – Пристатейный список литературы в транслите (на латинице), далее в квадратных скобках – перевод названия статьи и журнала на английский язык. References повторяет в полном объеме, с той же нумерацией список литературы на русском языке, не зависимо от того, имеются ли в нем иностранные источники. Если в списке есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются как в списке литературы, так и в References.

Список литературы и References оформляются в соответствии с требованием национального стандарта ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (введен в действие 1 июля 2019 г.). Например:

Литература

1. Иванов, И.И. Название статьи / И.И. Иванов // Название журнала. – 2005. – Т. 41. – № 4. – С. 18 – 26.
2. Петров, П.П. Название книги / П.П. Петров. – Москва: Наука, 2007. – Общее число страниц в книге (например, 180 с.) или конкретная страница (например, С. 75).
3. Казаков, К.К. Название диссертации: дис. ... канд. биол. наук: специальность ... / Казаков Константин Константинович; Место защиты. – Москва: Издательство при наличии. – 2002. – 164 с.

References

1. Ivanov, I.I. Nazvanie stat'i [Article title] / I.I. Ivanov // Nazvanie zhurnala [Journal title]. – 2005. – Vol. 41. – № 4. – P. 18 – 26.
2. Petrov, P.P. Nazvanie knigi [Book title] / P.P. Petrov. – Moscow: Nauka, 2007. Общее число страниц в книге (например, 180 p.) или конкретная страница (например, P. 75).
3. Kazakov, K.K. Nazvanie dissertatsii [Dissertation title]: dis. ... kand. biol. nauk: special'nost' ... / Kazakov Konstantin Konstantinovich; Mesto zashity. – Moscow: Izdatel'stvo pri nalichii. – 2002. – 164 p.

При оформлении **электронных ресурсов** в конце добавляется точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему.

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.09.2019)
2. Роспатент и Минобрнауки России сокращают сроки рассмотрения патентных заявок для участников государственных программ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). URL: <https://rupto.ru/ru/newsrospatminobrnauki>. (дата обращения: 13.11.2018).

Также необходимо предоставить информацию об авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место работы (полное название организации, точный адрес), Scopus ID, e-mail, ссылка на orcid, дата рецензирования.

Требования к электронной версии статьи

При подготовке материалов для журнала с использованием компьютера рекомендуются следующие программы и форматы файлов.

Текстовые редакторы: Microsoft Word for Windows. Текст статьи набирается с соблюдением следующих правил:

- набирать текст без принудительных переносов;
- разрядки слов не допускаются;
- уравнения, схемы, таблицы, рисунки и ссылки на литературу нумеруются **в порядке их упоминания в тексте**; нумеровать следует лишь те формулы и уравнения, на которые даются ссылки в тексте;
- в числовых значениях **десятичные разряды отделяются запятой**;
- вставка символов **Symbol**.

Графические материалы: растровые рисунки должны сохраняться только в формате TIFF с разрешением 300 dpi (точек на дюйм) для фотографий и не менее 600 dpi для остальных рисунков (черно-белый). Использование других форматов нежелательно.

Векторные рисунки (не диаграммы) должны предоставляться в формате программы, в которой они созданы: CorelDraw, Adobe Illustrator. Если использованная программа не является распространенной, необходимо сохранить файлы рисунков в формате Enhanced Windows Metafile (EMF) или Windows Metafile (WMF).

Диаграммы: рекомендуется использовать Microsoft Excel, Origin для Windows (до версии 6.0).

Не рекомендуется пользоваться при работе программой Microsoft Graph и программами Paint из Windows 95, Microsoft Draw.

Все статьи проходят рецензирование и в случае необходимости возвращаются авторам на доработку. Возможно повторное и параллельное рецензирование. Редакционная коллегия оставляет за собой право редактирования статьи. Статьи публикуются в порядке очередности, но при этом учитывается их тематика и актуальность. Редакционная коллегия сохраняет первоначальную дату поступления статьи, а следовательно, и очередность публикации, при условии возвращения ее в редакционную коллегия не позднее, чем через 1 месяц. Корректуру принятой в печать статьи редакционная коллегия иногородним авторам рассылает по e-mail. Автор в течение 5 – 7 дней должен вернуть ее в редакционную коллегия или передать правку по указанному телефону или электронному адресу (e-mail) редакционной коллегии. В случае отклонения материала рукописи, приложения и диски не возвращаются.

Рукописи статей **только простым письмом** направлять по адресу:

Ответственному секретарю редакционной коллегии

журнала «Известия Коми НЦ УрО РАН»

Андрею Яковлевичу Полле

167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24,

Президиум Коми НЦ УрО РАН, каб. 209

Тел.: +7 (8212) 24-17-46

E-mail: journal@frc.komisc.ru

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ

Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук
Серия «История и филология»

№ 1 (53)

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И.Л. Жеребцов
Зам. ответственного редактора серии – к.и.н. И.О. Васкул,
Зам. ответственного редактора серии – д.филол.н. Е.А. Цыпанов
Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д.В. Милохин
Редактор О.А. Гросу
Компьютерное макетирование Е.Н. Старцева
Корректурa английского перевода Т.А. Искакова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.
Подписано в печать 01.04.2022.
Усл.-печ.л. 21,4. Уч.-изд.л. 24,0. Тираж 300. Заказ № 11.
Формат бумаги 60x84/8.
Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском отделе ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН».
167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24.